

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ЛИНГВИСТИКА**

2018 Том 22 № 1

ДИСКУРС ЭМОЦИЙ

Соредактор выпуска
ЛАУРА АЛЬБА-ХУЭС

**Научный журнал
Издается с 1997 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61212 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUSSIAN JOURNAL
OF LINGUISTICS**

2018 Volume 22 No. 1

THE DISCOURSE OF EMOTIONS

Coeditor
LAURA ALBA-JUEZ

**Founded in 1997
by the Peoples' Friendship University of Russia**

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Web of Science Core Collection (ESCI), DOAJ, Ulrich (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать: 36436.

Цели и тематика

Журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика — периодическое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных лингвистических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала:

- ◆ способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными лингвистами, а также специалистами смежных областей;
- ◆ знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области лингвистических исследований, разрабатываемых как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- ◆ публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных лингвистических проблем междисциплинарного характера, касающихся языка, культуры, сознания и коммуникации;
- ◆ освещать научную деятельность как российского, так и международного научного сообщества.

Будучи международным по своей направленности, журнал нацелен на обсуждение теоретических и практических вопросов, касающихся взаимодействия культуры, языка и коммуникации. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования. Основные рубрики журнала: *язык и культура, сопоставительное языкознание, социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, прагматика, анализ дискурса, межкультурная коммуникация, теория и практика перевода*. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 10.00.00 — филологические науки; Специальности научных работников: 10.02.01 — русский язык, 10.02.04 — германские языки, 10.02.05 — романские языки, 10.02.19 — теория языка, 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

Электронный адрес: lingj@rudn.university; vestnik_linguistics@mail.ru.

4 issues per year

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in Web of Science Core Collection (ESCI), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Aims and Scope

The Russian Journal of Linguistics is a peer-reviewed international academic journal publishing research in Linguistics and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal:

- ◆ to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists and specialists in related areas of investigation;
- ◆ to disseminate theoretically grounded research and advance knowledge pertaining to the field of Linguistics developed both in Russia and abroad;
- ◆ to publish results of original research on a broad range of interdisciplinary issues relating to language, culture, cognition and communication;
- ◆ to cover scholarly activities of the Russian and international academia.

As a Russian journal with international character, it aims at discussing relevant intercultural/linguistic themes and exploring general implications of intercultural issues in human interaction in an interdisciplinary perspective. The most common topics include *language and culture, comparative linguistics, sociolinguistics, psycholinguistics, cognitive linguistics, pragmatics, discourse analysis, intercultural communication, and theory and practice of translation*. In addition to research articles, the journal welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The Journal is published in accordance with the policies of *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>.

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, open access and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

E-mail: lingj@rudn.university; vestnik_linguistics@mail.ru.

Подписано в печать 07.02.2018. Выход в свет 15.02.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 26,04. Тираж 500 экз. Заказ № 25. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

+7 (495) 952-04-41; E-mail: ipk@rudn.university

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Т.В. Ларина, РУДН, Россия. E-mail: larina_tv@rudn.university

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Иштван Кечкеш, Университет Штата Нью-Йорк, Олбани, США. E-mail: ikecskes@albany.edu

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А.С. Борисова, РУДН, Россия. E-mail: borisova_as@rudn.university

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Альба-Хуэс Лаура, Национальный университет дистанционного образования UNED (Мадрид, Испания)

Биби Стивен А., Университет штата Техас (Сан Маркос, США)

Богданова Людмила Ивановна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Гусман Тирадо Рафаэль, Гранадаский университет (Гранада, Испания)

Деваеле Жан-Марк, Лондонский университет (Лондон, Великобритания)

Дементьев Вадим Викторович, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия)

Еленевская Мария, Технион — Израильский политехнический институт (Хайфа, Израиль)

Еслами Зохранэ, Техасский университет А&М в Катаре (Доха, Катар / Техас, США)

Жельвис Владимир Ильич, Ярославский государственный педагогический университет (Ярославль, Россия)

Зализняк Анна Андреевна, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Иванова Светлана Викторовна, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия)

Ирисханова Ольга Камалудиновна, Московский государственный лингвистический университет, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Карасик Владимир Ильич, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Карбо Донал, Массачусетский университет (Амхерст, США)

Лассан Элеонора, Вильнюсский университет (Вильнюс, Литва)

Леонтович Ольга Аркадьевна, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Миллс Сара, Университет Шеффилд Холлэм (Шеффилд, Великобритания)

Ойши Етсуко, Токийский исследовательский университет (Токио, Япония)

Павленко Анета, Университет Осло (Осло, Норвегия)

Понтон Дуглас Марк, Университет Катании (Катания, Италия)

Путц Мартин, Университет Кобленц-Ландау (Ландау, Германия)

Сифьяну Мария, Афинский национальный университет им. Каподистрии (Афины, Греция)

Сунь Юйхуа, Даляньский университет иностранных языков (Далянь, КНР)

Сурьянараян Нилакши, доктор, профессор, Делийский университет (Дели, Индия)

Шнайдер Клаус, Боннский университет (Бонн, Германия)

Эбзеева Юлия Николаевна, РУДН (Москва, Россия)

Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: lingj@rudn.university; vestnik_linguistics@mail.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Tatiana Larina, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: larina_tv@rudn.university

HONORARY EDITOR

Istvan Kecskes, State University of New York at Albany, USA. E-mail: ikecskes@albany.edu

EXECUTIVE SECRETARY

Anna Borisova, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: borisova_as@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Laura Alba-Juez, National Distance Education University (Madrid, Spain)

Steven A. Beebe, Texas State University (San Marcos, USA)

Liudmila Bogdanova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Donal Carbaugh, University of Massachusetts (Amherst, USA)

Vadim Dementyev, Saratov State University (Saratov, Russia)

Jean-Marc Dewaele, Birkbeck, University of London (London, UK)

Julia Ebzeeva, RUDN University (Moscow, Russia)

Zohreh Eslami, Texas A&M University at Qatar (Doha, Qatar / Texas, USA)

Rafael Guzman Tirado, University of Granada (Granada, Spain)

Olga Iriskhanova, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

Svetlana Ivanova, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russia)

Vladimir Karasik, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

Eleonora Lissan, Vilnius University (Vilnius, Lithuania)

Olga Leontovich, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

Sara Mills, Sheffield Hallam University (Sheffield, UK)

Etsuko Oishi, Tokyo University of Science (Tokyo, Japan)

Aneta Pavlenko, University of Oslo (Oslo, Norway)

Douglas Mark Ponton, University of Catania (Catania, Italy)

Martin Pütz, University of Koblenz-Landau (Landau, Germany)

Klaus Schneider, University of Bonn (Bonn, Germany)

Maria Sifianou, National and Kapodistrian University of Athens (Athens, Greece)

Sun Yuhua, Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China)

Neelakshi Suryanarayan, Delhi University (New Delhi, India)

Maria Yelenevskaya, Technion — Israel Institute of Technology (Haifa, Israel)

Anna Zalizniak, the Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Review Editor *Konstantin V. Zenkin*
Computer Design *Ekaterina P. Dovgolevskaya*

Editorial office:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia
Tel.: +7 (495) 434-20-12;
e-mail: lingj@rudn.university; vestnik_linguistics@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Лаура Альба-Хуэс (Мадрид, Испания), Ларина Т.В. (Москва, Россия) Language and Emotion: Discourse-Pragmatic Perspectives (Язык и эмоции: дискурсивно-прагматический подход)	9
Анна Wierzbicka (Канберра, Австралия) Emotions of Jesus (Эмоции Иисуса Христа)	38
Шаховский В.И. (Волгоград, Россия) Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности	54
J. Lachlan Mackenzie (Амстердам, Нидерланды) Sentiment and Confidence in Financial English: A Corpus Study («Настроение» и «доверие» в финансовом английском: изучение корпуса английского языка)	80
Francisco Yus (Аликанте, Испания) Attaching Feelings and Emotions to Propositions. Some Insights on Irony and Internet Communication (Выражение чувств и эмоций в пропозиции: взгляд на иронию и интернет-коммуникацию)	94
Анна А. Gornostaeva (Москва, Россия) Ironic Metaphors in Political Discourse (Иронические метафоры в политическом дискурсе)	108
Carmen Sancho Guinda (Мадрид, Испания) The Emotional Prosody of U.S. Fatal Air-Accident Dockets Online: Risking Risk Communication? (Эмоциональная просодия в он-лайн инструкциях в ситуации авиакатастроф: коммуникация в обстановке риска)	126
Carmen Maíz Arévalo (Мадрид, Испания) Emotional Self-presentation on WhatsApp: Analysis of the Profile Status (Эмоциональная самопрезентация в WhatsApp: анализ статуса профиля)	144
Silvia Kaul de Marlangeon (Рио Куарто, Аргентина) Fustigation Impoliteness, Emotions and Extimacy in Argentine Media Celebrities (Нарочитая невежливость, эмоции и экстимность в речи медийных знаменитостей Аргентины)	161
Волкова Я.А. (Москва, Россия), Панченко Н.Н. (Волгоград, Россия) Дискурсивная вариативность концептов деструктивных эмоций	175

ХРОНИКА

Рецензии

Ad Foolen (Неймеген, Нидерланды) Рецензия на книгу Laura Alba-Juez and J. Lachlan Mackenzie, 2016. <i>Pragmatics: Cognition, Context & Culture</i> . Madrid: McGraw Hill, 307 p.	195
Чулкина Н.Л. (Москва, Россия) Рецензия на коллективную монографию И.А. Бубновой, И.В. Зыковой, В.В. Красных, Н.В. Уфимцевой «(Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем» / под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017. — 390 с.	200

Конференции

- Joachim Grzega (Айхштетт-Ингольштадт, Германия)** Конференция «Европейская филология и общественные проблемы», Донауверт, Германия, 29 сентября — 1 октября 2017 г. 210
- Иванова С.В. (Санкт-Петербург, Россия), Борисова А.С. (Москва, Россия)** Лингвистика сегодня: от интердисциплинарности к трансдисциплинарности (III Фирсовские чтения. Москва, Россия, 14—15 ноября 2017 г.) 215

CONTENTS

Laura Alba-Juez (Madrid, Spain), Tatiana Larina (Moscow, Russia) Language and Emotion: Discourse-Pragmatic Perspectives	9
Anna Wierzbicka (Canberra, Australia) Emotions of Jesus	38
Victor I. Shakhovsky (Volgograd, Russia) The Cognitive Matrix of Emotional-Communicative Personality	54
J. Lachlan Mackenzie (Amsterdam, The Netherlands) Sentiment and Confidence in Financial English: A Corpus Study	80
Francisco Yus (Alicante, Spain) Attaching Feelings and Emotions to Propositions. Some Insights on Irony and Internet Communication	94
Anna A. Gornostaeva (Moscow, Russia) Ironic Metaphors in Political Discourse	108
Carmen Sancho Guinda (Madrid, Spain) The Emotional Prosody of U.S. Fatal Air-Accident Dockets Online: Risking Risk Communication?	126
Carmen Maíz Arévalo (Madrid, Spain) Emotional Self-presentation on WhatsApp: Analysis of the Profile Status	144
Silvia Kaul de Marlangeon (Río Cuarto, Argentina) Fustigation Impoliteness, Emotions and Extimacy in Argentine Media Celebrities	161
Yana A. Volkova (Moscow, Russia), Nadezhda N. Panchenko (Volgograd, Russia) Discourse Variation of the Concepts of Destructive Emotions	175

CHRONICLE

Book reviews

Ad Foolen (Nijmegen, The Netherlands) Review of Laura Alba-Juez and J. Lachlan Mackenzie, 2016. <i>Pragmatics: Cognition, Context & Culture</i> . Madrid: McGraw Hill, 307pp.	195
Nina L. Chulkina (Moscow, Russia) Review of I.A. Bubnova, V.I. Zykova, V.V. Krasnykh, N.V. Ufimtseva (2017). (Neo)psycholinguistics and (psycho)linguoculturology: new sciences about Homo loquens, Moscow: Gnosis, 390 p. (In Russ.)	200

Conferences

- Joachim Grzega (Eichstätt-Ingolstadt, Germany)** Conference on Eurolinguistics “European Philology and Societal Issues” at VHS Donauwörth, Germany, 29 September — 1 October 2017 210
- Svetlana V. Ivanova (Saint Petersburg, Russia), Anna S. Borissova (Moscow, Russia)** Linguistics today: from interdisciplinarity to transdisciplinarity (The 3^d Annual Firsova Readings. Moscow, Russia, 14—15 November 2017) 215

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37

LANGUAGE AND EMOTION: DISCOURSE-PRAGMATIC PERSPECTIVES

Laura Alba-Juez¹ & Tatiana Larina²

¹National Distance Education University — UNED
Paseo Senda del Rey, 7. 28040 Madrid, Spain

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

ЯЗЫК И ЭМОЦИИ: ДИСКУРСИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Лаура Альба-Хуэс¹, Т.В. Ларина²

¹Национальный университет дистанционного образования (UNED)
Paseo Senda del Rey, 7. 28040 Madrid, Spain

²Российский университет дружбы народов
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

INTRODUCTION

This special issue of our journal is devoted to a topic that is increasingly attracting the attention of linguists in the 21st century, namely the expression of emotion in discourse. We are addressing this subject for the second time: The first issue came out exactly three years ago (2015-1) and it was devoted to Russian studies on emotion. This time we have invited leading scholars in the field from all over the world. The main goal of this issue is then to make the reader familiar with the main avenues of research on language and emotion that have been developed by these specialists and other scientists from different corners of the planet, as well as to build academic bridges for further collaboration.

1. AN IMPORTANT CHANGE OF PARADIGM IN LINGUISTICS. THE RISE OF EMOTION IN PRAGMATIC AND DISCOURSE STUDIES

Some people might wonder if emotion has anything at all to do with language, or think that emotion cannot be a topic for serious scientific research. In fact, this has been a common belief for many years, even among linguists and other scholars. But fortunately, this was yesterday's news. Today's news is that emotion matters in every scientific field and in particular, in linguistics, because it is a key factor not only in understanding human nature, but also in the comprehension of human language and communication.

Indeed, when people feel emotions they may not only show their internal states physically (e.g. by blushing or changing their facial expression), but also perform speech acts which are interpersonal in nature and have particular consequences. And by so doing speakers manifest, and at the same time affect, certain aspects of the cognitive, social and discourse systems they belong to. Indeed, emotion affects language and at the same time is affected by language: the way we feel may influence the way we talk and express those feelings, and at the same time, the way we name or talk about emotions can affect the way we feel such emotions.

Perhaps nothing is more human than the verbal expression of emotion, for even though other animal species may express certain basic emotions in non-verbal ways, they certainly cannot talk about them (Alba-Juez & Mackenzie, 2016: 242). Sharing emotions is a crucial social activity which forms part of everyday conversation and interaction and helps us maintain both our mental and physical health. To express and understand these emotions appropriately is therefore important to interpersonal relationships and individual well-being (Fussell, 2002). Furthermore, it can be said that human emotion lies at the root of verbal communication. As Russian emotiologists suggest, in the beginning was not the *Word*, but the *Emotion*, because the basis of primary and secondary nominations from the very beginning were the emotions of a person, not yet Homo Loquens, but already Homo Sentiens (Shakhovsky 2008: 10). If we do not have the motivation to talk about something, our speech will most surely be very restricted (Foolen, 2015). As Stern (1965[1931]: 54) put it, “If a thing were quite indifferent to me I would not say it”. Also, if a speaker feels that her interlocutor is not interested in what she is saying, it will be hard to continue speaking. Thus, emotion in communication works in both directions: not only the speaker has to have the motivation to speak, but the interlocutor should be willing (and therefore positively predisposed, showing a positive attitude) to listen; otherwise, communication will not take place.

In the 20th century, linguistics was mainly concerned with the referential function of language and the linguistic code per se. Language was seen as an abstract and logical instrument for dealing with factual information. The also true fact that language is strongly affected by and loaded with emotion was almost completely disregarded. But towards the end of the 20th and beginning of the 21st centuries, the world of scientific and humanistic research started to reflect upon the fact that language/discourse is much more than a code or some grammatical, morphological or phonological rules: the pragmatic, cognitive and emotive dimensions of human communication transcend the linguistic code, and this had to be reflected upon and shown in the research. Thus the world of linguistics geared towards what has now been called “the emotional turn” (Le Doux, 2000). Linguists started to study the phenomenon from a more objective, scientific point of view and thus came to the conclusion that indeed, as Ochs and Shieffeling had already pointed out back in 1989, “language has a heart”. As several authors have now observed, emotion is undoubtedly a very important part of every kind of communication, and can be found at all the levels of linguistic description (Alba-Juez & Mackenzie 2016, Borod et al. 2000, Foolen 2016, Majid 2012, Shakhovsky 2008, 2010, 2015a) and in every discourse system (in the sense given to the term by Scollon,

Scollon & Jones 2012). Moreover, as many authors have stated (e.g. Myagkova 2000, Shakhovskiy 2008), any word is discursive and can be emotionally charged.

Thus, it can be said that we are currently experiencing the emergence of a new interdisciplinary field, namely *emotion linguistics*, or *emotiology* (an already well-established term in Russian), which is based on different theories of emotions coming from various disciplines, such as philosophy, biology, cognitive science, psychology, social studies, neurology, information science, or existentialism (Shakhovskiy 2008: 21). The linguistics of emotion, therefore, has an interdisciplinary nature, because it encompasses and goes through a number of paradigms of modern linguistics and science in general — communicative, cognitive, pragmatic, discursive, culturological. This multifarious nature of current research on emotion is the result of the logical and unavoidable development of psychologically oriented linguistics, which has found out that emotion affects all mental, verbal and non-verbal activity, and that it permeates all levels of human language. According to Shakhovskiy (2008: 383), this is not a thesis or a hypothesis, but an axiom.

As Lüdtke (2015: ix) observes, the emotional turn in linguistics is the way “for finally conceptualizing the wholeness of language”, for advancing from “individual rational logos” into “intersubjective emotional dialogue”. However, this does not mean that the old rational paradigm has to be discarded; on the contrary, we strongly believe that the old and the new paradigms should ‘unite forces’ in order to acquire a better understanding of what human language is and how it operates. Thus, the rationalistic paradigm is now being *supplemented* by the emotion-integrating paradigm, and this involves, among other things, the consideration of linguistic heterogeneity, a certain openness to analyze and understand the transgression of linguistic norms, a spatialization of linguistic phenomena, or the consideration that, even if language shows arbitrariness in some respects, it also displays motivation in some others. Things are no longer black or white in linguistics, let alone in the subfield of discourse studies, and this is precisely what is exciting about it: language is a very complex, pragmatic dynamical system (van Gelden, 1998) and the sub-system of emotion within language is complex and dynamic as well. Thus, under this new light, we see the expression of emotion as a pragma-linguistic phenomenon which shows the relationship *brain-body-world* within a dynamical system (Gibbs 2010), which reflects the sequential cyclic structure *sense-think-act* in Dynamical System Theory¹ (Alba-Juez & Alba-Juez 2012).

And precisely because of its complexity, the concept of emotion is difficult to define, which makes the researcher inevitably ask many questions, such as *What exactly is an emotion? Can emotions be measured through observation of brain, body and language? Should emotion be differentiated from cognition? How many emotions can we feel and/or express?* There seems to be no consensus among psychologists, sociologists anthropologists, linguists or neurologists when it comes to answering these

¹ Dynamical System Theory was initially a mathematical theory which was thought out to explain physical phenomena such as the movement of celestial bodies, but which is nowadays also being used to explain cognitive and pragmatic phenomena (See van Gelden 1998).

and other questions, and cannot give any ‘right’ answers here. Better, these questions make us reflect upon the fact that, because of its variety and complexity, the study of emotion has to be a multi- and interdisciplinary endeavor (linking cognitive, cultural, linguistic and physiological phenomena, among others). Linguists in general have realized that they cannot comprehend such a complex phenomenon as the expression of emotion in its whole magnitude without of such a complex phenomenon as the expression of emotion without the help of other fields of knowledge. Cognitive linguists, for instance, have drawn extensively on the findings of psychology when trying to understand emotion in language, for they bear the assumption that language and cognition interact. Another discipline from which linguists have drawn for the study of emotion is that of physiology: The cognitive linguistic perspective does not reject the idea that emotions have a physiological substrate, but argues against the dangers of universal claims about language-specific categories (based on psychological theories of basic emotions such as Ekman’s [2007 (2003)]). Our view in this respect is that emotion in language has both universal and language/culture-specific characteristics, and is in line with the findings of research on both sides. For instance, the results of a study on prosodic universals in discourse particles (Pistor 2016) show that prosody has the universal functions of “primarily discourse-pragmatically organizing communication, and secondarily emotionally communicating the attitude of the speaker” (2016: 872). On the other hand, and to give an example of the opposite view, there are numerous studies on the lexicon of emotion that show the culture specificity of the categories used to describe different human emotions (see, for instance, Russel 1991, Wierzbicka 1999, 2001, Harkins and Wierzbicka 2010). For example, the term *disgust* in English has no exact equivalent in Polish, and concepts such as Japanese *Amae* (甘え, the feeling you get from surrendering to another in perfect safety) or German *Schadenfreude* (the pleasure derived from another’s displeasure) have no equivalent terms in other languages (Russel 1991). The English words *sad* and *sadness* do not have exact equivalents in Russian, which has three words to express different varieties of sadness which differ in duration and intensity — *grust’*, *pechal’* and *toska* (Wierzbicka 2001). The semantics of the English adjective *happy* is much broader in comparison with the Russian word *schastliviy*, which provokes serious misunderstandings in intercultural communication (Larina 2015). A lot of emotional experiences, such as joy, sadness or anger are often conceptualized in Russian as inner actions in which one engages, rather than as states which one passively undergoes and so they are often expressed by verbs rather than adjectives (Wierzbicka 1999: 18). As a result, the Russian language, in contrast with English, possesses a higher number of emotional verbs. Studies on cultural semantics have pointed to the semantic differences between emotion words given in the bilingual dictionaries as translation equivalents (see for instance, Gladkova 2010). Not even the word *emotion* has a complete equivalent in German, French, Italian or Russian (Wierzbicka 1999: 19). That is one of the reasons why we need further research on this topic, for until very recently, lexicography studies leading to the compilation of dictionaries had not taken the valence or the emotive content of words into account for the characterization and definition of dictionary entries.

Thus, every human being, regardless of their language or nationality, experiences emotions, but the manifestation of emotions, their expressiveness, function, pragmatic

meaning, or vector of orientation have their own cultural/group peculiarities that are reflected in language and discourse and shape *communicative ethnostyles* (Larina 2009, 2015). Each human group (in their different discourse systems) has its own culturally conditioned rules for the manifestation of emotions, both verbal and nonverbal. Some groups of people tend to welcome the free expression of emotions; others, in different discourse systems, appreciate self-restraint and self-control. To understand the pragmatics of emotions in intercultural/inter-discourse system communication, it is useful to distinguish between *emotional communication* — the instinctive, spontaneous, unplanned, physical externalization of internal affective states, and *emotive communication* — the conscious use of affective display for communicative purposes (Janney & Arndt 1992). By way of example, it appears to be the case (Larina 2009: 122) that emotive communication is more typical of British English communicative style, where it is broadly used as a marker of positive politeness, while in contrast, there seems to be a tendency for the Russians to engage in emotional communication, since they value sincerity and very often show a preference for direct strategies of communication.

Schwarz-Friesel (2015: 162) describes emotion as a mental state or process with three main parameters, namely 1) value (positive or negative: E.g. *His love made her happy (+)*), 2) Duration (E.g. *His rage lasted for ever*) and 3) intensity, which may be weak, medium or strong, and represented in language by different markers (E.g.: *She felt awkward/very awkward/ exceedingly awkward/ as if she was an extra-terrestrial being*). From this perspective, Schwarz-Friesel (2015: 161) defines emotion as “a complex internally represented knowledge system having a primarily evaluative function within the human organism”. In general, the different attempts to define emotion, be them from the field of psychology or linguistics, always have a thing in common, and that is the consideration of the evaluative component of the phenomenon. Within Appraisal Theory (Martin & White, 2005) for instance, a systemic functional approach to linguistic evaluation, Affect (including the expression of emotion) is an important subcomponent of the subsystem of Attitude.

An interesting observation, also coming from Systemic Functional Linguistics, is the distinction that Monika Bednarek (2008) makes between *emotion talk* and *emotional talk*. The former alludes to the *representation* of emotion in talk, so we use it when we say things such as “He feels sad” or “She hates John” by means of which we are talking *about* certain feelings or emotions. For this reason, emotion talk is connected to the experiential function of language (Halliday, 1985). On the other hand, *emotional talk* is connected to the interpersonal function, for it alludes to the *enactment* of emotion, i.e. the direct expression of emotion, which is encoded, for instance, in interjections (e.g. *Ouch! Yummy!*), or certain prosodic features used to express strong emotion (e.g. the falling intonation on the adverb *out*, or a generalized high pitch in utterances such as *Get the hell out of here!!*).

Also from a functional perspective, but at the same time incorporating findings from psychological appraisal theories and from linguistic pragmatics, Alba-Juez (forthcoming) proposes to analyze the different dimensions of emotion by using an equation which presents a modified version of the functional relationship applied in previous work for the analysis of evaluation (Alba-Juez 2016, 2017). In particular, this author proposes

to tackle the analysis of emotion processes in language by incorporating pragmatic knowledge about phenomena such as emotional implicatures (*e-implicatures*, Schwarz-Friesel, 2010), as well as methodological treatment and classification of emotions from the *component* approach (Ortony & Turner 1990), which is partially connected with the psychological concept of emotion *systems* (Panksepp 1982).

All of the above constitutes good proof of the fact that emotion is a topic that is worth studying in linguistics, and in particular within the subfields of discourse analysis and pragmatics, for emotive meanings are interpersonal meanings which cannot be isolated from their different possible contexts (linguistic, cultural, social, emotional, etc.), and therefore, when analyzing emotive language, it is not sufficient to look into the words used; it is also utterly necessary to examine the situation and environment in which these words were uttered, as well as how all these variables (linguistic, paralinguistic and extralinguistic) interact. Thus, many discourse-pragmatic studies show the importance of the role of emotion in phenomena such as metaphors, implicatures, irony or humor, within different text/discourse types such as electronic discourse, narrative, journalistic discourse, or political discourse, just to name a few. Below is a list of relatively recent such studies and work:

- Günthner (2011) examines the way in which participants in everyday German narratives construct emotions as social phenomena by using so called “dense constructions”;
- Potts and other authors argue that *expressives* are indispensable to language, and include the analysis of several phenomena, such as the use of expletives, honorifics, diminutive suffixes, interjections, affective demonstratives and pragmatically negative negation (Constant, Davis, Potts & Schwarz 2009, Davis & Potts, 2009, Potts 2007a, 2007b, 2010; Potts & Schwarz 2010);
- Blakemore (2010) studies emotive interjections in fiction as a way for authors to capture features of the different characters that may otherwise prove difficult to express;
- grammatical means which possess significant emotive potential and can express emotions in discourse, i.e. emotion at the syntactic level, is another topic of interest for some researchers (e.g. Fedorova 2005, Ozyumenko 2015, Parsieva, Gatsalova 2012);
- swearing and taboo words (which are also associated to different emotions, and play a very important part in their expression) is another area of discourse-pragmatic studies which is currently calling the attention of many scholars. See for instance Dewaele (2016), Jay (2009), Larina et al. (2012), Mackenzie (forthcoming), Sternin (2015, or Zhelvis (2002);
- many scholars explore negative emotions and their functions as part of a study of impoliteness, rudeness, aggression and intolerance in different contexts and discourses (e.g. in interpersonal communication, media and political discourse). See for instance Gornostaeva (2014), Kharlova (2015), Ozyumenko (2017), Sedov (2003, 2017), Scherbinina (2017), Vorontsova (2012). Other scholars focus on positive emotions, their pragmatic meaning and effect, which in some

- contexts may be negative (e.g. Ionova 2015, Larina et al. 2011, Leontovich 2015, 2017);
- meaning and functions of emotions in intercultural communication and the importance of emotional awareness are broadly discussed in the literature on intercultural pragmatics and communication (e.g. Pavlenko 2002; Besemeres & Wierzbicka 2007; Larina 2009, 2013, 2017; Leontovich, Yakusheva 2004);
 - silence is another of the topics that have been treated in the literature on pragmatics as a feature of discourse conveying emotion. See, for instance, Marx's (2015) analysis of strategic silence in e-mail messages, or Kaul de Marlangeon's (2008) characterization of 'overwhelming silence' as an impoliteness strategy; or Vorontsova, Kopylova's (2017) silence as a marker of aggressive verbal behavior;
 - Ortner (2015) studies emotivity in the age of information and communication technologies, and argues that the construction and sharing of emotions is one of the main functions of computer-mediated communication;
 - researchers from the *Swiss Center for Affective Sciences* have devoted much of their work to the study of the use of emotive terms and emotive conceptual metaphors (e.g. Gillioz et al. 2016, Ogarkova et al 2016, Soriano et al. 2015; Soriano 2013, 2015, 2016); This topic has been widely studied by Russian linguists as well (e.g. Apresyan 2004, Anferova 2017);
 - The EMO-FunDETT research group in Madrid (Spain) is also producing a variety of discourse-pragmatic studies on the topic of language and emotion (See, for instance, Mackenzie's, Maíz-Arévalo's, Sancho-Guinda's or Yus' work in this volume, Carranza-Márquez's (2012 and forthcoming) studies on emotive language in parliamentary discourse, Carretero, Maíz Arévalo & Martínez's (2014) analysis of speech acts in online communication, Maíz Arévalo's (2014a and b, 2015) studies on emoticons and (dis)agreement on social network sites, Yus's (2005, 2014) work on emoticons and emotions on the internet study, or Santamaría's (2016) study on emotion in classroom discourse)². This group is at present preparing a volume entitled *Emotion in Discourse* (Mackenzie & Alba-Juez (eds.), forthcoming), where emotion is mainly treated from a discourse-pragmatic and cross-disciplinary perspective;
 - The school of Emotiology, headed by Professor Shakhovskiy, is actively developing a new field of research related to emotive ecology (Shakhovskiy 2016). It is based on the proposition that verbal actions, like other types of human activity, have social importance and are closely related to the social health of the nation as well as health of every individual. They study methods of emotional balancing, avoiding and mitigation of conflict, mitigation of speech aggression, forming abilities for emotional tolerance, etc. In other words, emotive *linguoecology* is a socially useful theory aimed at orienting

² The numerous other publications of this international group can be seen in the "Publications" section of the project's website: <http://emofundett.weebly.com/publications.html>.

communicators to a positive vector in all kinds of communication (e.g., Volkova 2014, Volkova, Panchenko 2016, Ionova 2015, Ionova (forthcoming), Ionova, Larina 2015, Karasik 2013, Rents 2016, Shakhovskiy 2013, 2015b, 2016, Trufanova 2016 and many others).

The studies mentioned above are just a few of the growing amount of works on emotion from a discourse-pragmatic perspective that reflect the change of paradigm we are experiencing in the 21st century. In the present issue of the *Russian Journal of Linguistics*, we are making our modest contribution to this new way of looking into the phenomenon of emotion in verbal communication by presenting the work of some prominent scholars from different parts of the world. We now turn to them.

2. THE ARTICLES IN THIS ISSUE OF THE *RUSSIAN JOURNAL OF LINGUISTICS*

All the authors presenting their work herein have paid special attention to emotive pragmatic issues, such as the semantics of emotion, irony or (im)politeness within certain types of discourse (e.g. biblical, political, or financial discourse). In the first article, **Anna Wierzbicka** (Canberra, Australia) examines the emotions of Jesus in the Gospels and focuses on *anger* in particular. She argues that in order to fully understand Jesus' teachings about *anger* we need to go beyond single words in any language, and try to articulate these teachings through simple sentences, making use of universal (i.e. universally-contestable) words, for which she therefore proposes the application of the *Natural Semantic Metalanguage* (NSM) (e.g. Wierzbicka 1999; Goddard and Wierzbicka 1994, 2002) to analyze this particular kind of discourse and thus be able to reach meaningful answers. She concludes, after a thorough analysis, that "an important part of the answer to the question of what Jesus was like lies in the distinction between, on the one hand, "feeling something very bad" and, on the other, "feeling something very bad towards someone" — a distinction which Minimal Language allows us to make clearly, precisely, and "cross-translatably".

In the second article, **Victor Shakhovskiy** (Volgograd, Russia) discusses the development of Language Personality Theory and substantiates the introduction of a new term: '*emotional communicative personality*'. The article describes the cognitive matrix of the emotional-communicative personality, and remarks that the new term does not reject the term '*language personality*' but completes it, filling a gap in its structure. The author also describes the methodology used for the study of this type of language personality, and conducts a comparative analysis of modern theories. He argues that the structural emotive component of language personality enables the researcher to explain how language personality can be ecological or non-ecological, and emphasizes that the proposed matrix may improve the ecology of communication, reduce communicative risks, and avoid communicative disturbances and failures in different communication types and genres.

In the next article, **J. Lachlan Mackenzie** (Amsterdam, The Netherlands) explores the use of the words *sentiment* and *confidence* in financial journalistic discourse in order to test the hypothesis that they will differ from each other in line with how they are deployed in ordinary usage. Drawing on functional semantics and Appraisal Theory

(Martin & White, 2005), the study scrutinizes how these words are employed in clauses and noun phrases in the on-line *Hong Kong Financial Services Corpus*. The findings of this corpus analysis reveal that even though the terms *sentiment* and *confidence* are quite distinct and have a different valence in general, ordinary use, in financial discourse they are used as synonyms most of the time. Another important conclusion drawn in this article is that the way in which these terms are used reflects the fact that the journalist writers are very much aware of the role of emotions as a crucial factor in the decision-making process of investors.

Francisco Yus's (Alicante, Spain) article on the way feelings and emotions are attached to propositions in ironic and internet discourse reveals, from the perspective of Relevance Theory (Sperber & Wilson, 1986), that albeit aspects such as feelings and emotions are typically non-propositional, they play a very important part in the eventual quality of the interpretations to which they are attached. Thus the author concludes that non-propositional feelings and emotions are important in human communication, not only when intended as part of the eventual interpretation (the addresser's affective attitude) but also when leaked unintentionally from the act of communication (what he calls 'affective effects').

Anna Gornostaeva (Moscow, Russia) also approaches the phenomenon of verbal irony in her study. She conducts a comparative analysis of the discourse of Russian, British and American politicians in order to identify current trends in the use of ironic metaphors and correlate them with the changes in contemporary political discourse. She develops a discursive approach to the study of ironic metaphors (Shilikhina 2008, Alba-Juez 2014, Attardo 2007, Giora 2003, Hutcheon 2005), and identifies the conceptual spheres that are the most active sources of modern metaphors. She also identifies the functions of ironic metaphors in political discourse, the results of her analysis showing a high frequency of use of ironic metaphors (including aggressive ones) in modern political discourse. Additionally, this author reveals some peculiarities in the usage of ironic metaphors in Russian, English and American political discourses, which are predetermined by culture-specific discursive features.

Carmen Sancho-Guinda (Madrid, Spain) examines emotional prosody in risk communication, and explores how emotion is induced by the National Transportation Safety Board (NTSB) of the United States of America in order to influence the thinking and behavior of the general public and thus increase risk prevention. For that purpose, she uses an electronic corpus of over 500 online samples of fatal aviation dockets issued yearly online by the NTSB between the time span 2010—2015, and takes Stubbs' (2001) concept of 'discursive prosody' as point of departure, using a blended theoretical framework that combines Narratology, Corpus Linguistics, Critical Discourse Analysis, and Proximation (Cap 2013) and Positioning (Harré & van Langenhove 1999) Theories. She shows that the NTSB's emotional prosody is more rhetorical than lexical, and that the narrative strategies of focalization and speech representation play a salient role in exhibiting a distinctive 'emotional tone' for the sake of increasing risk prevention.

Carmen Maíz-Arévalo (Madrid, Spain) analyzes emotional Self-presentation (i.e. the process through which individuals communicate an image of themselves to others) in WhatsApp profiles, using a corpus of 206 WhatsApp statuses in Spanish. The results

of her study show that there is a recurrence of patterns connected to variables such as sex or age, and that these patterns play a crucial role in determining the emotions users choose to display in their profile statuses, with female users outnumbering male users in the use of emotive speech acts (hence helping to strengthen the sociocultural gender stereotype that women are more emotional than men), and younger users (in their 20s and 30s) employing emotives much more frequently than older generations (especially in their 50s and 60s). Another, non-surprising finding of this study is that positive emotions dramatically outnumber negative ones when people present themselves through their WhatsApp statuses, the prevailing emotion being love.

From a pragmatic sociocultural approach, **Silvia Kaul de Marlangeon** (Río Cuarto, Argentina) explores the connection among the *fustigation* type of impoliteness (Kaul de Marlangeon 2005, 2008), emotions and *extimacy* in the discourse of the Argentine media celebrities, within the Rio de la Plata cultural context. The author characterizes the concept of *extimacy* as a volitional form within an aggressive relationship, used for the promotion of the speaker's ego by means of a kind of exhibitionism that shares one's and others' intimacy with the public. She analyzes numerous instances of the manifestation of extimacy in media discourse, and her findings show that fustigation impoliteness (i.e. aggressive, violent impoliteness) imbued with negative emotions appears to be a usual practice among media celebrities, and that both imposed and attributed extimacy constitute a new way of communicating with mass-media audiences which was unthinkable before.

Yana Volkova (Moscow, Russia) and **Nadezhda Panchenko** (Volgograd, Russia) present a study on destructive emotions. They analyze the discursive variation of the conceptualization of three emotions: *gnyev* ('*anger*'), *revnost* ('*jealousy*'), and *prezreniye* ('*contempt*'). Drawing on semantic, cognitive and discourse analysis, they explore data taken from explanatory and etymological dictionaries of the Russian language and the *Russian National Corpus*, both synchronically and diachronically, and revealed some changes in the conceptualization of destructive emotions. The authors suggest that the modifications of the evaluative connotations of the analyzed lexemes are due to the societal changes in emotional values associated with the attitude towards destructive emotions, which indicates a shift in the value orientation of the language personality.

CONCLUSION

All in all, the main aim of this issue is to present and make the reader familiar with the work of outstanding researchers who have devoted much of their time and effort to explore the fascinating relationship between language and emotion. We hope to succeed in our attempt, as well as to ignite in our readers a flame of curiosity, interest and positive emotions towards the topic.

We are most grateful to all the authors for their enlightening articles, and invite those readers who have questions or comments on the issues discussed to contact us. We will be happy to discuss them in future issues of the journal.

RU

ВВЕДЕНИЕ

Этот специальный выпуск нашего журнала посвящен теме, которая все больше привлекает внимание лингвистов в XXI веке, а именно — выражению эмоций в дискурсе. Мы обращаемся к этому вопросу во второй раз: первый специальный выпуск по эмоциям вышел ровно три года назад (2015, 1) и был посвящен исследованию эмоций российскими учеными. На этот раз мы пригласили ведущих ученых из разных стран мира. Цель этого выпуска — познакомить читателей с актуальными направлениями исследований эмоций, а также построить мост для дальнейшего сотрудничества между российскими и зарубежными исследователями.

1. ИЗМЕНЕНИЕ ПАРАДИГМЫ В ЛИНГВИСТИКЕ. РОСТ ИНТЕРЕСА К ЭМОЦИЯМ В ПРАГМАТИЧЕСКИХ И ДИСКУРСИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Можно задаться вопросом, имеют ли эмоции какое-либо отношение к языку или они не могут быть предметом серьезных научных исследований. Еще не так давно ответ на этот вопрос был однозначно отрицательным. Однако сегодня общепризнанно, что изучение эмоций имеет большое значение для всех гуманитарных наук, включая лингвистику, так как это ключевой фактор не только для понимания природы человека, но и для понимания языка и общения. Действительно, когда люди испытывают эмоции, они могут не только физически проявлять свое внутреннее состояние (например, покраснело лицо или изменилось выражение лица), но и совершать речевые акты, которые являются межличностными по своей природе и имеют определенные последствия. Тем самым говорящие выражают себя и в то же время воздействуют на определенные аспекты систем познания, социальной и дискурсивной системы, к которым они принадлежат. Действительно, эмоции влияют на язык и в то же время подвергаются влиянию со стороны языка: то, что мы чувствуем, может влиять на то, как мы говорим и выражаем свои чувства; но в то же время то, как мы называем чувства и эмоции или что мы о них говорим, также влияет на то, как мы их испытываем и проявляем.

Возможно, нет ничего более человеческого, чем словесное выражение эмоций. Обмен эмоциями — это важная социальная деятельность, которая является частью повседневного общения и помогает нам поддерживать наше психическое и физическое состояние. Следовательно, корректное выражение и понимание эмоций важно для межличностных отношений и личного самочувствия (Fussell, 2002). Более того, можно сказать, что эмоции лежат в основе вербального общения. Как отмечает В.И. Шаховский, сначала было не *Слово*, а *Эмоция*, поскольку в основе первичных и вторичных номинаций всегда, с самого начала лежали эмоции человека, еще не *Homo loquens*, но уже *Homo sentiens* (Шаховский 2008: 10). Если у нас нет мотивации говорить о чем-то, наша речь, безусловно, будет очень ограничена (Foolen, 2015). Как сказал Стерн (Stern 1965 [1931]: 54): «Если бы мне что-то было совершенно безразлично, я бы не говорил об этом» (перевод наш. — Т.Л.). Кроме того, если говорящий считает, что его собеседник не заинтересован в том,

что он говорит, то продолжать разговор будет трудно. Таким образом, эмоции в общении работают в обоих направлениях: не только говорящий должен иметь мотивацию говорить, но и собеседник должен быть готов слушать (и, следовательно, быть позитивно предрасположенным, проявлять позитивное отношение), в противном случае акт коммуникации не состоится.

В 20 веке лингвистика в основном занималась изучением референциальной функции языка и лингвистического кода как такового. Язык рассматривался как абстрактный и логичный инструмент для работы с фактической информацией. Тот факт, что язык осложнен эмоциями и сильно зависит от эмоций, почти полностью игнорировался. Но к концу 20-го — началу 21-го веков представители основных направлений научных исследований стали приходить к мысли о том, что язык/дискурс — это нечто большее, чем код или некоторые грамматические, морфологические или фонологические правила: прагматические, познавательные и эмоциональные аспекты человеческого общения выходят за рамки лингвистики, и это должно было отразиться и проявиться в исследованиях. Таким образом, лингвистика совершила то, что теперь называется «эмоциональным поворотом» (Le Doux 2000). Лингвисты начали изучать это явление с более объективной, научной точки зрения и пришли к выводу, что «язык имеет сердце» (Ochs and Schieffelin 1989). Действительно, как уже неоднократно отмечалось, эмоции безусловно являются важной составляющей любого типа общения и пронизывают все уровни языка (Foolen 2016, Alba-Juez & Mackenzie 2016, Borod et al., 2000, Majid 2012, Шаховский 2008, 2010, 2015а) и каждую систему дискурса (в смысле, данном термину Scollon, Scollon & Jones 2012). Более того, как отмечают многие авторы, каждое слов дискурсивно и может быть эмоционально заряжено (Мягкова 2000, Шаховский 2008).

В настоящее время мы можем говорить о становлении нового междисциплинарного направления лингвистических исследований — *лингвистики эмоций*, или *эмотиологии* (этот термин уже устойчиво закрепился в русском научном языке), которая основывается на данных ряда концепций и теорий эмоций: философской, биологической, когнитивной, психологической, социальной, неврологической, информационной, познавательной, функциональной, экзистенциальной и др. (Шаховский 2008: 21). Лингвистика эмоций, таким образом, носит междисциплинарный характер, поскольку в ней перекрещивается ряд парадигм современной лингвистики и науки в целом — коммуникативная, когнитивная, прагматическая, дискурсивная, культурологическая и др. Этот многосторонний характер исследований эмоций является логическим развитием психологически ориентированной лингвистики, которая давно установила, что эмоции влияют на ментальную, вербальную и невербальную деятельность человека и пронизывают все уровни языка. Как подчеркивает В.И. Шаховский, сейчас это уже не тезис и не гипотеза, а аксиома (Шаховский 2008: 383).

Как отмечает Людтке (Lüdtke 2015: ix), эмоциональный поворот в лингвистике — это путь «к завершению осмысления целостности языка», к продвижению от «индивидуальных рациональных суждений» к «межсубъектному эмоциональ-

ному диалогу». Однако это не означает, что старая рациональная парадигма должна быть отброшена; напротив, мы считаем, что старую и новую парадигмы необходимо объединить, чтобы лучше понять, что такое язык и как он функционирует. Таким образом, рациональная парадигма в настоящее время дополняется эмоциональной, что позволяет рассматривать язык в его целостности, проводить более широкий и всесторонний анализ, понимать изменчивость языковых норм и широту распространения языковых явлений. В лингвистике, не говоря уж о такой ее области, как дискурсология, больше не существует черного и белого, именно это и интересно: язык — чрезвычайно сложная прагматическая, динамическая система (van Gelden 1998), и подсистема эмоций внутри языка столь же сложна и динамична. Таким образом, в этом новом свете мы рассматриваем выражение эмоций как прагмалингвистическое явление, которое показывает взаимоотношения *brain-body-world* (мозг — тело — окружающий мир) в рамках динамической системы (Gibbs 2010), что отражает последовательную циклическую структуру *sense—think—act* (чувство—мысль—действие) в теории динамической системы³ (Alba-Juez & Alba-Juez 2012).

Понятию *эмоция* трудно дать определение именно из-за его сложности. Исследователю неизбежно приходится задавать вопросы: *Что такое эмоция? Можно ли измерять эмоции посредством наблюдения за мозгом, телом и языком? Следует ли отличать эмоции от познания? Сколько эмоций мы можем ощущать и выражать?* Психологи, социологи, антропологи, лингвисты и даже неврологи не пришли к консенсусу при попытке ответить на эти и другие вопросы, поэтому здесь мы не будем и не можем давать никаких «правильных» ответов. Эти вопросы заставляют нас задуматься о том, что из-за их разнообразия и сложности изучение эмоций должно быть многоплановым и междисциплинарным и связывать между собой когнитивные, культурологические, лингвистические, физиологические и иные явления. В целом, лингвисты поняли, что они не могут охватить изучение такого сложного явления, как выражение эмоций, без помощи других областей знаний. Пытаясь понять эмоции в языке, лингвисты-когнитологи, например, широко используют результаты исследований в психологии, поскольку они показывают, что язык и познание взаимодействуют. Физиология — еще одна дисциплина, которую лингвисты используют для изучения эмоций. Когнитивная лингвистика не отвергает идею о том, что эмоции имеют физиологическую основу, однако выступает против опасных утверждений об универсальности языковых категорий, имеющих свою специфику в разных языках (на основе психологических теорий базовых эмоций, таких как теория Экмана [Ekman 2007 (2003)]).

Наша точка зрения по данному вопросу заключается в том, что эмоции в языке имеют как универсальные, так и специфические черты, что подтверждается результатами многочисленных исследований. Например, результаты исследования

³ Теория динамической системы первоначально представляла собой математическую теорию, которая была разработана для объяснения физических явлений, таких как движение небесных тел, а в настоящее время также используется для объяснения когнитивных и прагматических явлений (см. [van Gelden 1998]).

просодических универсалий в дискурсивных частицах (Pistor 2016) показывают, что просодия обладает универсальными функциями, во-первых, в дискурсивно-прагматической организации коммуникации и, во-вторых, при эмоциональной передаче отношения говорящего (Pistor 2016: 872).

С другой стороны, в качестве примера противоположной точки зрения можно привести многочисленные исследования по лексике эмоций, которые показывают культурную специфику категорий, используемых для описания различных эмоций (Russel 1991, Wierzbicka 1999, Harkins and Wierzbicka 2010, Вежбицкая 2001 и многие др.). Например, английское слово *disgust* (отвращение) не имеет точного эквивалента в польском языке, японское *Amae* (甘え, «чувство, которое вы испытываете, сдаваясь другому в совершенной безопасности») или немецкое *Schadenfreude* («удовольствие, получаемое в результате неудовольствия другого»), не имеют эквивалентных слов в других языках (Russel 1991). Английские слова *sad* (грустный) и *sadness* (грусть) не имеют точных эквивалентов в русском языке, где существует три слова для выражения оттенков грусти, различающихся по длительности и степени интенсивности — *грусть*, *печаль*, *тоска* (см. [Вежбицкая 2001]). Семантика английского прилагательного *happy* существенно шире, чем его русского переводного эквивалента *счастливый*, что вызывает серьезные непонимания в межкультурном общении (Ларина 2015).

В русском языке многие эмоции, такие как *радость*, *грусть*, концептуализируются как внутренние действия, а не пассивные состояния и выражаются глаголами, а не прилагательными (Wierzbicka 1999: 18). В результате в русском языке значительно больше эмоциональных глаголов, чем в английском. Исследования в области культурной семантики выявили многочисленные различия между эмоциональными словами в одном языке и их переводными эквивалентами в другом (см., например, [Гладкова 2010]).

По наблюдениям А. Вежбицкой, даже слово *emotional* не имеет своих полных эквивалентов в других языках, в частности, в немецком, французском, итальянском и русском (Wierzbicka 1999: 19). Это одна из причин, почему необходимы дальнейшие исследования в этой области, поскольку до недавнего времени в лексикографических исследованиях, являющихся основой для составления словарей, далеко не всегда и не в полном объеме учитывалось эмоциональное содержание слов при написании словарных статей.

Таким образом, каждый человек, независимо от своего языка или национальности, испытывает эмоции, но проявление эмоций, их экспрессивность, функции, прагматическое значение, векторная направленность имеют свои культурные/групповые особенности, которые отражаются в языке, проявляются в дискурсе и формируют *коммуникативные этностили* (Ларина 2009, Larina 2015).

Каждая группа (в разных системах дискурса) имеет свои собственные культурно обусловленные правила проявления эмоций, как вербальных, так и невербальных. В некоторых культурах приветствуется свободное выражение эмоций, в других ценятся самоограничение и самоконтроль. Чтобы понять прагматику эмоций в межкультурной коммуникации, важно различать *эмоциональную коммуникацию* — инстинктивное, спонтанное, незапланированное проявление внутренних эмоциональных состояний и *эмотивную коммуникацию* — сознательное

проявление эмоций для коммуникативных целей (Janney & Arndt 1992, Ларина 2015). Так, например, эмотивная коммуникация более типична для английского стиля коммуникации, где она широко используется как маркер позитивной вежливости, в то время как представители русской культуры, которые высоко ценят искренность, предпочитают эмоциональную коммуникацию (Ларина 2009: 122).

Исследователи (например, [Schwarz-Friesel 2015]) описывают эмоции как психические состояния или процессы, характеризующиеся тремя основными параметрами: 1) оценкой — положительной или отрицательной: например, *His love made her happy* — Его любовь сделала ее счастливой (+), 2) продолжительностью, например, *His rage lasted for ever* — Его ярость длилась вечно и 3) интенсивностью, которая может быть слабой, средней или сильной и представленной в языке разными маркерами, например: *She felt awkward / very awkward / exceedingly awkward / as if she was an extra-terrestrial being* — Она чувствовала себя неловко / очень неловко / крайне неловко / как если бы она была вземным существом. При таком подходе автор определяет эмоцию как сложную внутренне представленную систему знаний, имеющую прежде всего оценочную функцию (Schwarz-Friesel 2015: 161—162).

В целом, различные попытки определения эмоции, будь они из области психологии или лингвистики, всегда имеют одно общее сходство — наличие оценочной составляющей понятия. Так, например, в рамках теории оценки (Martin & White 2005), системного функционального подхода к лингвистической оценке, Affect (включая выражение эмоции) является важным компонентом подсистемы Attitude.

Интересное наблюдение, также вытекающее из системной функциональной лингвистики, делает Моника Беднарек (Bednarek 2008), которая проводит различие между такими похожими словосочетаниями, как *emotion talk* и *emotional talk*. Первое подразумевает описание эмоций и используется, когда звучат такие фразы, как *He feels sad* (Ему грустно) или *She hates John* (Она ненавидит Джона), с его помощью мы говорим об определенных чувствах или эмоциях. По этой причине *emotion talk* связано с эмпирической функцией языка (Halliday 1985). *Emotional talk* соотносится с межличностной функцией, поскольку подразумевает демонстрацию эмоций, т. е. прямое выражение эмоций, передаваемых, например, междометиями (*Ouch! Yummy!*) или через некоторые просодические приемы, используемые для выражения сильных эмоций (например, общая высокая интонация в высказываниях типа *Get the hell out of here!* — Убирайся вон отсюда!, нисходящая интонация на предлоге *out*). Таким образом *emotion talk* — это разговор об эмоциях, а *emotional talk* — это эмоциональный разговор.

Кроме того, опираясь на функциональный подход, но в то же время используя результаты исследований в области психологических оценочных теорий и лингвистической прагматики, Альба-Хуэс (в печати) предлагает анализировать различные аспекты эмоций с помощью формулы, которая представляет собой модифицированную версию функциональных отношений, примененную в предыдущих работах для анализа оценки (Alba-Juez 2016, 2017). В частности, автор предлагает анализировать эмоциональные процессы в языке, используя прагматические знания о таких явлениях, как *эмоциональные импликатуры* — *e-impli-*

captures (Schwarz-Friesel 2010), а также методологию и классификацию эмоций с позиций компонентного подхода (Ortony & Turner 1990), который связан с психологической концепцией эмоций (Panksepp 1982).

Все вышесказанное является убедительным доказательством того факта, что эмоции — это тема лингвистики, которую необходимо изучать, в частности, в разделах дискурсивного анализа и прагматики, поскольку эмотивные значения связаны с межличностными отношениями и их нельзя изолировать от контекста (языкового, эмоционального, социального, культурного и т. д.). При анализе эмотивного языка недостаточно рассматривать только используемые слова, крайне необходимо изучать ситуацию и среду, в которой эти слова были произнесены, а также то, как все эти лингвистические, паралингвистические и экстралингвистические переменные взаимодействуют. Многочисленные дискурсивно-прагматические исследования показывают важность роли эмоций в таких явлениях, как импликатура, метафора, ирония или юмор, в различных типах текста/дискурса — в электронном, мультимедийном, политическом и др. Ниже мы приводим список актуальных и значимых направлений исследований в области эмоций:

- функционирование экспрессивных элементов языка (уменьшительных суффиксов, междометий, средств выражения отрицания и др.) в различных текстах и дискурсах (Blakemore 2010, Constant, Davis, Potts & Schwarz 2009, Davis & Potts, 2009, Potts 2007a, 2007b, 2010; Potts & Schwarz 2010, Шаронов 2008 и др.);
- грамматические средства, которые обладают значительным эмотивным потенциалом, т.е. рассмотрение эмоций на синтаксическом уровне (например, [Озюменко 2015, Парсиева, Гацалова 2012, Федорова 2005]);
- сквернословие и табуированная лексика, которые также связаны с разными эмоциями и играют важную роль в их выражении (например, [Dewaele 2016, Jay 2009, Mackenzie (в печати), Жельвис 2001; Ларина, Озюменко, Горностаева 2012, Стернин 2015 и др.]);
- отрицательные эмоции и их функции в рамках изучения невежливости, грубости, речевой агрессии и нетолерантности в различных контекстах и дискурсах, например, в межличностной коммуникации, в медиадискурсе, политическом дискурсе и др. (см., например, [Воронцова 2012, Седов 2003, 2017, Харлова 2015, Щербинина 2017]);
- позитивная коммуникация (Ларина и др. 2011, Леонтович 2015, 2017) и позитивные эмоции, их прагматическое значение и эффект, который в некоторых контекстах может быть негативным (см., например, [Ионова 2015]);
- значение и функции эмоций в межкультурной коммуникации и необходимость эмоциональной/эмотивной компетенции (Besemeres & Wierzbicka 2007; Pavlenko 2002; Ларина 2009, 2013, 2017, Леонтович, Якушева 2014, Леонтович 2015, 2017);
- молчание как компонент дискурса, передающий эмоции — см., например, анализ стратегической паузы в электронных сообщениях (Marx 2015), описание «подавляющей паузы» ('overwhelming silence') как стратегии

- невежливости (Kaul de Marlangeon 2008) или молчание как маркер агрессивной речи (Воронцова, Копылова 2017) и др.;
- создание эмоций и обмен ими как одна из основных функций компьютерной коммуникации (см., например, Крылова 2017, Ortner 2015);
 - исследователи из Швейцарского центра по изучению эмоций (Swiss Center for Affective Sciences) посвятили большую часть своих работ изучению использования эмоциональных слов и эмоциональных концептуальных метафор (см., например, [Gillioz et al. 2016, Ogarkova et al. 2016, Soriano et al. 2015; Soriano 2013, 2015, 2016]). Эта тема широко изучается и российскими лингвистами (см., например, [Апресян 2005, Анферова 2017]);
 - исследовательская группа EMO-FunDETT в Мадриде (Испания) также проводит разнообразные дискурсивно-прагматические исследования по теме «Язык и эмоции». См., например, работы Маккензи, Маис-Аревалло, Санчо-Гинды и Юса в этом сборнике, исследования эмотивного языка в парламентском дискурсе (Carranza-Márquez 2012), анализ речевых актов в онлайн-коммуникации (Carretero, Maíz Arévalo & Martínez 2014), исследования по эмотиконам и выражению (не)согласия на сайтах социальных сетей (Maíz Arévalo 2014a, b, 2015), работы по эмотиконам и эмоциям в Интернете (Yus 2005, 2014), исследование эмоций в учебном дискурсе (Santamaría 2016)⁴. В настоящее время эта исследовательская группа готовит сборник статей под названием *Emotion in Discourse* (Эмоции в дискурсе) (под редакцией Mackenzie & Alba-Juez), в котором эмоции трактуются на основе дискурсивно-прагматического, а в некоторых случаях и междисциплинарного подхода;
 - научная школа эмотиологии во главе с профессором В.И. Шаховским активно разрабатывает новое направление — *экологическую эмотиологию* (Шаховский 2016). Она изучает приемы и методы эмоционального балансирования, амортизации конфликта, смягчения речевой агрессии, формирования способности к эмоциональной толерантности и т.д. Другими словами, можно сказать, что эмотивная лингвоэкология — это социально значимое исследовательское направление, цель которого — ориентировать участников коммуникации на позитивный вектор общения во всех его типах и сферах (см., например, [Волкова 2014, Волкова, Панченко 2016, Ионова 2015, Ионова (в печати), Ионова, Ларина 2015, Ренц 2016, Труфанова 2016, Шаховский 2013, 2015б, 2016 и многие другие]).

Мы обозначили лишь некоторые направления из растущего числа исследований, которые проводятся по эмоциям с позиций дискурсивно-прагматического подхода, отражающего изменение парадигмы в 21 веке. В настоящем выпуске журнала мы предлагаем вашему вниманию работы ряда видных российских и зарубежных лингвистов, изучающих эмоции с этих позиций.

⁴ Многочисленные публикации этой международной исследовательской группы можно найти на сайте проекта <http://emofundett.weebly.com/publications.html> в разделе «Publications».

2. КРАТКИЙ ОБЗОР СТАТЕЙ ДАННОГО ВЫПУСКА

Все авторы, представившие здесь свои работы, особое внимание уделили эмоционально-прагматическим вопросам, таким как значение эмоций, ирония, (не)вежливость в определенных типах дискурса (например, в библейском, политическом, финансовом и др.).

Открывает выпуск статья **Анны Вежбицкой** (Канберра, Австралия), в которой исследуются эмоции Иисуса Христа в Евангелии и уделяется особое внимание эмоциям *гнев*. Она утверждает, что для того, чтобы полностью понять учение Христа о «гневе», необходимо выйти за рамки отдельных слов того или иного языка и попытаться сформулировать простые предложения, используя универсальные (однозначные) слова. Для этой цели предлагается использовать разработанный автором и коллегами естественный семантический метаязык — Natural Semantic Metalanguage (NSM) (см. [Wierzbicka 1996, Goddard, Wierzbicka 1994, 2002] и др.) и с его помощью проанализировать этот конкретный вид дискурса. По мнению автора, естественный семантический метаязык позволяет заменить прямолинейные формулировки, такие как «Испытывал ли Иисус гнев?» или «Что говорил Христос о гневе?», более детальными и тонкими вопросами, позволяющими получить более точные и содержательные ответы.

В.И. Шаховский (Волгоград, Россия) на основе большого теоретического материала и в ходе глубокого анализа этапов становления языковой личности доказывает целесообразность включения эмоциональной компоненты в структуру концепта языковой личности и обосновывает необходимость нового термина — «эмоционально-коммуникативная личность». В статье предлагается описание когнитивной матрицы эмоционально-коммуникативной личности, отмечается, что новый термин не отвергает, а дополняет термин «языковая личность», заполняя структурную лакуну последнего. Автор описывает методику и определяет задачи исследования языковой личности, проводит сопоставительный анализ современных концепций и подчеркивает, что предложенная матрица улучшает экологию общения, снижает экологические риски, что позволяет в большей мере избегать коммуникативных помех и провалов в разных видах и жанрах общения.

В следующей статье **Дж. Лахлан Маккензи** (Амстердам, Нидерланды) исследует функционирование слов *sentiment* (настроение) and *confidence* (доверие) в финансовом журналистском дискурсе с целью проверить гипотезу о том, что они отличаются от их обычного употребления. Опираясь на функциональную семантику и теорию оценки (Martin & White 2005), он исследует, как эти слова используются в онлайн-корпусе финансовых услуг Гонконга (*Hong Kong Financial Services*). Результаты анализа данного корпуса показывают, что, хотя слова *sentiment* и *confidence* в общепринятом употреблении весьма различны и имеют разную валентность, в финансовом дискурсе они чаще всего используются как синонимы. Еще один важный вывод, сделанный в этой статье, заключается в том, что способ использования этих слов свидетельствует о том, что пишущие журналисты хорошо осознают роль эмоций как решающего фактора в процессе принятия решений инвесторами.

Статья **Франсиско Юса** (Аликанте, Испания) о том, как чувства и эмоции связаны с пропозициями в ироническом и интернет-дискурсе, показывает с точки зрения теории релевантности (Sperber & Wilson 1986), что, хотя чувства и эмоции, как правило, не пропозициональны, они играют важную роль в возможной интерпретации соответствующих пропозиций. Таким образом, автор приходит к выводу о том, что непропозициональные чувства и эмоции важны для коммуникации не только в том случае, когда они могут быть частью возможной интерпретации (эмоциональное отношение адресанта), но также и тогда, когда они непроизвольно вытекают из акта коммуникации (то, что он называет “affective effects” «эмоциональные эффекты»).

А.А. Горностаева (Москва, Россия) также посвятила свое исследование иронии. Она проводит сопоставительный анализ дискурса российских, британских и американских политиков с целью выявления современных тенденций в употреблении иронических метафор, обусловленных изменениями в современном политическом дискурсе. Развивая дискурсивный подход к исследованию иронии, которая часто передается метафорой (Alba-Juez 2014, Attardo 2007, Giora 2003, Hutcheon 2005, Шилихина 2008), автор выявляет понятийные сферы, являющиеся наиболее активными источниками современных метафор. Результаты проведенного сопоставительного анализа показали высокую частотность употребления иронических метафор в современном политическом дискурсе, в том числе агрессивного характера, которые выполняют разнообразные функции. В статье выявлены некоторые особенности употребления метафор в русском, английском и американском политическом дискурсе, которые имеют культурную обусловленность.

Кармен Санчо-Гинда (Мадрид, Испания) анализирует эмоциональную просодию в оповещениях о рисках и исследует, как Национальный совет по безопасности на транспорте США (NTSB) оказывает эмоциональное воздействие на сознание и поведение широкой общественности с целью предотвращения рисков. Автор использует электронный корпус из более чем 500 инструкций о смертельной опасности на авиационном транспорте (за период 2010—2015 годов), ежегодно публикуемых на сайте NTSB. В качестве отправной точки используется концепция «дискурсивной просодии» (Stubbs 2001) и привлекается комплексная теоретическая база, которая включает нарратологию, корпусную лингвистику, критический дискурс-анализ, теорию проксимизации (Car 2013) и позиционирования (Harré & van Langenhove 1999). Автор показывает, что эмоциональная просодия, используемая NTSB, в большей степени опирается на риторику, чем на лексику, и что нарративные стратегии акцентирования и речевой репрезентации играют заметную роль в демонстрации характерного «эмоционального тона» с целью уменьшения рисков.

Кармен Майз-Аревало (Мадрид, Испания) анализирует эмоциональную самопрезентацию (т.е. процесс, посредством которого люди передают образ себя другим) в профилях WhatsApp. Материалом исследования явился корпус из 206 статусов WhatsApp на испанском языке. Результаты проведенного анализа показали, что наблюдается повторение шаблонов, связанных с такими переменными, как пол и возраст, и что эти шаблоны играют решающую роль в опреде-

лении того, какие эмоции пользователи предпочитают отображать в своих статусах профиля. Было выявлено, что женщины-пользователи превосходят мужчин-пользователей по употреблению эмоциональных речевых актов, что помогает закрепить социокультурный гендерный стереотип о том, что женщины более эмоциональны, чем мужчины. Что касается возрастного признака, то более молодые пользователи (20—30 лет) используют эмоции гораздо чаще, чем старшее поколение (50—60 лет). Еще один, вполне ожидаемый, вывод данного исследования заключается в том, что в целом положительные эмоции значительно превосходят отрицательные. Когда люди представляют себя через свой статус в WhatsApp, преобладающая эмоция — любовь.

Сильвия Каул де Марланьон (Рио Куарто, Аргентина) на основе прагматического социокультурного анализа исследует связь между нарочитой невежливостью (Kaul de Marlangeon 2005, 2008), эмоциями и экстимностью в дискурсе аргентинских знаменитостей региона Рио-де-ла-Плата. Автор характеризует концепт *extimacy* как форму преднамеренно агрессивных отношений, используемых для продвижения эго говорящего посредством своего рода эксгибиционизма, который предполагает выставление интимной жизни напоказ. Она анализирует многочисленные примеры проявления экстимности в средствах массовой информации. Результаты ее исследований показывают, что нарочитая невежливость, пропитанная негативными эмоциями и даже агрессией, оказывается обычной практикой среди знаменитостей средств массовой информации, и что как навязываемая, так и присущая звездам СМИ экстимность составляют новый способ их общения с аудиторией, что было ранее немыслимо.

Я.А. Волкова (Москва, Россия), **Н.Н. Панченко** (Волгоград, Россия) рассматривают дискурсивную вариативность концептов деструктивных эмоций *гнев*, *ревность*, *презрение*. На основе результатов анализа данных толковых и этимологических словарей русского языка, а также Национального корпуса русского языка, проведенного с применением семантического, когнитивного и дискурсивного анализа как в синхроническом, так и диахроническом аспекте, авторы выявили изменения в концептуализации деструктивных эмоций. Полученные результаты позволили выявить их различную вариативность и сделать вывод о том, что модификации коннотативных значений анализируемых лексем обусловлены динамикой и инверсией эмоциональных ценностей, связанных с отношением в социуме к деструктивным эмоциям и отражающих сдвиг в ценностных установках языковой личности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог изложенному, отметим следующее: главная цель этого выпуска — познакомить читателей с работами исследователей из разных стран, которые посвятили большую часть времени изучению отношений между языком и эмоциями. Мы надеемся, что наша попытка удалась, и мы смогли пробудить в наших читателях интерес к этой увлекательной теме и вызвать положительные эмоции.

Мы благодарим всех наших авторов за интересные и глубокие статьи и приглашаем читателей, у которых возникли вопросы или комментарии, писать нам. Мы будем рады обсудить их в наших следующих выпусках.

© Laura Alba-Juez, Tatiana Larina, 2018

Л. Альба-Хуэс, Т.В. Ларина, 2018

REFERENCES / СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Alba-Juez, Laura (forthcoming). Emotion and appraisal processes in language: How are they related? In Gómez González, M^a de los Ángeles & J. Lachlan Mackenzie (eds.), *The Construction of Discourse as Verbal Interaction*. Amsterdam: John Benjamins.
- Alba-Juez, Laura (2017). Evaluation in the headlines of tabloids and broadsheets: A comparative study. In Breeze, Ruth & Inés Olza (eds.), *Evaluation in media discourse. European perspectives*. Linguistic Insights series, volume 207. Bern: Peter Lang.
- Alba-Juez, Laura & Mackenzie, J. Lachlan (2016). *Pragmatics: Cognition, Context and Culture*. Madrid: McGraw-Hill.
- Alba-Juez, Laura (2016). The variables of the evaluative functional relationship: The case of humorous discourse. In L. Ruiz Gurillo (ed.) *Metapragmatics of Humor: Current Research Trends*. IVITRA Research in Linguistics and Literature, 11—34. Amsterdam: John Benjamins.
- Alba-Juez, Laura y Alba-Juez, Félix (2012). Identity, Evaluation, and Differential Equations. *Pragmatics and Cognition*, 20:3 (2012), 570—592. John Benjamins. ISSN 0929-0907 / e-ISSN 1569-9943. DOI: 10.1075.
- Bednarek, Monika (2008). *Emotion Talk across Corpora*. New York: Palgrave Macmillan.
- Besemeres, Mary, and Anna Wierzbicka (eds.) (2007) *Translating lives: Living with two languages and cultures*. St. Lucia: University of Queensland Press.
- Blakemore, Diane (2010). Communication and the representation of thought: The use of audience-directed expressions in free indirect thought representations. *Journal of Linguistics*, Volume 46, Issue 3, 575—599.
- Borod, Joan C., Lawrence H. Pick, Susan Hall, Martin Sliwinski, Nancy Madigan, Loraine K. Obler, Joan Welkowitz, Elizabeth Canino, Hulya M. Erhan, Mira Goral, Chris Morrison & Matthias Tabert (2000). Relationships among facial, prosodic, and lexical channels of emotional perceptual processing. *Cognition and Emotion*. 14(2). 193—211.
- Cap, Piotr (2013). *Proximization: The pragmatics of symbolic distance crossing*. Amsterdam: John Benjamins.
- Carranza Márquez, Aurelia (2012). Diferencias de Género en el Uso del Afecto dentro del Foro Parlamentario Andaluz. *Discurso y Sociedad*, Volumen 6(1), 98—114.
- Carranza, Aurelia (forthcoming). Emotional Argumentation in Political Discourse. In Fuentes, C. (ed.), *A Gender-based approach to parliamentary discourse*. Amsterdam: John Benjamins.
- Carretero, Marta; Maíz Arévalo, Carmen & Martínez M. Ángeles (2014). “Hope this helps: An analysis of Expressive Speech Acts in online task-oriented interaction by university students”. In Romero Trillo, J. (ed). *Yearbook of Corpus Linguistics and Pragmatics 2014: New Empirical and Theoretical Paradigms* (Vol. 2). Switzerland: Springer, 261—290.
- Constant, Noah, Davis, Christopher, Potts, Christopher, & Schwarz, Florian (2009). The Pragmatics of Expressive Content: Evidence from Large Corpora. *Sprache und Datenverarbeitung*, 33 (1—2), 5—21.

- Davis, Christopher & Potts, Christopher (2009). Affective demonstratives and the division of pragmatic labor. In M. Aloni, H. Bastiaanse, T. de Jager, P. van Ormondt, & K. Schulz (eds). *Preproceedings of the 17th Amsterdam Colloquium*, 32—41.
- Dewaele, Jean-Marc (2016). Thirty shades of offensiveness: L1 and LX English users' understanding, perception and self-reported use of negative emotion-laden words. *Journal of Pragmatics* 94, 112—127.
- Ekman, Paul [2007 (2003)]. *Emotions revealed. Recognizing Faces and Feelings to Improve Communiation and Emotional Life*. New York: St. Martin's Griffin.
- Foolen, Adrianus P. (2015). Word valence and its effects. In *Emotion in Language*. U. Lüdke (ed.). Amsterdam, John Benjamins, 241—255.
- Foolen, Adrianus P. (2016a). Expressives. In *The Routledge Handbook of Semantics*, ed. by Leon de Stadler and Christoph Eyrich, London and New York: Routledge, 473—490.
- Fussell, Susan R. (2002). The verbal communication of emotion: Introduction and overview. In S.R. Fussell (ed.), *The Verbal Communication of Emotions: Interdisciplinary Perspectives*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 1—22.
- Gibbs, Raymond W. Jr. (2010). Can there be a pragmatic theory for the entire world? *Plenary talk given at the 4th International Conference on Intercultural Pragmatics and Communication*. Madrid, 15—17 November 2010.
- Gillioz, Christelle, Fontaine, Johnny R. J., Soriano, Cristina & Scherer, Klaus R. (2016). Mapping emotion terms into affective space: Further evidence for a four-dimensional structure. *Swiss Journal of Psychology*, 75 (3), 141—148. DOI: 10.1024/1421-0185/a000180.
- Goddard, Cliff & Wierzbicka, Anna (eds.) (1994). *Semantic and lexical universals: Theory and empirical findings*. Amsterdam: John Benjamins.
- Goddard, Cliff & Wierzbicka, Anna (eds.) (2002). *Meaning and universal grammar: Theory and empirical findings* (Vols. 1—2). Amsterdam: John Benjamins.
- Halliday, Michael A. K. (1985). *An Introduction to Functional Grammar*. London: Edward Arnold.
- Harré, Rom & van Langenhove, Luk (1999). *Positioning Theory: Moral contexts of intentional action*. Oxford: Blackwell.
- Harkins, Jean & Wierzbicka, Anna (eds.) (2010). Emotions in Crosslinguistic Perspective. Series: Cognitive Linguistics Research [CLR] 17. De Gruyter Mouton.
- Janney, Richard W. & Arndt, Horst (1992). Intracultural tact versus intercultural tact. In Watts R., Ide S., Ehlich K. (eds). *Politeness in Language*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2—42.
- Jay, Timothy (2009). The utility and ubiquity of taboo words. *Perspectives on Psychological Science*, 4(2), 153—161.
- Kaul de Marlangeon, Silvia (2005). Descortesía de fustigación por afiliación exacerbada o refractariedad (cap.11). D. Bravo (Ed.), *Estudios de la (des) cortesía en español. Categorías conceptuales y aplicaciones a corpora orales y escritos* (Vol. I, pp. 299—318). Buenos Aires: Programa EDICE-Dunken.
- Kaul de Marlangeon, Silvia (2008). Tipología del comportamiento verbal descortés en español. *Actas del III Coloquio del Programa EDICE: Cortesía y conversación: de lo escrito a lo oral*. Valencia/Stockholm: Departamento de Filología Española, Universidad de Valencia. 254—266.
- Larina, Tatiana (2015). Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. In *International Review of Pragmatics*, Vol. 7 (5). Special Issue: Communicative Styles and Genres, 195—215.
- Lüdtkke, Ulrike M. (2015). Introduction: From logos to dialogue. In U. Lüdtkke (ed.) *Emotion in Language*. Amsterdam: John Benjamins, vii—xi.

- Mackenzie, J. Lachlan (forthcoming). The syntax of an emotional expletive in English. In J. L. Mackenzie & L. Alba-Juez (eds.), *Emotion in Discourse*. Amsterdam: John Benjamins.
- Mackenzie, J. Lachlan & Alba-Juez, Laura (forthcoming). *Emotion in Discourse*. Amsterdam: John Benjamins.
- Maíz Arévalo, Carmen (2014a). A pragmatic and multimodal analysis of emoticons and gender in social networks. In A. Sánchez Macarro y A. B. Cabrejas Peñuelas (eds.), *New Insights into Gendered Discourse Practices: Language, Gender and Identity Construction*. Valencia: Servei de Publicacions de la Universitat de València, 173—195.
- Maíz Arévalo, Carmen (2014b). Expressing disagreement in English as a lingua franca: Whose pragmatic rules? *Intercultural Pragmatics*, 11 (2): 199—224. Doi: 10.1515/ip-2014-0009.
- Maíz Arévalo, Carmen (2015). DCTs versus Naturally Occurring Data in the Realization of Disagreement by Non-Native Speakers of English. In Sara Gesuato, Francesca Bianchi and Winnie Cheng (eds), *Teaching, Learning and Investigating Pragmatics: Principles, Methods and Practices*. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 185—205.
- Majid, Asifa (2012). Current emotion research in the language sciences. *Emotion Review* 4(4), 432—443.
- Martin, John R. & Peter R. R. White (2005). *The Language of Evaluation. Appraisal in English*. New York: Palgrave Macmillan.
- Marx, Konstanze (2015). Silences as a linguistic strategy. Remarks on the role of the unsaid in romantic relationships on the internet. In U. Lüdtke (ed.) *Emotion in Language*. Amsterdam: John Benjamins, 325—339.
- Ochs, Elinor & Schieffelin, Bambi (1989). Language has a heart. In *Text* 9 (1), 7—25.
- Ogarkova, Anna, Soriano, Cristina & Gladkova, Anna (2016). Methodological triangulation in the study of emotion. The case of ‘anger’ in three language groups. *Review of Cognitive Linguistics*, 14(1): 73—101.
- Ortner, Heike (2015). Mediated emotions. Emotivity in the age of information and communication technologies. In U. Lüdtke (ed.) *Emotion in Language*. Amsterdam: John Benjamins, 306—324.
- Ortony, Andrew & Turner, Terence J. (1990). “What’s basic about emotions?” *Psychological Review*, Vol. 97, N° 3, 315—331.
- Panksepp, Jaak (1982). “Toward a general psychobiological theory of emotions”. *The Behavioral and Brain Sciences*, 5, 407—467.
- Pavlenko, Aneta (2002). Emotions and the body in Russian and English. *Pragmatics and cognition*. Vol. 10 (1), 202—242.
- Pistor, Tillman (2016). Prosodic universals in discourse particles. *Speech Prosody* 2016—178. Doi: 10.21437/.
- Potts, Christopher (2007a). The expressive dimension. *Theoretical Linguistics*, 33(2), 165—198.
- Potts, Christopher (2007b). The centrality of expressive indices. *Theoretical Linguistics*, 33(2), 255—268.
- Potts, Christopher (2010). On the negativity of negation. In D. Lutz & Li (eds.). *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory* 20, 636—659.
- Potts, Christopher & Schwarz, Florian (2010). Affective ‘This’. *Linguistic Inquiry*, 3(5), 1—30.
- Russell, James A. (1991). Culture and the categorization of emotions. In *Psychological Bulletin*, Vol. 110, N° 3, 426—450.
- Santamaría García, Carmen (2016). Emotions and Classroom Management. In M. F. Litzler, J. García Laborda and C. Tejedor Martínez (eds.), *Beyond the universe of Languages for Specific Purposes*. Alcalá: University of Alcalá, 27—33.

- Schwarz-Friesel, Monika (2010). Expressive Bedeutung und E-Implikaturen — Zur Relevanz konzeptueller Bewertungen bei indirekten Sprechakten: Das Streichbarkeitskriterium und seine kognitive Realität. In *Kultura Kak Tekst* (Kultur als Text), William Rudnitzky (ed.) Moskau: SGT, 12—27.
- Schwarz-Friesel, Monika (2015). Language and emotion. The cognitive linguistic perspective. In *Emotion in Language*. U. Lüdke (ed.). Amsterdam, John Benjamins. 157—173.
- Scollon, Ron, Scollon, Susan Wong & Jones, Rodney H. (2012). *Intercultural Communication: A Discourse Approach*. Oxford: John Wiley and Sons.
- Soriano, Cristina (2016). El lenguaje de las emociones. In M. C. Horno Chéliz, I. Ibarretxe Antuñano & J.L. Mendivil Giró (Eds.). *Panorama actual de la ciencia del lenguaje*. Zaragoza: Prensas de la Universidad de Zaragoza, 243—259.
- Soriano, Cristina (2015). Emotion and conceptual metaphor. In H. Flam and J. Kleres (Eds.), *Methods of Exploring Emotions*. New York & London: Routledge, 206—214.
- Soriano Cristina (2013). Conceptual metaphor theory and the GRID paradigm in the study of anger in English and Spanish. In J. R. J. Fontaine, K. R. Scherer & C. Soriano (eds). *Components of emotional meaning: A sourcebook*, Oxford: Oxford University Press.
- Soriano, Cristina., Fontaine, Johnny R. J. & Scherer, Klaus R. (2015). Surprise in the GRID. In A. Celle & L. Lansari (Eds.), “Expressing and Describing Surprise”. Special issue of Review of Cognitive Linguistics, 13(2): 436—460. DOI 10.1075/rcl.13.2.07sor
- Sperber, Dan & Wilson, Deirdre (1986). *Relevance: Communication and Cognition*. Oxford: Blackwell.
- Stern, Gustaf ([1931] 1965). *Meaning and Change of Meaning. With Special Reference to the English Language*. Bloomington, IN: Indiana University Press.
- Stubbs, Michael (2001). Texts, corpora, and problems of interpretation: a response to Widdowson. *Applied Linguistics* 22, 149—172.
- van Gelden, Tim (1998). The dynamical hypothesis in cognitive science. In *Behavioral and Brain Sciences* 21, 615—665.
- Wierzbicka, Anna (1999). *Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Yus, Francisco (2005). Attitudes and emotions through written text: The case of textual deformation in Internet chat rooms. *Pragmalingüística*, 13: 147—174.
- Yus, Francisco (2014a). “Not all emoticons are created equal.” *Linguagem em (Dis)curso* (special issue on relevance theory) 14(3): 511—529.
- Анферова К. Н. Эмоциональная и эмпатическая функции метафоры (на материале диалогов интернет-форума свободного общения) // *Российский гуманитарный журнал*. 2017. Том 6. № 2. С. 182—193. [Anferova K.N. (2017). Emotional and empathic functions of the metaphor. *Russian humanitarian journal*. Vol. 6. № 2. P. 182—193. (In Russ.)]
- Апресян В.Ю. Семантические типы эмоциональных метафор // *Эмоции в языке и речи*. М.: 2005. С. 9—30. [Apresyan, V.Y. (2005) In: I.A. Sharonov (ed.). *Emotions in language and speech*. Moscow: RGGU Publ, 9—30. (In Russ.)]
- Вежицкая А. *Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики*. М.: Языки славянской культуры, 2001. [Wierzbicka, Anna (2001). *Comparison of cultures through vocabulary and pragmatics*. Moscow: Languages of Slavic Culture Publ. (In Russ.)]
- Волкова Я.А. *Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: монография*. Волгоград: Перемена, 2014. [Volkova Ya.A.(2014). *Destructive communication in the cognitive-discursive perspective*. Volgograd:Peremena Publ. (In Russ.)]

- Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Деструктивность в политическом дискурсе // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 161—178. [Volkova Ya.A., Panchenko N.N. (2016) Destructiveness in political discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 20, 4, 161—178. (In Russ.)]
- Воронцова Т.А. Речевая агрессия, толерантность, вежливость // Г.Я. Солганик. *Язык СМИ и политика*. М.: Изд-во Московского университета, 2012. [Vorontsova T.A. (2012). Speech aggression, tolerance, politeness. In: G.Ya. Solganik (ed.). *Language of the media and politics*. Moscow: Moscow University Publ., 2012. (In Russ.)]
- Воронцова Т.А., Копылова Т.Р. Молчание как маркер агрессивной речи (на материале бытового общения) // *Филологический класс*. 2017. № 3 (49). [Vorontsova, T.A., Kopylova T.R. (2017). Silence as a marker of aggressive speech behavior (a case study of day-to-day communication). *Philological Class*, 3 (49). (In Russ.)]
- Гладкова А. *Русская культурная семантика: Эмоции, ценности, жизненные установки*. М.: Языки славянских культур, 2010. (Язык. Семиотика. Культура). [Gladkova, Anna (2010). *Russian cultural semantics: Emotions, values and attitudes*. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2010. (Language, Semiotics, Culture) (In Russ.)]
- Горностаева А.А. Ирония в политическом дискурсе: агрессия или развлечение? // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия «Лингвистика». 2014. № 3. С. 64—74. [Gornostaeva A.A. (2014). Irony in political discourse: aggression or entertainment? *Russian Journal of Linguistics* № 3, 64—74. (In Russ.)].
- Жельвис В.И. *Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира*. Изд. 2-е. М.: Ладомир, 2001. [Zhelvis V.I. (2001). *Field of battle. Swearing as a social problem in the languages and cultures*. 2-nd edition. Moscow: Ladomir Publ, 2001 (In Russ.)].
- Ионова С.В. Эмоциональные эффекты позитивной формы общения // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 20—30 [Ionova S.V. (2015). Emotional effects of positive forms of communication. *Russian Journal of Linguistics*. *Vestnik RUDN*, 1, 20—30. (In Russ.)]
- Ионова С.В. *Теоретические основы лингвистики эмоций*. Волгоград: Изд-во «Перемена» (в печати). [Ionova, Svetlana (forthcoming). *Linguistics of emotions*. Volgograd: Publishing house Peremena. (In Russ.)]
- Ионова С.В., Ларина Т.В. Лингвистика эмоций: от теории к практике // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 7—10. [Ionova, S. V., Larina T.V. (2015). Linguistics of Emotions: from Theory to Practice. *Russian Journal of Linguistics*. (1), 7—10. (In Russ.)]
- Карасик В.И. Ценностные параметры лингвоэкологического общения // *Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве*: кол. моногр. / науч. ред. проф. В.И. Шаховский. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. С. 191—200. [Karasik V.I. (2013). Axiological characteristics of ecological communication. In: Shahovsky, V.I. (ed.) (2013). *Emotive linguoecology in the modern communicative space*. Volgograd: Peremena Publ. 191—200. (In Russ.)].
- Крылова М.Н. Способы выражения эмоций в социальных сетях // *Филология и литературоведение*. 2016. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.snauka.ru/2016/01/1841> (дата обращения: 28.09.2017). [Krylova, M.N. (2017). Expression of emotions in social networks. *Philology and literary criticism*. 2016, 1 [Electronic resource]. URL: <http://philology.snauka.ru/2016/01/1841> (reference date: September 28, 2017).
- Ларина Т.В. *Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. М.: Языки славянских культур, 2009. (Язык. Семиотика.

Культура). [Larina, Tatiana (2009). *Politeness and Communicative Styles: comparative analyses of English and Russian communicative traditions*, Moscow: Languages of Slavic Cultures Publ. (Language, Semiotics, Culture). (In Russ.)]

Ларина Т.В. Прагматика эмоций в межкультурном контексте // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015. № 1. С. 144—163. [Larina, T.V. (2015) Pragmatics of Emotions in Intercultural Context. *Russian Journal of Linguistics*, 1, 144—163. (In Russ.)]

Ларина Т.В. *Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация*. М.: Языки славянских культур, 2013. [Larina, Tatiana (2013). *The English and the Russians: Language, Culture and Communication*], Moscow: Languages of Slavic Cultures Publ. (In Russ.)]

Ларина Т.В. *Основы межкультурной коммуникации* [Larina, Tatiana (2017). *Intercultural Communication*. Moscow: Academia Publ. 2017. (In Russ.)]

Ларина Т.В., Козырева М.М., Горностаева А.А. О грубости и коммуникативной этике в межкультурном аспекте: постановка проблемы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2012. № 2. С. 126—133. [Larina, T.V., Kozyreva, M.M., Gornostayeva, A.A. (2012). A study of rudeness and communicative ethics in an intercultural perspective. *Russian Journal of Linguistics*, 2, 126—133. (In Russ.)]

Ларина Т.В., Озюменко В.И., Горностаева А.А. Сквернословие в речи носителей английского языка: функционально-прагматический аспект // *Вопросы психолингвистики*. 2012, 2 (16), С. 30—39. [Tatiana V. Larina, Vladimir I. Ozyumenko, Anna A. Gornostayeva (2012). Swear Words in English Communication: Meaning and Functions. *Journal of Psycholinguistics*, 2 (16), 30—39. (In Russ.)]

Ларина Т.В., Озюменко В.И., Ишанкулова Д.Г. О позитивном мышлении представителей англосаксонской культуры и его отражении в языке и коммуникации // *Вопросы психолингвистики*. 2011. № 1 (13). С. 52—63 [Larina, T.V., Ozyumenko, V.I., Ishankulova, D.G. Positive Thinking of the People of Anglo culture and its Reflection in Language and Communication. *Journal of Psycholinguistics*, 1 (13), 52—63 (In Russ.)]

Леонтович О.А. «Две души и единая воля»: позитивная коммуникация в межкультурной семье // *Ученые записки национального общества прикладной лингвистики*. 2017. № 2 (18). С. 89—105. [Leontovich, O. A. (2017) “Two souls and one will”: Positive Communication in an Intercultural Family. *Scientific notes of the National Society of Applied Linguistics*. 2017, 2 (18), 89—105 (In Russ.)].

Леонтович О.А. Позитивная коммуникация: постановка проблемы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015. № 1. С. 144—163 [Leontovich, O. A. (2015) Positive Communication: A Theoretical Perspective. *Russian Journal of Linguistics. Vestnik RUDN*, 1, 164—176. (In Russ.)]

Леонтович О.А., Якушева Е.В. *Понимание — начало согласия: межкультурная семейная коммуникация*. М.: Гнозис, 2014. [Leontovich, O. A., Yakusheva, E. V. (2004). *Understanding as the beginning of agreement: intercultural family communication*. Moscow: Gnozis. (In Russ.)]

Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент психологической структуры значения слова. Курск: Изд-во КГУ, 2000. [Myagkova, E.Yu. (2000). *Emotional-sensual component of the psychological structure of the meaning of the word*. Kursk: KSU Publ. (In Russ.)]

Озюменко В.И. Выражение эмоций грамматическими средствами английского языка // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015. № 1. С. 126—143 [Ozyumenko, V.I. (2015). Grammatical Means of Expressing Emotions in English Discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 1, 126—143. (In Russ.)]

Озюменко В.И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции — к агрессии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*.

2017. Т. 21. № 1. С. 203—220. [Ozyumenko, V. I. (2017). [Media Discourse in an Atmosphere of Information Warfare: From Manipulation to Aggression]. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (1), 203—220. (In Russ.)]
- Парсиева Л.К., Гацалова Л.Б. *Грамматические средства выражения эмотивности в языке*. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. [Parsieva, L.K., Gatsalova, L.B. (2012). *Grammatical means of expressing emotivity in the language*. Vladikavkaz: SOIGSI Publ. In Russ.]
- Ренц Т.Г. Репрезентация категории эмотивности в эмотивно-прагматических установках участников романтического общения. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015. № 1. С. 178—189. [Rents, T.G. (2015). Representation of Emotivity in Emotive and Pragmatic Attitudes of Participants in Romantic communication. *Russian Journal of Linguistics*, 1, 178—189 (In Russ.)]
- Седов К.Ф. Речевая агрессия в межличностном взаимодействии // *Прямая и непрямая коммуникация*. Саратов: Колледж. 2003. [Sedov, K.F. (2003). Speech aggression in interpersonal interaction. In: *Direct and indirect communication*. Saratov: College Publ. (In Russ.)]
- Седов К.Ф. *Общая и антропоцентрическая лингвистика*. М.: Языки славянской культуры, 2017. [Sedov, K.F. (2017). *General and Anthropocentric Linguistics*. Moscow. (In Russ.)]
- Стернин И.А. *Проблемы сквернословия*. Изд. 6-е. М. — Берлин: Директ-Медиа, 2015. [Sternin I.A. (2015). *Problems of swearing*. 6th ed. Moscow — Berlin: Direct-Media. (In Russ.)]
- Труфанова И.В. Экологичные и неэкологичные речевые акты в сфере эмотивного // *Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве*: кол. моногр. / науч. ред. проф. В.И. Шаховский. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. С. 274—287. [Trufanova, I.V. (2013). Ecological and non-ecological speech acts in the sphere of emotive communication. In: Shahovsky, V.I. (ed.) (2013). *Emotive linguoecology in the modern communicative space*. Volgograd: Peremena Publ. 388—393. (In Russ.)]
- Федорова Л.Л. Эмоции в грамматике // *Эмоции в языке и речи*. М.: 2005. С. 178—199. [Fedorova, L. L. Emotions in grammar. In: I.A. Sharonov (ed.) (2005). *Emotions in language and speech*. Moscow: RGGU Publ, 178—199. (In Russ.)]
- Харлова М.Л. Эмоции в невежливой и грубой коммуникации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015. № 3. С. 84—98. [Kharlova, M.L. (2015). Emotions in Impolite and Rude Communication. *Russian Journal of Linguistics*, 3, 84—98. (In Russ.)]
- Шаронов И.А. *Междометия в речи, тексте и словаре*. Москва: РГГУ, 2008. [Sharonov, I.A. (2008). *Interjection in speech, text and vocabulary*. Moscow: RSUH Publ., 2008. (In Russ.)]
- Шаховский В.И. *Лингвистическая теория эмоций*. М.: Гнозис, 2008. [Shahovsky, V.I. (2008). *Linguistic theory of emotions*. Moscow: Gnozis Publ. (In Russ.)]
- Шаховский В.И. *Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология*. URSS Publ. 2010 [Shahovsky, V.I. (2010 c) Jemocii: Dolvingvistika, lingvistika, lingvokul'turologiya [Emotions: Alinguistic, linguistics, cultural linguistics.]. Izd.stereotip. URSS Publ. (In Russ.)]
- Шаховский В.И. *Голос эмоций в языковом круге homo sentiens*. Изд. 3-е, стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015а. [Shahovsky, V.I. (2015а) *Voice of emotion in the linguistic circle of homo sentiens*. 3-d edition. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM» Publ. (In Russ.)]
- Шаховский В.И. Эмоциональная коммуникация как модератор модуса экологичности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015б. № 1. С. 11—19. [Shahovsky, V.I. (2015б). Ecological Compatibility Mode in Emotional Communication. *Russian Journal of Linguistics*, 1, 11—19. (In Russ.)]
- Шаховский В.И. *Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции*. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов, 2016. [Shahovsky, V.I. (2016). *Dissonance in communicative sustainability: people, language, emotions*. Volgograd: IP Polikarpov Publ. (In Russ.)]

Щербинина Ю.В. *Речевая агрессия. Территория вражды*. М.: Форум, 2016. [Scherbinina, Yu.V. (2016). *Verbal aggression. The territory of enmity*. Moscow: Forum Publ. (In Russ.)]

Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. проф. В.И. Шаховский. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. [Shahovsky, V.I. (ed.) (2013). *Emotive linguoecology in the modern communicative space*. Volgograd: VGSPU Peremena Publ. (In Russ.)]

For citation:

Alba-Juez, Laura and Larina, Tatiana (2018). Language and Emotion: Discourse-Pragmatic Perspectives. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 9—37. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37.

Для цитирования:

Альба-Хуэс Л., Ларина Т.В. Язык и эмоции: дискурсивно-прагматический подход // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2018. Т. 22. No 1. С. 9—37. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37.

Bionotes:

LAURA ALBA-JUEZ is Full Professor at the Faculty of Philology of the National Distance Education University (UNED), in Madrid, Spain. She is the Principal Investigator of the EMO-FunDETT project (FFI2013-47792-C2-1-P), funded by the Spanish Ministry of Economy and Competitiveness. The project studies the emotive function of language from a discourse perspective, especially as manifested in work environments. She is a member of the board of the *Russian Journal of Linguistics*. Her main research interests are found in the fields of discourse analysis, pragmatics, and functional linguistics. Her latest publications include the book entitled *Pragmatics: Cognition, Context and Culture* (in co-authorship with J. Lachlan Mackenzie, 2016, McGraw Hill), the volume entitled *Evaluation in Context* (in co-edition with Geoff Thompson, 2014, John Benjamins), the book *Perspectives on Discourse Analysis: Theory and Practice* (Cambridge Scholars, 2009) and numerous scientific articles in linguistics journals. She is currently working on the edition (together with J. Lachlan Mackenzie) of the volume *Emotion in Discourse* (whose proposal has been accepted by John Benjamins Publishers). *Contact information*: <https://portal.uned.es>; e-mail: lalba@flog.uned.es

TATIANA V. LARINA is Full Professor at RUDN University, and is the Editor-in-Chief of the *Russian Journal of Linguistics*. Her research interests embrace language, culture and communication; intercultural pragmatics, intercultural communication, communicative ethnostyles, (im)politeness theory, and the linguistic and cultural study of emotion. Key publications: *Kategoriya veshlivosti i stil' kommunikatsii: sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii* [Politeness and Communicative Styles: comparative analyses of English and Russian communicative traditions], Moscow, 2009; *Anglichane i russkie: Yazyk, kul'tura, kommunikatsiya* [The English and the Russians: Language, Culture and Communication], Moscow, 2013; *Osnovy mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Intercultural Communication], Moscow, 2017; Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics*, 7 (3), 195—215, 2015. *Contact information*: larina_tv@rudn.ru

Сведения об авторах:

ЛАУРА АЛЬБА-ХУЭС — доктор, профессор филологического факультета Национального университета дистанционного образования (Мадрид, Испания), координатор докторских программ по филологии. Она является руководителем научно-исследовательского проекта по изучению эмоциональной функции языка EMO-FunDETT (FFI2013-47792-C2-1-P), финансируемого Министерством экономики и конкурентоспособности Испании, членом редколлегии журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика». Ее научные

интересы находятся в области анализа дискурса, прагматики и функциональной лингвистики. Среди основных публикаций — *Pragmatics: Cognition, Context and Culture*, 2016, McGraw Hill (соавтор — J.L. Mackenzie), *Evaluation in Context*, 2014, John Benjamins (сопоредактор — Geoff Thompson), *Perspectives on Discourse Analysis: Theory and Practice*, Cambridge Scholars, 2009, а также многочисленные статьи в лингвистических журналах. В настоящее время совместно с Дж. Лахлан Маккензи она работает над книгой *Emotion in Discourse* (John Benjamins Publishers). *Контактная информация*: <https://portal.uned.es>; e-mail: lalba@flog.uned.es

ЛАРИНА ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА — доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов, главный редактор журнала *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика / Russian Journal of Linguistics*. Сфера научных интересов: язык, культура, коммуникация; межкультурная прагматика; межкультурная коммуникация; этнокультурные стили коммуникации; теория (не)вежливости; эмоции в языке, культуре и коммуникации. Основные публикации: *Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. М.: Языки славянских культур, 2009; *Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация*. М.: Языки славянских культур, 2013; *Основы межкультурной коммуникации*. М.: Академия, 2017; *Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies // International Review of Pragmatics*, 7 (3), 195—215, 2015. *Контактная информация*: larina_tv@rudn.ru

FINANCE AND ACKNOWLEDGEMENTS:

The research done for this work has been partly funded by the Spanish Ministry of Economy and Competitiveness (MINECO), through the EMO-FunDETT project (FFI2013-47792-C2-1-P — <http://www.uned.es/projectofundett/>).

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ:

Исследование частично профинансировано Министерством экономики и конкурентоспособности Испании. Проект EMO-FunDETT (FFI2013-47792-C2-1-P — <http://www.uned.es/projectofundett/>).

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-38-53

EMOTIONS OF JESUS

Anna Wierzbicka

Australian National University
Canberra, 0200, Australia

Abstract

In a book entitled *The Sermon on the Mount: The modern Quest for its meaning*, theologian Clarence Bauman (1985) discusses, *inter alia*, Jesus' teaching on "anger". The book opens with a chapter on Tolstoy: "Leo Tolstoy: The moral challenges of literal interpretation": "Christ's first commandment is "Do not be angry" (Matthew 5: 22—25). Tolstoy noted that the text had been tampered with by redactors. By the fifth century the word *εικη*, meaning "needlessly" or "without cause," had been inserted into the initial unconditional statement: "Whosoever is angry with his brother *without a cause*...". But what did Jesus really teach about "anger"? The term used in Matthew's Gospel (5:22) is of course not the English word *anger* but the Greek word *orgizomai* — and the two don't mean the same. The term used by Tolstoy — the Russian word *gnevat'sja* — is different in meaning from both *anger* and *orgizomai*. But the word used by Jesus was neither English, nor Greek, nor Russian, but Aramaic. So what did that Aramaic word mean — and what did Jesus intend to say with it? Tolstoy's impulse to look for the "literal interpretation" is understandable, but as this chapter shows, the idea that we can pinpoint what Jesus meant with one word, from a particular language (be it Russian, English, Greek or Aramaic) is simplistic. The paper argues that in order to fully understand Jesus' teaching about "anger" in a precise and unbiased way, we need to go beyond single words of this or that language, and to try to articulate it through simple sentences couched in universal (i.e. universally-contestable) words. Furthermore, the paper shows that what applies to Jesus' teaching about emotions applies also to Jesus' "emotional practice". What did he feel when he saw someone doing something very bad, or someone to whom something very bad was happening? As the paper demonstrates, the "Natural Semantic Metalanguage" (NSM) developed by the author and colleagues allows us to replace crude formulations such as "Did Jesus feel angry?" or "What did Jesus teach about anger?" with questions which are far more fine-grained, and which enable us to reach far more fine-grained, and more meaningful answers.

Keywords: *emotions, anger, Sermon on the Mount, Natural Semantic Metalanguage, translatability of emotion concepts*

1. INTRODUCTION AND BACKGROUND

The subject of Jesus' emotions in the Gospels is of great interest to many people who want to know what Jesus was like, and there are many books and articles on the subject (cf. e.g. Law 1915, Elliott 2006, Voorwinde 2011). One question which often comes under discussion is this: was Jesus angry at times? And if so, how can his "anger" be reconciled with his teaching against "anger"¹? These questions concerning Jesus' "anger" will be discussed in detail in section 2, and elaborated in relation to "curses" and "woes" in section 3. First, however, I will make some preliminary remarks on the semantics of emotions in general and Jesus' emotions in particular.

¹ For an earlier discussion of this teaching, see my 2001 book *What Did Jesus Mean?*, pp. 61—71.

In addressing the question of Jesus' emotions in this paper, I am returning to a broader issue of the framework within which such questions can be meaningfully and fruitfully explored. In an earlier paper devoted to Jesus' emotions (Wierzbicka 2009) I discussed this broader issue in relation to Jesus' emotions in Gethsemane, as presented, above all, in Mark's Gospel (Mk 14: 33—34). Quoting the key lines in English (Revised Standard Version, RSV) and in Russian (in Averintsev's translation), I pointed out that the interpretation of Jesus' emotions in these two versions, English and Russian, was quite different.

English, RSV

33. And he took with him Peter and James and John, and began to be greatly *distressed* and *troubled*. 34. And he said to them, "My soul is very sorrowful, even to death, remain here, and watch". (Mark 14: 33—34)

Russian (Averintsev 2007)

33. ... I načal On čuvstvovat' užas i tomlenie, 34. i govorit im: "V smertnoj muke duša Moja; pobud'te zdes' i bodrstvujte".

As I pointed out in that earlier paper, the English words "distressed" and "troubled" are very different in meaning from the Russian words "užas" (usually glossed in English as "horror" or "terror") and "tomlenie" (roughly, "torment") — and all of those are different from the Greek words *ekthambeisthai* and *ademonein* in the original Greek of Mark's Gospel. Further, I argued that to reach a better understanding of what Jesus felt, we need to go beyond language-specific emotion terms, and try to understand the thoughts which gave rise to his feelings. In essence, I arrived at the following formula (I say "in essence" because a decade later, I think this formula can be somewhat improved, and I am adjusting it accordingly):

Jesus began to "ekthambesthai" and "ademonein" (Mk 14:33)

Jesus thought like this at that time:

"I know: something very bad will happen to me in a short time

I can't not think like this now: "I don't want it to happen"

I didn't know before that it would be like this"

when he thought like this, he felt something very bad, as someone can feel when they think like this for some time

The main idea behind this representation is that feelings can best be described with reference to thoughts, and also, that thoughts can best be identified in simple and universal human concepts, in accordance with the semantic methodology known as NSM (from Natural Semantic Metalanguage) (Wierzbicka 1996; Goddard 2011 [1998]; Goddard and Wierzbicka eds. 2002; Peeters (ed.) 2006; Goddard (ed.)).

As many studies in the NSM framework over many years have demonstrated, it is possible to describe human emotions without relying on the language-specific emotion terms of any particular language (be it English, Russian, Greek, or any other) if we base our description of different kinds of emotions on the analysis of prototypical thoughts which give rise to them, and if these thoughts are formulated in universal human concepts, as it is done in the NSM framework. Since this methodology is well known, here I will only offer the briefest possible explanation.

The Natural Semantic Metalanguage (NSM) is a mini-language which corresponds to the intersection — the common core — of all languages. This intersection of all languages has been identified empirically, through extensive cross-linguistic studies undertaken by many scholars over many years (see e.g., Goddard and Wierzbicka eds. 1994, 2002). Describing languages and cultures in NSM, and through NSM, means describing them in terms of simple and universal human concepts, which can be found as words (or word-like elements) in all languages (see Table 1). This applies to emotions as much as to any other domain: by using NSM, we can explore human emotions from a universal point of view, independent of any particular languages and cultures. (For references, see the NSM homepage: <www.griffith.edu.au/humanities-languages/school-humanitieslanguages-social-science/research/natural-semantic-metalanguage-homepage> [short URL bit.ly/1XUoRRV]).

Table 1

Semantic primes (English exponents) (Goddard & Wierzbicka 2014)

I, YOU, SOMEONE, SOMETHING~THING, PEOPLE, BODY	substantives
KINDS, PARTS	relational substantives
THIS, THE SAME, OTHER~ELSE	determiners
ONE, TWO, SOME, ALL, MUCH~MANY, LITTLE~FEW	quantifiers
GOOD, BAD	evaluators
BIG, SMALL	descriptors
KNOW, THINK, WANT, DON'T WANT, FEEL, SEE, HEAR	mental predicates
SAY, WORDS, TRUE	speech
DO, HAPPEN, MOVE	actions, events, movement
BE (SOMEWHERE), THERE IS, BE (SOMEONE/SOMETHING)	location, existence, specification
(IS) MINE	possession
LIVE, DIE	life and death
WHEN~TIME, NOW, BEFORE, AFTER, A LONG TIME, A SHORT TIME, FOR SOME TIME, MOMENT	time
WHERE~PLACE, HERE, ABOVE, BELOW, FAR, NEAR, SIDE, INSIDE, TOUCH	place
NOT, MAYBE, CAN, BECAUSE, IF	logical concepts
VERY, MORE	augmentor, intensifier
LIKE	similarity

Notes: ① Exponents of primes can be polysemous, i.e. they can have other, additional meanings. ② Exponents of primes may be words, bound morphemes, or phrasemes. ③ They can be formally, i.e., morphologically, complex. ④ They can have combinatorial variants or allomorphs (indicated with ~). ⑤ Each prime has well-specified syntactic (combinatorial) properties.

Using this set of universal human concepts (semantic primes) as their bedrock, NSM researchers have also developed, in recent years, a new descriptive tool known as “Minimal Language” (see e.g. Goddard ed. 2017; Wierzbicka 2017 and Forthcoming). Usually, the term “Minimal Language” is used for a somewhat enlarged version of the NSM, with some additional vocabulary allowed for a particular purpose. For example, in my book *What Christians Believe: The Story of God and People in Minimal English* (Forthcoming), where the “Christian story” is presented in a narrative form, I permit myself to use words like “shepherd”, “bread” and “wine”, which are not universal but which are integral to the theme.

No such additional vocabulary is needed for the domain of emotions, which is discussed in the present paper, so the analyses presented here do not go beyond “classical

NSM”. On the other hand, the label “Minimal Language” can also be used as an umbrella term, covering both the enlarged versions of NSM (such as Minimal English and Minimal Polish) and the NSM itself (as a limiting case). It is in this second sense that I will be using the term “Minimal Language” in the present paper.

2. THE “ANGER” OF JESUS

2.1. Jesus’ teaching on “anger”

In the Sermon on the Mount Jesus says (Mt. 5:27, RSV): “I say to you that everyone who is angry [*orgizomenos*] with his brother shall be liable to judgment (...) and whoever says ‘You fool!’ shall be liable to the hell of fire.” (In the Revised Standard Version, this section has the heading “Teaching about anger”.)

Yet when Jesus confronts the Pharisees (in Mt. 23: 13—33), he doesn’t hesitate to say to them: “You blind fools” (v. 17, RSV) and even “You serpents, you brood of vipers, how are you to escape being sentenced to hell?” (v. 33). Some commentators, used to different emotional styles, seem discomfited by such an outburst. Thus, speaking of the “anger” and “indignation” that Jesus showed (according to Mark 9: 38) when his disciples tried to prevent parents from bringing little children to him (so that he could bless them), Voorwinde (2011: 106) asks: “Could a reference to Jesus’ indignation impugn his sinlessness?” This would explain, he suggests, the “omission” of such references in Luke and Matthew’s accounts of the same incident.

Rethinking through Minimal Language the passages where Jesus teaches about “anger”, and also those where he appears to show “anger” himself, we can resolve the conundrum, because Minimal Language allows a more fine-grained analysis of emotions than a coarse-grained one relying on categories like “anger” and “indignation”.

The first point to note is that words like *anger* do not match in meaning across languages, and that there is no point in thinking about Jesus solely through the prism of the English word *anger*, rather than the German word *Wut*, the Greek word *orge*, the Russian word *serdit’sja*, or the Pitjantjatjara word *pika*, each of which embodies a different concept. (Cf. e.g. Durst 2001; Goddard 1991; Wierzbicka 1992, 1999, 2014.) Each such concept represents a culture-specific configuration of several components amalgamated into one whole.

Different language-specific “anger-like” words can include in their meaning different, though overlapping, combinations of such components (amalgamated into one whole). I am not going to try here to explicate the English word *anger*, or any of its closest counterparts in other languages (see, e.g., Wierzbicka 1998). I will note, however, that the meaning of such words often includes components like the following ones (for the sake of simplicity, to refer to the “angry” person I will use the word “he”).

he felt something (very) bad

he felt something (very) bad towards someone

he thought like this about someone: “this person is doing something (very) bad”

he wanted to do something bad to this someone

he wanted bad things to happen to this someone

If we use Minimal Language, we don't have to rely, in our interpretation of Jesus' emotions, on complex language-specific emotion terms; rather, we can talk about them in a language-independent way, using individual semantic components expressible in universal words. For example, we can ask about a particular episode in the Gospels in which Jesus appeared to be "angry":

Did Jesus feel something bad?

Did he feel something bad towards someone?

Did he want to do something bad to someone?

Did he want something bad to happen to this someone?

Was he saying to someone: "you are doing something bad"?

Was he saying to someone: "you are doing something very bad"?

Was he saying to someone: "I don't want you to do this"?

To illustrate how the use of such components can help us to achieve a more fine-grained interpretation of Jesus' emotions, I will discuss four scenes where Jesus appeared to be "angry".

2.2. Did Jesus feel something bad towards the disciples?

And they were bringing children to him, that he might touch them, and the disciples rebuked them. But when Jesus saw it he was indignant [*heganaktesen*], and said to them: "Let the children come to me, do not hinder them; for to such belongs the kingdom of God". (Mk. 10: 13—14, RSV)

The verb *aganakteo* is glossed by the *Greek-English Dictionary of the New Testament* as 'be indignant or angry', but this is not a very accurate statement of this verb's meaning (if only because *indignant* doesn't mean the same as *angry*). Using Minimal Language, we can portray Jesus' attitude more precisely (as well as more cross-translatably):

[A] I think like this now: You are doing something bad.

I feel something bad because of this.

I don't want you to do it.

This formula is quite consistent with Jesus' words, and there is no need to add to it a further component along the lines of: "he felt something bad towards them at that moment".

2.3. Did Jesus feel something bad towards Simon Peter?

In Matthew's chapter 16, Jesus asks the Apostles: "Who do men say the Son of Man is?" and when Peter replies: "You are the Christ, the Son of the living God", Jesus entrusts him the "keys of the kingdom of God":

Blessed are you, Simon Bar-Jona! (...) And I tell you, you are Peter, and on this rock I will build my church, (...), and I will give you the keys of the kingdom of heaven. (Mt. 16: 17—19, RSV)

In the passage that follows, however, in which he foretells his suffering and death, Jesus apparently gets very “angry” at Peter:

And Peter took him and began to rebuke him, saying: “God forbid, Lord! This shall never happen to you”. But he turned and said to Peter: “Get behind me, Satan! You are a hindrance to me; for you are not on the side of God, but of men”. (Mt. 16: 22—23)

Here, Jesus’ attitude to Peter can be portrayed as follows:

[B] I think like this now: When you say this, you are doing something very bad to me.
I feel something very bad because of this.
I don’t want you to say things like this.

The difference between “you are doing something bad” (in hindering the children from coming to Jesus) and “you are doing something bad to me” (in tempting Jesus to abandon his God-given mission) is significant, and may suggest to readers of the Gospels a stronger feeling. There is no reason, however, to assume that at that moment, Jesus felt something bad towards Peter, let alone that he wanted to do something bad to Peter. Jesus’ reaction here is different from that in the previous vignette, but this difference appears to be sufficiently accounted for by saying “bad” in the first case and “very bad” (as well as including the phrase “to me”) in the second.

2.4. Did Jesus feel something bad towards the scribes and the Pharisees?

When confronting the scribes and Pharisees in Jerusalem and pointing out their hypocrisy, Jesus uses strong language which has often been interpreted in various commentaries in terms of “anger”, “indignation”, or “wrath”. Voorwinde (2011: 78) speaks here of “anger”, and Law (1915:97), of “indignant wrath”).

Woe to you, scribes and Pharisees, hypocrites! because you shut the kingdom of heaven against men; for you neither enter yourselves, nor allow those would enter to go in. (...) You blind guides, straining out a gnat and swallowing a camel! (...) You serpents, you brood of vipers, how are you to escape being sentenced to hell?

To fully understand Jesus’ speech, we need not only to grasp his message but also to know something about Jewish “cultural scripts” (cf. Wierzbicka 2004), to which I will turn very shortly. For the moment, however, let me try to model Jesus’ message to his interlocutors:

[C] I think like this now: You are doing something very bad.
I feel something very bad because of this.
I don’t want you to do things like this.

If one said to someone “You hypocrite!” in a modern English-speaking society such as Australia, this would certainly be understood as conveying the message “I feel something bad (indeed, very bad) towards you”. But speech culture in first-century Palestine was different. In the context of that culture (in which Jesus could say to one of his closest friends: “Satan!”), Jesus’ utterance conveys the message “You are doing something very bad, I feel something very bad because of this, I don’t want you to do things like this”, and not: “I feel something very bad towards you”.

2.5. Did Jesus feel something bad towards the sellers and money-changers in the Temple?

...Jesus went up to Jerusalem. In the temple he found those who were selling oxen and sheep and pigeons, and the money-changers at their business. And making a whip of cords, he drove them all, with the sheep and the oxen, out of the temple; and he poured out the coins of the money-changers and overturned their tables. And he told those who sold the pigeons, "Take these things away; you shall not make my Father's house a house of trade". His disciples remembered that it was written, "Zeal for thy house will consume me".

Arguably, here, Jesus' attitude can be portrayed as follows:

[D] I think like this now:

You are doing something very bad,
something very bad is happening in this place because of this.
I feel something very bad because of this.
I want to do something because of this.

In this scene, unlike in the case of the scribes and the Pharisees, it is not the actions of the sellers and the money-changers as such that make Jesus "feel something very bad", but the resulting state of affairs: the degradation of the Temple ("his Father's house"). This is highlighted in the Gospel by the quotation from Psalm 69 ("Zeal for thy house will consume me").

As I see it, there is no need here to posit bad feelings towards the sellers of oxen and sheep, or the money-changers, on Jesus' part. Rather, he feels very strongly about what is happening to the Temple, and wants to do something because of this. Hence the overturning of the money-changers' tables, and the driving of the sellers, together with their oxen and sheep, out of the temple.

Is there any evidence suggesting that Jesus felt something bad towards those money-changers and those sellers, and that he wanted to do something bad to them? As I read John's account of this event (as well as those of Matthew, Mark and Luke), I do not find any such evidence. Jesus' attention was on the degradation of the Temple, not on the people who were responsible for it, and on his strongly felt need to restore the Temple's dignity.

2.6. Comparing the four vignettes with Jesus' teaching

To compare these four vignettes with Jesus' teaching about "anger" (mentioned briefly in section 2.1), we need to understand that teaching, too, in terms of precise and cross-translatable semantic components. Thus, in the Sermon on the Mount (Mt. 5: 24) we read:

You have heard that it was said to the men of old, 'You shall not kill; and whosoever kills shall be liable to judgment.' But I say to you that everyone who is angry with his brother shall be liable to judgment.

As one commentator (Crenshaw 1993: 533, in *The Oxford Companion to the Bible*) puts it, "Jesus broadened the prohibition of murder to include anger (Matt. 5. 21—22)". This is consistent with the following formulation:

It is very bad if someone wants to do something very bad to someone else.

But what about the verse in the same section that immediately follows: “...and whoever says, ‘You fool!’ shall be liable to hell fire” (Mt. 5: 22)? What was wrong, from Jesus’ point of view, with saying to someone “You fool!”? Given the context, which contrasts a person’s outer behaviour with their inner disposition (“the heart”), it is likely that he was referring here to the speaker’s feelings, rather than his or her words.

The most likely hypothesis seems to be that these words represent a warning against giving in to bad feelings towards another person. The strongest argument in favour of this interpretation is Jesus’ overall emphasis on “forgiveness”, that is, essentially, on the need to let go of any bad feelings that one may have towards someone because this person has done something bad to us.

As any readers of the Gospels will know, Jesus’ listeners were repeatedly urged to “forgive” — that is, essentially, not to feel something bad towards someone else when such a feeling might seem to be more justifiable than in any other circumstances. This implies that they were strongly encouraged to try not to have bad feelings towards other people under any circumstances. (Or, as my “Story of God and People” puts it, “it is bad for you if you feel something bad towards someone else”).

In his teaching about the “defilement” (Mk 7:14, Mt 15:10), Jesus says that the “defilement” comes from within; from “evil thoughts”, and this includes “murder”. (“For from within, out of the heart of men, proceed evil thoughts, adulteries, fornications, murder, thefts (...)”, Mark 7:6.) What exactly does it mean, that murder comes from the heart? The clearest semantic component is the warning against thinking about someone: “I want to do something bad to this someone”; but since the Greek word *kardia* (‘heart’) implies both thoughts and feelings, it seems likely that Jesus is also warning here against “feeling something bad towards someone”.

Of course the clearest warning against such feelings comes from the teaching about “forgiveness”, that is, roughly, about “not wanting to feel something bad towards someone for some time”. But since people are told to forgive someone who has sinned against them “seven times a day” (Lk 17: 3) (and according to Matthew (8: 21), seventy-seven), evidently Jesus is warning his listeners against even short-term bad feelings towards their offenders.

Jesus’ teaching about “forgiveness” and “turning the other cheek” can be misunderstood (along the lines of the prayer “Gentle Jesus, meek and mild,” mocked by Chesterton (1908: 118). It is good to acknowledge, therefore, that Jesus did express some forceful messages, such as the following ones:

You are doing something very bad.
I feel something very bad because of this.
I don’t want you to do it.
I want to do something because of this.

It is also good to be able to distinguish such messages, with precision, from messages like the following ones:

I want to do something (very) bad to you.
I want something (very) bad to happen to you.
I feel something (very) bad towards you.

In the light of the Gospels as a whole, it seems clear that Jesus was warning people, above all, against “feeling something very bad towards someone”. Undoubtedly, he was also enjoining people not to want to do anything bad to anyone, and not to want anything bad to happen to anyone; but since such “wants” often result from bad feelings towards people, he saw bad feelings towards someone or some people as dangerous and damaging, too.

As demonstrated, for example, in my book *Emotions Across Languages and Cultures* and other NSM-based work (see, e.g. Goddard 2014; Goddard and Ye eds. 2016; Ye 2001), a combination of components based on the universal prime FEEL (such as “to feel something (very) bad” and “to feel something (very) bad towards someone” with detailed cognitive scenarios based on the universal prime think give us truly fine-grained description of emotions and emotional attitudes. Minimal English (or any other NSM-based Minimal Language) helps us to clarify such differences in a precise, transparent, and language-independent way.

3. “CURSES” AND “WOES”

Jesus’ teaching about “not wanting bad things to happen to anyone”, with a special focus on one’s enemies and persecutors, is quite explicit:

...bless those who curse you, pray for those who abuse you. (Lk 6: 28)

In Minimal Language, this can be formulated as follows:

[E] If someone does something bad to you,
it will be bad if you want something bad to happen to this someone because of this;
it will be good if you want something good to happen to this someone.

Arguably, such sayings in both Matthew’s and Luke’s Gospels suggest more general formulations:

[F] It is bad if you want something bad to happen to someone else.
It is good if you want good things to happen to other people.

This raises some interesting questions about the meaning of the “woes” (In New Testament Greek, *ouai*) in Jesus’ speech, such as those that we have already seen addressed to the Pharisees: “Woe to you, scribes and Pharisees, hypocrites!”

The wild and comical hyperbole of “straining out the gnat and swallowing the camel” should be a warning to the modern reader not to try to interpret Jesus’ speech according to modern (and especially Anglo) cultural norms such as moderation, precision, consistency, “rationality”, or emotional restraint (see Wierzbicka 2006). More generally, such hyperboles underscore the potential for cross-cultural misunderstandings between the Gospel writers and the modern readers of the Gospels. The point is that in trying to understand Jesus’ emotions through emotion terms in our own languages, we have to beware of interpreting them in accordance with the cultural scripts of other societies (Wierzbicka 1994, 2006). The scripts of Jesus’ culture were very different. This applies in particular to “scripts” for expressing emotions — as documented in James Matisoff’s splendid book *Blessings, Curses, Hopes and Fears: Psychoostensive expressions in Yiddish* (2000). Expressing “bitterness” through “curses” is one such Jewish

cultural script, as illustrated in the following passage from an English translator's Introduction to a volume of Sholem Aleichem, quoted by Matisoff:

There are as many types of curses as there are people cursing, but the hardest to explain is the mother cursing her child. The child may be crying because he is hungry. The mother bursts out 'Eat, eat, eat. All you want to do is eat. May the worms eat you. May the earth open up and swallow you alive'. This mother loves her child, she is only pouring out the bitterness that's in her heart in the only way she knows. But in translation she sounds like a monster. (Butwin 1958: 9).

As discussed in my paper, "Jewish cultural scripts and the interpretation of the Bible" (2004), such cultural scripts, characteristic of Yiddish, have their roots in biblical culture. "Jewish woes" are not exactly the same as "Jewish curses", although the two are close in meaning. But a "curse" says (literally), so to speak: "I want something very bad to happen to you", whereas "woes" (which can be addressed to oneself, as in one Paul's letters in the New Testament (1 Cor 9:16) or in Jeremiah in the Old Testament (6:4), say "it will be good if something very bad happens to this person". In their original cultural context, both these speech genres are expected to be interpreted as "I say this because I feel something very bad, I want someone to know what I feel".

Thus, when Jesus seemingly threatens his opponents the Pharisees with hellfire (using at the same time a characteristically Jewish rhetorical question, cf. Rosten 1968), he is indeed expressing a "bad feeling" ("I feel something very bad"), but not "ill will" ("I want something bad to happen to you"). To think that he wanted something bad to happen to those Pharisees would be a case of cross-cultural misunderstanding. The impression that he was feeling something bad "towards them" is sufficiently accounted for by the combination of components "you are doing something very bad", "I feel something very bad because of this".

When modern readers come across utterances such as "Woe to you scribes and Pharisees, hypocrites", they need commentaries of two kinds: semantic, and cultural, and both such commentaries can be provided with the help of Minimal English. The strictly semantic question is: what does "woe to you" actually say (in its "dictum", see Goddard and Wierzbicka 2014), and the cultural one, how were those who shared Jesus' speech culture expected to interpret it? Using Minimal English, we can answer these two questions as follows:

[G] [I say:] it will be good if something very bad happens to you [or: me; or, someone else]
I say this because I want you to know what I feel at this moment

Such "woes" are related to the Jewish ritualized "curse", or *klole* (Hebrew): "petitive expressions that [on the face of it, A.W.] call down misfortune, disease, or death on their intended victims" (Matisoff 2000: 72). As Matisoff further points out, "Needless to say, the malo-petitioners would often be appalled if the dire eventuality actually came to pass" (Matisoff 2000: 72). What Matisoff is saying here is that it is part of Jewish culture to say that one wants something bad to happen to someone in order to express what one feels at a particular moment.

The Greek-English Dictionary of the New Testament glosses the Greek word *ouai!*, rendered traditionally in English translation as "woe to you", as "how horrible it will be!"

But this sounds like a prediction or a lament rather than a “wish” of any kind. Taking into account Matisoff’s work on ritualized Jewish “curses” and related speech acts, and using Minimal English, we can try to get closer to the real meaning of such exclamatory utterances with formula [G], bearing in mind that such “curses” can be directed at the speaker him- or herself, or at some other person or place, as in Jesus’ “woes” directed as the “unrepentant cities” in his homeland Galilee:

Woe to you, Chorazin! Woe to you, Bethsaida! for if the mighty works done in you had been done in Tyre and Sidon, they would have repented long ago in sackcloth and ashes. (Mt 11:21)

4. THE CHALLENGE OF THE GREEK EMOTION TERM “TETĀRAKTAI”

In this paper, I have argued that if we want to understand Jesus’ emotions, we need to go beyond the emotion terms of any particular language and try to understand, on the basis of his words and the context, his underlying thoughts. Before closing, I will illustrate this general tenet with the challenge of the Greek word *tetāraktai*, used three times in John’s Gospel — a term which the NRSV renders with the phrase “troubled”, and the Russian synodal translation, with the words “voskorbet” (duxom) (roughly, “to grieve”) and “vozmutil’sja” (roughly, “perturbed”). To show this, I will first adduce three relevant passages from the NRSV, and then, an extended comment from Benedict XVI, in which the Pope tries to explain, in discursive prose, what Jesus felt on those three occasions.

1. *Speaking about his death*

Jesus answered and said: The hour has come for the Son of Man to be glorified. Very truly, I tell you, unless a grain of wheat falls into the earth and dies, it remains just a single grain; but if it dies, it bears much fruit. (...)

Now my soul is **troubled**. [Duša moja teper’ vozmutilas’.] (John 12:27)

2. *Talking to Mary, the sister of Lazarus*

“Lord, if you had been here, my brother would not have died!” When Jesus saw her weeping, he was greatly **disturbed** in spirit and deeply moved [voskorbel duxom i vozmutil’sja.] He said, “Where have you laid him?” (John 11:33)

3. *At the Last Supper, speaking of Judas’ betrayal*

After saying this, Jesus was **troubled** in spirit [vozmutil’sja duxom], and declared, “Very truly, I tell you, one of you will betray me.” (John 13:21)

Speaking of Mark’s and Luke’s accounts of Jesus’ emotions in Gethsemane, just before his arrest, Benedict XVI writes:

We may distinguish three elements in this prayer of Jesus. First there is the primordial experience of fear, quaking in the face of the power of death, terror before the abyss of nothingness that makes him tremble to the point that, in Luke’s account, his sweat falls to the ground like drops of blood (cf. 22:44). In the equivalent passage in Saint John’s Gospel (12:27), this horror is expressed, as in the Synoptics, in terms reminiscent of Psalm 43:5, but using a word that emphasizes the dark depths of Jesus’ fear: *tetāraktai* — it is the same verb, *tarássein*, that John uses to describe Jesus’ deep emotion at the tomb of Lazarus (cf. 11:33) as well as his inner turmoil at the prophecy of Judas’ betrayal in the Upper Room (cf. 13:21).

In this way John is clearly indicating the primordial fear of created nature in the face of imminent death, and yet there is more: the particular horror felt by him who is Life itself before the abyss of the full power of destruction, evil, and enmity with God that is now unleashed upon him, that he now takes directly upon himself, or rather into himself, to the point that he is “made to be sin” (cf. 2 Cor 5:21).

The *Greek-English Dictionary of the New Testament* (1971) glosses the word *tarassein* as “trouble, disturb, upset; terrify, frighten; stir up (of water)”. These glosses suggest a feeling that is both “very bad” and “sudden” (as in “stir up”), and they are helpful; but they do not try to capture the invariant semantic component of the word. Nor do they enable us to find a plausible common core of Jesus’ experiences described with this word in John’s Gospel. Using Minimal English, I would tentatively propose the following characterization of the common core:

[H] Jesus felt something very bad at that moment.

People can think about it like this:

He thought like this: “very bad things can happen to people,
people can do very bad things.

When he thought like this, he felt something very bad.

This formula doesn’t affirm that we know Jesus’ exact thoughts on those three occasions, but it invites the reader to imagine what one would feel if one thought like this. Since Benedict XVI links the experience in question with thoughts about death (“Each time, it is a question of Jesus’ encounter with the power of death”, p. 163), we might consider adding “people die” after “very bad things can happen to people”. I have refrained from doing so, however, because I don’t think this would fit Jesus’ words relating to Judas’ betrayal. In fact, in the case of Lazarus, too, it is not clear whether the presumed thought “very bad things happen to people” would apply to Lazarus himself (who died) or to his sister Mary (who had lost her brother). Furthermore, if we refrain from including the component “people die” in the explication, we leave the possibility open that Judas’ betrayal is viewed not only as “something very bad that Judas did”, but also, as “something very bad that happened to Judas”; and this would seem to be consistent with the tenor of Jesus’ words. (I will note in this context that Alexander Men, in his book *The Son of Man*, describes Jesus’ feelings in the Lazarus episode with the untranslatable Russian word “volnenie”, as “glubokoe volnenie”, “deep *volnenie*”).

The exact phrasing of formula [H] is of course open to discussion. I should add that this formula is not necessarily an accurate semantic explication of the Greek word *te-táraktai* (*tarássein*) as such. Rather, the aim of this formula is to provide a plausible characterization of Jesus’ emotions which one of those who were with Jesus at the time (John) sought to approximate with this Greek word. What seems to me to be really conclusively established is the inadequacy of complex and language-specific terms: “horror”, “fear”, “troubled”, “turmoil” and “užas”. Terms like this are bound, to some extent, to distort Jesus’ emotions. In different translations of the Gospels, such distortions are no doubt unavoidable. They can, however, be avoided in the commentaries and explanatory notes, if we base our interpretation of Jesus’ emotions on simple and cross-translatable words such as “think” and “feel”, “good” and “bad”, “do” and “happen”, that is, on what appear to be fundamental and universal human concepts.

5. CONCLUDING REMARKS

To conclude, the Gospels tell us a great deal about Jesus' emotions, but what they are telling us cannot be fully captured with emotion terms of any particular language (e.g. English, Russian, or Greek). We can get much closer to an understanding of Jesus' emotions if we think about them with the help of simple and cross-translatable words such as “feel”, “think”, “good” and “bad”, and cross-translatable phrases such as “feel something bad towards someone”, “feel something good towards someone”. Using such words and phrases we can ask clear questions such as 1 and 2:

1. Did Jesus sometimes feel something very bad?
2. Did Jesus sometimes feel something very bad towards someone?

We can also give clear answers to these questions: Yes to question 1, and No to question 2. These answers are entirely consistent with Jesus' teaching preserved in the “Sermon on the Mount” and elsewhere in the Gospels. Jesus never taught that it was bad “to feel something very bad”, but he did teach (though not in these words) that it was bad “to feel something very bad (and even something bad) *towards someone*”.

What about question 3, then: Did Jesus teach (in some form) that it is bad to say to someone: “you are doing something very bad, I feel something very bad because of this”? Here, too, we can provide a clear and unequivocal answer with Minimal Language: No, he didn't teach that. On the other hand, he did teach (not in this form) that it is bad to say to someone: “You are doing something very bad, I feel something very bad towards you because of this”. To see how important such distinctions are, it is enough to recall a commentator's question quoted earlier: “Could a reference to Jesus' indignation impugn his sinlessness?”

In a sense, the question is absurd, but it is also instructive. It is absurd because for Christians (and by no means only for Christians), Jesus shows us what a perfect human life looks like: people are “sinful” to the extent to which they are not like Jesus. “What is sin?” (Čto značit grex?), asks Mary Magdalene in Pasternak's poem which bears her name; and for Christians, the answer must be: being not like Jesus — not so much in one's actions (which depend, to a very large extent, on one's circumstances) as in one's thoughts, wants and feelings (which are more subject to one's will). But the commentator's wistful question is also instructive, because it shows how easy it is to be confused about what Jesus was really like.

I submit that an important part of the answer to the question of what Jesus was like lies in the distinction between, on the one hand, “feeling something very bad” and, on the other, “feeling something very bad towards someone” — a distinction which Minimal Language allows us to make clearly, precisely, and “cross-translatably”.

© Anna Wierzbicka, 2018

REFERENCES

- Averintsev, Sergej (2007). *Sobranie sočinenij* [Collected works]. Kiev: Dux i Litera.
- Butwin, Frances (1958). Translator's introduction to Sholom Aleichem [Rabinowitz], *The Old Country*. London: Andre Deutsch.
- Chesterton, G.K. (1908). *The Everlasting Man*. Radford, VA: Wilder Publications.

- Crenshaw, James L. (1993). Murder. In Bruce M. Metzger and Michael D. Coogan, *The Oxford Companion to the Bible* (532—533). New York; Oxford: Oxford University Press.
- Durst, Uwe. 2001. Why Germans don't feel "anger". In Jean Harkins and Anna Wierzbicka (eds.), *Emotions in Cross-linguistic Perspective*, 115—148. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Elliott, Bianca (2006). *The Emotions of Jesus*. Martinsville, IN: Airleaf.
- Goddard, Cliff (1991). Anger in the Western Desert: A case study in the cross-cultural semantics of emotion. *Man* 26 (2): 265—279.
- Goddard, Cliff (2014). Interjections and emotions (with special reference to "surprise" and "disgust"). *Emotion Review* 6 (1): 53—63.
- Goddard, Cliff and Anna Wierzbicka (2014). *Words and Meanings: Lexical Semantics Across Domains, Languages, and Cultures*. Oxford: Oxford University Press.
- Goddard, Cliff and Anna Wierzbicka (Eds.) (1994). *Semantic and lexical universals: Theory and empirical findings*. Amsterdam: John Benjamins.
- Goddard, Cliff and Anna Wierzbicka (Eds.) (2002). *Meaning and universal grammar: Theory and empirical findings* (Vols. 1—2). Amsterdam: John Benjamins.
- Goddard, Cliff and Zhengdao Ye (Eds.) (2016). *"Happiness" and "Pain" across Languages and Cultures*. Amsterdam: John Benjamins.
- Goddard, Cliff (Ed.) (2017). *Minimal English for a Global World: Improved Communication in Fewer Words*. Palgrave.
- Greek-English Dictionary of the New Testament* (1971). London: United Bible Societies.
- Law, Robert (1915). *The Emotions of Jesus*. Edinburgh: T & T Clark.
- Matisoff, James (2000). *Blessings, Curses, Hopes and Fears: Psychoostensive expressions in Yiddish*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Rosten, Leo (1968). *The Joys of Yiddish*. New York. McGraw-Hill.
- Voorwinde, Stephen (2011). *Jesus' Emotions in the Gospels*. London: T&T Clark.
- Wierzbicka, Anna (1992). *Semantics, Culture and Cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations*. New York: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna (1999). *Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wierzbicka, Anna (2004). Jewish cultural scripts and the interpretation of the Bible. *Journal of Pragmatics*. 36(3), 575—599.
- Wierzbicka, Anna (2009). Language and metalanguage: Key issues in emotion research. *Emotion Review*. 1 (1) 3—14.
- Wierzbicka, Anna (2014). *Imprisoned in English: The hazards of English as a default language*. New York: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna (2017). *W co wierzą chrześcijanie? Opowieść o Bogu i o ludziach* [What Christians Believe: The Story of God and People]. Cracow: Znak.
- Wierzbicka, Anna (Forthcoming). *What Christians Believe: The Story of God and People*. New York: Oxford University Press.
- Ye, Zhengdao (2001). An inquiry into sadness in Chinese. In Jean Harkins and Anna Wierzbicka (eds.), *Emotions in Cross-linguistic Perspective*, 359—404. Berlin: Mouton de Gruyter.

Article history:

Received: 09 August 2017

Revised: 12 September 2017

Accepted: 20 September 2017

For citation:

Wierzbicka, Anna (2018). Emotions of Jesus. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 38—53. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-38-53.

Bionote:

ANNA WIERZBICKA is a Professor in the Linguistics Program, School of Languages, Literature and Linguistics, Australian National University. Her work spans a number of disciplines, including anthropology, psychology, cognitive science, philosophy and religious studies as well as linguistics, and has been published in many journals across all these disciplines. She has published over twenty books and edited or co-edited several others. Her latest book is *What Christians Believe: The story of God and people* published in Cracow, Poland in 2017 by Znak. Professor Wierzbicka is a Fellow of the Australian Academy of the Humanities, the Australian Academy of Social Sciences, and of the Russian Academy of Sciences, and the Polish Academy of Arts and Sciences. She is the winner of the International Dobrushin Prize for 2010 and of the Polish Science Foundation's 2010 prize for the humanities and social sciences. *Contact information:* anna.wierzbicka@anu.edu.au

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-38-53

ЭМОЦИИ ИИСУСА ХРИСТА

Анна Вежбицкая

Австралийский Национальный Университет
Канберра, Австралийская столичная тер. 0200, Австралия

В книге *The Sermon on the Mount: The modern Quest for its meaning* (Нагорная проповедь: современная интерпретация ее значения) (1985) теолог Кларенс Бауман, помимо многого другого, касается вопроса об учении Христа о «гневе». Книга начинается статьей, посвященной Толстому "*Leo Tolstoy: The moral challenges of literal interpretation*" (Лев Толстой: Моральные проблемы буквального толкования). Одна из заповедей Христа — *Не гневайся* (от Матфея 5: 22—25). Толстой заметил, что в процессе редактирования проповеди ее текст был искажен. К пятому столетию в первоначальное безусловное утверждение было вставлено слово *εἰρη*, означающее «бесполезно» или «без причины»: «Всякий, гневающийся на брата своего без причины...». Но чему действительно учил Христос, говоря о «гневе»? Термин, использованный в Евангелие от Матфея (5:22), это было, разумеется, русское слово «гнев», и не английский слово «anger», а греческое слово *orgizomai*. Слово, употребленное Толстым — русское слово «гневаться» — отличается по значению и от английского *anger*, и от греческого *orgizomai*. Но Иисус использовал не английский, не греческое и не русское слово, а арамейское. Что означало это арамейское слово, и что же хотел сказать Иисус, употребляя его? Вполне понятно желание Толстого найти «буквальное толкование», но, как показано в данной статье, пытаться определить, что хотел сказать Иисус, одним словом из того или иного языка (будь то русский, английский, греческий или арамейский), — значило бы чрезмерно упростить проблему. В статье утверждается, что для того, чтобы полностью понять учение Христа о «гневе» точным и беспристрастным образом, нам нужно выйти за рамки отдельных слов того или иного языка и попытаться сформулировать простые предложения, используя универсальные слова, то есть слова, которые имеют точные эквиваленты во всех языках. Кроме того, в статье показано, что то, что относится к учению Христа об эмоциях, относится также и к «эмоциональной практике» Христа. Что он чувствовал, когда видел, что кто-то делает что-то очень плохое или когда с кем-то что-то очень плохое происходит? Естественный семантический метаязык, разработанный автором и коллегами, позволяет заменить грубые формулировки, такие как «Испытывал ли Иисус гнев?» или «Что говорил Христос о гневе?», более тонкими вопросами, позволяющими получить более точные и содержательные ответы.

Ключевые слова: эмоции, гнев, Нагорная проповедь, естественный семантический метаязык, переводимость эмоциональных концептов

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 09 августа 2017

Дата принятия к печати: 20 сентября 2017

Для цитирования:

Wierzbicka, Anna (2018). Emotions of Jesus. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 38—53. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-38-53.

Сведения об авторе:

АННА ВЕЖБИЦКАЯ — известный лингвист, профессор Института языка, литературы и лингвистики Австралийского национального университета. Помимо лингвистики, ее научные интересы охватывают целый ряд дисциплин, включая антропологию, психологию, философию и религиоведение. Она опубликовала более двадцати книг, среди которых — *Semantics, Culture and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations* (N.Y., London: Oxford University Press, 1992), *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction* (Berlin: Mouton de Gruyter, 1991/2003), *Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universality* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999), *English: Meaning and Culture* (Oxford: Oxford University Press, 2006), *What Christians Believe: The Story of God and People* (Cracow: Znak). Профессор Вежбицкая является членом Австралийской академии гуманитарных наук, Австралийской академии общественных наук, Российской академии наук, Польской академии знаний, лауреатом Международной премии имени Добрушина (2010 г.) и премии Польского научного фонда (2010 г.). *Контактная информация*: anna.wierzbicka@anu.edu.au

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79

КОГНИТИВНАЯ МАТРИЦА ЭМОЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ

В.И. Шаховский

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
400066, Россия, г. Волгоград, проспект им. В.И. Ленина, 27

Цель статьи — показать движение научной мысли от зарождения до определения понятия «языковая личность». Отмечается, что до 70-х гг. прошлого столетия эмоции полностью исключались из сферы лингвистического внимания. В связи с появлением антропоцентрической лингвистики эмоции были признаны центром человеческой личности, но многие ученые по-прежнему уделяли внимание в основном только языку человека, и в структуре понятия «языковая личность» оставалась значительная лакуна — отсутствовала ее эмоциональная компонента. Задачами данной статьи являются: 1) изучение этапов становления теории языковой личности; 2) доказательство необходимости включения эмоциональной компоненты в структуру концепта языковой личности; 3) обоснование нового термина — «эмоционально-коммуникативная личность», который логично вписывается в терминосистему современной коммуникативистики и не отрицает термин «языковая личность», а подчеркивает коммуникативную важность ее эмоциональной компоненты. Теоретическим материалом послужили многочисленные концепции языковой личности от В.В. Виноградова (1930-е гг.) до Г.И. Богина, Ю.Н. Караулова (1980-е гг.), а затем, с 90-х гг. по настоящее время О.А. Дмитриевой, И.А. Мурзиновой, 2015; Shakhovskiy, 2000; В.И. Шаховский, 2008 а, б; А.А. Штебы, 2014 и мн. др. В зарубежной лингвистике такое терминопонятие не разрабатывалось. Другим теоретическим источником явились многочисленные работы по теории эмоций в языке. В отечественном языкознании лингвистика эмоций разрабатывается с 1969 г. Основные результаты этой работы отражены в публикациях В.И. Шаховского, с 1969 по настоящее время; С.В. Ионовой, 1998, 2015; Н.А. Красавского, 2001; Т.В. Лариной, 2009, 2015; Я.А. Волковой, 2014 и мн. др. В современной интерпретации проблема формулируется как «язык и эмоции» в работах: А. Schleicher, 1869; Ch. Bali, 1944; A. Binet, 1946; F. Dane, 1987; B. Volek, 1987; R. Dirven, 1997; S. Niemeier, 1997; A. Wierzbicka, 1999 и др. Использованными в статье методами являются: критический анализ теоретических работ, гипотетико-дедуктивный метод, научная интуиция автора исследования. Автором установлено следующее: 1) теория языковой личности многолика, но до настоящего времени не предлагает полной картины этого феномена, что, в свою очередь, не позволяет сформулировать единую дефиницию языковой личности; 2) в связи с возникновением и развитием лингвистики эмоций и коммуникативистики стало очевидно отсутствие структурно-эмоциональной компоненты в матрице языковой личности. В связи с этим в работе даны аргументы в пользу введения нового термина — «эмоционально-коммуникативная личность», который закрывает лакуну, существующую во всех определениях языковой личности; предложено описание когнитивной матрицы эмоционально-коммуникативной личности, дополняющее понимание термина «языковая личность»; 3) подчеркнута, что именно структурно-эмоциональная компонента языковой личности позволяет осознать ее (не)экологичность; 4) предложенная матрица расширяет эмотивно-когнитивную компетенцию *homo loquens / homo sentiens*.

Ключевые слова: эмоции, коммуникативно-эмоциональная ситуация, языковая личность, эмоционально-коммуникативная личность, когнитивная матрица, человек эмоциональный (*homo sentiens*)

Эмоции прячутся в глубине разума (С. Кинг «Худеющий») / *«Слова воспаляют мозг людей»* (К. Ремчуков)

1. ВВЕДЕНИЕ

Проблема «язык и эмоции» стала интересовать лингвистов лишь во второй половине прошлого века, особенно в связи с появлением антропоцентрической научной парадигмы. Целый ряд исследователей заметили, что эмоции часто размягчают разум и прорываются через него наружу из глубин сознания. И тогда *«кипит наш разум возмущенный и в смертный бой идти готов»*. Эмоции становятся неуправляемыми, что в современном мире и наблюдается повсеместно. Разрушительный потенциал эмоций проявляется разнообразно, во всех сферах человеческой коммуникации: вербальной, невербальной, акциональной.

Эмоция как признак состояния разума/сознания конкретизируется в эмоциональных ситуациях и на поверхность вытягиваются такие смыслы (конкретизаторы той или иной эмоции), о которых ни говорящий, ни слушающий даже не помышляли и не знали об их возможном существовании. Так коммуникативная практика выявляет всё новые и новые валентности у, казалось бы, давно известных эмоций, нанося значительный ущерб как качеству самой коммуникации, так и здоровью конкретной языковой личности (далее — ЯЛ) и, в конечном счете, всему социуму.

2. МЕСТО ЭМОЦИЙ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКА И В КОММУНИКАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

Психолингвистами выделяются такие понятия, как *эмоциональное выгорание / истощение / деформация ЯЛ / вспышка / взрыв / температура эмоций / возгонка эмоций / кипят эмоции, эмоции кипят / эмоциональная покупка / эмоциональный подвиг / эмоциональная тупость / возгонка ненависти (через СМИ) / схватка зловещих эмоций*, которые оформляются в языке журналистами и являются разрушительными для коммуникации.

Чтобы подчеркнуть значимость эмоций для жизнедеятельности всех людей, ученые обозначили даже такое состояние человека, как эмоциональный нуль. Это такое состояние, которое внешне не проявляется, и человек не переживает никакие эмоции реально. Это подчеркивает значимость даже отсутствия эмоций для коммуникации. Не случайно, что физиологи и психологи отличают от этого состояния такое состояние человека говорящего/чувствующего, которое они назвали эмоциональной тупостью, т.е. полным отсутствием эмоционального интеллекта. Общение с такими личностями практически невозможно. И такого человека нельзя назвать ни ЯЛ, ни ЭКЛ (эмоционально-коммуникативной личностью).

И науке, и практике известно множество фактов, подтверждающих эмоциональное начало у человека. Думаю, что все-таки в начале была эмоция. Пора, наконец, как я полагаю, признать эмоциональную теорию происхождения языка и исключить эту проблему из ряда неразрешимых проблем (Schleicher 1869).

Человек под влиянием эмоций часто совершает безумные поступки, о которых потом сожалеет, но исправить уже ничего нельзя. Так что эмоции — довольно опасный инстинкт человека.

Эмоции занимают центральное место в теории эмотивной лингвоэкологии (Эмотивная лингвоэкология... 2013), поскольку человек очень часто в процессе коммуникации бросается не словами, а «эмоциональными булыжниками», т.е. возвращается к состоянию первобытного человека. Никакой удар, к сожалению, назад не вернуть, в том числе и вербальный. Удар можно простить, но забыть невозможно. Так устроена эмоциональная память человека. И не зря в одной из современных песен Д. Билан поет: «*Те слова, что ты сказала, словно камни, бросив мне, ни за что не написала б и в прощальном ты письме. Зачем словами больно бьешь? И так ты уйдешь*».

Голос эмоций очень сильно звучит в современном общении всех видов и типов. Эмоции бросают вызов современному человечеству на разных континентах: мы являемся живыми свидетелями правоты этого утверждения. Подчеркну, надо знать как можно больше о них. Я полагаю, что построение когнитивной матрицы эмоционально-коммуникативной личности могло бы вооружить всех коммуникантов определенными знаниями и правилами управления своими эмоциями (см.: Шаховский 2016: А, Часть 6). Это помогло бы коммуникантам остерегаться, предупреждать их воздействие на разум и отказываться от негативного мышления, сторониться его наведения со стороны, переводить коммуникацию на позитивный вектор и тем самым сохранять свое здоровье и здоровье окружающей человеческой среды. Приведу пример сказанному: персонаж художественного произведения С. Кинга Билли Халлек, негативное мышление которого (самовнушение о наложенном на него проклятии) привело его вначале к исцелению (С. Кинг, 2008).

Под воздействием негативного мышления происходит эрозия ЯЛ и ЭКЛ. Вот почему важен термин *человеческая экология*. Формированию такой экологии способствует новая отрасль лингвистики эмоций — *эмотивная лингвоэкология* (см: Сковородников 2016; Шаховский 2016: А и др.).

В связи с этим напомним, что некоторые люди, имеющие низкий уровень коммуникативной компетенции, делают ошибочные выводы, принимают неудачные решения и при этом не способны осознавать свои ошибки в силу низкого уровня своего эмоционального интеллекта (Goleman 1997). Это приводит к возникновению у них завышенных представлений о собственных способностях, в то время как действительно высококомпетентные люди, наоборот, склонны занижать свои способности и быть неуверенными в своих силах, считая других более компетентными. Оба типа людей характеризуются противоположным эмоциональным оценением своего интеллекта, но, к сожалению, необъективным в обоих случаях, и в обоих случаях это оценивание сопровождается эмоциональными переживаниями.

Каждый человек отличается способностью эмоционально переживать окружающий мир и себя в этом мире, свои взаимоотношения с миром и с другими людьми, включая и себя иногда в другое Я. Развести четко свои и чужие эмоцио-

нальные состояния ни один человек зачастую не способен без эмоциональной и эмотивной компетенций как конститuentов коммуникативной компетенции. К тому же, *competence and performance*, по Н. Хомскому, увы, довольно часто не совпадают из-за ущербности эмоциональной коммуникативной практики, из-за неопытности в ориентации в различных коммуникативно-эмоциональных ситуациях (далее — КЭС).

Никакая коммуникация невозможна без эмоционального фактора: сами события в современной межкультурной коммуникации вынуждают даже дипломатов и бизнесменов прибегать к эмоциональным высказываниям, порой очень горячим и резким. Напомню достаточно эмоциональное речевое поведение нашего образцового в рациональности своего интеллекта С. Лаврова, который не раз, даже в публичных выступлениях, срывался на эмоциональную лексику и тональность.

Мир подвижен. Более того, зачастую неожиданное поведение речевых партнеров стало непредсказуемым по своей нетолерантности, и поэтому человек, обладающий всеми признаками эмоционального интеллекта, не всегда успевает рационализировать свои эмоции. Именно поэтому люди все чаще не понимают друг друга, и самое главное, не хотят понять, потому что понять — это встать на позицию другого, а каждый коммуникант слишком индивидуален, поэтому ни максимы Дж. Лича и Г.П. Грайса, ни этические нормы Н.И. Формановской, ни культурные нормы Б.Н. Головина в условиях глобальной экспрессивизации, эмоционализации и экстремальной агрессии не срабатывают. Поэтому, на мой взгляд, проблема эмоциональной языковой личности становится актуальнейшей проблемой современной коммуникативистики, тем более что уже активно, и не только в бытовом, научном и судебном дискурсах, используется термин *коммуникативный садизм*.

3. ЛИНГВИСТИКА ЭМОЦИЙ КАК РАЗДЕЛ ЯЗЫКОЗНАНИЯ. ЕЕ СВЯЗЬ С ПСИХОЛОГИЕЙ И ФИЗИОЛОГИЕЙ

Лингвистика эмоций в настоящее время достаточно активно развивается и в нашей стране (Шаховский 1969—2016; Красавский 2001; Вестник РУДН 2015 № 1 и др.), и за рубежом (Bally 1944; Binet 1946; Selye 1974; Dane 1987; Alba-Juez 1994; *Language of Emotions* 1997; *Les Émotions* 2000; *Language and Emotions* 2016 и др.), и многие из лингвистов уже поняли, что сейчас говорить о ЯЛ невозможно без ее эмоциональной компоненты, которая тесно взаимодействует с экологическим фактором. Модус экологичности также, как уже доказано, зависит от эмоционального фактора, иногда прямо, а иногда опосредованно, а особенно в случае смешанных эмоций (Шаховский 2016: А, Часть 1).

В 70-е гг. прошлого столетия ученых заинтересовала проблема коннотации. Появилось множество работ, статей, диссертаций, монографий на эту тему. Отечественные лингвисты активно продвигали эту идею в зарубежную лингвистику, особенно в связи с переводоведческой проблематикой, как одной из сфер межкультурной коммуникации (см., например: Schakhovsky 1978, 1987 и др.). Это объясняется тем, что разнокультурная семантика одного и того же слова имеет не только

различные, но порой даже противоположные смысловые коннотации, которые выполняют функцию конкретизаторов одной и той же эмоции. В силу этого факта одно и то же слово, «начиненное» определенной эмоцией в разных эмоциональных культурах, не совпадает по своей экологической прагматике, что очень сильно затрудняет трансляцию эмотивных коннотативных смыслов с одного языка на другой и представляет собой серьезную переводоведческую проблему. В связи с этим я давно предложил включать в коммуникативную компетенцию переводоведческую компоненту.

Уже в 2000-х гг. у меня вышли монографии на тему эмоциональной коммуникации, в которых показывалась огромная роль эмоций и их энергетических ресурсов в коммуникативном взаимодействии людей (Шаховский 2008, 2010, 2015а и др.).

Так, Ш. Балли был одним из первых лингвистов, который утверждал, что коммуникация не может быть ни чисто рациональной, ни чисто эмоциональной. Она постоянно балансирует между этими двумя качествами и зависит от конкретной ситуации: в одной может превалировать эмоциональная доля, в другой — рациональная. Эти доли могут иметь разное соотношение (Bally 1944).

А. Бине (зарубежный психолог) в своих работах неоднократно отмечал, что любая мысль возникает вначале в форме эмоционального образа (Binet 1946).

Ганс Селье был первым из ученых, который в середине прошлого века сумел экспериментально и аргументировано доказать, что стресс может быть полезен для человека. В своих работах он различал дистрессы и эвстрессы. Последние из них он определил как полезные для человека, чем очень удивил всю мировую общественность. Не признать его теорию невозможно, т.к. он приводил конкретные примеры полезности многих стрессов (Selye 1974).

В.Г. Гак убедительно доказал существование эмоционального синтаксиса, и что вся коммуникация людей эмоциональна (Гак 1998). Т. Дридзе в своих работах отмечала, что восприятие любой информации начинается с ее эмоционального образа: коммуникант вначале воспринимает и осознает эмоциональное содержание информации, а потом уже фактуальную (Дридзе 1980). Можно продолжить перечисление ряда работ, к сожалению, нелингвистических, т.к. лингвисты долгое время находились под гипнозом официального непризнания определенного места эмоций в лингвистике. Признание этой роли встречается только в трудах отечественных психологов.

В работе Т.В. Лариной на примере вежливости в русской и британской языковых культурах детально анализируется роль эмоций в формировании разнокультурных коммуникативных стилей (Larina 2015: 195—215). Каждый из этих стилей маркирован определенной степенью эмоциональности: вежливость может быть искренней и неискренней, теплой, холодной, ледяной, ироничной, саркастичной и др. Вежливые формулы в разнокультурных общностях, будучи всегда эмоциональны, не всегда легко переводимы с одного языка на другой, и даже нулевая вежливость маркирована эмоциональностью. Т.В. Ларина подробно рассмотрела в своих многочисленных работах различные вежливые речевые акты (Ларина 2009: 108—119 и др.). Проблема связи вежливости с оценкой, а оценка с эмоциями настолько существенна, что этой проблеме уделяют пристальное внимание, и ко-

нечно же не могут обойтись без обозначения большой роли эмоции в ироничных и вежливых актах эмоциональной коммуникации. Среди зарубежных работ отмечу публикацию L. Alba-Juez (Alba-Juez 1994: 9—16)

Следует также упомянуть, что у эмоций есть две природы — психологическая и физиологическая. Физиологов давно интересуют проблемы эмоций не только у человека, но и у животных (Darwin 1997: 401). Но до настоящего времени, ни первые, ни вторые так и не составили полного инвентаря/библиотеки/словаря эмоций и не определились с их универсальной дефиницией. Существует более 10 теорий и концепций эмоций (философская, информационная, биологическая, психологическая и др.), а лингвистическая теория эмоций появилась лишь в начале 21 века (подробнее см.: Шаховский 2008а).

В данной работе я попытаюсь представить модель эмоциональной языковой личности в первом приближении к решению этой научной проблемы. Уже давно известно, что все *homo loquens* являются одновременно и *homo sentiens*: это объясняется тем, что мы говорим и чувствуем одновременно. Вот почему лингвистами выделяется в семантике языкового знака на разных уровнях языка не только эмоциональный, но еще и чувственный компонент. На данном этапе разработки модели ЭЯЛ ее можно представить лишь дескриптивно, опираясь на достижения отечественной и зарубежной лингвистики в описании эмоционально-чувственной стороны языка и ее взаимодействия с рациональной стороной (ЯЛ). Вся суть этого взаимодействия выражена в словах Ф. Данеша “*Cognition and emotion go hand in hand*” (Dane 1987). Эти слова прозвучали на 17-м международном конгрессе лингвистов, на котором впервые на пленарном заседании был поставлен доклад об эмоциональной стороне языка. С этого момента уже официально и бесповоротно было признано тесное взаимодействие языка и эмоций.

4. МЕТОДИКА И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Прежде чем приступить к моделированию эмоционально-коммуникативной личности (ЭКЛ), попробую критически осмыслить понятие ЯЛ вообще. В настоящее время данная проблема не очень популярна и актуальна. Она почти иссякла к концу прошлого века. Некоторые ее отголоски, в основном вторичные, еще наблюдались в начале XXI века. Впервые после В.В. Виноградова (1930) эту проблему поднял Г.И. Богин (1984). Но на его работы почти никто не отреагировал, более того, его идеи долго не принимались его современниками. Ю.Н. Караулов возвратился к этой проблеме в своей знаменитой книге, посвященной русской языковой личности (Караулов 1987). И после его монографии в рамках антропоцентрической парадигмы, когда всем стало понятно, что человек не только создал язык и пользуется им, но и создает на нем тексты, стала широко цитироваться фраза из этой книги «за каждым текстом стоит человек». А поскольку все, что говорит человек, является текстом, то естественно, что на первый план выдвигается проблема автора этого текста, т.е. ЯЛ.

ЯЛ стала рассматриваться с разных точек зрения: стала выделяться ее структура, уровни, иерархии, типы и номинации. Среди них упомяну следующие: «де-

структивная ЯЛ», «компьютерная ЯЛ», «элитарная ЯЛ», «профессиональная ЯЛ», «деформированная ЯЛ», «эмоциональная ЯЛ», «экологичная/неэкологичная ЯЛ» и др. (Shakhovsky 2000: 195—202; Шаховский 2008: 89—101; Волкова 2014; Штеба 2015). Этой же теме посвящена и коллективная монография краснодарских лингвистов (*Языковая личность... 2000*). В ней языковая личность изучается как лингво-прагматический феномен, рассматривается языковая личность «образа автора» через описание поступков персонажа художественного произведения, личность автора исследуется в аспекте лингвоинтерпретации. Но и она тоже не дает полного понимания, что же такое ЯЛ, какова ее модель, как эта модель структурируется, как она формируется, и можно ли о человеке говорить «неязыковая личность», ведь в мире все оппозитивно, бинарно.

Были проведены десятки научных конференций на эту тему, в том числе и международных. В сотнях публикаций о ЯЛ, к которой обращались и маститые лингвисты, так и не было выработано модели русской языковой личности. Что было выявлено точно, так это то, что каждая ЯЛ национально-культурно специфична, что она имеет индивидуально-превалирующую лексику, грамматику и стилистику.

Наибольший интерес представила научная дискуссия о характеристике ЯЛ в политическом дискурсе, потому что ЯЛ-политика от муниципального до федерального, и даже международного, оказалась тоже трудно моделируемой (см. серию изданий по проблеме у Ю.С. Сорокина, В.Н. Базылева, А.А. Романова, Е.И. Шейгал, В.И. Шаховского в прошлом веке, а также сегодняшний периодический журнал «Политическая лингвистика», издаваемый в Екатеринбурге под ред. А.П. Чудинова). Выяснилось, что политическая ЯЛ наиболее неискренняя и потому экологически опасная: ей положено верить, а верить нельзя, потому что вся политика основана на лживых обещаниях, лингвистических ухищрениях, двусмысленности и дезориентации в реальном мире.

В свое время в Йельском университете была опубликована статья об эмоциональной ЯЛ. В этой статье рассматривался вопрос о модели и параметрах ЭЯЛ (Shakhovsky 2000: 195—202). Но я до сих пор считаю, что модель эмоционально-коммуникативной личности еще не создана, даже в самых общих чертах, а учитывая ускорение темпа жизни и увеличение во всем мире количества коммуникативных эмоциональных ситуаций (далее — КЭС), такая модель должна быть спроектирована хотя бы схематично, чтобы человек мог оперативно и эмоционально осмысленно, не через искаженный фокус восприятия, адекватно реагировать на своих речевых коммуникантов и на себя.

5. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ О ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Начну с перечня характеристик, которые вкладывал в это понятие Г.И. Богин (Богин 1984), сопровождая их моими комментариями.

1. Индивидуация языковой личности. По мнению Г.И. Богина, ЯЛ — это готовность человека к использованию языка в своей деятельности, готовность производить речевые поступки и создавать речевые произведения.

2. Родовая способность человека быть ЯЛ. Этот тезис схож с утверждениями Н. Хомского о врожденной языковой компетенции. Но каждый индивид еще должен стать ЯЛ, т.е. ему предстоит **приобрести и актуализировать** это родовое свойство, применительно к конкретной индивидуальности и к конкретным социально-культурным условиям. Вспомним о Маугли — в животной среде и в человеческом социуме.

3. Г.И. Богин считает, что может существовать идеальная ЯЛ. Я с этой точкой зрения согласиться не могу, т.к. в естественном мире не может быть ничего идеального. Всё несовершенно, и предела совершенствованию нет, как и наоборот. На каждой стадии развития ЯЛ остается что-то за пределами ее коммуникативной компетенции. Напомню, коммуникативная компетенция развивается до определенного момента, а затем ее развитие затормаживается (так и не достигнув полного совершенства, даже у элитарной ЯЛ).

4. По Г.И. Богину, на каждом уровне развития коммуникативной компетенции ЯЛ представлена своя модель этого уровня — модель как определенная промежуточная упорядоченная форма. Но тогда возникает вопрос, можно ли говорить о законченности идеальной модели ЯЛ, если каждая ЯЛ варьирует схему, предложенную ученым. Второй вопрос: является ли схема Г.И. Богина универсально применимой ко всем индивидуальным типам ЯЛ? Получается, что разные ЯЛ общаются друг с другом по собственным моделям, которые никогда полностью не совпадают, т.к. по-разному варьируют общенационально-культурную модель. Отсюда, языковые личности никогда полностью не понимают друг друга, но знание о разных уровнях коммуникативной компетенции и о разных моделях позволяет пере моделировать свою собственную модель, приспособив ее к модели речевого партнера. Можно говорить о варьировании моделей разных ЯЛ применительно к конкретной КЭС. Это можно назвать модельным тьюнингом, или тьюнингом моделирования, или тьюнингом моделей. Совершенных моделей ЯЛ быть не может еще и по тому, что КЭСы бесконечно варьируются. А все варианты ни одна модель предусмотреть не может, поэтому можно говорить лишь об усредненной модели ЯЛ по бытовому общению и профессиональному, а также по гендеру. Важнейшим фактором, препятствующим формированию универсальной модели ЯЛ, являются эмоции человека. Они не позволяют двум эмоционально говорящим людям всегда перейти на общую волну общения, т.е. идеально провести эмоциональный тьюнинг. Об этом свидетельствуют многочисленные коммуникативные практики людей.

5. По мнению Г.Н. Богина, модель ЯЛ — это конкретная схема ее речевой способности, т.е. ее коммуникативной компетенции. Здесь тоже хотелось бы возразить глубоко уважаемому мною ученому, что, как бы ни была типизирована КЭС, конситуации никогда не совпадают полностью друг с другом: нельзя войти дважды в одну и ту же реку. Поэтому одни и те же речевые партнеры в одной и той же конситуации варьируют свои индивидуации. А количество конситуаций, особенно эмоциональных, неисчислимо.

6. Как известно, речевая готовность может быть большей/меньшей, лучшей/худшей. По моему мнению, это еще одна причина, почему идеальная ЯЛ невозможна.

7. Г.И. Богин выделяет еще уровни качества языковой готовности: правильность, интериоризацию, насыщенность, адекватный выбор, адекватный синтез. С этим нужно согласиться.

8. Вектор развития качеств ЯЛ. Это утверждение ученого справедливо, но я бы учел еще и эмоциональные качества ЯЛ.

9. Модель ЯЛ, по Г.И. Богину, представлена в форме куба. Она очень сложна для осмысления, т.к. включает в себя 60 параметров, которые являются, по мнению ученого, содержанием коммуникативной компетенции как ее внутренней структурой. На момент разработки такая модель, возможно, являлась идеальной, но ее даже представить сложно в реальной коммуникации, а поэтому и перепроверить невозможно. Таким образом, по моему мнению, данная модель является всего лишь гипотетической, но ни доказать, ни опровергнуть ее правомерность не представляется возможным. Можно предположить, что даже у одной и той же ЯЛ ее модель может различаться в разных КЭС. Кроме этого, необходимо обязательно учесть и такие параметры модели ЯЛ, как предрасположенность к креативности, образному мышлению, психологический тип, экстравертность/интровертность, степень эмоциональности и эмоциогенности, возраст, гендер, этничность, образованность и другие параметры языкового паспорта ЯЛ.

10. Чувство языка. Переживание индивидом того факта, что он обладает речевой способностью (готовностью), называется Г.И. Богиним «чувством языка» (языковая интуиция/чутье): «Я чувствую, что я сказал не то, оговорился и др.». Но этого, по-моему, мало: нужно еще и чтобы чутье руководило говорящим, сообразно КЭС — отбором слов, их комбинаторикой, коннотациями, этикой, экологичностью.

11. Г.И. Богин пишет об «инвентаре способностей». Сомневаюсь, что провести объективно такую инвентаризацию возможно. Его мнение о том, что индивид осознает все степени своей речевой готовности до конца, мне кажется сомнительным, т.к. из коммуникативной практики видно, что ЯЛ может повести себя совершенно индивидуально и непредсказуемо даже для самой себя, т.е. конситуативно (см. Шаховский 2016б: 324—333). Ибо эмоции неуправляемы, их трудно рационализировать.

Как видно из вышеприведенной дискуссии с Г.И. Богиним, он не учел такой параметр ЯЛ, как ее природную эмоциональность, которая входит эмоциональной компонентой в геном человека.

Идеи Г.И. Богина развивает в своей известной монографии, упомянутой выше, Ю.Н. Караулов. В ней рассматривается один из интереснейших вопросов лингвистики: о формах существования языка и способах его использования. Разрабатывая понятие ЯЛ, автор показывает, что оно является системообразующим для описания национального языка.

Самым оригинальным и интригующим моментом в концепции Ю.Н. Караулова является представленная и в достаточной степени аргументированная содержательная структура русской языковой личности. По убеждению Ю.Н. Караулова, она трехчастна и состоит из вербально-семантического, тезаурусного и мотива-

ционно-прагматического уровней. Ю.Н. Караулов представляет эту структуру один раз в схеме (Караулов 1987: 56) и один раз в тексте (Караулов 1987: 60—62). Текстовая структура сопровождается развернутым аргументативным комментированием. Содержание структуры ЯЛ по Ю.Н. Караулову я здесь не воспроизвожу, т.к. его работа вышла в виде солидной монографии под эгидой АН и получила распространение и широкую известность.

Как видно из вышеизложенного, концепции Г.И. Богина и Ю.Н. Караулова совершенно различны, и потому утверждать, что какая-то из них истинная, не представляется возможным. Если сравнить эти две концепции и ЯЛ, то при всем их различии у них есть общий недостаток: ни в концепции Г.И. Богина, ни в концепции Ю.Н. Караулова нет ни одного упоминания об эмоциональной составляющей структуры ЯЛ. По их концепциям получается, что ЯЛ — всегда рациональная личность. Но, во-первых, коммуникативная практика не подтверждает это мнение, а, во-вторых, сам Ю.Н. Караулов утверждает, что за каждым текстом стоит человек, а человек, как необходимо добавить, создание очень даже эмоциональное. А изучение эмоционального в языке человека является предметом отдельного изучения отдельной области языкознания — лингвистики эмоций (эмотиологии).

6. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР «КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ» ЖИВОТНЫХ

Физиологи отмечают наличие эмоций и у животных. Но у них инстинкт самосохранения сильнее, чем у человека (у человека он имеет очень низкий порог). Так, например, общеизвестно, что пчелы могут быть эмоциональными и раздражительными и могут ужалить человека в таком состоянии. Но друг друга они не убивают. Вспомним кадры из к/ф «Гараж» Э. Рязанова, в котором персонаж в исполнении Л. Ахеджаковой, увещевая своих коллег, говорит: *«Волки не едят волков, зайцы не едят зайцев...»*. А современный человек все время эмоционально ест сам себя и других. И в этом, подчеркну еще раз, деструктивная сила эмоций, особенно в ситуации коммуникативного садизма (см.: Волкова, 2014). Поэтому их надо изучать со всех сторон. И в том числе лингвистически.

Еще одним подтверждением того, что эмоциональное сопутствует разумному, а также инстинктам, являются многочисленные факты изучения языка животных. Так, например, было даже несколько попыток описать домашних животных как языковых личностей (Ермакова 1998: 94—103; Сиротинина 1999: 222—228, 241—245; и др.). Эти попытки являются не только любопытными, но и очень полезными для сравнения коммуникации людей друг с другом и домашних животных с людьми и друг с другом.

Так, например, О.П. Ермакова отмечает, что она убеждена в коммуникативных возможностях собаки. Ее наблюдения за коммуникативными возможностями домашних животных могут дать представление о том, каким пассивным словарем в среднем обладает собака (или кошка). О.П. Ермакова предполагает, что в недалеком будущем возможно составление такого словаря. При основательном изучении этого вопроса ученые будут более точно знать, что усваивает животное из человеческой речи (Ермакова 1998: 94—103).

Другой автор, О.Б. Сиротина, сравнила опыт наблюдения за своими собаками трех поколений и пришла к выводу, что есть основания говорить о речевом портрете собаки и что проблема эта требует более пристального и обширного внимания (Сиротина 1999: 222—228, 241—245). Наблюдения названных авторов и других ученых, исследующих когнитивные способности у собак, позволяют утверждать о наличии у них GF-фактора.

И.А. Стернин в одной из своих книг специально рассмотрел вопрос о том, как животные общаются друг с другом и как человек общается с животными (Стернин 1987). Из этой работы видно, что языком обладает не только человек. Но только человек может быть языковой личностью, поэтому все работы, связанные с анализом языка животных и даже растений, несомненно, вносят свою научно-практическую лепту, особенно в сравнительном аспекте, в развитие и становление языковой личности. Чем больше наблюдений и чем разнообразнее точки зрения, тем будет более полная картина сущности этого, пока еще до конца не определенного феномена, — ЯЛ. Вспоминается одна из первых работ Ч. Дарвина, посвященная подробному анализу и описанию эмоционального поведения животных. Впервые эта работа была издана в 1872 году и переиздана совсем недавно, в 1997-м (Darwin 1997).

Недавно в СМИ прошла информация о том, что некоторые ученые предлагают назвать тех обезьян, которые поддаются научению «говорить», т.е. произносить отдельные слова, фразы, имитируя вслед за человеком, а потом и осмысленно в соответствии с ситуацией, языковыми личностями. Но это не касается всех обезьян разных пород, а лишь наиболее одомашненных. Общеизвестным является давно замеченный факт, что они общаются определенными знаками (на уровне их сигнальной системы, т.е. инстинктов). Но то, что все животные, а не только обезьяны, как-то общаются друг с другом, замечено еще ранее. Но это не является аргументом говорить о животных как о языковых личностях.

7. ПОНИМАНИЕ ТЕРМИНА «ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ» В ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКЕ, ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИИ

Далеко не каждого человека можно назвать ЯЛ. Я полагаю, что не всякий человек является *homo sapiens*, во-первых, и Личностью, во-вторых. Понимание психологией и педагогией слова *Личность* подчеркивает, что человек не рождается *Личностью*, а становится / не становится ею в своем развитии. Но это отдельная тема, поэтому я здесь не буду развивать этот тезис.

Понятие Личности является базовой категорией педагогики: Личность — социальная характеристика человека, это тот, кто способен на самостоятельную (культуросообразную) социально-полезную деятельность. В процессе развития человек раскрывает свои внутренние свойства, заложенные в нем природой и сформированные в нем жизнью и воспитанием, то есть человек — двойственное существо: биологическое и социальное <https://www.studsell.com/view/119770/> [дата обращения 17.03.2017].

Таким образом, ни в одном из определений ЯЛ в педагогике, социологии и психологии не делается специального акцента на эмоциональной стороне язы-

ковой деятельности человека, ни как просто Личности, ни как ЯЛ. А уже сама жизнь ежедневно, если не ежечасно, демонстрирует важность этой стороны в жизнедеятельности человека.

Определенный вклад во всей жизнедеятельности человека вносит и понятие «языковой паспорт говорящего». И.А. Стернин включает в это понятие следующие речевые характеристики человека: манеру его произношения; его национальность; его стилистический выбор; его культуру; его возраст; его гендер; его профессию; его психотип; рост; место жительства (рождения); наклонности (интересы); заболевания и др. (Стернин 1987: 80—83).

Когда И.А. Стернин говорит о психотипе человека, он прямо не называет его эмоции или их отсутствие. Науке известно, что градация эмоциональности у разных людей различна в зависимости от его психотипа. Чисто рациональных людей не бывает, но в литературе описан такой случай, как эмоциональная тупость, когда человек вообще ни на что не реагирует эмоционально. Ему все безразлично. Нормальному человеку все безразлично быть не может. Несомненно, и этот аспект — аспект языкового паспорта говорящего — тоже имеет непосредственное отношение к изучению ЯЛ и ее разновидностям.

Специальный раздел докторской диссертации Н.Н. Панченко посвящен проблемам персонологии, в которые включается и проблема ЯЛ. Она подчеркивает, что представление о том, что личность коммуниканта имеет определенную структуру, основывается на феноменологической идее о мультипликативной природе личности, предполагающей, что структура личности коммуниканта есть единство различающихся ипостасей человека, имеющих физическую, социальную, ментальную и психологическую, эмоциональную природу (Панченко 2010: гл. 3).

На базе изучения проблемы ЯЛ в парадигме персонологии появилось новое для своего времени научное ответвление, условно называемое «типажведение», которое сосредоточило свое внимание на ЯЛ как конкретном типаже. Фактически изучение типажей стало изучением одного из аспектов структуры ЯЛ. Приведу некоторые выдержки из работ О.А. Дмитриевой и И.А. Мурзиновой, которые попытались развить и описать теорию типажа ЯЛ. Время от времени в отечественной лингвистике все еще появляются работы по отдельным типажам. Попробую дать резюме некоторых теоретических воззрений на проблему лингвотипажа, которая тесно взаимодействует с проблемой ЯЛ:

1. Она рассматривает и анализирует ключевые параметры архитипического типажа.

2. «Типажведение» включает теорию архетипа как одного из феноменологических признаков.

3. Типаж облигаторно зависит от национально-культурной специфики его среды обитания, откуда и возникает проблема коммуникативных помех при межкультурной коммуникации типажей за счет специфических культурных смыслов (Леонтович, 2011: 149—162).

4. О.А. Дмитриева и И.А. Мурзинова цитируют И. Канта, что восприятие предшествует знанию, т.е. знание зависит от восприятия. Из их работы явствует, что архетипы находятся вне времени и пространства (они узнаваемы и ассоции-

руемы). Архетипы — это не сами образы, а схемы образов, их психологические предпосылки, их возможность. Они не входят в сознание, а соединяются с представлениями опыта и подвергаются сознательной обработке. Предписания общего плана побуждают к активности или реагированию на ситуацию.

5. Замечу, что нужно еще понимание воспринятого, иначе оно не попадает в знание, а из него в коммуникативную практику. Согласно современной коммуникативистике, не всякая информация несет знание: информации может быть много, а выводимых из нее знаний, особенно используемых коммуникантом, — мало или очень мало (Шаховский 2016а). Видимо, не зря журналисты (как наиболее яркие представители *homo ludens*) недавно изобрели такую расшифровку аббревиатуры СМИ — «слишком много информации».

6. В связи с вышеупомянутым О.А. Дмитриевой и И.А. Мурзиновой И. Кантом приведу мнение А. Бине: он считал, что все мысли у человека впервые возникают в форме эмоционального образа (Binet 1946). Поскольку каждый человек является субъективным индивидуальным производителем мыслей, эмоциональные образы у разных людей не совпадают. Поэтому представляется возможным говорить об инообразах, препятствующих или способствующих адекватному общению.

7. Лингвокультурный типаж в толковании О.А. Дмитриевой и И.А. Мурзиновой может рассматриваться как одна из культурных актуализаций архетипа. В этом и заключается их взаимосвязь. Кроме этого, данная взаимосвязь может быть градуирована. Чем ближе типаж к архетипу, как, например, архетип «герой» — типаж «декабрист», тем большим эмоциональным откликом он обладает. Чем он более харизматичен, тем сильнее он манифестирует архетипическую природу во внешний мир и предстает как яркая личность. Типаж может нести в себе несколько архетипов, которые руководят ролевым поведением типажа. Например, архетип «трикстер» (фигура, воплощающая в себе физические страсти, желания, неподвластные разуму).

8. Между типажам и архетипами можно провести параллели. Например, архетип эмоционально маркирован, а *культурный типаж* (курсив мой — В.Ш.), по О.А. Дмитриевой и И.А. Мурзиновой, эмоционально нейтрален. Мой вопрос к авторам таков: речь идет о *культурном* типаже или о *лингвокультурном*? Естественно и еще один вопрос к авторам этой книги: если архетип эмоционально маркирован, то куда исчезла эмоциональность у *культурного типажа*? К сожалению, авторы не дают на этот счет никакого объяснения. Отрадно, что в теории типажа данные авторы неоднократно упоминают о его эмоциональной характеристике. Этим «типажведение» существенно отличается от теории концепта, который фактически не признает эмоциональность своим существенным компонентом.

9. Справедливость моего замечания подтверждается и в самой анализируемой работе: как пишут авторы, архетипы выражают врожденную *двойственность между положительными и отрицательными аспектами переживаний и эмоций* (курсив мой — В.Ш.).

10. В настоящее время теория архетипов широко применяется в имиджелогии. Так, в борьбе политиков широко используется архетипическая методология «тень». Авторы монографии приводят такой пример: Б. Ельцин на танке (от В. Ленин на броневике).

11. И уж совсем открыто и явно теоретики «типажведения» признают эмоциональное «Я» в типаже в следующей формулировке: для лингвокультурных типажей (см. выше мой вопрос к авторам — о каком же типаже в их работе идет речь: *культурном* или *лингвокультурном*?), характеризующихся культурным компонентом, скорее правомерно говорить о социальных архетипах, что объясняет доминирующую роль культуры в конкретном социуме. А последнее объясняет соответствующее различие в гаммах эмоций. Эту единицу (эмоцию, чувствование) можно назвать «принципиальным знаменателем личности».

12. Здесь уместно напомнить, что А. Вежицкая неоднократно писала об эмоциональных концептах и о различии эмоций в разных культурах, в которых существуют эти концепты (Вежицкая 1996; Wierzbicka 1999).

Изучение коммуникативной личности проводится несколькими науками, но все они объединяются в единый термин «персонология». По данной проблеме написано много работ (В.В. Виноградов, В.В. Красных, О.И. Матяш, О.Ю. Сиротина, и мн. др. — см. об этих и других авторах также: Панченко 2010: 140—143).

Так, Н.Н. Панченко, например, рассматривает типаж «правдолюб» в аспекте его коммуникативного поведения. В этом существенное отличие многих работ по типажам, которые акцентируют свое внимание на некомуникативных признаках, как существенных, от данной работы Н.Н. Панченко. В ней выявлены идентификационные характеристики *коммуникативного* поведения. В этом плане следует упомянуть одну из первых работ, посвященных именно коммуникативному, а не языковому поведению типажа (Пимкина 2017).

8. ЯЗЫКОВАЯ VS КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ

По моему мнению, В.В. Красных совершенно правильно и впервые предлагает термин именно «*коммуникативная личность*» (далее — КЛ), а не «*языковая личность*» (Красных 1998: 50). Во-первых, она отметила размытость, открытость содержания и понимания содержания ЯЛ. Во-вторых, она заметила, что ЯЛ включает в себя речевую личность (РЛ) как часть ЯЛ: «РЛ фактически является коммуникативной личностью» (Красных 1998: 50). Но я считаю, что КЛ шире понятия РЛ, т.к. КЛ опирается на знание типичных ситуаций и на индивидуальность говорящего, особенно в аспекте его эмоций и знаний о правилах их вербализации в различных КЭС (эмоциональные стили не только у каждого говорящего, но и слушающего, т.е. его речевого партнера, индивидуальны). Далее В.В. Красных отмечает, что ЯЛ проявляет себя в речевой деятельности (Красных 1998: 51). На мой взгляд, это согласуется с мнением о том, что все другие виды и типы личности, а эмоциональная языковая личность является более широкой разновидностью КЛ, в определенном дискурсе всегда являются коммуникативными. Поэтому я предлагаю использовать для обозначения эмоциональной языковой личности термин эмоциональная коммуникативная личность (ЭКЛ), но не отвергая при этом термин ЯЛ, а через новый термин лишь подчеркивая, что она всегда еще и ЭКЛ. Все КЛ инстинктивно являются *homo sentiens*.

Человек выступает в трех ипостасях: речь, язык, коммуникация, а внутри последней — КЭС, ибо одна и та же ЯЛ в разных КЭС, во-первых, становится ЭКЛ,

а, во-вторых, коммуникативно ведет себя по-разному. Другими словами, ипостась КЭС является определяющей при определении типа ЯЛ.

Как известно, языковая личность отличается от КЛ тем, что обладает определенными знаниями и представлениями для процесса говорения, а ЭКЛ, помимо этого, еще и соответствующими знаниями об эмоциях. Совокупность этих знаний формирует когнитивную матрицу ЭКЛ (см ниже). Конечно, отдельные индивиды могут проявлять эмоционально в своем общении и бессознательное, т.е. инстинктивное, без опоры на определенные знания. Но такое коммуникативное поведение не будет интеллектуальным и не сможет регулировать свои эмоциональные проявления.

По утверждению В.В. Красных, представления включают в себя «собственно представления, образы и понятия, а также связанные с ними оценки и коннотации представления субъективны и эмоциональны, а также оценочны» (Красных 1998: 53). А коннотации, как известно, могут быть эмоциональными (Schakhovsky 1987). Представления тоже могут коннотатировать эмоциональность, что значительно влияет на смысловое варьирование одной и той же мысли (эмоционального образа). А у животных, которые не лишены разума и чувствований (эмоций), представления со всеми названными В.В. Красных компонентами отсутствуют, однако эмоции очень наглядны особенно в общении с человеком в различных коммуникативных ситуациях (см. выше: Ермакова, Сиротина и др.).

Конечно же, В.В. Красных права, что представления более важны, чем знания. Именно поэтому представления являются основой для моделирования новых креатем, которые уже эмоционально-коннотативны, а зачастую и прямо эмоциональны. Вот почему представления очень важны для порождения креатем, знаний здесь совершенно недостаточно: одно и то же знание (один и тот же факт) может породить у разных коммуникантов разные ассоциации и способствовать рождению разных креатем или вообще не провоцировать такой процесс (Шаховский 2016б).

По мнению многих исследователей, представления, в отличие от знаний, аксиологичны, и коммуникативные неудачи могут зависеть не от знаний, а от представлений, а значит от чувствований, которые всегда субъективны и потому затрудняют разрешение такого конфликта. Знания могут быть общими для речевого коллектива, а представления строго субъективны и варьируют эти знания, прежде всего, по эмоциональному параметру, а это еще более затрудняет построение как модели ЭКЛ, так и ее матрицы.

Коммуникативному поведению человека посвящен фундаментальный труд коллектива авторов (Матьяш и др. 2011). И этот труд, по сути дела, является энциклопедией знаний, накопленных наукой по данной проблеме, и показана методика коммуникативного воспитания личности. В отличие от всех упомянутых выше авторов в ней выделен специально раздел «Эмоциональная коммуникация в межличностном взаимодействии» (Матьяш 2011: 387—425). В данной работе авторы выделяют два правила успешного общения людей: золотое (говори так, как ты бы хотел, чтобы общались с тобой) и платиновое (говори так, как твой речевой партнер хотел, чтобы ты общался с ним). Оба правила имеют чувственную основу и не могут обходиться без эмоциональных переживаний.

9. ПАЗЛОВАЯ СТРУКТУРА КОГНИТИВНОЙ МАТРИЦЫ ЭМОЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ

В связи с преследуемой мною целью предложить когнитивную матрицу ЭКЛ я отталкиваюсь от суммативности (а не суммы) определенных знаний, которые в предлагаемой матрице выступают в роли пазлов. Соединение этих пазлов формирует на базе перечисленных в матрице знаний соответствующие представления, которые тоже могут быть эмоциональными.

Замечу еще раз, что ни в одной концепции языковой личности не рассматривается ее эмоциональное Я, в то время как и психологи, и физиологи, и эмотиологи давно уже считают эмоции центром личности человека, в том числе центральным компонентом его коммуникативной деятельности. Вот почему, рассмотрев наиболее важные работы, посвященные проблеме ЯЛ, я возвращаюсь еще раз к своей работе об эмоциональной языковой личности и попытаюсь построить когнитивную матрицу, но уже не языковой личности, а *эмоционально-коммуникативной личности*. В этом термине подчеркивается значимость эмоций для коммуникации людей. Таким образом, в данной работе утверждается, что любая ЯЛ фактически является коммуникативной личностью, а коммуникация невозможна без участия эмоциональных переживаний темы, контента и отбора языковых/стилистических средств в процессе общения, поэтому ЯЛ, как правило, всегда является ЭКЛ.

В качестве рабочего определения в данной статье под матрицей понимается структура и объем знаний о рационально- и эмоционально-коммуникативном поведении людей. Эта структура состоит из когнитивных элементов, называемых в работе пазлами (макро- и микро-), которые в совокупности и формируют матрицу соответствующих знаний о содержании термина ЭКЛ.

В современной лингвистической теории существует довольно объемный кластер таких знаний, которые представляют собой сетку битов (информативных единиц), сквозь ячейку которых будет вырисовываться содержание предлагаемого понятия ЭКЛ.

Первым кластером таких знаний является подробно рассмотренная выше схема структуры ЯЛ, разработанная Г.И. Богиним. Это самый фундаментальный макропазл, структурирующий логическую/рациональную сторону ЭКЛ.

Вторым крупным макропазлом, никак не пересекающимся с первым, является трехчастная структура по Ю. Караулову. Этот макропазл включает анализ и описание следующих микропазлов:

- 1) вербально-семантический уровень структуры ЯЛ;
- 2) тезаурусный;
- 3) мотивационный.

В третий макропазл я вношу знания, представленные в работах В.В. Красных. Данный макропазл состоит из следующих микропазлов: открытость структуры ЯЛ; включение речевой личности в ЯЛ; включение в структуру ЯЛ образов, представлений и понятий, связанных с ними оценок и коннотаций (впервые включена эмоциональная сторона в структуру ЯЛ, но лишь попутно. — *В.Ш.*).

В четвертый макропазл включены знания, составляющие микропазлы, которые получены из статей, коллективных монографий, диссертаций о различных типах языковых личностей, в том числе работы по типажам, включая коммуникативные типажы. Каждая из работ этого типа формирует довольно большой кластер микропазлов, но уже с уклоном к коммуникативности ЯЛ, частичной коннотативности, в том числе и эмоциональной. Вся информация, полученная из перечисленных выше источников и других, неупомянутых в данной статье, формирует соответствующие микропазлы четвертого макропазла предметной и частично эмоциональной структуры в матрице ЯЛ/КЛ. Уже из четырехбазовых теоретических конгломератов, посвященных ЯЛ, вырисовывается многогранность и многоцветность ее структуры.

Но ни в одном из этих макропазлов знаний и конституирующих их микропазлов в содержание языковой личности не включена в полной мере эмоциональная компонента. Поэтому в матрицу (модель) ЯЛ я включаю еще и огромный объем знаний о ее эмоциональном аспекте, который составляет пятый макропазл матрицы ЭКЛ.

Первый микропазл — знания, достигнутые разными науками об эмоциях человека (в сравнении с эмоциями животных). Конкретизаторами данного микропазла являются: определение эмоций; название эмоций; их классификации; их принципы и характеристики; их функции; их амби-/поливалентности; их девербализации; их связи с когницией; их кластирование; их культурно-национальная специфика, знание об их экологичности/неэкологичности и др.

Второй микропазл — обширный объем знаний о вербалике эмоций. Он содержит в себе следующие конкретизаторы данного микропазла: знания об эмотивной функции языка, о его эмотивном фонде, о типах эмотивной семантики (лексики, грамматики (синтаксиса и морфологии), стилистики); типах языковой категоризации эмоций; о дискурсивности эмоций; о типах эмотивного текста; о разграничении эмотивности и эмоциональности текста; о коммуникативно-эмотивных ситуациях и их структуре, которая значительно расширяет понимание коммуникативной ситуации, не включавшей ранее ее облигаторный эмотивный компонент ни в одну из теоретических работ до лингвистики эмоций; о лексикографическом отражении эмоций и способах и средствах их функционального и стилистического маркирования. Особое место в этом микропазле занимают довольно обширные и противоречивые знания о коннотации: ее типах/видах, ее соотношении с экспрессивностью, оценочностью, образностью, ценностью, о ее зависимости от культуры, гештальтов, стереотипов, фреймов и конкретной ситуации общения и от самого говорящего и его языкового паспорта. В этот же микропазл входят знания о трудностях перевода коннотации на иностранный язык в художественной коммуникации, а также в зависимости от индивидуальных знаний, чувствований, представлений конкретной языковой личности даже в одной и той же культурной общности, но в различных КЭС.

Третий микропазл — невербалика эмоций — состоит из знаний об окулесике эмоций, мимике и жестике, фонации и просодике, позах, проксемике, гаптике, пантомиме и др.

Четвертый микропазл — паралингвистика эмоций, знания о полихромности, запахах, вкусах, архитектуре, монументах/скульптурах, музыке, живописи, одежде и ее стилях и др.

Пятый микропазл — знания об эмотивной лингвоэкологии. Первый конкретизатор этого микропазла включает в себя знание о предметах данной отрасли лингвистики эмоций, о параметрах лингвистической экологичности/неэкологичности общения, знания об эмоциональном/экологическом интеллекте, об экологическом мышлении, о внутреннем экологическом цензоре, об экологической адаптивности, об экологической функции эмоций, об экологическом образовании/воспитании (о методике экологического тренинга общения) и др.

Таковы в основном когнитивные, эмоциональные, экологические микропазлы пятого макропазла эмотивно-когнитивной матрицы ЯЛ.

Введение знаний, составляющих когнитивную матрицу, в коммуникативную компетенцию *homo loquens / sentiens* позволит, по моему глубокому убеждению, каждому коммуниканту ориентировать свои эмоции на позитив во всех видах общения и противостоять/противоборствовать негативному эмоционально-аффективному воздействию источника информации на получателя. Следует также различать суммарность всех этих знаний об эмоциональном аспекте коммуникативной личности и их суммативность, которая значительно превышает первую, т.к. в процессе коммуникации каждое знание актуализирует различные коннотации и ассоциации. За счет последних и происходит приращение общих знаний об эмоциональной компоненте ЯЛ.

В данной статье эти объемные знания присоединяются к фактуальным знаниям о логической стороне ЯЛ и тем самым, на мой взгляд, закрывают основные лакуны, содержащиеся в картине знаний о ЯЛ. Можно также предположить, что знания о перечисленных макропазлах и их суммативность составляют содержание матрицы ЭКЛ, которая накладывается на предметно-фактуальные знания о ЯЛ и формируют ее более полную картину, имеющихся на современном уровне научных достижений в разработке концепции ЭКЛ.

Несомненно, в матрицу ЭКЛ должны быть включены и такие пазлы, как коммуникологический и прагматический с соответствующими микропазлами, конкретизирующими коммуникологический и прагматический признаки — конституэнты описываемой здесь матрицы. Размеры данной статьи не позволяют детализировать последние два пазла, да и предшествующий им эмотивно-лингвоэкологический пазл также приведен в сокращенном виде.

Из вышесказанного следует, что предложенная матрица является интеллектуальной базой ЭКЛ. Ее эмоциональная составляющая является отдельным разделом изучения в этой статье и в тех многочисленных работах лингвистики эмоций, которые здесь процитированы и которые остались за пределами цитирования.

10. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, остановлюсь на основных результатах проведенного исследования. В данной статье предложена аргументация того факта, что термин «ЯЛ», во-первых, является неполным без эмоционально-экологической составляющей,

а во-вторых, компонент «языковая» представляется ошибочным, т.к. он ограничивает понимание данного термина знаниями о системе языка лишь с речевой потенциаль. Термин «коммуникативная личность» представляется более адекватным в парадигме коммуникативистики, так как каждая языковая единица коммуникативно предназначена. А при рассмотрении *homo loquens* в двух парадигмах — в парадигме эмотиологии и парадигме коммуникативистики — такая личность является эмоционально-коммуникативной.

В данной статье было показано движение научной мысли от зарождения до определения понятия «языковая личность». Это осуществлено на материале как фундаментальных трудов о языковой личности, так и на материале ряда частных исследований, дополняющих и развивающих разработанные в них теоретические положения.

Автором установлено, что теория языковой личности многолика, но до настоящего времени не предлагает полной картины этого феномена, что в свою очередь не позволяет сформулировать единую дефиницию рассматриваемого в статье понятия.

В связи с возникновением и развитием лингвистики эмоций и коммуникативистики стало особенно очевидным отсутствие структурно-эмоциональной компоненты в матрице языковой личности. Поэтому в работе даны аргументы в пользу введения нового термина — «эмоционально-коммуникативная личность», подчеркивающего, что он закрывает лауну, существующую во всех определениях языковой личности, не отменяющего однако уже давно существующий термин.

В статье предложено описание когнитивной матрицы эмоционально-коммуникативной личности, раскрывающее в большей мере понимание структуры «языковой личности». Это, по мнению автора, является новым знанием о предложенном в данной статье для уточнения содержания уже существующего термина — ЯЛ.

Результаты данного исследования доказывают, что эмоциональная компонента встроена в структуру *говорящей личности*. Считаю более предпочтительным писать *говорящая*, т.е. коммуникативная личность, а не *языковая*. Я объясняю свое предпочтение тем, что ЯЛ подразумевает знание системы языка, а коммуникативная — знание дискурса, а это значительно шире знания системы: эмоциональная палитра в красках общения (в ситуациях) значительно шире и богаче языковой системы. Еще одним аргументом в пользу термина коммуникативная личность является тот факт, что дискурс, в отличие от системы, является другой информационной реальностью.

Подчеркнуто также, что именно структурно-эмоциональная компонента языковой личности позволяет осознать ее (не)экологичность. Предложенная матрица расширяет при соответствующем тренинге эмотивно-когнитивную компетенцию *homo loquens / homo sentiens*.

Полагаю, что предложенная матрица повышает степень экологической безопасности общения и снижает экологические риски, что позволяет в большей мере избежать коммуникативных помех и провалов в разных видах и жанрах общения.

Несомненно, люди могут общаться эмоционально и без этих знаний, но эти знания, вложенные в их коммуникативную компетенцию, позволят *homo sapiens* в самых различных КЭС в большей степени регулировать свои эмоции и эмоции речевого партнера, то есть с большим знанием дела проводить эмоциональный тьюнинг, ибо снабженный такой компетенцией человек говорящий приобретает эмоциональный интеллект, в который входит и экологический интеллект.

В связи с возобновившимся и обостренным интересом к современной технической науке кибернетике, в частности к роботизации промышленности и быта, делопроизводства и особенно созданию искусственного интеллекта, предложенная здесь матрица может быть, на мой взгляд, полезной. Я объясняю это тем, что до настоящего времени уже существующие роботы, искусственный перевод все еще не содержат эмоционально-чувственные компоненты. Они ограничиваются лишь логико-рациональной деятельностью. А потребности в замене живого человека во многих сферах деятельности настойчиво требуют создания такого искусственного интеллекта, который бы содержал и эмоционально-чувственный интеллект. Это, в свою очередь, позволило бы в большей степени заменить *homo sapiens* искусственным интеллектом с адекватным чувственным реагированием/рефлексированием естественному человеческому разуму.

© В.И. Шаховский, 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Богин Г.И. *Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов*. Л.: ЛГУ, 1984. 31 с. [Bogin, G.I. (1984). *Model' yazykovoi lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostyam tekstov* (The model of linguistic personality and its relation to different types of texts). L.: LGU. (In Russ.)]
- Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание*. М.: Русские словари, 1996. [Wierzbicka, A. (1996). *Language. Culture. Cognition*. М.: Russkie slovari. (In Russ.)]
- Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. [Электронный ресурс] URL: <http://journals.rudn.ru/linguistics/issue/view/576> (дата обращения: 31.03.2017). [*Russian Journal of Linguistics* (2015), 1. Retrieved from: <http://journals.rudn.ru/linguistics/issue/view/576> (data obrashcheniya: 31.03.2017). 257 p. (In Russ.)]
- Виноградов В.В. *О художественной прозе*. М.—Л.: Госиздат, 1930. [Vinogradov, V.V. (1930). *O khudozhestvennoi proze* (A work of fiction). М.—Л.: Gosizdat. (In Russ.)]
- Волкова Я.А. *Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте*: монография. Волгоград: Перемена, 2014. [Volkova, Ya.A. (2014). *Destrktivnoe obshchenie v kognitivno-diskursivnom aspekte*: monografiya. (Destructive communication in the cognitive-discursive aspect). Volgograd: Peremena. (In Russ.)]
- Гак В.Г. *Языковые преобразования*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с. [Gak, V.G. (1998). *Yazykovye preobrazovaniya* (Language conversions). М.: Shkola «Yazyki russkoi kultury». (In Russ.)]
- Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж и архетип // *Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс*: сб. науч. тр. / Федеральное агентство по образованию, ВГПУ, каф. языкознания, науч. исслед. лаб. «Язык и личность»; ред. кол.: Е.И. Шейгал, Н.Н. Панченко,

Ю.М. Иванова. Волгоград: Парадигма, 2006. С. 66—73. [Dmitrieva, O.A. (2006). *Lingvokulturnyi tipazh i arkhetyp* (Linguo-cultural type and archetype). *Chelovek v kommunikatsii: kontsept, zhanr, diskurs*: sb. nauch. tr. Federal'noe agentstvo po obrazovaniyu, VGPU, kaf. yazykoznaniya, nauch.-issled. lab. «Yazyk i lichnost'»; red. kol.: E.I. Sheigal, N.N. Panchenko, Yu.M. Ivanova. Volgograd: Paradigma, 66—73. (In Russ.)]

Дмитриева О.А., Мурзинова И.А. *Теория лингвокультурных типов: уч. пособие*. Волгоград, 2015. [Dmitrieva, O.A., Murzinova, I.A. (2015). *Teoriya lingvokulturnykh tipazhei*: uch. posobie. (The theory of linguistic cultural types). Volgograd. (In Russ.)]

Дридзе Т.М. *Язык и социальная психология*. М.: Высш. шк., 1980. [Dridze, T.M. (1980). *Yazyk i sotsial'naya psikhologiya* (Language and social psychology). М.: Vyssh. shk. (In Russ.)]

Ермакова О.П. Речевой портрет собаки // *Лику языка. К 45-летию научной деятельности Е.А. Земской*. М.: Наследие, 1998. С. 94—103. [Ermakova, O.P. (1998). *Rechevoi portret sobaki* (Speech portrait of the dog). *Liki yazyka. K 45-letiyu nauchnoi deyatel'nosti E.A. Zemskoi*. М.: Nasledie, 94—103. (In Russ.)]

Ионова С.В. Эмотивная лингвистика: от глубин слова к широте социальных коммуникаций // *Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике: Сборник научных трудов, посвященный 75-летию профессора В.И. Шаховского*. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. С. 9—12. [Ionova, S.V. (2013). *Emotivnaya lingvistika: ot glubin slova k shirote sotsial'nykh kommunikatsii* (Emotive linguistics: from the depths of the word to the breadth of social communication). *Chelovek v kommunikatsii: ot kategorizatsii emotsii k emotivnoi lingvistike: Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyi 75-letiyu profesora V.I. Shakhovskogo*. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 9—12. (In Russ.)]

Ионова С.В. Эмоциональные эффекты позитивной формы общения // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015. № 1. С. 20—30 [Ionova, S.V. (2015). *Emotional effects of positive forms of communication*. *Russian Journal of Linguistics. Vestnik RUDN*, 1, 20—30. (In Russ.)]

Караулов Ю.Н. *Русский язык и языковая личность*. М.: Наука, 1987. [Karaulov, Yu.N. (1987). *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* (Russian language and linguistic personality). М.: Nauka. (In Russ.)]

Кинг С. *Худеющий*. М.: АСТ, АСТ Москва, Харвест, 2008. [King, S. (2008). *Khudeyushchii* [Thinner]. М.: AST, AST Moskva, Kharvest. (In Russ.)]

Кинг С. *Что упало, то пропало* (Кто нашел, берет себе) [Электронный ресурс]. URL: <http://knizhnik.org/stiven-king/kto-nashel-beret-sebe/1> (дата обращения: 31.03.2017), 430 с. [King, S. *Chto upalo, to propalo* (Kto nashel, берет себе). (Fell, then it was gone). Retrieved from: <http://knizhnik.org/stiven-king/kto-nashel-beret-sebe/1> (date of the application: 31.03.2017). (In Russ.)]

Красавский Н.А. *Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография*. Волгоград: Перемена, 2001. [Krasavskii, N.A. (2001). *Emotsional'nye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh* (Emotional concepts in German and Russian linguistic cultures). Monografiya. Volgograd: Peremena. (In Russ.)]

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДК «Гнозис», 2003. [Krasnykh, V.V. (2003). «Svoi» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? («Your» among «aliens»: myth or reality?). М.: ITDK «Gnozis». (In Russ.)]

Ларина Т.В. *Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. М.: Языки славянских культур, 2009. [Larina, T. (2019). *Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii: sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'*

- turnykh traditsii* (Politeness and Communicative Styles: comparative analyses of English and Russian communicative traditions), Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009 (in Russ.)]
- Ларина Т.В. Прагматика эмоций в межкультурном контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 144—163. [Larina, T.V. (2015) Pragmatics of Emotions in Intercultural Context. *Russian Journal of Linguistics. Vestnik RUDN*, 1, 144—163. (In Russ.)]
- Леонтович О.А. Способы передачи культурных смыслов в контексте переводного юмористического дискурса // *Бытие в языке*: сб. науч. тр. к 80-летию В.И. Жельвиса. Ярославль: ЯГПУ, 2011. С. 149—162. [Leontovich, O.A. (2011). Spособy peredachi kul'turnykh smyslov v kontekste perevodnogo jumoristicheskogo diskursa (Methods of transmission of cultural meanings in the context of the translation of humorous discourse). *Bytie v jazyke: sb. nauch. tr. k 80-letiju V.I. Zhel'visa. Jaroslavl'*: JaGPU, 149—162. (In Russ.)]
- Леонтович О.А. Позитивная коммуникация: постановка проблемы // *Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015. № 1. С. 144—163 [Leontovich, O.A. (2015). Positive Communication: A Theoretical Perspective. *Russian Journal of Linguistics. Vestnik RUDN*, 1, 164—176. (In Russ.)]
- Матьяш О.И. *Межличностная коммуникация: теория и жизнь* / В.М. Погольша, Н.В. Казаринова, С. Биби, Ж.В. Зарицкая. Под науч. ред. О.И. Матьяш. СПб.: Речь, 2011. [Mat'yash, O.I. (2011). *Mezhlichnostnaya kommunikatsiya: teoriya i zhizn'* (Interpersonal communication: theory and life). V.M. Pogol'sha, N.V. Kazarinova, S. Bibi, Zh.V. Zaritskaya. In O.I. Mat'yash (Eds). SPb.: Rech'. (In Russ.)]
- Панченко Н.Н. *Достоверность как коммуникативная категория*: монография. Волгоград: Перемена, 2010. 395 с. [Panchenko, N.N. (2010). *Dostovernost' kak kommunikativnaya kategoriya* (Reliability as a communicative category). Monografiya. Volgograd: Peremena. (In Russ.)]
- Пимкина Е.С. Характеристика коммуникативного поведения скептика-прагматика // Известия ВГПУ, 2016, № 3 (107). С. 131—135 [Pimkina, E.S. (2016). Kharakteristika kommunikativnogo povedeniya skeptika-pragmatika (The characteristics of the skeptic-pragmatic communicative behavior). *The VSPU Newsletters*. 3 (107), 131—135 (in Russ.)]
- Самуэлс Э. *Юнг и постъюнгианцы. Курс юнгианского психоанализа*. М.: ЧеРо, 1997. 416 с. [Samuels, E. (1997). *Yung i post'yungianty. Kurs yungianskogo psikhoanaliza* (Jung and post-humanity. A course of Jungian psychoanalysis). M.: CheRo. (In Russ.)]
- Сиротинина О.Б. Речевой портрет собаки: иллюзия или реальность? // *Вопросы стилистики*: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. Вып. 28: Антропоцентрические исследования. С. 167—173. [Sirotinina, O.B. (1999). Rechevoi portret sobaki: illyuziya ili real'nost'? (The Speech portrait of a dog: illusion or reality?). *Voprosy stilistiki: Mezhvuz. sb. nauch. tr. Saratov: Izd-vo Sarat. Un-ta. Vy. 28: Antropotsentricheskie issledovaniya*, 167—173. (In Russ.)]
- Сиротинина О.Б. *Хорошая речь* / Под ред. М.А. Кормилициной и О.Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2001. С. 222—228, 241—245. [Sirotinina, O.B. (2001). *Khoroshaya rech'* (Good speech). In M.A. Kormilitsinoi i O.B. Sirotininoi (Eds.). Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 222—228, 241—245. (In Russ.)]
- Сквородников А.П. *Экология русского языка*: монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 388 с. [Skvorodnikov, A.P. (2016). *Jekologija russkogo jazyka* (Ecology of the Russian language). Monografija / A.P. Skvorodnikov. Krasnojarsk: Sib. feder. un-t. (In Russ.)]
- Стернин И.А. *Что такое лингвистика?* Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. 88 с. [Sternin, I.A. (1987). *Chto takoe lingvistika* (What is linguistics). Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta. (In Russ.)]

- Шаховский В.И. *Голос эмоций в языковом круге homo sentiens*. Изд. 3-е, стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015 а. 144 с. [Shahovskij, V.I. (2015). *Golos jemocij v jazykovom krugu homo sentiens* (Voice of emotion in the linguistic circle of homo sentiens). Izd. 3-е, stereotip. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM». (In Russ.)]
- Шаховский В.И. *Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции*. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов, 2016 а. 504 с. [Shahovskij, V.I. (2016 а). *Dissonans jekologičnosti v kommunikativnom krugu: chelovek, jazyk, jemocii* (Dissonance in communicative sustainability: people, language, emotions). Volgograd: Izd-vo IP Polikarpov. (In Russ.)]
- Шаховский В.И. *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка*. М.: Издательство ЛКИ, 2008 б. 208 с. [Shahovskij, V.I. (2008 б). *Kategorizacija jemocij v leksiko-semantičeskoj sisteme jazyka* (Categorization of emotions in the lexico-semantic system of language). LKI. (In Russ.)]
- Шаховский В.И. Креатемы в модели языкового сознания русских // *Вопросы психолингвистики*. 2016 б. № 2 (28). С. 324—333. [Shahovskij, V.I. (2016 б). *Kreatemy v modeli jazykovogo soznanija russkih* (Createmy in a model of language consciousness of the Russians). *Voprosy psiholingvistiki*, 2 (28), 324—333. (In Russ.)]
- Шаховский В.И. *Лингвистическая теория эмоций*. М.: Гнозис, 2008. 416 с. [Shahovskij, V.I. (2008 а). *Lingvističeskaja teorija jemocij* (Linguistic theory of emotions). M.: Gnozis. (In Russ.)]
- Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. URSS. 2010 в. 128 с. [Shahovskij, V.I. (2010 с). *Jemocii: Dolingvistika, lingvistika, lingvokulturologija* (Emotions: Alinguistic, linguistics, cultural linguistics). Izd.stereotip. URSS. (In Russ.)]
- Штеба А.А. Деформация языковой личности // *Филологические науки*. 2014. Вып. № 3. С. 12—16. [Shteba, A.A. (2014) *Deformatsiya yazykovoi lichnosti* (Deformation of language personality). *Filologičeskie nauki*. Vyp, 3, 12—16. (In Russ.)]
- Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве*: кол. моногр. / науч. ред. проф. В.И. Шаховский. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. 450 с. [Emotivnaya lingvoehkologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve (Emotive Linguoecology in modern communication space) In V.I. SHahovskij (Eds). Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena», 2013. (In Russ.)]
- Языковая личность: структура и эволюция*: Монография. Краснодар: Кубан. гос. ун-т. 2000. 62 с. [*Jazykovaya lichnost': struktura i evolyutsiya* (2000). (Linguistic identity: the structure and evolution). Monografiya. Krasnodar: Kuban. gos. un-t. (In Russ.)]
- Alba-Juez, Laura (199). Irony and politeness / Laura Alba-Juez. In: *Revista española de lingüística aplicada*, AESLA, № 10. P. 9—16.
- Bally, Ch. (1944). *Linguistique générale et la linguistique française*. Paris : Ernest Leroux.
- Binet, A. (1946). *L'amour et l'emotion chez la femme, esquisse psycho-physiologique*. Paris: Vigot frères.
- Dane, F. (1987). *Cognition and Emotion in Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field*. Preprints of the Plenary Session papers / XIVth International Congress of Linguistics. Berlin. P. 272—291.
- Darwin, Ch. (1997). *The Expression of Emotion in Man and Animals*. Oxford University Press.
- Dirven, R. (2010). Emotions as cause and the cause of emotions. *The Language of Emotions*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing House. P. 55—86.
- Goleman, D. (1997). *Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ*. Bantam Books.
- International Conference on Language and Emotions*. Book of abstracts. (2016). Madrid.
- Larina, T. (2015). Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics* 7. P. 195—215.

- Les Émotions dans les interactions, sous la direction de C. Plantin, M. Doury et V. Traverso.* (2000) Lyon, ARCI Presses Universitaires de Lyon, coll. “Éthologie et psychologie des communications”.
- Niemeier, S. (1997). Nonverbal expressions of emotions in a business negotiation. *The Language of Emotions*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing House. P. 277—306.
- Schakhovsky, V.I. (1978) Zum Problem der Translation der emotionalen Komponenten des Inhalts von Originaltexten // *Wissenschaftliche Zeitschrift*, Heft 1. Zwickau: Ped. Hochsch. Ernstschneller, 1978, Pädagogische Hochschule Zwickau, 67—72.
- Schakhovsky, V.I. (1987 b). Lexikalische Bedeutung und Konnotation // *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*. Berlin: Akademie Verlag. № 6, 80—91.
- Schakhovsky, V.I. (2000). The Russian Language Personality and its Neologisms in Emotional Communicative Situations // *Imagination, Cognition and Personality*, vol. 19 (2). P. 195—202.
- Schakhovsky, V.I. (2003). Emotional / Emotive Competence in Intercultural Communication. *Communication Studies*. Modern Anthology. Volgograd, 2003. P. 19—28.
- Schleicher, A. (1869). *Die deutsche Sprache*. Zweite verbesserte und vermehrte Auflage. Stuttgart, Verlag der J.C. Cotta'schen Buchhandlung.
- Selye, H. (1974). *Stress without distress*. Philadelphia; New York: J.B. Lippincott.
- The Language of Emotions*. (1997). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing House. P. 209—226.
- Volek, B. (1987). *Emotive Signs in Language and Semantic Functioning of Derived Nouns in Russian*. Amsterdam—Philadelphia.
- Wierzbicka, A. (1999). *Emotions across Languages and Cultures: Diversity and universals*. Cambridge University Press
- <https://www.studsell.com/view/119770/> (date of the application / дата обращения 17.03.2017)

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 июля 2017

Дата принятия к печати: 21 августа 2017

Для цитирования:

Шаховский В.И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 1. С. 54—79. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79.

Сведения об авторе:

ШАХОВСКИЙ ВИКТОР ИВАНОВИЧ — доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института иностранных языков Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Он является основателем эмотиологии — нового научного направления в российской лингвистике, нацеленного на изучение эмоций в языке и коммуникаций, которой посвятил многие годы своей научной деятельности. *Сфера научных интересов:* лингвистика эмоций, категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка, эмоциональное общение, язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии, эмотивная лингвоэкология. Среди его основных публикаций монографии *Лингвистическая теория эмоций* (М.: Гнозис, 2008), *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка* (2009), *Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология* (М.: Либроком, 2009), *Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии* (Волгоград: Перемена, 2009), *Голос эмоций в языковом круге homo sentiens* (М.: Либроком, 2012), *Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции* (Волгоград, 2016). *Контактная информация:* e-mail: shakhovsky2007@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79

THE COGNITIVE MATRIX OF EMOTIONAL-COMMUNICATIVE PERSONALITY

V.I. Shakhovskiy

Volgograd State Social Pedagogical University
27 V.I. Lenin prospect, Volgograd, Russia, 400066

Abstract

The purpose of the article is to show the development of scientific thought that leads to the origin and definition of the concept of “language personality”. Attention is drawn to the fact that up to the 1970s emotions had been completely excluded from the scope of linguistic attention. With the advent of anthropocentric linguistics, emotions were recognized as the human being focal point, but linguists’ attention was still attracted merely to the language of *homo loquens / sentiens* — the emotional component was missing. Therefore, the objectives of the article are as follows: 1) to present and discuss the development of the Language Personality Theory; 2) to prove the necessity of including the emotive component into the concept of the language personality structure; 3) to substantiate the introduction of the new term — “emotionally-communicative personality”, which logically fits into the terminological system of modern communicology and emphasizes its communicative significance. The theoretical material includes numerous works devoted to the problem of language personality, beginning from V.V. Vinogradov (the 1930s) to G.I. Bogin, Yu.N. Karaulov (the 1980s), from the 1990s to the present O.A. Dmitrieva, I.A. Murzinova (2015); Shakhovskiy, 2000; V.I. Shakhovskiy (2008 a&b); A.A. Shteba (2014) and many others. To my knowledge, the notion of language personality has not been discussed by foreign linguists. Another block of theoretical material is dedicated to the problem of the language and emotion correlation. Russian linguistics has been researching this problem since 1969. Main results of these studies can be found in the works of V.I. Shakhovskiy, from (1969 to present), S.V. Ionova (1998, 2015), N.A. Krasavsky (2001), T.V. Larina (2009, 2015), and Ya.A. Volkova (2014) among others. The problem of the language and emotion correlation is varied in its formulation — the language of emotions or language and emotions: A. Schleicher, 1869; Ch. Bali, 1944; A. Binet, 1946; F. Daneš, 1987; B. Volek, 1987; R. Dirven, 1997; S. Niemeier, 1997; A. Wierzbicka, 1999 and others. The main research methods used in the article are the critical analysis of theoretical studies, by means of the hypothetical-deductive method, and the scientific intuition of the author of the article. It is found that 1) Language Personality Theory is many-faced but does not constitute a full picture of the described phenomenon, which does not, in its turn, allow to accept a common definition of the language personality; 2) due to the development of emotive linguistics and the theory of communication, it is obvious that there is a lack of the structure-emotive component in the language personality matrix. Also, due to the emergence and rapid development of the linguistics of emotions and the theory of communication, a gap in the structure of the language personality has become evident — namely, the absence of the emotional structural component in its model (matrix). In this regard, the article provides argumentation to support the introduction of a new term — “emotionally-communicative personality”, as well as an attempt to describe the cognitive matrix of the emotionally-communicative personality along with the term “language personality”. The new term completes the term “language personality”; 3) the structural emotive component of language personality allows to explain how language personality can be ecological or non-ecological; 4) the term “matrix” helps explaining the emotive-cognitive intellectual competence of *homo loquens / homo sentiens*.

Keywords: *emotions, communicative emotional situation, language personality, emotionally-communicative personality, cognitive matrix, homo sentiens*

Article history:

Received: 10 July 2017

Revised: 18 August 2017

Accepted: 21 August 2017

For citation:

Shakhovsky, Victor (2018). The Cognitive Matrix of Emotional-Communicative Personality. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 54—79. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79.

Bionote:

VICTOR I. SHAKHOVSKY is a full professor, Doctor of Philology, an Honoured scientific worker of the Russian Federation, a senior scientific worker at the Institute of Modern Languages of the Volgograd State Social Pedagogical University. He has founded in Russian Linguistics a new research field called emotiology, aimed at studying emotions in language and communication. His research interests are focused on theory of emotiology, categorization of emotions in language, emotions in communication, emotions in language and culture. He is an author of the books *Lingvisticheskaya teoriya emotsii* [Linguistic Theory of Emotions] (Moscow, 2008), *Kategorizatsiya emotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka* [Categorisation of emotions in language] (2009), *Emotsii: dolingvistika, lingvistika, lingvokul'turologiya* (2009), *Yazyk i emotsii v aspekte lingvokul'turologii* [Language and emotions in languages and cultures] (Volgograd, 2009), *Golos emotsii v yazykovom krugе homo sentiens* (2012), *Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krugе: chelovek, yazyk, emotsii* [Ecological discord in the Communicative Triangle: Human Being, Language and Emotions] (Volgograd, 2016) (all published in Russian). *Contact information:* e-mail: shakhovsky2007@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-80-93

SENTIMENT AND CONFIDENCE IN FINANCIAL ENGLISH: A CORPUS STUDY

J. Lachlan Mackenzie

Vrije Universiteit Amsterdam (VU University)
De Boelelaan 1105, 1081 HV Amsterdam, The Netherlands

Abstract

In the financial world, the words *sentiment* and *confidence* are frequently employed to invoke the feelings of an individual investor or of investors in general about the future movement of a share or of the stock market in general. The article focuses on the use of the two words in financial journalism by examining all instances of *sentiment* and *confidence* in the on-line Hong Kong Financial Services Corpus and explores the hypothesis that they will differ from each other in line with how they are deployed in ordinary usage. Drawing inspiration from functionally-oriented semantics and Appraisal Theory, the core of the article reveals how the two words are employed in clauses and noun phrases in the corpus. Our findings reveal that *sentiment* and *confidence* are to a very large extent used in financial parlance as though they were synonymous. The use of these terms reflects the writers' awareness of the role of emotions as a vital constituent factor in decision-making.

Keywords: *confidence, emotion, financial analysis, grammar, journalism, semantics, sentiment*

1. INTRODUCTION

This article is concerned with how financial journalists and other writers of texts about finance formulate their expectations about the future development of stocks and shares by using two words from “emotion talk” (Bednarek 2008), the uncountable nouns *sentiment* and *confidence*. The specific aim is to provide a detailed analysis of their occurrence in a corpus of Financial English and to establish whether in this register the two nouns, which in general usage have non-overlapping meaning definitions, show distinct semantico-syntactic distributions and collocations. The article begins with an introduction to the type of discourse to be at the focus of the discussion, financial journalism (§ 2). It then presents a brief overview of the treatment of emotions on the stock market from the viewpoints of psychology and discourse analysis (§ 3). The next section (§ 4) is devoted to describing the use of the words *sentiment* and *confidence* in general parlance with reference to the *Oxford English Dictionary (OED)* and WordNet. This leads in § 5 to a brief overview of the treatment of *confidence* in Appraisal Theory (Martin and White 2005, Bednarek 2008). The hypothesis that follows from §§ 4–5 is formulated in § 6. After a brief description of the corpus in § 7, the following sections are devoted to in-depth descriptions of the occurrence of *sentiment* (§ 8) and *confidence* (§ 9) in the corpus. The article ends with a discussion that evaluates the hypothesis in the light of the data (§ 10) and a conclusion (§ 11).

2. EMOTIONS AND THE FINANCIAL MARKETS

It is hardly any wonder that stock markets, where shares and other financial products are bought and sold and where fortunes can be made or lost, are an arena of strong emotions. For this reason, the advice given to novices who first venture into the realm of financial trading is to keep a cool head and to make rational choices, basing their decisions on companies' past performance, objective facts about the current economic situation and thoroughly argued and documented prognoses of future trends. This tension between emotion and reason has given rise to a huge contingent of financial analysts who use computer modelling and other techniques to distil emotion-free prognostications about share prices from which the human factor, seen as a propensity to take snap decisions to buy or sell on the basis of impulses and gut feelings, is banished. This quest for reliable and objective information has fed into the large branch of financial journalism that not only reports on the facts and figures emerging from listed companies (i.e. those whose shares are traded on national stock markets) but also reflects the opinions of reputed financial analysts as well as picking up valuable gossip from the stock market floor. The task of financial journalists is to keep an eye, report and comment on the performance of major companies in their field of specialism and to present their descriptions and evaluations in ways that can be quickly digested by readers who require unambiguous and reliable information (cf. Roush 2009). Newspaper and online articles on stocks and shares are read and evaluated by people who want to have a sense of current trends with regard to some particular company or industrial sector, or very often with regard to the stock market as a whole. This journalism helps readers develop a feeling for how the economy is developing, as well as a feeling for how other — possibly more authoritative and trustworthy — players are feeling in terms of hopefulness or despondency. It is in this force field of feelings and feelings about feelings that journalists have taken to writing of *sentiment* and *confidence*.

3. EMOTIONS AND THE STOCK MARKET: VIEWS FROM PSYCHOLOGY AND DISCOURSE ANALYSIS

3.1. Efficient Markets Model

The notion that emotionality is a harmful influence underlies a well-known attempt to exclude emotions from financial decisions, the Efficient Markets Model of Fama (1970, 1991). In this model, the totality of investors is seen as acting rationally, basing decisions on historical data, i.e. the past performance of shares. If there are random movements in a stock price deriving from emotional factors, perhaps because of some unexplainable hype, these will quickly be nullified: the stock market is seen as self-correcting and thus having its own logic. Infrequent cases of irrational behaviour by so-called “noise traders” (Black 1986) are in this view countered by a majority of rational agents.

3.2. Behavioural Finance Research

An opposing view is taken by Behavioural Finance Research (Schleifer 2000), which examines the effect of cognitive and specifically emotional factors on individuals' financial decisions and on the stock market as a whole. This approach has emphasized

the value as well as the dangers of the human propensity to rely on habits, to apply rules of thumb, to think stereotypically and analogically and to put faith in anecdotes and word of mouth. Hey and Morone (2004) have identified the “herding instinct” as a relevant factor here, describing how individuals act collectively without any leadership, like birds in a swarm. Kahneman and Tversky (1979) pinpoint various trends in behaviour, notably “loss aversion”, which reflects humans’ reactions to gains and losses: winning \$5 is much less emotionally affecting than losing \$5, and this has tangible repercussions on investment choices. One of these is the “disposition effect” (Shefrin and Statman 1985), which leads investors to sell winning shares and to hold on to losing ones, behaviour that can be shown to be irrational and counter-productive. Although this line of research into human behaviour on the stock market explicitly recognizes human feelings as playing a part in financial decision-making, the major results have stressed the downside of emotions, namely their potential for leading to irrational behaviour.

3.3. Emotions, decision-making and discourse analysis

Research into the actual impact of emotions on financial trading is still rather limited (see Ackert, Church and Deaves 2003 for a provisional assessment). However, it has been established neurologically (cf. Damasio 1994) that emotions are crucial to higher-level cognition in general and to the actions that follow from human choices (Frijda 1986). Emotions must therefore be expected to have an impact on financial decisions, too, as is indirectly demonstrated by Shiv et al. (2005), who show that patients with certain emotion-affecting neural dysfunctions tend to make objectively better investment decisions than patients with non-emotional dysfunctions or indeed persons with no neural dysfunctions. In discourse analysis, too, there has for many years been a tendency to overlook the role of emotions, a trend that has been reversed by a recent rise in the attention paid to the impact of emotions on language use (Foolen 2012); this is reflected for example in the emergence of Appraisal Theory (Martin and White 2005; see § 5 below), which gives due recognition to the underlying presence of affect in written communication. Alba-Juez (fc.) traces this “emotional turn” in linguistics and proposes formal equations that capture the presence of emotion in evaluative language.

4. SENTIMENT AND CONFIDENCE IN GENERAL USAGE

Any attempt to consider the words *sentiment* and *confidence* in Financial English must be carried out against the backdrop of their use in general parlance. *Sentiment* was borrowed into Late Middle English from French, where *sentiment* was and still is the basic word for ‘feeling’. In the 17th and 18th centuries, it denoted various emotions, often specifically amatory feelings or inclinations (*OED*, s.v. *sentiment*). More recently, however, it has been applied to “those feelings which involve an intellectual element” (*OED*, *ibid.*); in fact, the older sense is found “[n]ow chiefly in derisive use, conveying an imputation of either insincerity or mawkishness” (*OED*, *ibid.*). The word *sentiment* in its contemporary use is thus particularly appropriate for denoting feelings that are in some way associated with rationality, and it is therefore perhaps no surprise that this word is popular with journalists (and others) who write about financial markets where, as we have seen, emotion and reason are in a constant dialectic.

The two faces of *sentiment* are apparent in the definition found on WordNet, the major lexical database for the English language (<http://wordnetweb.princeton.edu/perl/webwn>), which distinguishes two senses:

S: (n) **sentiment** (tender, romantic, or nostalgic feeling or emotion)

S: (n) opinion, **sentiment**, persuasion, view, thought (a personal belief or judgment that is not founded on proof or certainty) “*my opinion differs from yours*”; “*I am not of your persuasion*”; “*what are your thoughts on Haiti?*”

In the first sense, Wordnet gives the direct hypernym ‘feeling’, in the second ‘belief’.

As for *confidence*, this word has a number of senses, as is apparent from its WordNet definition:

S: (n) assurance, self-assurance, **confidence**, self-confidence, authority, sureness (freedom from doubt; belief in yourself and your abilities) “*his assurance in his superiority did not make him popular*”; “*after that failure he lost his confidence*”; “*she spoke with authority*”

S: (n) **confidence** (a feeling of trust (in someone or something)) “*I have confidence in our team*”; “*confidence is always borrowed, never owned*”

S: (n) **confidence** (a state of confident hopefulness that events will be favorable) “*public confidence in the economy*”

S: (n) **confidence**, trust (a trustful relationship) “*he took me into his confidence*”; “*he betrayed their trust*”

S: (n) **confidence** (a secret that is confided or entrusted to another) “*everyone trusted him with their confidences*”; “*the priest could not reveal her confidences*”

Disregarding the fifth sense, which identifies a countable use of *confidence*, we may note that *confidence*, like *sentiment*, has a rational/cognitive as well as an emotional side: the direct hypernym for the first sense is *certainty* and the direct hypernym of *certainty* is *cognitive state of mind*, while for the second sense the direct hypernym is *security*; the direct hypernym of *security* is *fearlessness*, and the direct hypernym of *fearlessness* is *feeling*. The third and fourth senses both ultimately denote a state: the hypernym chains are *confidence* > *hopefulness* > *condition* > *state* and *friendship* > *relationship* > *state* respectively. It is primarily the third sense, of course, which is reflected in the use of the word in Financial English.

What is apparent from this glance at the recognized general meanings of *sentiment* and *confidence* and their place in the network of English words is that, although they share the property of spanning the emotion-reason divide, they are far from being synonyms in their general use. Not only do they differ in their definitions, they also display distinct values for valence. Valence is a term used in the study of emotions to denote the hedonic value of an emotion (Russell 1980). Having originally been used to partition emotions into two classes, positive (e.g. joy) or negative (e.g. anger), the notion of valence, partially thanks to neuropsychological research (Briesemeister et al. 2012), is now being envisaged as a continuum, with degrees of deviation from neutral valence (cf. the degrees of happiness identified as *contentment* — *joy* — *ecstasy*) as well as recognized cases of ambivalence (cf. the ‘bitter-sweet’ nature of *nostalgia*, mentioned by WordNet with respect to *sentiment*). What WordNet reveals, then, in line with the definitions in the *OED*, is that *sentiment* is associated with emotion of mildly positive or possibly ambi-

valent valence, while *confidence* is a word with a stronger and exclusively positive valence, being connected with self-assurance, self-belief and reliance on others and the good feelings that arise from these qualities. On this basis, let us now move on to consider how the word *confidence* has been treated in the study of the language of evaluation in systemic-functional linguistics (SFL) known as Appraisal Theory (Martin and White 2005; Bednarek 2008).

5. CONFIDENCE IN SFL APPRAISAL THEORY

As shown in § 4, *sentiment* is etymologically and in current parlance a word from the language of emotion, being used to denote feelings in general, with a certain connotation of implications for rational behaviour. Although *sentiment* is not a word treated by either Martin and White (2005) or Bednarek (2008), both works deal with *confidence*, a word that as we have seen overlaps with the realm of emotion talk. It is accordingly classified by Martin and White (2005) as denoting a type of Affect (one of the five types of Appraisal they distinguish). *Confidence* is located in their typology of Affect on the In/security dimension, which in their words is “concerned with ecosocial well-being” (2005: 49). For them, the emotions Confidence and Trust have positive valence¹ and are opposed to Disquiet and Surprise respectively. In addition, Confidence and Disquiet are “undirected” (2005: 47), i.e. they identify a disposition or character trait, while Trust and Surprise are directed, involving a momentary surge of emotion: *John is a confident person* thus falls under Confidence while *John is confident about the result* is classified, because of the following prepositional phrase (PP), under Trust. Martin and White’s classification is shown in Table 1.

Table 1

Martin and White (2005)’s classification of In/security

	Security	Insecurity
Undirected	Confidence	Disquiet
Directed	Trust	Surprise

Bednarek (2008: 160), also working in the general framework of Appraisal Theory, criticizes the opposition between trust and surprise, which she rightly does not see as polar opposites. Appealing explicitly to the distinction made by students of emotion between positive and negative valence (2008: 157; see also §4 above), she proposes a modified classification, shown in Table 2, in which Martin and White’s Surprise is replaced by Distrust (an explicit antonym of Trust) and an analogous pair are introduced for Undirected In/security, namely Quiet and Disquiet.

Table 2

Bednarek (2008)’s classification of In/security

	Security	Insecurity
Undirected	Quiet (= “emotional calm”)	Disquiet
Directed	Trust	Distrust

¹ Martin and White (2005) do not use this term, but they do repeatedly talk of positive and negative Affect.

While Bednarek’s proposal succeeds in identifying polar opposites, her explanation of Quiet as “emotional calm” (2008: 156) is an unfortunate choice of expression to the extent that it suggests confidence is to be located on a kind of neutral emotional baseline of calm and quietude². Her alternative to Martin and White loses the positive, active connotations of *confidence*, for which reason I prefer to retain Confidence rather than Quiet at the positive pole of the In/security dimension, as in Table 3.

Table 3

Revised classification of In/security

	Security	Insecurity
Undirected	Confidence	Disquiet
Directed	Trust	Distrust

The fact that *confident* has positive valence is apparent from the test “*confident but ...*”, where the adjective after *but* must have negative valence: consider *confident but cocky*, *confident but imperfect* (both examples from the British National Corpus) as against **confident but happy*, **confident but admirable*, etc.

6. HYPOTHESIS

On the basis of the discussion in § 4 and § 5, it is justified to state that *sentiment* and *confidence* are nouns that in general use share the property of operating where reason and emotion converge but which differ quite markedly in their valence: whereas *sentiment* is mildly positive or even ambivalent in its valence, *confidence* is strongly biased towards positive valence. Since it is reasonable to suppose that the general characteristics will carry over to their use in the more technical context to be examined in this article, the hypothesis to be tested is thus that in financial journalism as represented by the corpus to be described in §7, the words *sentiment* and *confidence* will be used in distinct contexts, with *sentiment* being appropriate for neutral use and *confidence* for positive use. This will be examined through an examination of the collocations and semantico-syntactic distribution of the two words, both in the clause and within the noun phrase.

7. METHODOLOGY: THE CORPUS

The corpus used for this research is the Hong Kong Financial Services Corpus, produced by the Research Centre for Professional Communication in English of the Hong Kong Polytechnic University and available on line at <http://rcpce.engl.polyu.edu.hk/HKFSC/>. It currently (July 2017) contains 7,341,937 words. It has been used quite extensively in corpus linguistics, notably by Cheng (2012). The advantage of a specialized corpus like this is that it gives insight into the particularities of a single register, in this case that of financial services in general and financial journalism in particular. The corpus

² Russell (1980) distinguishes another dimension orthogonal to the valence dimension, Arousal. Quiet would correspond to minimal Arousal.

as offered on line contains a number of duplicate entries, due to the fact that the same text regularly appears in different news outlets or is copied verbatim from business reports into news reports. After all the duplicate entries were removed, the number of tokens of each of the target words was (in July 2016, when the research was conducted) as follows:

Sentiment: 131 tokens

Confidence: 485 tokens

8. SENTIMENT IN THE CORPUS

In order to classify the occurrences of the uncountable noun *sentiment* in the corpus for the purpose of comparing it with *confidence*, it is important to develop a model of the semantic frames in which it occurs and the grammatical positions of the corresponding noun phrases (NPs). Just as share prices can be static (“no change”) or dynamic, either rising or falling, so *sentiment*, too, can occur in either a static or a dynamic state of affairs. In a static state of affairs, the construction chosen is generally intransitive and tends to involve a descriptive adjective. In a dynamic state of affairs, *sentiment* occurs either in the guise of a driving force (the ‘actor’) or, much more frequently, as something that is affected by other factors (as an ‘undergoer’); for the macroroles ‘actor’ and ‘undergoer’, see Van Valin (2005). The undergoer appears grammatically either as the ‘unaccusative’ subject of an intransitive clause or as the accusative object of a transitive clause; for the term ‘unaccusative’ describing the non-agentive subject of an intransitive verb, see Perlmutter (1978). *Sentiment* otherwise occurs in PPs that modify the clause in various ways.

The following examples extracted from the corpus show *sentiment* occurring in a static state of affairs:

- (1) **Sentiment** does appear currently to be somewhat frail.
- (2) ... when **sentiment** is one-sided, which is often the case in financial markets, exchange rate overshooting can be quite common.
- (3) ... the market **sentiment** remained bearish on concern the Bank of Japan would raise interest rates.

Sentiment here is described on the basis of the authors’ perceptions (... *does appear*), their experience (... *which is often the case*) or their observation of other emotions (*concern ... raise interest rates*).

Turning now to dynamic examples, we first see *sentiment* occurring as an actor, either causing investors’ behaviour to change in some way or impeding it from doing so:

- (4) The stock market was buoyed by optimistic **sentiment** as investors poured in capital.
- (5) This positive **sentiment** will hopefully translate into positive territory.
- (6) ... poor equity market **sentiment** toward incumbent cellular operations in Europe necessitated postponement of the proposed initial public offering.

In (4) positive sentiment “buoys” the stock market (causing prices to rise) and in (5) it is hoped that the same will happen, while in (6) negative sentiment hinders business activity.

In the next set of examples, *sentiment* is seen as undergoing change and occurs as an unaccusative subject:

- (7) ... emerging markets where steady growth in consumer **sentiment** continues.
- (8) **Sentiment** in the residential market weakened in the financial year 2006.
- (9) The recovery of investor **sentiment** has seen more money from institutional investors.

In (7) sentiment continues to grow, in (8) it weakens and in (9), which involves a nominalization of the intransitive verb *recover* with an unaccusative undergoer argument, sentiment improves after a weaker period. Sentiment here is metaphorized as an organic entity that can grow, weaken (see also example (1) above) and then recover its strength again; cf. Charteris-Black 2004: 135 on the conceptual metaphor THE ECONOMY IS AN ORGANISM.

In the final set of examples, which represents the dominant semantico-syntactic option in the corpus, *sentiment* is presented as an accusative object, undergoing the influence of some event in the news:

- (10) A flurry of corporate activities also boosted **sentiment**.
- (11) The gradual step-up of interest rates in Hong Kong has dampened buying **sentiment**.
- (12) ... pushed around by big players, particularly those in a position to influence market **sentiment**.
- (13) ... [using] information from Hong Kong dollar option prices to monitor market **sentiment** regarding the Hong Kong dollar.

The effect of the influence may be positive as in (10), negative as in (11) or neutral as in (12); a final use involves financiers' (and journalists') observation of sentiment as in (13).

Finally, *sentiment* can occur in NPs that are the complements of prepositions, as in (14) to (16); the function of the PPs is to situate news facts in the context of market traders' feelings (cf. the word *concerns* in (16)) about the matter at hand:

- (14) ... property development sales in Hong Kong were lower, pending improved market **sentiment**.
- (15) Korea's KOSPI started the year strongly amid strong domestic **sentiment**.
- (16) ... the effect of continuing interest rate and geopolitical concerns on market **sentiment**.

As some of the data have already shown, *sentiment* can occur in NPs of varying complexity. Let us recognize the following seven NP-internal positions, four before the syntactic head *sentiment* and two after it:

Grounding Epithet Classifier N(') SENTIMENT Complement Adjunct

An imaginary example NP with all slots filled (nothing as complete as this is found in the data) would be (17):

- (17) [recent] [positive] [local] [private investor] [sentiment] [towards emerging markets]
[in Hong Kong]

Grounding expressions include {*recent, current, immediate, then*} and serve to anchor the NP to the time dimension; epithets are descriptive/evaluative and include {*positive, upbeat, optimistic, improved, improving, buoyant, good*} (all positive) and {*nega-*

tive, adverse, nervous, weak, poor} (all negative); classifiers indicate the range of the sentiment and include {*economic, public, local, global, overall, general, domestic, international, overseas*}; N(′) indicates either a single noun (N) or a nominal group (N′) that enters into a nominal compound with *sentiment*, as in *market sentiment* or *consumer spending sentiment* respectively, and includes {*market, property market, equity market, financial market, consumer, consumer spending, consumption, investor, private investor, equity, buying, investment, performance*}. Whereas these nominal compounds generally identify the segment of the market to which the sentiment pertains, the complement takes the form of a PP and typically indicates what the sentiment is about and includes {*about x, against x, for x, of x, on x, regarding x, towards x*}, while the adjunct indicates the spatio-temporal parameters of the sentiment, including {*in y* (a time or place), *on y* (a day)}

9. CONFIDENCE IN THE CORPUS

Let us now consider the occurrences of the uncountable noun *confidence* in the corpus from the same analytical perspective.

The following examples show *confidence* occurring in a static state of affairs:

- (18) **Confidence** in Hong Kong remains fragile and fickle.
- (19) ... the markets were beginning to fail and local **confidence** was in jeopardy.
- (20) There is a high degree of **confidence** that the leadership will be able to deliver.

Confidence is in these examples described as being weak, endangered or strong on the basis of the writer's assessment of investors' feelings, these in turn having been induced from their actions (in terms of buying and selling).

Turning now to dynamic examples, we find *confidence* occurring as an actor that has an impact on investors' behaviour:

- (21) There was no significant evidence of capital flight triggered by reduced **confidence**.
- (22) Improving foreign and domestic **confidence** have (*sic*) reignited the Japanese market.
- (23) Buoyant consumer **confidence** will continue to underpin retail spending.

In these examples, confidence is conceptualized as a force triggering, reigniting or underpinning economic activity.

Confidence can also be seen as undergoing change, firstly in its occurrences as an unaccusative subject:

- (24) **Confidence** on financial markets returned after the signing of the Joint Declaration.
- (25) [Investment will] flow back into the region as **confidence** levels also edge upward.
- (26) A rebound in public **confidence** will continue to boost local economic activities.

In (24) confidence comes back, in (25) it slowly improves and in (26), which involves a nominalization of the intransitive verb *rebound*, it improves after a weaker period.

Confidence can also occur as an accusative object (or the corresponding subject of a passive clause, as in (27)), undergoing the influence of some event in the news:

- (27) Buyers' **confidence** is bolstered by strengthening economic prospects.
- (28) Chaos in the interbank market ... would in turn damage **confidence** on [*sic*] the banking system as a whole.

- (29) Dialogue will be key to maintaining stakeholder **confidence** as we depart from business as usual.

The effect of the influence may be positive as in (27), negative as in (28) or neutral as in (29). In addition, *confidence* can occur as an (accusative) ‘effected object’, i.e. as coming into existence as a result of the action, as in (30) and (31):

- (30) Insurance is an ingenious tool conceived on the basis of pragmatism and collaboration, ... injecting **confidence** for investors to take on new ventures.
 (31) HKEx will continue to strive to engender trust and **confidence** by pursuing ongoing enhancements.

Whereas we also found *sentiment* occurring in NPs that are the complements of prepositions (cf. examples (14) to (16) in §8 above), this does not apply to *confidence*.

Like *sentiment*, the noun *confidence* can also occur in NPs of varying complexity. The NPs encountered in the corpus display no fewer than eight positions, as follows:

**Determiner Epithet Classifier N CONFIDENCE Complement
Adjunct Postmodifier**

An imaginary example of an NP with all slots filled (again, nothing as complete is found in the data) would be:

- (32) [the market’s] [stronger] [long-term] [business] [confidence] [in Hong Kong] [at present] [that is displayed in greater inward investment]

Determiners include the quantifiers *every* and *more* but also specifying genitives like *the market’s*; epithets are descriptive and evaluative and include {*strong(er), renewed, restored, growing, rising, etc.*} (positive) and {*poor, low, declining, little, etc.*} (negative); classifiers indicate the range of the confidence and include {*public, general, domestic, international, overseas, worldwide, long-term, etc.*}; N indicates a single noun that enters into a compound with *confidence*, e.g. *investor confidence*, and includes {*market, investor, investment, stakeholder, client, etc.*}. Whereas these classifiers generally identify the segment of the market to which the sentiment pertains, the complement, if present, takes the form of a PP or a *that*-clause and indicates what the confidence is directed to (see § 5 above on ‘directedness’); the most common PP is one starting with the preposition *in* (40.5% of the instances of *confidence*; cf. (32)), but other prepositions are used, including {*as to, for, on, towards*}. The adjunct generally indicates the temporal parameters of the confidence, again taking the form of a PP, and the postmodifier is a relative clause or non-finite participial construction such as *which that implies* or *expressed by international investors* respectively.

10. DISCUSSION

The two preceding sections have shown that the nouns *sentiment* and *confidence* are used in the corpus of texts in financial services in very similar ways. Both can appear in static and dynamic semantico-syntactic contexts, and within the dynamic contexts either as actor or as undergoer, and in the latter case either as an unaccusative subject or as an accusative object. In the static contexts, both *sentiment* and *confidence* are typically classified according to their strength; in the actor contexts, both *sentiment* and *confidence* are seen as enabling and strengthening investor activity; in the unaccusative

contexts, they both improve, deteriorate or remain unchanged; in the accusative contexts, they both are improved or deteriorated by some characteristic of the stock market. Only in this last context do differences emerge: verbs of observation (*gauge, monitor, ...*) are exclusively found with *sentiment* (see example (13) in §8 above), while verbs of creation (*engender, inspire, ...*), which take an effected object, are only found with *confidence* (see examples (30) and (31) in §9 above). Whereas the first generalizations go against the hypothesis of difference, the final generalizations support it, in that gauging or monitoring sentiment is neutral while engendering or inspiring confidence must be understood in a positive sense.

Another point of similarity is that both *sentiment* and *confidence* welcome the construction of complex NPs with multiple modifiers before and after the head. The functional templates show a high degree of parallelism, as shown in Table 4.

Table 4

The maximum structure of NPs with *sentiment* or *confidence* as their head nouns

Grounding	Epithet	Classifier	N(')	SENTIMENT	Complement	Adjunct	
Determiner	Epithet	Classifier	N	CONFIDENCE	Complement	Adjunct	Postmodifier

The differences between the two are rather minor: grounding expressions and determiners share the function of anchoring the NP to the discourse context; the distinction between N(') and N reflects the fact that *sentiment* can enter more complex nominal compounds than *confidence*; and the exclusive presence of the Postmodifier function with *confidence* may reflect the greater complexity of compounding permitted by *sentiment*, i.e. there is a rough equivalence between, say, *the confidence expressed by international investors* (Determiner—CONFIDENCE—Postmodifier) and *international investor sentiment* (N'—SENTIMENT).

There are certainly some differences that are worth pointing to. As anticipated in § 5, there is a distinction between confidence as an undirected disposition and confidence as a directed type of trust. Since in a variable stock market, confidence is predominantly directed to particular companies, sectors or indeed the economy as a whole, writers as expected take advantage of the possibility of complementing *confidence* with a PP introduced by *in*, a 'directed' construction not available for *sentiment*. Another difference is that *confidence* is presented as quantifiable (with frequent talk of *degrees* or *levels of confidence*), reflecting the gradable nature of the adjective *confident*; *sentiment*, by contrast, is not quantifiable in this sense, as follows from its greater neutrality.

Where the two words are clearly similar is in varying along a scale that reflects expected or already existent rises and falls in share prices. Both with *sentiment* and with *confidence*, this is typically metaphorized in terms of variations in the strength, liveliness or health of an organism: both notions are said to be *strong* and capable of *triggering* and *supporting* growth or else to be *weak* and to *exacerbate* losses; similarly, both can *recover* and *revive* from periods of weakness, or *decline* and *succumb* to bad news; if nothing of note happens, then both *sentiment* and *confidence* are *shored up* and *consolidated*.

In many aspects of financial discourse, no practical difference is observed. Among the best known international indexes are the OCDE's Business Confidence Indicator, the Acertus Market Sentiment Indicator, the Gallup Economic Confidence Index, and the

European Commission's Economic Sentiment Indicator (ESI). As will be noted, the terms *sentiment* and *confidence* are used here interchangeably. In fact, the Commission's Economic Sentiment Indicator (ESI) is defined³ as a composite indicator made up of five sectoral confidence indicators with different weights: the Industrial confidence indicator, the Services confidence indicator, the Consumer confidence indicator, the Construction confidence indicator and the Retail trade confidence indicator.

The conclusion is therefore that the hypothesis formulated in § 6 that the words *sentiment* and *confidence* will be treated distinctly in the sample of financial discourse formed by the corpus examined is to a very large extent to be rejected.

11. CONCLUSIONS

My research has shown that *sentiment* and *confidence* are terms taken from the stock of “emotion words” and are extensively used in the discourse of financial journalists and other providers of financial services. Although the two words are quite distinct in everyday parlance, they are used almost synonymously in Financial English to describe the complex of expectations and feelings that exist in the community of investors. It is true that these expectations derive from a dispassionate and increasingly computer-based monitoring of company performance and from risk-laden extrapolations from past returns on investments to future outlooks. In addition, confidence or sentiment indicators (we have seen that the terms are used interchangeably) are algorithmically linked to indicators referencing other variables such as industrial production. Nevertheless, emotions can no more be banished from stock markets than from any other realm of human action and are key to the decision-making that drives the upsurges and downturns of share indices. It is these emotions that writers are tapping into when they use the emotion words *sentiment* and *confidence* to describe conjunctures of economic circumstances.

Further research into this area could benefit from considering the use of emotion terms like *sentiment* and *confidence* in social media. Twitter and comparable media are rapidly replacing financial journalism, and it would be revealing to know whether the terms *sentiment* and *confidence* have been retained in these new media and display the same range of meanings and uses.

© J. Lachlan Mackenzie, 2018

REFERENCES

- Ackert, L.F., Church, B.K., & Deaves, R. (2003). Emotion and financial markets. *Federal Reserve Bank of Atlanta Economic Review*, 2nd Quarter, 33—41.
- Alba-Juez, L. (Fc.) Emotion and appraisal processes in language: How are they related? In Gómez González, M.A. & J.L. Mackenzie (eds.; subm.), *The Construction of Discourse as Verbal Interaction*. Amsterdam: John Benjamins.
- Bednarek, M. (2008). *Emotion talk across corpora*. Houndsmills/New York: Palgrave Macmillan.
- Black, F. (1986). Noise. *Journal of Finance*, 41(3), 529—543. doi: 10.1111/j.1540-6261.1986.tb04513.x.
- Briesemeister, B.B., Kuchinke, L. & Jacobs, A.M. (2012). Emotional valence: A bipolar continuum or two independent dimensions? *Sage Open*, 2012 (2), 1—12. doi: 10.1177/2158244012466558.

³ See [http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Glossary:Economic_sentiment_indicator_\(ESI\)](http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Glossary:Economic_sentiment_indicator_(ESI)).

- Charteris-Black, J. (2004). *Corpus approaches to critical metaphor analysis*. Houndsmills/New York: Palgrave Macmillan.
- Cheng, W. (2012). *Exploring corpus linguistics: Language in action*. London/New York: Routledge.
- Damasio, A.R. (1994). *Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain*. New York: Putnam.
- Fama, E.F. (1970). Efficient capital markets: A review of theory and empirical work. *Journal of Finance*, 25(2), 383—417. doi: 10.1111/j.1540-6261.1970.tb00518.x.
- Fama, E.F. (1991). Efficient capital markets: II. *Journal of Finance*, 46(5), 1575—1617. doi: 10.1111/j.1540-6261.1991.tb04636.x.
- Feldman, R. (2013). Techniques and applications for sentiment analysis. *Communications of the ACM*, 56(4), 82—89. doi: 10.1145/2436256.2436274.
- Foolen, A. (2012). The relevance of emotion for language and linguistics. In Foolen, A., U.M. Lüdtke, T.P. Racine & J. Zlatev (eds.), *Moving Ourselves, Moving Others: Motion and Emotion in Inter-subjectivity, Consciousness and Language*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. 349—368. doi: 10.1075/ceb.6.13foo
- Frijda, N.H. (1986). *The emotions*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hey, J.D., & Morone, A. (2004). Do markets drive out lemmings — or vice versa? *Economica*, 71(284), 637—659.
- Kahneman, D., & Tversky, A. (1979). Prospect theory: An analysis of decision-making under risk. *Econometrica*, 47(2), 171—185.
- Martin, J.R., & White, P.R.R. (2005). *The language of evaluation*. Houndsmills/New York: Palgrave Macmillan.
- Perlmutter, D.M. (1978). Impersonal passives and the Unaccusative Hypothesis. *Berkeley Linguistics Society*, 4, 157—189. doi: 10.3765bls.v4i0.2198.
- Roush, C. (2009). Business journalism. In C.H. Sterling (ed.), *Encyclopedia of journalism*, Vol. 1, 225—229. Los Angeles etc.: Sage.
- Ruiz-Martínez, J.M., Valencia-García, R., & García-Sánchez, F. (2012). Semantic-based sentiment analysis in financial news. In *Proceedings of First International Workshop on Finance and Economics on the Semantic Web (FEOSW 2012)*. Heraklion (Greece). 38—51.
- Russell, J.A. (1980). A circumplex model of affect. *Journal of Personality and Social Psychology*, 39(6), 1161—1178. doi: 10.1037/h0077714.
- Shefrin, H., & Statman, M. (1985). The disposition to sell winners too early and ride losers too long: Theory and evidence. *Journal of Finance*, 40(3), 777—790.
- Shiv B., Lowenstein G., Bechara A., Damasio, H., & Damasio A. (2005). Investment behavior and the negative side of emotion. *Psychological Science*, 16, 435—439. doi: 10.1111/j.0956-7976.2005.01553.x.
- Shleifer, A. (2000). *Inefficient markets: An introduction to behavioral finance*. Oxford: Oxford University Press.
- Van Valin, Jr., R.D. (2005). *Exploring the syntax-semantics interface*. Cambridge: Cambridge University Press.

Article history:

Received: 07 July 2017

Revised: 12 August 2017

Accepted: 15 August 2017

For citation:

Mackenzie, J. Lachlan (2018). Sentiment and Confidence in Financial English: A Corpus Study. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 80—93. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-80-93.

Bionote:

J. LACHLAN MACKENZIE is Emeritus Professor of Functional Linguistics at VU Amsterdam. With a PhD from the University of Edinburgh (1978), his career was in the Netherlands, working closely with Simon Dik, Kees Hengeveld and many others on the development of Functional Grammar (FG) and Functional Discourse Grammar (FDG). He is currently associated with three research groups in Iberia: SCIMITAR (Santiago de Compostela), EMO-FUNDETT (Madrid) and CELGA-ILTEC (Coimbra). His research interests range from functionalist linguistics to pragmatics, discourse analysis and emotion in language. Key co-publications: *Functional Discourse Grammar* (OUP 2008) and *Pragmatics: Cognition, Context and Culture* (McGraw Hill 2016). *Contact information*: lachlan_mackenzie@hotmail.com

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-80-93

«НАСТРОЕНИЕ» И «ДОВЕРИЕ» В ФИНАНСОВОМ АНГЛИЙСКОМ: ИЗУЧЕНИЕ КОРПУСА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Дж. Лахлан Маккензи

Амстердамский свободный университет
De Boelelaan 1105, 1081 HV Amsterdam, Нидерланды

В мире финансов слова «настроение» и «доверие» часто используются, чтобы побудить инвестора/инвесторов приобрести акции на рынке или вложить деньги в ценные бумаги. В статье рассматривается употребление этих двух слов в финансовой журналистике на материале электронного корпуса финансовых услуг Гонконга. Автор проверяет гипотезу о том, что в финансовом языке данные слова имеют свои особенности. Опираясь на положения функциональной семантики и теории оценки, автор анализирует, как они используются в придаточных и номинативных предложениях, и приходит к выводу, что слова «настроение» и «доверие» часто используются в финансовом языке в качестве синонимов. Делается вывод о том, что, употребляя эти слова, автор текстов осознает значение эмоций как важного фактора в принятии решений.

Ключевые слова: *эмоции, финансовый анализ, грамматика, журналистика, семантика, доверие, настроение*

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 07 июля 2017

Дата принятия к печати: 15 августа 2017

Для цитирования:

Mackenzie, J. Lachlan (2018). *Sentiment and Confidence in Financial English: A Corpus Study*. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 80—93. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-80-93.

Сведения об авторе:

Дж. ЛАХЛАН МАККЕНЗИ — заслуженный профессор, профессор функциональной лингвистики Амстердамского свободного университета. Получил степень доктора в Эдинбургском университете (1978 г.). Работал в Нидерландах совместно с Саймоном Диком, Кизом Хенгевельдом и другими учеными над созданием функциональной грамматики и функциональной дискурсивной грамматики. В настоящее время он сотрудничает с тремя исследовательскими группами: SCIMITAR (Сантьяго де Компостела, Испания), EMO-FUNDETT (Мадрид, Испания) и CELGA-ILTEC (Коимбра, Португалия). *Сфера научных интересов:* функциональная лингвистика, прагматика, дискурс-анализ, эмоции в языке. Основные публикации: *Functional Discourse Grammar* (Oxford University Press, 2008), *Pragmatics: Cognition, Context and Culture* (McGraw Hill 2016). *Контактная информация:* lachlan_mackenzie@hotmail.com

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-94-107

ATTACHING FEELINGS AND EMOTIONS TO PROPOSITIONS. SOME INSIGHTS ON IRONY AND INTERNET COMMUNICATION

Francisco Yus

University of Alicante
Carretera San Vicente del Raspeig, s/n, 03690 San Vicente del Raspeig,
Alicante, Spain

Abstract

Feelings and emotions, typically non-propositional, play an important part in the eventual quality of the interpretations to which they are attached. However, relevance theory has preferred to focus on how hearers build up propositions that fill the gap between what is meant and what is eventually interpreted (Carston 2002). These are easier to handle, possess a mental representation and are a genuine object of analysis for linguistics (Chapman 2001, García-Carpintero 2010, Moeschler 2009). In this paper, a review is provided of several ways in which feelings and emotions play an important part in the eventual quality of interpretations, specifically focusing on irony (Yus 2016a, 2016b) and Internet-mediated communication (Yus 2016c, forthcoming).

Keywords: *feelings, emotions, non-propositional effects, irony comprehension, Internet-mediated communication, cyberpragmatics, online identity*

1. INTRODUCTION

Pragmatics deals with intentionally conveyed information; relevance theory (henceforth RT) further specifies its scope by claiming that it deals with *ostensive-inferential communication*, the one in which the communicator produces a stimulus which makes it mutually manifest to communicator and audience that the communicator intends, by means of this stimulus, to convey to the audience some information (Sperber and Wilson 1995: 63). As such, it mainly focuses on propositional information. Cases of non-verbal ostension are also treated as producing propositional implications, even if somewhat vague. This paper underlines the importance of feelings and emotions for communication and eventual relevance, both when intended in parallel to propositionally conveyed information (*affective attitude*) and when these *leak*, as it were, from the act of communication beyond the speaker's awareness and overt intentionality. The paper is organised as follows. Firstly, a brief introduction is provided of what may be communicated according to RT. Secondly, some comments on non-propositional feelings and emotions and their importance in communication are provided. Finally, two exemplifying cases are briefly commented upon: irony comprehension and online identity.

2. RELEVANCE THEORY AND PROPOSITIONAL COMMUNICATION

The prototypical form of communication according to RT is the propositional one, and what is inferred is either an explicit proposition (*explicature*) or an implicated one (*implicature*) or both. As Sperber and Wilson (1995: 57) explain, there is a very good

reason to assume that what is communicated is propositional: it is relatively easy to say what propositions are, and how inference might operate over propositions. No one has any clear idea how inference might operate over non-propositional objects: say, emotions. “Propositional contents and attitudes thus seem to provide the only relatively solid ground on which to base a partly or wholly inferential approach to communication”. However, these authors do acknowledge that some effects of communication do not fall neatly into the propositional mould and, in fact, they claim that it is a mistake to focus only on propositional communication, since there is a continuum of cases, from utterly intended explicatures and implicatures to implicatures which are merely made manifest, and to further modification of the mutual cognitive environment of speaker and hearer in which what is conveyed is, rather, rich, and not entirely foreseeable cognitive effects (p. 201; see also Sperber and Wilson 2015: 121).

Explicatures differ from the information coded, and interpretations may be more or less explicit. This departure from coded meaning is even more evident in the case of implicatures, which may also be arranged on a continuum between *strong* and *weak*. Consider this example (adapted from Carston 2009):

- (1) Tom: How was the party? Did it go well?
Ann: There wasn’t enough drink and everyone left early.
- (2) a. There wasn’t enough alcoholic drink to satisfy the people at the party and so everyone who came to the party left it early, roughly before 2 o’clock.
b. The party did not go well at all.
c. Parties in which alcohol is scarce and people leave early are not good.
d. Ann thinks alcohol is essential in parties.
e. Ann only enjoys herself at parties when she is surrounded by many people.

When Tom interprets Ann’s utterance, he decodes her words and enriches them at the explicit level: the concept *drink* is adjusted into *alcoholic drink*; the scope of *everyone* is narrowed to “everyone at the party”, and *early* has to be interpreted as the time in Tom and Ann’s culture in which leaving a party at a certain time is considered early. The resulting proposition could roughly be the explicature in (2a). Of course, as an answer, she also strongly implicates (2b) (an implicated conclusion), in the sense that it is clear that she backs up this implicature. This is obtained by pairing the explicature in (2a) with encyclopaedic information about what it takes for parties to be successful (the implicated premise in (2c)). However, Tom may also derive further implicatures, this time weaker (Ann probably did not intend to communicate them, but these are anyhow triggered by her utterance), such as (2d) or even weaker ones such as (2e), this time derived by Tom’s sole responsibility.

3. AFFECTIVE ATTITUDE: FEELINGS AND EMOTIONS

What about the communication of feelings and emotions or the speaker’s overall affective attitude? These are utterly important and may alter radically the eventual interpretation obtained and the relevance yielded by the act of communication. Feelings and emotions are treated here as roughly similar, although there is no agreement on the scope or overlapping between them (Caffi and Janney 1994: 327). The latter are typically as-

sociated with acute and intense reactions to one's environment, often accompanied by physiological changes (Kidron and Kuzar 2002: 130), whereas the former seem to exhibit more stability. Affect seems to be an umbrella term for a whole range of feelings, moods and emotions (van Kleef 2016: 4). Similarly, Schwarz (2015: 161) differentiates between emotions and feelings, claiming that it is important to draw a distinction between them. Emotions would be defined as "a complex, internally represented knowledge system having a primarily evaluative function within the human organism." On the other hand, feelings would belong to the dimension of emotion that is experienced consciously. These are, therefore, mental representations.

4. PRAGMATICS AND NON-PROPOSITIONAL INFORMATION

As it has been argued in this paper, although pragmatics typically addresses intentionally conveyed propositional communication, non-propositional information (both intentionally and unintentionally transmitted) is also essential to determine the full extent of the addresser's intended interpretation and the quality of the addressee's eventual interpretation. Gibbs et al. (2002: 128) also comment that, in many cases of interpersonal communication, what is important is not the explicit propositions stated, but the more indeterminate non-propositional meaning and affect that is expressed and understood in the act of communication. In this way, propositional and non-propositional effects are intertwined. For instance, non-propositional effects may trigger or block propositional interpretations, and the latter can have an effect on the inference of non-propositional effects (Moeschler 2009: 460).

The range of communicative possibilities involving feelings and emotions, which can be grouped under the umbrella terms *affective attitude* (when intentional) and *affective effect* (when "exuded" unintentionally), are varied if we take into account axes such as *propositional/non-propositional quality* or *acted upon/non-acted upon*, together with the initial distinction between *intentional* and *unintentional* transfer of affective information. The term "acted upon" refers to the fact that feelings and emotions may be produced without the individual intervening in its extent and intensity, whereas on other occasions he/she does exert a control on their production. As Langlotz and Locher (2013: 91) summarize, while some cues may result from spontaneous expressions of genuine emotional states, other cues may be used strategically to emotionalize a given message in the absence of actual arousal. This entails degrees of control on this continuum from spontaneous to strategic emotional display. Van Kleef (2016: 57) adds that people express emotions to various degrees. At one end, experienced emotions which are expressed in an uncensored way, so that the interlocutor gets full insight into the individual's feelings. At the other end, suppressed expression of any experienced emotion, to the extent that their nonverbal or verbal expressions provide no clues as to their internal feeling states. And Wilson and Wharton (2006) illustrate this continuum of cases as follows: "A speaker's tiredness, boredom, frustration or anger may be revealed by her tone of voice or facial expression, even though she is trying to conceal them and even though it is clear to the audience that they are being accidentally revealed rather than intentionally conveyed. In more sophisticated cases, a speaker may covertly

manipulate her tone of voice to suggest to an audience that she is accidentally betraying her feelings rather than wanting them to be recognised as part of her meaning”.

Initially, if we take into account these axes, several possibilities may be listed:

1. Intentional/propositional. The addresser intentionally produces a propositional message whose content conveys his/her affective attitude.

2. Intentional/non-propositional/acted upon. The addresser intentionally conveys affective information non-propositionally, either nonverbally (gestures, vocal expressions) or attached to a verbal proposition (via intonation, gestures in parallel to verbal communication, etc.). Being aware of the affective information that should be conveyed, he/she acts upon this non-propositional act by enhancing it, reducing it, masking it, etc.

3. Intentional/non-propositional/not acted upon. The addresser intentionally conveys affective information non-propositionally, either nonverbally or attached to a verbal proposition. However, he/she does not feel the need to act upon this non-propositional act by enhancing it, masking it, etc.

4. Unintentional/non-propositional/acted upon. Beyond the addresser's intentions, some information *exudes* or *leaks* from him/her conveying his/her feelings or emotions. The addresser becomes aware of this leakage and acts upon its production by minimising it, masking it, etc.

5. Unintentional/non-propositional/not acted upon. Beyond the addresser's intentions, some information *exudes* or *leaks* conveying his/her feelings or emotions. The addresser does not feel the need to act upon its production, by minimising it, masking it, etc.

Among the aforementioned possibilities, one deserves further attention: the propositional vs. non-propositional information communicated by these feelings and emotions, either when attached to an utterance or when they are the only source of information (e.g. nonverbal behaviour). For RT, if these are intended, they typically entail a propositional quality, even if what is communicated is a range of impressions, rather than a fully-fledged proposition. An often cited example is the following (Sperber and Wilson 1995: 55):

- (3) Mary and Peter arrive at the seaside. She opens the window overlooking the sea and sniffs appreciatively and ostensively. When Peter follows suit, there is no one particular good thing that comes to his attention: the air smells fresh, (...) it reminds him of their previous holidays, he can smell the sea (...); all sorts of pleasant things come to mind, and while, because her sniff was appreciative, he is reasonably safe in assuming that she must have intended him to notice at least some of them, he is unlikely to be able to pin her intentions down any further.

In this case, Mary's informative intention when sniffing the seaside air might be a number of assumptions that suddenly come to her mind upon sniffing, without necessarily intending, in a conscious way, to communicate any particular one of these assumptions. Maybe all that she wants is to share *an impression* with Peter. As such, it is partly precise and partly vague, and may be communicated as a weak implicature. But perhaps all that takes place in (3) is a mutuality of sub-propositional feelings and emotions triggered by the seaside, Mary perhaps being unable to pin them down propositionally and Peter being unable to infer beyond a general “she feels good about being at the seaside”.

In short, there would be a continuum of cases in emotional communication ranging from cases in which it is propositionally conveyed (explicitly, strongly implicated, weakly implicated) to cases in which what is conveyed and inferred remains at a sub-propositional level.

Furthermore, there is no reason why some non-propositional affective information could not be communicated besides (or even instead of) impression-related propositional implications. Illustrative examples are found in Strey (2016: 80), adapted as (4) below, and (5) from Wharton (2016):

- (4) a. Jack: Let's go to the mall.
 Mary: (angrily) I'm feeling tired.
- b. Mary feels tired.
 c. Mary will not go to the mall.
 d. When Mary is tired she never wants to go to malls.
 e. Mary thinks that malls are crowded this time of year.
 f. Mary feels angry at the prospect of having to go the mall.
- (5) a. A: How's work going?
 B: The boss is a bastard!
- b. A: How's work going?
 B: (Sighs wearily).

In the conversation (4a), Mary communicates (4b) explicitly (*explicature*). She also strongly implicates (4c), whereas other weaker implicatures such as (4d-e) are also triggered by Mary's utterance but may not be intended but extracted by Jack's sole responsibility. Crucially, Mary also communicates how she feels about Jack's question (the *affective attitude* in 4f) by using a marked intonation and one of Jack's relevance-oriented inferential strategies will focus on working out the extent and intensity of these negative feelings, which will influence the inference of the propositional content to which Mary's intonation is attached (see also Moeschler 2009: 456—457).

Similarly, Wharton (2016) is right in pointing out that the difference between (5a) and (5b) is covered within RT by distinguishing strong from weak communication, and in parallel between strong and weak implicatures. Needless to say, a conclusion is strongly implicated to the extent that it must be derived in the course of constructing a satisfactory interpretation (and its derivation is clearly intended and backed up by the speaker). In this case, there is mainly a single, strongly manifest (i.e. implicated), assumption. In the case of weakly implicated assumptions, these help with the construction of a satisfactory interpretation, but are not essential or are even derived beyond the speaker's intentions. For Wharton, (5a) quite strongly implicates that all is not well at work, whereas the sigh in (5b) makes weakly manifest a wide array of weak implicatures, that is, it creates an impression rather than conveying a definite message. Again, in my opinion it is reductive to base all interpretations, including impressions, on a propositional mould, even if a whole range of possibilities are covered between strongly and weakly implicated assumptions. Although B may well have a propositional implication in mind, he/she may also hold a rather general feeling located on the negative side (being upset, fed up, angry...) and may only be capable of communicating these broad non-propositional feel-

ings, and not a mentally represented implicated propositional assumption, even if it is an impression-based weak implicature. And the same applies to the addressee, who may be able to stand on B's shoes, as it were, to feel roughly the same broad negative feeling held by B, but without consciously reaching a propositional (even if weak) implicature.

5. TWO CASE STUDIES

Communication is partly propositional and partly non-propositional. Some information is propositional and intended, of an explicit (*explicature*) and/or implicit (*implicature*) quality. Some propositional information may also be derived beyond the speaker's intentions, but it is nevertheless triggered by his/her act of communication. Similarly, non-propositional information may be intended (e.g. to make sure that the interlocutor grasps how happy, angry etc. the addresser is), and some non-propositional information may also *leak* from the addresser's act of communication beyond his/her intentions, with some interesting communicative outcomes.

To account for this variability, in latest research (Yus 2015a, 2015b, 2015c, 2016b, 2017), an extension of the RT model has been proposed by including the analysis of *contextual constraints* and *non-intended non-propositional effects*. The former were initially intended to account for the fact that Internet communication is affected by a number of interface-related and user-related qualities that may also alter the eventual relevance of the act of communication. These are mainly related to the users' management of the interface, the kind of relationship existing between interlocutors, the user's personality, etc. The term *contextual constraint* is restricted to aspects that *underlie* the acts of communication and the users' interactions (i.e. they exist prior to the interpretive activity) and *constrain* their eventual (un)successful outcome. They *frame*, as it were, communication and have an impact not only on the quality of interpretation, but also on the willingness to engage in sustained virtual interactions. Constraints have an impact on (a) how much discourse is produced; (b) what kind of discourse is produced; (c) what kind of discourse is expected (audience validation); (d) what kind of discourse is possible (interface affordances); and (e) what kind of site is preferred (to channel communicative needs).

Secondly, the term *non-intended non-propositional effect* refers to feelings, emotions, impressions, etc. which are not overtly intended by the "sender user", but are nevertheless generated from the act of communication, and add (positively or negatively) to the cognitive effects derived from the interpretation of propositional content. These effects are important for eventual relevance, since they have an impact (a) on the positive/negative outcome of Internet acts of communication; (b) on the preference for a specific site, medium or channel; (c) on why certain interactions are (un)profitable despite the lack of/existence of interesting information; and (d) on how Internet interactions make users feel.

In short, the extended RT model would cover a broad range of communicated and/or inferred information: speaker-supported propositional content (explicatures, strong implicatures, propositional attitudes, some weak implicatures), hearer-supported weak implicatures (often beyond speaker's overt intentions), speaker-supported non-propositional feelings and emotions (affective attitude), and hearer-supported feelings and emotions

beyond the speaker's intentions (affective effects), that is, non-intended non-propositional effects generated beyond the act of communication but which affect eventual relevance.

Among other research areas focusing on the importance of non-propositional information (e.g. feelings and emotions), either intended or unintendedly leaked, two examples are briefly commented upon below: irony comprehension and online identity. In the former, the addresser's affective attitude (feelings, emotions...) is important because it is intended and has to be recovered by the addressee as part of the relevant interpretive outcome. In the case of online identity, feelings and emotions are also important, but often because they are generated beyond the addresser's communicative intentions.

5.1. Irony comprehension

Beyond the traditional (and often inaccurate) approach to irony as communicating the opposite of what is literally stated, RT focuses on the fact that irony necessarily needs an opinion, norm, thought or utterance (called *echo*) to which a dissociative attitude is held. The recovery of an ironic interpretation depends, apart from a recognition of the utterance as echoic, on an identification of the source of the opinion echoed and on a recognition that the speaker's attitude to the opinion echoed is one of rejection or disapproval (dissociative attitude). In Yus (2016a) an example is cited: someone is inviting a friend to go to the beach and insisting that the weather is going to be fine, and upon arriving at the beach it starts pouring down. By saying "*Nice weather we're having!*" the speaker does not want to assert that it is inappropriate to say that the weather is fine when it is actually pouring down, but to dissociate himself/herself from his/her friend's opinion (and previous utterance) that the weather would be fine and that there was no reason not to go to the beach. Indeed, ironies make little sense if this attitude is not spotted, the interest lying, rather, in the speaker's attitude to an echoed thought or opinion.

Besides the speaker's dissociative attitude, a necessary element of irony is the need of a source for the echo. In short, the thought involved in ironic communication must be attributed to some actual person, or the speaker in a different context or humans in general, so that the underlying attitude is clearly ascribable as dissociative and not as that of endorsement or support. The notion of echo is intentionally broad, since it covers direct echoes of previous utterances, and also echoes of attributed thoughts (real or imaginary), social norms and expectations.

Sperber and Wilson (1995: 239—240) exemplify this need of an echo with Mary's comment in (6), which obviously aims to communicate (7), but whose main point is rather to communicate irony-related implicatures such as the ones listed in (8) (adapted and extended in Yus 2016a), all of which demand from Peter the identification of the utterance as echoic (and Mary's attitude involved as dissociative):

- (6) Peter: It's a lovely day for a picnic.
[*They go for a picnic and it rains*].
Mary [*sarcastically*]: It's a lovely day for a picnic, indeed.
- (7) Mary manifestly believes that it is not a lovely day for a picnic.
- (8) It was wrong of Peter to say that it was a lovely day for a picnic.
Peter's judgement has been unsound.
It was Peter's fault that their day has been ruined.
Mary should never have trusted Peter in his weather prediction.

However, an appropriate account of irony entails not only the identification of echo and attitude, but also the identification of the speaker's feelings and emotions (under the broad label of *affective attitude*) toward the source of the echo. Ironical interpretations differ radically depending on what affective attitude is held by the speaker when uttering the irony, which may not only influence the eventual choice of an interpretation, but also the ascription of irony as utterly offensive, mildly offensive, praising or humorous.

In a nutshell, being aware of the speaker's feelings and emotions can make interpretations differ radically. This view is more realistic in pairing propositional content (explicit, implicated, propositional attitude) with feeling- and emotion-related non-propositional effects (affective attitude) whose relevance lies in a certain mutuality, rather than a specific interpretation and which are also relevant even if not propositional. An example of how affective attitudes impact the propositional ironical interpretation is proposed in Yus (2016a). With the same initial part of a phone conversation in (9), the identification of the speaker's affective attitude (feelings, emotions) yields the different dialogue continuations and differing interpretive outcomes listed in (10), (11) and (12). The exchange in (9—10) is a real phone conversation, while (11—12) are my proposal of alternative continuations:

- (9) [John calls Mary on the phone].
 Mary: Hi John! How're things?
 John: I am fine! I've just thought... Since Mary is always calling me, today for a change I'll make the call.
- (10) Mary: Hahaha. Poor thing... You are right, I should call you more often, but you seem soooo happy to call your friend, don't you? hahaha.
 John: Hehehe... Of course, Mary... A pleasure.
- (11) Mary: I am sorry... I do call you every now and then... Don't be so angry.
 John: Yeah, once a year more or less. I just think I deserve better.
- (12) Mary: Hahaha. Poor thing... You are right, I should call you more often, but you seem soooo happy to call your friend, don't you? hahaha.
 John: Actually, I am pissed off with having to call you all the time. You could make the effort to call me, couldn't you?
 Mary: Oh... I am sorry... Don't be so angry. I never thought you'd be so upset.

In these examples, John has a dissociative attitude towards an opinion echoed of a commonsense quality: that nobody should always be the one calling. However, although the dissociative attitude is the same in (9—12), the final interpretation of this echoed opinion varies in each case because of the feelings associated with this opinion. In (10), John does think that it would be nice that Mary called him more often, but the feelings that he holds towards the echoed opinion are on the positive side, and Mary infers it correctly. By contrast, in (11) the feelings that he holds towards that opinion are on the negative side. Mary, again, correctly infers that the feelings associated with John's affective attitude are on the negative side. Finally, in (12) the dissociative attitude is correctly inferred but the feelings or emotions associated with the opinion echoed (the affective attitude) are misinterpreted, resulting in an erroneous interactional outcome.

Furthermore, it should be noted that what influences the eventual interpretation of an utterance is not only the identification of the speaker's affective attitude, but also the current feelings and emotions held by the hearer upon inferring the propositional

content of the utterance. Very often, the same irony yields different interpretive outcomes because the hearer's feelings and emotions frame this interpretation and may lead it to different inferential outcomes.

Sperber and Wilson (1995: 240) do acknowledge the role of emotions in irony comprehension, stating that speakers use an echoic utterance to convey different attitudes and emotions “ranging from outright acceptance and endorsement to outright rejection and dissociation, and that the recognition of these attitudes and emotions may be crucial to the interpretation process”. These authors opt for a picture of continuum, with different blends of attitude and emotion giving rise to a whole range of borderline cases which do not fit neatly into any existing scheme. In my opinion, affective attitude ascription should be incorporated into the RT model of irony comprehension, together with dissociative attitude and source of the echo, and the goal of a cognitive pragmatics should be to provide an account of how this affective attitude is spotted and how it influences the comprehension of the propositional content. And this is particularly noticeable in the case of ironical communication. Akimoto et al. (2014: 1168) are right in remarking that “verbal irony implies an underlying emotional attitude that differs from the meaning of what is actually said. Comprehension of irony is a representative example of the high-order sociolinguistic abilities of humans. It goes beyond literal understanding, integrating various types of information from the social context, including events, the speaker's beliefs and emotional attitudes, and paralinguistic cues such as facial expression. (...) Affective aspects are also important because they are not only involved in the processing of emotional interpretive cues, but are also closely related to the social function of irony, which is the reason why irony is used”.

5.2. Online identity

Relevance is a comparative notion. Human cognition is capable, on every occasion, of assessing the cognitive effects and mental effort of competing propositional interpretations and automatically opt for the most relevant one in a specific context. However, relevance is also variable and subject to contextual features. As has been argued above, the eventual relevance may be affected by a number of factors that alter the intended relevance of an input even before it is produced (*contextual constraints*). Besides, addressees may find relevance in some inferred information that “leaks” beyond the propositional interpretation intended by the speaker (*non-intended non-propositional effects*). Needless to say, both non-propositional effects and contextual constraints exist in every act of communication, not only in Internet-mediated ones, but their influence is much more noticeable on the Internet, where interactions are often devoid of physical co-presence and typed utterances often exhibit a cues-filtered quality (Yus 2011, 2014, 2015a, 2015b, 2015c, 2015d, 2016d, 2016e, 2017).

Concerning online identity, by means of different types of uploaded (verbal-visual-multimodal) discourse, users *position* themselves as unique individuals and upload content on their profiles with expected audiences and interpretations, a kind of identity performance; and thanks to the affordances of new media, “addressee users” also co-construct, co-produce text in a joint generation of content. This is particularly useful for identity-shaping strategies, since users manage and shape their personal identities with the aid of uploaded content and the impact that this content has on friends and acquaint-

ances in terms of verbal replies, non-verbal reactions, etc., constituting a very relevant source of information for users beyond the objective information communicated by this self-related content. These constitute the main focus of analysis of a cyberpragmatics of online identity, since these are intentional acts of communication with intended (and expected) interpretations.

However, as has been argued in Yus (forthcoming), if we base the eventual relevance of Internet-mediated acts of communication only on the objective interest and value aroused by the intentional propositional content uploaded and transferred to other users, we will be unable to explain much of the appeal and the specificity of the Net in terms of user satisfaction and engagement (and eventual impact on the user's self-image). The aforementioned additional terminology aims to complement propositional relevance so that a valid explanation of user (dis)satisfaction with online interactions may be provided. Certainly, users often do not only obtain relevance from the information provided by the content itself, but also (and nowadays especially) from the feelings and emotions that this content produces in addressee users, often beyond the interlocutors' awareness. The kind of effect that is important in this case is the one which exhibits a non-intentional and non-propositional quality, sometimes adding to the relevance of the propositional information and, crucially, often making up for the objective irrelevance of the information contained in the discourse communicated.

The eventual relevance of Internet-mediated acts of communication may be affected by the user's attributes and motivations, especially the user's personality and its management in the online/offline interface. Users frequently present an enhanced version of their selves and the act of presentation, even if faithful to the user's offline identity, is always constrained (qualitatively and quantitatively) by the user's personality, self-esteem, strength of ties, feelings and emotions. Besides, the user's content uploaded is also constrained by general expectations of conformity to norms and group-related expectations. This is especially the case of young users, always eager to find ways to leave a positive impression on their audiences and in the process they are constantly monitoring what their peers expect from them.

In the context of the topic of this paper, namely the role that feelings and emotions play in communication, non-intended non-propositional effects are important in the way they frequently hold the key to why Internet-mediated interactions turn out (ir)relevant regardless of the objective value of the content transferred to other users. Several of these effects have an impact of the user's self-concept or overall sense of identity. Among others, in Yus (forthcoming) the following are listed:

1. Feeling of connectedness, social awareness, feeling of being part of the interactions and friendships. Many users engage in "chained" acts of communication (typically trivial ones) because they eventually obtain an awareness of friends and peers and a feeling of connectedness. The notion of *ambient awareness* (Thompson 2008) points in this direction, since it refers to mutual awareness of one another arising from non-stop dialogues and uploaded content, often fragmentary, which nevertheless gives users a more or less thorough picture of their friends.

2. Feeling of being noticed by the network of friends, by the user's community, of feedback, of social support. Sustained interactions not only generate connectedness, but also feelings of in-group membership and communal support, of being "attached" to the other members of the group (Yus 2007).

3. Generation of social capital. The term refers broadly to the benefits we receive from our social relationships, the resources linked to membership in a group or network of relationships, facilitating actions among these members. In this sense, virtual interactions aid in producing social capital that would otherwise be impossible if people only relied on physical co-presence for its generation.

4. Feeling of increased mutuality of information among friends and acquaintances. According to RT, the goal of human communication is not so much the mere transfer of information to others, but to generate a mutuality of this information (a *mutual manifestness*, in its terminology). The mutual satisfaction at sharing may be itself a source of satisfaction beyond the objective quality of the information exchanged.

5. Feeling of enhanced/decreased self-esteem and generation of positive/negative emotions. Finally, another positive/negative non-propositional effect has to do with self-esteem as managed and shaped through virtual interactions. On the positive side, virtual interactions may increase self-esteem. On the negative side, the user may end up with an offset of negative effects that have an impact on the user's self-esteem.

6. CONCLUDING REMARKS

Non-propositional feelings and emotions are important in human communication, both when intended as part of the eventual interpretation (the addresser's *affective attitude*) and when *leaked* unintentionally from the act of communication (*affective effects*). In this paper two examples have been provided illustrating this importance, one regarding intentional communication (feelings and emotions conveyed in ironical communication) and one related to these unintended feeling- and emotion-related effects (affective effects impacting the user's online identity).

© Francisco Yus, 2018

REFERENCES

- Akimoto, Y., Sugiura, M., Yomogida, Y., Miyauchi, C.M., Miyazawa, S. & Kawashima, R. (2014). Irony comprehension: Social conceptual knowledge and emotional response. *Human Brain Mapping*, 35, 1167—1178. doi: 10.1002/hbm.22242.
- Caffi, C. & Janney, R.W. (1994). Toward a pragmatics of emotive communication. *Journal of Pragmatics* 22, 325—373. doi: 10.1016/0378-2166(94)90115-5.
- Carston, R. (2002). *Thoughts and Utterances*. Oxford: Blackwell.
- Carston, R. (2009). Explicit/implicit distinction. In Cummings, L. (ed.), *The Pragmatics Encyclopedia*. London: Routledge, 154—162.
- Chapman, S. (2001). In defence of a code: Linguistic meaning and propositionality in verbal communication. *Journal of Pragmatics* 33, 1553—1570. doi: 10.1016/S0378-2166(01)00009-1.
- García-Carpintero, M. (2010). Linguistic meaning and propositional content. In Romero, E. & B. Soria (eds.), *Explicit Communication: Robyn Carston's Pragmatics*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 75—91.
- Gibbs, R.W., Leggitt, J.S. & Turner, E.A. (2002). What's special about figurative language in emotional communication? In Fussell, S.R. (ed.), *The Verbal Communication of Emotions. Interdisciplinary Perspectives*. Mahwah: L.E.A., 125—149.
- Kidron, Y. & Kuzar, R. (2002). My face is paling against my will. Emotion and control in English and Hebrew. *Pragmatics & Cognition*, 10 (1/2), 129—157. doi: 10.1075/pc.10.12.07kid.

- Langlotz, A. & Locher, M.A. (2013). The role of emotions in relational work. *Journal of Pragmatics*, 58: 87—107. doi: 10.1016/j.pragma.2013.05.014.
- Moeschler, J. (2009). Pragmatics, propositional and non-propositional effects: Can a theory of utterance interpretation account for emotions in verbal communication? *Social Science Information*, 48 (3), 447—464. doi: 10.1177/0539018409106200.
- Sperber, D. & Wilson, D. (1995). *Relevance. Communication and Cognition* (2nd ed.). Oxford: Blackwell.
- Sperber, D. & Wilson, D. (2015). Beyond speaker's meaning. *Croatian Journal of Philosophy*, XV (44), 117—149.
- Schwarz-Friesel, M. (2015). Language and emotion. The cognitive linguistic perspective. In Lüdtke, U.M. (ed.), *Emotion in Language. Theory — Research — Application*. Amsterdam: John Benjamins, 157—173.
- Strey, C. (2016). *The Language of Emotions: An Ostensive-Inferential Study*. Ph.D Thesis. Porto Alegre: Pontifical Catholic University of Rio Grande do Sul.
- Thompson, C. (2008). Brave new world of digital intimacy. *The New York Times*, September 5th, Magazine.
- van Kleef, G.A. (2016). *The Interpersonal Dynamics of Emotion. Toward an Integrative Theory of Emotions as Social Information*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wharton, T. (2016). That bloody so-and-so has retired: Expressives revisited. *Lingua*, 175—176, 20—35. doi: 10.1016/j.lingua.2015.08.004.
- Wilson, D. & Wharton, T. (2006). Relevance and prosody. *Journal of Pragmatics*, 38(10), 1559—1579. doi: 10.1016/j.pragma.2005.04.012.
- Yus, F. (2007). *Virtualidades Reales. Nuevas Formas de Comunidad en la Era de Internet*. Alicante: University of Alicante, Servicio de Publicaciones.
- Yus, F. (2011). Relevance equations of effective Internet communication. In Pennock, B. & Suau, F. (eds), *Interdisciplinarity and languages. Current issues in Research, Teaching, Professional Applications and ICT*. Frankfurt: Peter Lang, 65—86.
- Yus, F. (2014). Turismo móvil: Discurso, interactividad y usabilidad en las 'apps' de turismo". Paper delivered at *Discurso y Géneros del Turismo 2.0*. University of Valencia and IULMA, Valencia, April.
- Yus, F. (2015a). Should relevance theory analyse what is non-propositional, non-intentional but yet affects the eventual relevance? Paper delivered at *Relevance Round Table Meeting 4*. Kraków: Institute of English Studies, Jagiellonian University of Kraków, September.
- Yus, F. (2015b). The discursive management of the phatic Internet (and how to explain it pragmatically). Paper delivered at *Approaches to Digital Discourse Analysis (ADDA)*. Valencia (Spain), November.
- Yus, F. (2015c). Broadening the (propositional) scope of pragmatics in order to address the (non-propositional) quality of humorous effects. Paper delivered at *I Workshop on Advanced Studies of Humor and Gender (WASHUM)*. Alicante (Spain): University of Alicante, November.
- Yus, F. (2015d). The role of cognition and relevance in new digital narratives. In: Carpi, E. (ed.), *Prospective Multilingue e Interdisciplinari nel Discorso Specialistico*. Pisa: Pisa University Press, 81—107.
- Yus, F. (2016a). Propositional attitude, affective attitude and irony comprehension. *Pragmatics & Cognition*, 23(1), 92—116. doi: 10.1075/pc.23.1.05yus.
- Yus, F. (2016b). *Humour and Relevance*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.

- Yus, F. (2016c). The phatic Internet. Networked feelings and emotions across the propositional-non-propositional and the intentional-unintentional board. Paper delivered at the *International Conference on Language and Emotion*. Madrid, November.
- Yus, F. (2016d). Towards a cyberpragmatics of mobile instant messaging. In: Romero-Trillo, J. (ed.), *Yearbook of Corpus Linguistics and Pragmatics 2016: Global Implications for Culture and Society in the Networked Age*. Berlin: Springer, 7—26.
- Yus, F. (2016e). La seducción de lo no codificado. In Beguelin, V. & Cordone, G. (eds.), *Manifestaciones intermedias de la literatura hispánica del siglo XXI*. Madrid: Visor, 33—53.
- Yus, F. (2017). Contextual constraints and non-propositional effects in WhatsApp communication. *Journal of Pragmatics*, 114, 66—86. doi: 10.1016/j.pragma.2017.04.003.
- Yus, F. (forthcoming) Relevance from and beyond propositions. The case of online identity. In Nasu, H. & Strassheim, J. (eds.), *Relevance and Irrelevance: Theories, Fa*.

Article history:

Received: 03 July 2017

Revised: 20 July 2017

Accepted: 25 July 2017

For citation:

Yus, Francisco (2018). Attaching Feelings and Emotions to Propositions. Some Insights on Irony and Internet Communication. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 94—107. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-94-107.

Bionote:

FRANCISCO YUS teaches pragmatics at the University of Alicante. He has a PhD in linguistics and he is full professor at the University of Alicante, Department of English Studies. *Research interests:* Pragmatics, Discourse Analysis, Media Discourse, Applied Linguistics, Sociolinguistics, Internet communication, Linguistic Politeness, Humor, Irony, Misunderstandings. *Contact information:* francisco.yus@ua.es

FINANCE AND ACKNOWLEDGEMENTS:

This research was supported by the EMO-FUNDETT research project, a coordinate project awarded by the Spanish *Ministerio de Economía y Competitividad* (FFI2013-47792-C2-1-P).

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-94-107

**ВЫРАЖЕНИЕ ЧУВСТВ И ЭМОЦИЙ В ПРОПОЗИЦИИ:
ВЗГЛЯД НА ИРОНИЮ И ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЮ**

Франсиско Юс

Университет Аликанте

Carretera San Vicente del Raspeig, s/n, 03690 San Vicente del Raspeig,

Alicante, Испания

Чувства и эмоции, обычно не связанные с пропозицией, играют большую роль в процессе интерпретации того, к чему они относятся. Тем не менее, теория релевантности предпочтительно акцентирует внимание на том, как слушающие строят предположения, заполняющие разрыв между

тем, что имелось в виду, и что было понято (Carston 2002). Эти предположения обладают ментальной репрезентацией и являются объектом изучения лингвистов (Chapman 2001, García-Carpintero 2010, Moeschler 2009). Статья представляет собой обзор некоторых способов выражения чувств и эмоций, которые играют важную роль в интерпретации сказанного. Автор уделяет особенное внимание иронии (Yus 2016a, 2016b) и интернет-коммуникации (Yus 2016c, в печати).

Ключевые слова: *чувства, эмоции, понимание иронии, интернет-коммуникация, киберпрагматика, он-лайн идентичность*

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 03 июля 2017

Дата принятия к печати: 25 июля 2017

Для цитирования:

Yus, Francisco (2018). Attaching Feelings and Emotions to Propositions. Some Insights on Irony and Internet Communication. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 94—107. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-94-107.

Сведения об авторе:

ФРАНСИСКО ЮС преподает прагматику в университете Аликанте на кафедре английского языка. Защитил диссертацию по лингвистике. *Сфера научных интересов:* прагматика, дискурс-анализ, медиа-дискурс, прикладная лингвистика, социолингвистика, интернет-коммуникация, вежливость, ирония и юмор. *Контактная информация:* e-mail: francisco.yus@ua.es

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ:

Статья является частью исследовательского проекта EMO-FUNDETT (Эмоции и язык в действии: эмотивная оценка функций разных текстов и рабочих контекстов) за номером FFI2013-47792-C2-1-P. Этот проект финансируется Министерством экономики и конкуренции Испании.

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-108-125

ИРОНИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

А.А. Горностаева

Московский государственный лингвистический университет
ул. Остоженка, 38, 119034, Москва, Россия

Статья посвящена сопоставительному анализу дискурса российских, британских и американских политиков. Целью работы является определение современных тенденций в употреблении иронических метафор, обусловленных изменениями в современном политическом дискурсе. Принимая во внимание тот факт, что политические жанры разнообразны и не всегда поддаются четкой классификации, в данной статье за основу принято деление на первичные, вторичные, а также фольклорные политические жанры (Базылев 2005, Шейгал 2000). В статье рассматриваются вторичные и фольклорные политические жанры, так как ирония для них характерна. Материалом исследования явились высказывания видных государственных деятелей России, США и Великобритании: В.В. Путина, С.В. Лаврова, D. Trump, B. Obama, N. Farage, B. Johnson и др. Опираясь на работы по политическому дискурсу (Будаев 2010, Чудинов 2001, Beard 2001, Charteris-Black 2005, Lakoff 2003, Ponton 2016, Ryshina-Pankova, Quam 2016, Van Dijk 2009) и развивая дискурсивный подход к исследованию иронии, которая часто передается метафорой (Шилихина 2008, Alba-Juez 2014, Attardo 2007, Giora 2003, Hutcheon 2005), автор выявляет понятийные сферы, являющиеся наиболее активными источниками современных метафор. Это позволило установить закономерность между возникновением новых политических течений и появлением новых метафор, а также появлением нового иронического смысла уже существующей метафоры. Проведенный анализ позволил сделать вывод о высокой частотности употребления иронических метафор в современном политическом дискурсе, в том числе агрессивного характера, и о разнообразии их функций. Сопоставительный анализ выявил особенности употребления метафор в русском, английском и американском политическом дискурсе, обусловленные как индивидуальными характеристиками речи отдельных политиков, так и этнокультурными особенностями дискурса.

Ключевые слова: ирония, политический дискурс, метафора, лудическая функция, эмоции

1. ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистике все более возрастает интерес к дискурсивным характеристикам языка. Это проявляется в выделении различных типов дискурса, среди которых важное место занимает политический дискурс. Это объясняется тем, что специфика политики, в отличие от ряда других сфер человеческой деятельности, заключается в ее преимущественно дискурсивном характере.

Политическому дискурсу посвящено значительное количество работ современных лингвистов. В центре внимания исследователей — политический дискурс-анализ (Ponton 2016; Van Dijk 2009 и др.), речевые портреты отдельных политиков: В.В. Путина (Алышева 2012), А.А. Навального (Бычков 2014), Б. Обамы — (Иванова 2017; Липко, Антипьева 2014; Садуов 2012), Д. Трампа (Hall, Goldstein, Ingram 2016; Ryshina-Pankova, Quam 2016), Х. Рухани (Mirzaei и др. 2017) и других государственных деятелей. Отдельное внимание уделяется этнокультурным осо-

бенностям политического дискурса России (Базылев 2005; Вайс 2008; Рябова 2006; Anikin, Budaev, Chudinov 2015; Chudinov, Solopova 2015), США (El-Zawawy 2017, Gornostaeva 2016; Lewis 2006), Великобритании и США (Charteris-Black 2005), австралийскому политическому дискурсу (Young 2007) и т.д.

За последние годы политический дискурс претерпел значительные изменения. С одной стороны, он приобрел достаточно агрессивный характер, с другой стороны, по своим характеристикам приближается к ток-шоу, цель которого — веселить и развлекать аудиторию. Исследователи отмечают такие характерные особенности современного политического дискурса, как деструктивность (Волкова, Панченко 2016, Озюменко 2017), агональность (Шейгал 2000а), театральность (Шейгал 2000б), развлекательность (Горностаева 2014; Fialkova, Yelenevskaya 2013), ироничность (Шилихина 2011; Gornostaeva 2016).

Ирония в политическом дискурсе часто выражается в форме метафоры, представляющей собой обширное поле для исследования (Будаев, Чудинов 2006, 2008; Чудинов 2003; Lakoff 2003). В данной статье рассматриваются современные метафоры российского, британского и американского дискурса, выявляются понятийные сферы, являющиеся их источниками, анализируются функции иронических метафор, проводится их сопоставительный анализ. Материалом исследования послужили публичные выступления государственных деятелей и интервью с политиками России, Великобритании и США с 2011 по 2017 год, а также высказывания о политике и политиках деятелей культуры и искусства. Источниками являются телевизионные передачи и интернет-ресурсы. При анализе иронических метафор были использованы описательный, сравнительный, количественный и стилистический методы исследования.

2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ

Политический дискурс в современном мире приобретает все более широкое толкование. Его понимание тесно связано с характеристиками политики как социального явления. Политика ассоциируется с активными социальными действиями, с принятием решений, с категорией гегемонии, мощью и силой: “Politics is the realm of the decision, of action in the social world... the category of hegemony... politics is an act of power, force and will” (Critchley 2002). Соответственно, дискурс политики наделен теми же особенностями.

В современном мире понимание политического дискурса претерпело некоторые изменения. Если несколько десятилетий назад его определение сводилось к инструменту в борьбе за распределение власти (Зеленский 1996), коммуникации, имеющей своей целью завоевание и удержание политической власти (Баранов, Казакевич 1991) (при этом концепты «власть» и «политик» понимались как базовые (Гаврилова 2002), то более поздние работы в этой области трактуют язык политики как иерархическую структуру (Каримова 2006), состоящую из первичных жанров (составляющих основу собственно политической деятельности: речи, заявления, дебаты, переговоры, декреты, конституции, партийные программы, лозунги и т.д) и вторичных жанров (жанров бытового общения — комментирования, обсуждения, интерпретации, т.е. реакции на действия) (Шейгал 2000а). Исследователи говорят о фольклорном понимании политического дискурса (а именно

некоторых из его вторичных жанров) и относят в эту группу канцелярит и мат, частушки и анекдоты о политике (Базылев 2005).

Таким образом, политический дискурс характеризуется значительным спектром жанров, однако лишь некоторые из них к настоящему моменту получили детальную характеристику. Исследователи предпринимают попытки разграничить политический дискурс на группы, принимая во внимание цели, функции, состав участников и даже языковую картину мира, характерную для сознания говорящих. Например, можно говорить о жанре советского политического анекдота (Шмелева, Шмелев 2002), анекдота 70-х годов, памфлета политического, партийной программы, политической антирекламы, предвыборной речи (Дементьев 2010) и других.

Такое широкое понимание политического дискурса предполагает явление, которое имеет гораздо большее частотное проявление в социуме по сравнению с другими типами дискурсов и не поддается однозначному определению. Это объясняется тем, что, во-первых, сама категория политики в настоящее время не обладает четкой дефиницией, во-вторых, выделение политического дискурса по совокупности узко лингвистических признаков не представляется возможным.

Тем не менее, политический дискурс начинает играть все более значимую роль в политике для достижения определенных политических целей. Исследование политического дискурса является важным направлением современной прагматики языка и социолингвистики; эта проблематика находится в центре интереса социальных и философских наук. Социально значимым является исследование языковых средств, используемых в целях манипуляции, дискриминации в дискурсе тех или иных идеологических систем. Сторонники критического дискурс-анализа (Bilgic 2007, Fairclough 1996, Lemke 2007, Van Dijk 2009, Wodak 1997) и др. утверждают, что наряду с влиянием политической ситуации на политический дискурс, существует и обратная связь: дискурс формирует политику и определенным образом влияет на изменение обстановки в мире: “being influenced by policy at the same time a politician “does” such policy” (Van Dijk 2009: 86). Поскольку политическое общение всегда идеологизировано, критический дискурс-анализ имеет важное социальное значение для выявления лингвистически релевантных способов конструирования версий социальной реальности в интересах различных политических субъектов, выступая как инструмент нейтрализации, повышения защиты от манипуляции.

3. МЕСТО ИРОНИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Вопрос об уместности иронии и юмора в политике долгое время не привлекал значительного внимания. Понятие «политический юмор» в отечественной науке стало разрабатываться сравнительно недавно. Оно вошло в научный оборот в политико-социологических исследованиях во второй половине 1990-х. Юмор был определен как «родовое понятие, включающее в себя сатиру, иронию, шутку, пародию, и т.д.» (Дмитриев 1996: 7), были выделены основные направления и содержание социологии политического юмора, его основные объекты и субъекты, приемы, а также социальные функции. Дальнейшие исследования подтвердили основную функцию политического юмора как желание человека уйти от неприят-

ной ему реальности, освободиться не только от внешней цензуры, но прежде всего от внутреннего цензора, от страха перед авторитарным запретом, перед властью.

Использование иронии в политическом дискурсе в некоторых лингвокультурах является устойчивой исторически сложившейся характерной особенностью. Так, английские политические дебаты во все времена отличались остроумием, а английский парламент всегда представлял собой место, где искусные ораторы соревновались в красноречии.

Политика была и остается темой для сатирических и пародийных произведений. Один из наиболее ярких примеров сатиры на британскую политику можно видеть в «Путешествии Гулливера» Дж. Свифта, впервые опубликованном в 1726 г. Исследователи политической сатиры указывают на отрывок книги, описывающий нравы при дворе короля Лилипутии: подчиненные получают награды за ‘leaping and creeping’ (прыжки через палку, которую держит король, или ползание под ней), что аналогично лестии и лицемерию в британском правительстве того времени (Beard 2001: 9).

В современном политическом дискурсе ирония используется наряду с другими стилистическими приемами для воздействия на собеседника, а также для поддержания интереса аудитории. Исследователи современной политической речи подчеркивают, что юмор, ирония и сарказм — неотъемлемый элемент политического дискурса (Яковлева 2009). Политический дискурс, освещающий события и факты в ироническом ключе, ориентирует аудиторию на активное переосмысление политических реалий, на отказ от политического конформизма; из пассивного потребителя информации адресант превращается в активного интерпретатора.

В качественной публичной речи непременно учтен баланс между серьезной и развлекательной составляющей, что подразумевает отступление от темы, введение в текст иронических и юмористических высказываний, анекдотов, ссылок на курьезные исторические эпизоды. Умело использованная ирония делает политический дискурс более ярким, насыщенным и убедительным, а ироничный политик владеет искусством манипулирования общественным мнением лучше, чем оратор, обходящийся без иронии.

Ирония способна проникать во все речевые акты и почти во все речевые жанры, подобно тому как она может проникать во все виды тропов, сплошь и рядом образуя ироническую метафору, ироническую метонимию, гиперболу, литоту и сравнение, как замечают исследователи (Ермакова 2014: 75). Ее частотность, выбор иронического механизма и языковых средств выражения определяется не только политическим жанром, но и социальным статусом говорящих, их культурным уровнем и национальным колоритом.

4. МЕТАФОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Метафора — важное и часто употребляемое в политическом дискурсе экспрессивное средство. По замечанию специалистов в отечественной метафорологии, «метафора — это своего рода зеркало, в котором вне зависимости от чьих-либо симпатий и антипатий отражается национальное сознание на определенном этапе развития общества» (Будаев, Чудинов 2008: 10). Следовательно, политическая метафора — это целый комплекс «зеркал», отражающих разные аспекты жиз-

ни общества: ментальный мир человека и общества в целом; представления людей о понятийных сферах-источниках пополнения системы политических образов; представления о сфере-магните метафорической экспансии (там же). Метафорическая модель позволяет представить сложную проблему как «простую и хорошо знакомую, выделить какой-то аспект проблемы, сделать его более значимым, либо наоборот отвлечь от него внимание общества, показать какой-то вариант развития событий как совершенно невозможный или наоборот вполне естественный» (Чудинов 2001б: 26—27). Метафора отражает особенности национального менталитета, стереотипные представления и указывает на «болевые точки» общества, сферу конфликтов.

Исследование политических метафор имеет большое значение. В политической лингвистике выделяются три группы объектов когнитивного анализа:

- 1) сферы — источники метафорической экспансии (война, театр, человек, неживая природа, растения, животные, спорт, болезнь, монархия, семья, школа и т.д.);
- 2) сферы — мишени метафорической экспансии (политика, партия, государство, президент, выборы, парламент, экономика, инфляция, терроризм и т.д.);
- 3) базисные когнитивные структуры (мы/они, свои/чужие, хорошие/плохие и т.д.) (Будаев Чудинов 2008).

Исследователи политической метафоры (Будаев, Чудинов 2006, 2008) называют ее основным источником всего политического медиадискурса, включающим в себя прессу, радио, телевидение, и собственно политический (институциональный) дискурс (листовки, парламентские дебаты, выступления на митингах, документы политических партий и др.) в их многообразных разновидностях и пересечениях.

Существуют так называемые архетипичные метафоры (archetypal metaphors), которые используют образы, актуальные в любую эпоху. Во все времена популярны были образы природного цикла, света и тьмы, жары и холода, болезни и здоровья, мореплавания и навигации. Что касается политической метафоры последних десятилетий, то существует пять основных групп, служащих ее сферами-источниками:

- антропоморфная метафорика;
- природоморфная метафорика;
- социоморфная метафорика;
- артефактная метафорика;
- идеоморфная метафорика (Будаев, Чудинов 2008).

Каждая новая политическая эпоха, характеризующаяся изменением системы ценностей, влечет за собой появление новых базисных метафор, основанных на актуальных в то или иное время принципах. Если проследить историю развития метафор в российском политическом дискурсе, то наблюдается переход от центрального концепта семьи (братских народов) и отеческой заботы (эпоха 70-х годов) к театральной и криминальной метафоре (90-е годы) с разыгрыванием трагедий, комедий и фарсов на фоне острой криминогенной обстановки. В конце XX века прочное место в языке занимает спортивная метафора (Чудинов 2001б), а начало XXI знаменуется острыми и едкими метафорами, вводимыми в обиход политическими лидерами. Так, Президент России осудил тех, кто «шакалит у иностранных

посольств», и посоветовал иностранным энтузиастам не совать «сопливый нос в российские дела». К числу весьма показательных относится совет президента России зарубежным оппонентам перестать учить нас демократии, а переключиться на «обучение кулинарному искусству собственных жен» (цит. по: Будаев, Чудинов 2008: 16), а также неологизм «политическая шизофрения», характеризующий обвинение США в адрес Дональда Трампа и Сергея Лаврова, якобы обменявшихся секретными сведениями («Новости» 1 канал 17.05.2017).

Отвечая накалу страстей на политической арене, метафора становится все жестче и агрессивнее: например, во время телевизионной дискуссии В.В. Жириновский обозвал Николая Гоца (доверенное лицо кандидата в президенты Богданова) «придурком, подонком и сумасшедшим», замахнулся на него микрофоном и вытолкал со словами, обращенными к своему телохранителю: «Олег, выгони его отсюда, подлеца, и расстреляй в коридоре!» («Комсомольская правда», 22.02.2008. с. 19).

Жесткость подобной метафоры (*расстрелять в коридоре*) объясняется не только накалом эмоций российского политического дискурса, но и индивидуальными особенностями оратора, склонного к деструктивному типу поведения.

В англоязычном политическом дискурсе последних десятилетий центральное место занимают военные метафоры (по Дж. Лакоффу, метафорическая сказка о войне всегда включает в себя Героя, Жертву, Злодея и Злодеяние (Lakoff 2003)). Так, милитарная метафорика составляла ядро речей М. Тэтчер, в которых экономические отношения представлялись сражениями, политические оппоненты и социальные проблемы — врагами и т.д.

Для изображения врагов часто используется зооморфная метафора, где оппозиция «свой—чужие» представлена образами животных. Так, «не-наши» принимают образ крыс, пауков и ползучих гадюк, в то время как «наши» ассоциируются с благородными животными и птицами: львом, орлом, соколом и т.д. (Вайс 2008). Такое представление характерно в основном для российского политического дискурса, традиционно жестко подавляющего оппонентов. Пресса часто использует образы человекоподобных существ, которые наделяются определенными характеристиками и даже имеют имена (например, «Дядя Сэм»). Р. Челен, автор термина «геополитика», еще столетие назад писал, что эти существа находятся друг с другом в дружественных или во враждебных отношениях, соперничают за пространство, живут и умирают (цит. по: Будаев, Чудинов 2006).

Исследователи политической метафоры отмечают закономерное чередование метафорических бурь и метафорических затиший в национальных системах политической метафорики (Будаев, Чудинов 2008; Чудинов 2003). Это закономерно связано с политическими процессами в мире, периодами мира и конфронтации.

Концептуальная метафора может служить эффективным орудием для манипулирования социальным сознанием, поскольку давно замечено, что источниками метафорической экспансии являются особенно актуальные для общества реалии. Наблюдения показали (Чудинов 2001а.), что наиболее активными источниками метафор являются такие понятийные сферы, как «криминал», «болезнь», «театр», «человеческое тело», «животные», «техника», «дом», «дорога» и другие. Наиболь-

шее количество метафор заимствовано из языка военных (что не удивительно, поскольку политика часто уподобляется полю боя), где политик представляет собой своеобразную мишень для атаки (Beard 2001).

Политические метафоры часто связаны с образом врага, противника, победителя и побежденного. Тема спорта, тоже связанная с соперничеством и соревнованием, — еще один источник для политических метафор. Именно те области жизни, где победу одерживает достойный и сильный, где вопросы неуместно решать путем консенсуса и переговоров, дают наибольшее количество метафор. По оценке исследователей, наиболее плодотворными видами спорта являются бокс, бейсбол (в американском политическом дискурсе), крокет (в британском политическом дискурсе) (Gibbs 1994). Спортивная метафора ярко отражает такие концептуальные смыслы, как «соревнование», «борьба», но несет в себе меньше ожесточенности, чем военная или криминальная метафора.

Интересно, что столь значительное количество агрессивных метафор создает ложное впечатление о том, что политика невозможна без конфронтации: “The key metaphors of politics ... do not suggest that government could be achieved through discussion, co-operation, working together” (Beard 2001: 22).

5. ИРОНИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ

Политические метафоры часто содержат иронический оттенок. Например, популярный два десятилетия назад в Вашингтоне афоризм «Если бы Билл Клинтон был Титаником, утонул бы айсберг» содержит ироническую метафору: человек не только уподобляется мощной машине, он еще и, в отличие от корабля, представляется непотопляемым, т.е. способным справиться с любым публичным скандалом и с честью выйти из положения.

Иронические метафоры имеют в подтексте насмешку, критику, часто выражают эмоционально-негативное отношение к объекту иронии. Такие метафоры можно охарактеризовать как *агрессивные*. Они довольно часто используются для характеристики политических оппонентов, привлекая внимание аудитории к негативным качествам политиков. Например, несколько высказываний известных деятелей политики и культуры о кандидатах в президенты США 2016:

- (1) *Republicans must realize that scandals don't weaken Hillary Clinton, they only make her stronger. Hillary Clinton eats scandals for breakfast.* — Bill Maher. (Билл Майер: Республиканцы должны понять, что скандалы не ослабляют Хилари Клинтон, они делают ее сильнее. Хилари Клинтон ест скандалы на завтрак).
- (2) *Joe Biden brought donuts for the government employees. That is very nice. A donut and Joe Biden are very different, of course. One's a thing that Hillary Clinton's going to eat for breakfast — and the other is a doughnut.* — Craig Ferguson. (Крейг Фергюсон: Джо Байден принес пончики для государственных служащих. Как мило. Пончик и Джо Байден — совершенно разные вещи. Одно из них — это то, что Хилари ест на завтрак. А второе — пончик.) [http://politicalhumor.about.com/od/hillaryclinton/fl/Hillary-Clinton-Jokes_2.htm].

В этих фразах содержатся метафоры на гастрономическую тему (съесть скандалы на завтрак, съесть Джо Байдена, Джо Байден — пончик), что показывает: на языке политических метафор «съесть» — означает победить.

Британские политики также метафорически сравниваются с едой. Например, Эд Милибанд уподобляется мороженому, которое хуже, чем ванильное: безвкусное или с дурным вкусом:

- (3) *On the ice-cream ranking this is less than vanilla... it's unflavoured... or evil-flavoured* [YouTube. David Mitchell on tax avoidance 20.02.2015.]

Российский политический дискурс также показывает пример иронической метафоры на тему еды:

- (4) *Двум президентам лучше проводить ужин без галстук. Галстуки нынче в цене... Не ровен час, слонают* [<http://www.youtube.com/watch?v=VLMX7m1vmCo> 2.06.14].

— говорит российский президент, намекая на странное поведение М. Саакашвили, от волнения жуящего свой галстук в эфире. Этот намек будет понятен только тем, кто смотрел подразумеваемую передачу. Ирония в данном случае основана на механизме двусмысленности, а известная метафора «ужин без галстук» наполняется новым ироническим смыслом.

Метафоры, понятийной сферой которых являются деньги, были и остаются популярными. Так, метафорическое сравнение предвыборной компании Хиллари Клинтон с «ложью стоимостью в 38 миллионов долларов» несет в себе ноту язвительной иронии в устах ее оппонента Дональда Трампа:

- (5) *I don't think I ever heard so many horrible, horrible things said about me in one week. 38 million dollars worth of horrible lies.* (Думаю, я никогда не слышал столько лжи о себе в течение одной недели. Наврали на 38 миллионов долларов.) [YouTube. Donald Trump VICTORY SPEECH, Press Conference After Winning Mississippi, Michigan. March, 9, 2016].

Агрессивная метафора на тему терроризма звучит в обращении консерватора Найджела Фаража, сторонника Брексита, к Евросоюзу:

- (6) *You are behaving like mafia. You think we are a hostage. We're not. We are free to go.* (Вы ведете себя как мафия... Вы думаете, мы — заложники. Но мы не заложники. У нас есть право уйти) [YouTube. Nigel Farage — EFDD — UKIP Group — EU Parliament Speech 05.04.2017].

Любопытно, что, когда президент Европарламента находит эту фразу неприемлемой, Фараж иронично отвечает, что лучше заменить «мафию» на «бандитов». Таким образом, формально он выполняет рекомендацию, но суть остается прежней.

- (7) President. *You say this parliament is like mafia... I find it unacceptable.*
Farage. *I do understand your sensitivity and I will change it to gangsters.*
(Президент. Вы говорите, что парламент похож на мафию... Я нахожу это неприемлемым.
Фараж. Я понимаю, это вас обидело. Пусть будет не мафия, а гангстеры.)

Любопытны метафоры — ярлыки, которые возникают как насмешливые прозвища, а со временем приобретают новый, положительный оттенок. Такое произошло с прозвищем 'Iron Lady', первоначально содержащим указание на негибкость и узорность взглядов М. Тэтчер. Какое-то время спустя метафора наполнилась новым смыслом и превратилась в символ настойчивости и решительности. Убежденные

сторонники того или иного политического режима приобретают такие ярлыки, как ‘Reaganomics’, ‘Thatcherite’, ‘Blairite’, которые указывают на приверженность (иногда чрезмерную и недальновидную) определенным взглядам.

Интересно, что возникновение новых политических течений очень часто предопределяет появление новых метафор, а иногда происходит наделение уже существующей метафоры новым ироническим смыслом. Например, в 80-х годах раскол консервативной партии Великобритании привел к тому, что сторонники политики М. Тэтчер стали называть своих оппонентов “wets” (по аналогии с обидным прозвищем, которым дети дразнят своих недостаточно смелых ровесников). Соответственно, возник и термин с противоположным смыслом — “dry”, которым приверженцы линии Тэтчер именовали себя. Эти метафоры так прижились, что противники перестали видеть оскорбление в термине “wets”, и он прочно закрепился в политическом языке, утратив негативную коннотацию.

Исследователи замечают, что характерной чертой языка политической коммуникации является потеря негативного смысла и утверждение в нейтральном значении слов, первоначально наполненных оскорбительным смыслом: “This repeated a common feature of political language — terms of abuse become established and lose their negativity” (Beard 2001: 7). То же произошло с названием партии консерваторов — Тори. Изначально это слово использовалось английскими поселенцами в Ирландии в отношении агрессивно настроенных ирландцев, потом приобрело метафоричное значение, когда стало употребляться в уничижительном значении применительно к некоторым членам Британского парламента XVIII века. Со временем термин утратил пейоративную окраску и стал официальным названием политической партии.

Как правило, возникновение таких иронических прозвищ связано с макроконтекстом — ассоциацией событий вокруг той или иной знаменитости с известной ситуацией в прошлом. Например, когда стала известна склонность к алкоголизму брата президента Картера Билли, эта история получила название «Биллигейт» (по аналогии с «Уотергейт»). Скандал вокруг любовной связи Принца Чарльза и Камиллы Паркер-Боулз вошел в историю под именем «Камиллагейт», а распущенное поведение президента Билла Клинтона было названо «сексгейт».

Остроумные ораторы изобретают новые ярлыки, которые «приклеиваются» к их оппонентам надолго. Так, Дональд Трамп изобрел прозвища для своих конкурентов в предвыборной гонке 2016 г.:

- (8) *Jeb Bush is low energy, Ben Carson is super low energy.* [YouTube. Presidential Election 2016: Donald Trump in Miami FULL Speech HD. 3.02.2016]. (Джеб Буш — мало энергии, Бен Карсон — супермало энергии).

В последнем прозвище прослеживается ирония сопоставления несопоставимого — «супер» и «мало». Любопытно, что для российского президента Трамп изобрел необходимое, но яркое прозвище: “*tough cookie*” — крепкий орешек.

Ярлыки-прозвища изобретают не только политики для своих оппонентов, но и журналисты, комментирующие события в мире. Например, интересная метафора была предложена британским телеканалом Би-Би-Си для характеристики нового президента Франции Э. Макрона:

- (9) *The old wine in a shiny new bottle* [Who is Emmanuel Macron? BBC News 8.05.17]. (Старое вино в блестящей новой бутылке).

Ироничность заключена в подтексте: за многообещающей внешностью и напыщенными речами скрывается прежняя сущность.

В иронических метафорах может быть использована игра слов. Например, Хиллари Клинтон иронически назвала сторонников Трампа *basket of deplorables*, а свой электорат — *basket of adorables*. Существительного *deplorables* в английском языке до сих пор не существовало, а в сочетании с *basket*, оно может переводиться как «ведро отбросов» (имеются в виду расисты, сексисты, гомофобы, ксенофобы, исламофобы и т.д.). Противоположность этому — *adorables*, имеет похожее звучание, но при переводе игра слов теряется. *Adorables* — это любимчики, «очаровашки», которые собраны скорее в букет, чем в ведро.

Значительное место в современном политическом дискурсе занимают *развлекательные метафоры*, призванные развеселить публику, сделать выступление политика более запоминающимся и ярким. Из наиболее известных развлекательных метафор российских политиков можно привести высказывания Г.А. Зюганова:

- (10) *Как теперь называть Городской Отдел Полиции? ГОП? А гаишников? ГОП-СТОП?*
- (11) *Ельцин все больше превращается в дубину господина Чубайса.*
[<http://www.aphorisme.ru/by-authors/zyuganov/?q=11717>].

Данные метафоры (*гон-стоп*, *дубина Чубайса*) основаны на механизме двусмысленности, так как требуют знания макроконтекста для интерпретации.

Быстро меняющаяся политическая ситуация дает повод для появления новых ярких метафор, таких как *отпентагонить* и *бросить* (бросить государства разоренными, потерявшими суверенную власть, со слабой экономикой — официальный представитель МИД РФ Мария Захарова в Facebook 29.03.2017); *мыло с запахом рубля* (о необходимости платить налоги — глава Кемеровской области Аман Тулеев 2015 г.), *придет весна — пойдет крапива* (о способах выжить в кризис — мэр Вологды Евгений Шулепов 2015 г.) и т.д.

Американские и британские политики также изобретают немало количество развлекательных метафор. Так, в 2011 году президент США Барак Обама высмеял возможность Трампа баллотироваться в президенты, предположив, что если тот придет к власти, его будут занимать «вопросы, которые действительно имеют большое значение», например: была ли наша высадка на луне сфабрикована? Что на самом деле случилось в Розуэлле¹? И где Бигги и Тупак²?:

- (12) *He can finally get back to focusing on the issues that matter, like: did we fake the moon landing? What really happened in Roswell? And where are Biggie and Tupac?*
[pic.twitter.com/oLchlBVxbP 2011].

¹ Город на юго-западе США. Мировую известность город приобрел в связи с «Розуэлльским инцидентом» 1947 года, одним из наиболее известных происшествий, рассматриваемых как обнаружение неопознанных летающих объектов (НЛО).

² Документальный фильм «Бигги и Тупак» режиссера Ника Брумфилда рассказывает о двух рэперах, чья гибель до сих пор окутана тайной.

Ирония заключается в словосочетании *issues that matter*, которое имеет противоположный смысл: говорящий хочет подчеркнуть, что Трамп занимают абсолютно не важные для страны вопросы. Метафоры *Roswell, Biggie and Tupac* изначально обозначающие «нечто загадочное, мистическое», приобретают иронический оттенок и новое значение: то, что не заслуживает внимания. Таким образом, ирония содержит острую критику.

Хилари Клинтон, критикуя своего оппонента во время предвыборных дебатов, использует двусмысленную иронию:

- (13) *People look at the Statue of Liberty and they see a proud symbol...a beacon of hope for people around the world. Donald looks at the Statue of Liberty and sees a four. Maybe a five if she loses the torch and tablet and changes her hair.* (Люди смотрят на статую свободы и видят гордый символ... маяк надежды для всех, живущих на Земле. Дональд смотрит на статую свободы и видит: «...на четверочку. Может быть, на пятерку, если она уберет свой факел и шляпу и сменит прическу») [YouTube. Al Smith dinner October, 20 2016].

Статуя Свободы, метафорически воплощающая мечту людей, в глазах Трампа (по словам его политического оппонента) уподобляется участнице на конкурсе красоты в ожидании оценки жюри. Для понимания критики и насмешки, заключенной в иронии Клинтон, необходимо знание экстралингвистической ситуации — нелицеприятные факты из биографии Трампа о его отношениях с женщинами. Эта метафора не только критикует Трампа, но и вносит элемент развлечения в выступление Клинтон.

О былых проступках Трампа напоминает и ироническое цитирование в высказывании А. Смита, организатора благотворительного вечера:

- (14) *Before the dinner started, Trump went to Hillary and asked how you are. She said, 'I'm fine — now get out of the ladies' dressing room'* [YouTube. Al Smith dinner October, 20 2016]. (Перед началом обеда Трамп подошел к Хилари и спросил, как она поживает. Она сказала: «Я в порядке. Убирайтесь из женской раздевалки»).

Здесь с одной стороны наблюдается сглаживание острой ситуации (недостойное поведение Трампа на конкурсах красоты) при помощи иронии, с другой — акцентирование болезненной темы. Ироническая метафора *ladies' dressing room* — подразумевает личное пространство, приватность, в которую Трампу не следует вмешиваться.

Иронические метафоры часто основаны на механизме двусмысленности, что требует от ее адресата знания экстралингвистической ситуации. Например, слова Трампа на благотворительном обеде по окончании парламентских дебатов содержат намек на собственную общительность и популярность, в отличие от своего оппонента:

- (15) *It is great to be here with a thousand wonderful people or as I call it "a small intimate dinner with some friends" or as Hilary calls it "her largest crowd of the season"* [YouTube 20 October, 2016. Al Smith dinner] (Так здорово быть здесь вместе с тысячей замечательных людей. Я называю это «небольшой обед в кругу друзей», а Хилари называет это «величайшая толпа за весь этот год»).

Известный своей эксцентричностью британский министр иностранных дел Борис Джонсон (в прошлом мэр Лондона) в разговоре с арабскими послами сравнивает высочайший небоскреб Шард с гигантской коктейльной палочкой, торчащей из колоссального размера маринованной луковицы:

- (16) *You have to look at the skyline of London with the Shard poking through like a gigantic cocktail stick through some super colossal pickled onion to see the extent of Arab investment* [YouTube. Boris Johnson jokes with Arab ambassadors 13.10.2016]. Это сравнение, по его словам, указывает на размах арабских инвестиций в британскую экономику, но сами метафоры (коктейльная палочка и луковица) довольно ироничны и наводят на мысль о скрытой насмешке.

Ироническую метафору в людической функции использует глава МИД России Сергей Лавров в заявлении о большом количестве «pussies» в предвыборной гонке США, которое прозвучало в интервью CNN. Как пишет *Washington Post* (9 августа 2016), ведущая телеканала Кристиан Аманпур спросила у Лаврова, что он думает о «ситуации Pussy Riot» Дональда Трампа. Лавров на это ответил:

- (17) *I don't know whether I would sound decent. English is not my mother tongue. There are so many pussies around your presidential campaign on both sides that I prefer not to comment on this.* (Я не знаю, прилично ли это прозвучит. Английский не родной язык для меня. В предвыборной гонке США столько..., что я предпочитаю не комментировать).

Фразу сложно перевести на русский язык из-за иронической игры слов: английское *Pussy* имеет много значений, одно из которых — «женский половой орган», другое — «слабак, мямля». Сочетание этих значений создает иронический эффект, выражает отношение говорящего к американским выборам и обозначает его позицию в данном вопросе. В любом случае можно говорить о рождении новой английской иронической метафоры, автором которой является министр иностранных дел РФ.

Политические пародии — жанр, высмеивающий конкретных личностей и ситуации и особенно часто использующий иронические метафоры. В свете последних высказываний Дональда Трампа (лозунг «Америка прежде всего» — *America first*), в январе 2017 г. голландские комики выпустили шуточный ролик, в котором рекламировали свою страну для Трампа: «Мы понимаем, что Америка прежде всего. Но можно Нидерланды будут сразу после нее?»

- (18) *We totally understand it's going to be America first but can we just say the Netherlands second? Is that okay?*

Ролик содержит множество шуточных ссылок на заявления и стиль речи самого Трампа, например:

- (19) *We built an entire ocean... an entire ocean between us and Mexico. This ocean it is so big you can see it from the Moon. And we made the Mexicans pay for it. It's true* (Мы построили целый океан... целый океан между нами и Мексикой. Он такой большой, что его можно увидеть с Луны. И мы заставили мексиканцев заплатить за него. Это правда). [Meduza 19:50, 6 февраля 2017].

Метафора *ocean* в данном тексте соотносится со стеной, которую Трамп обещал воздвигнуть на границе США и Мексики за счет мексиканцев.

Таким образом, во всех рассмотренных дискурсах для образования метафор используются схожие понятийные сферы — война, бандитизм, еда, деньги, секс и т.д. Функции, выполняемые ироническими метафорами, разнообразны — это, с одной стороны, нападение, насмешка, критика; с другой стороны — минимизация дистанции между говорящим и аудиторией, самовыражение автора, развлечение публики.

6. ВЫВОДЫ

Поскольку за последние десятилетия политический дискурс претерпел значительные изменения и приобрел черты развлекательного ток-шоу, на современном этапе требуются все более разнообразные языковые средства для выражения коммуникативной интенции автора. В современном политическом дискурсе ирония является не только уместной, но и неотъемлемой характерной чертой, которая делает речь политиков яркой, эмоциональной и убедительной. Иронические метафоры, используемые в политическом дискурсе, выполняют разные функции — от критики до увеселения и могут являться по своей сути агрессивными или развлекательными. Отдельное внимание следует обратить на метафоры-ярлыки, которые могут со временем менять коннотацию с негативной на позитивную.

Метафоры могут быть ироническими изначально, с момента своего появления, или приобретать иронический оттенок в свете меняющейся политической ситуации и условий дискурса.

Иронические метафоры часто имеют в основе двусмысленность и требуют знания макроконтекста для их понимания. Это касается как российского, так и англоязычного дискурса.

Частотность употребления иронических метафор, их эмоциональная насыщенность во многом зависят от индивидуальных особенностей ораторов (и их спичрайтеров), но также имеют некоторые этнокультурные особенности. Так, английский политический дискурс является традиционно ироничным, с частым использованием иронии в функции развлечения, смягчения остроты ситуации. Более прямолинеен и критичен американский политический дискурс (с использованием иронических метафор в функции насмешки, критики). Российский политический дискурс, находящийся на этапе становления, слабо владеет этикой цивилизованных дебатов и часто прибегает к метафорам агрессивным, даже оскорбительным. Тем не менее, это наблюдение касается самой общей картины, так как каждый новый яркий оратор, появляющийся на современной политической арене, вносит в политический дискурс свой индивидуальный вклад.

© А.А. Горностаева, 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алышева Ю.С. Речевой портрет В.В. Путина // *Вестник Волгоградского гос. университета. Серия 2. Языкознание*. 2012. № 2 (16). С. 171—174. [Alysheva, Yu. S. (2012). Rechevoi portret V.V. Putina. *Vestnik volgogradskogo gos. Universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2 (16), 171—174. (In Russ.)]

- Базылев В.Н. Политический дискурс в России // *Политическая лингвистика*. 2005. Выпуск 15. С. 5—32. [Bazylev, V.N. (2005). Political discourse in Russia. *Political Linguistics*, 15. (In Russ.)]
- Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. *Парламентские дебаты: традиции и новации*. М.: Знание, 1991. [Baranov A.N., Kazakevich Ye.G. (1991) *Parlamentnskie debaty: traditsii i novatsii*. Moskva, Znanie. (In Russian).]
- Бронников И.А. Политическая коммуникация и современность // *Юридические исследования*. 2013. № 4 С. 66—88. [Bronnikov, I.A. (2013). Politicheskaya kommunikatsiya i sovremennost'. *Yuridicheskie issledovaniya*, № 4, 66—88. (In Russ.)]
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. *Метафора в политическом интердискурсе*. Монография. Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2006. [Budaev, E.V., Chudinov, A.P. (2006). *Metafora v politicheskom interdiskurse*. Monografiya. Yekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t. (In Russ.)]
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. *Зарубежная политическая метафорология* / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2008. [Budaev, E.V., Chudinov, A.P. (2008). *Zarubezhnaya politicheskaya metaforologiya* Budaev E.V., Chudinov A.P. Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t. (In Russ.)].
- Бычков П.А. Психологический портрет Навального Алексея Анатольевича. [<http://politkavkaz.ru>]. 2014. [Bychkov, P.A. (2014). *Psikhologicheskii portret Naval'nogo Alexeya Anatol'evicha* URL: [<http://politkavkaz.ru>]. (In Russ.)]
- Вайс Д. Животные в советской пропаганде: вербальные и графические стереотипы // *Политическая лингвистика*. 2008. № 25. [Weiss, D. (2008). Animals in Soviet propaganda: verbal and graphic stereotypes. *Political linguistics*, 25. (In Russ.)]
- Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Деструктивность в политическом дискурсе // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 4. С. 161—178. [Volkova, Ya.A., Panchenko, N.N. (2016). Destructiveness in political discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 20, № 4, 161—178. (In Russ.)]
- Гаврилова М.В. *Лингвистический анализ политического дискурса*. 2002. URL: [<http://www.polyanalysis.narod.ru/gavrilova3.html-60k>]. [Gavrilova, M.V. (2002). *Lingvisticheskiy analiz politicheskogo diskursa*. URL: [<http://www.polyanalysis.narod.ru/gavrilova3.html-60k>]. (In Russ.)]
- Горностаева А.А. Ирония в политическом дискурсе: агрессия или развлечение? // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2014. № 3. С. 64—74. [Gornostaeva, A.A. (2014). Irony in political discourse: aggression or entertainment? *Russian Journal of Linguistics*, 3, 64—74. (In Russ.)]
- Дементьев В.В. *Теория речевых жанров*. М.: Знак, 2010. (Коммуникативные стратегии культуры). [Dement'ev, V.V. (2010). *Teoriya rechevykh zhanrov (Theory of Speech Genres)*. Moskva: Znak, (In Russ.)]
- Дмитриев А.В. *Социология юмора*. М.: Издательство РАН, 1996. [Dmitriyev A.V. (1996). *Sotsiologiya yumora (Sociology of humour)*. Moskva, Izdatel'stvo RAN. (In Russ.)]
- Ермакова О.П. Является ли ирония речевым жанром? (Еще раз о некоторых особенностях иронии) // *Жанры речи*. Калуга, 2014. 1—2 (9—10). С. 74—80. [Yermakova, O.P. (2014). Yavlyaetsya li ironiya rechevym zhanrom? (eshcho raz o nekotorykh osobennost'akh ironii) (Is Irony a speech genre?). *Zhanry rechi*, 1—2 (9—10), Kaluga, 74—80. (In Russ.)]
- Зеленский В.В. Послесловие к книге: В. Одайник. *Психология политики. Психологические и социальные идеи Карла Густава Юнга*. СПб.: Ювента, 1996. С. 368—380. [Zelenskiy, V.V. (1996). Posleslovie k knige V. Odainik. *Psikhologiya politiki. Psikhologicheskiye i sotsial'nye idei Karla Gustava Yunga*. Sankt-Peterburg, Yuventa, 368—380. (In Russ.)]

- Иванова С.В. Актовая речь как гибридная полидискурсивная практика // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. № 1. С. 141—160. [Ivanova, S.V. (2017). Commencement speech as hybrid polydiscursive practice. *Russian Journal of Linguistics*, 21(1), 141—160. (In Russ.)]
- Каримова Б.С. Жанровое пространство политического дискурса // *Вестник КазНУ им. аль-Фараби*. Серия филологическая. Алматы, 2006. № 2 (92). С. 37—41. [Karimova, B.S. (2006). Zhanrovoe prostranstvo politicheskogo diskursa. *Vestnik KazNU im. Al-Farabi*. Seriya filologicheskaya. Almaty. № 2 (92), 37—41. (In Russ.)]
- Липко Ю.Г., Антипьева И.А. Языковая личность Барака Обамы: взлет политической карьеры // *Известия Иркутской государственной экономической академии*. 2014. Выпуск 2. С. 186—190. [Lipko, Yu.G., Antip'eva, I.A. (2014). Yazykovaya lichnost' Baraka Obamy: vzlet politicheskoi kar'ery. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii*, Vypusk 2, 186—190. (In Russ.)].
- Озюменко В.И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции — к агрессии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. No 1. С. 203—220. [Ozyumenko, V. I. (2017). Media Discourse in an Atmosphere of Information Warfare: From Manipulation to Aggression. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (1), 203—220. (In Russ.)]
- Романов А.А. *Политическая лингвистика: Функциональный подход*. Москва—Тверь: ИЯ РАН, ТвГУ, 2002. [Romanov, A.A. (2002). *Political linguistics: functional approach*. Moskva—Tver: IYA RAN, TvGU. (In Russ.)]
- Рябова Т.Б. Политический дискурс как ресурс «создания гендера» в современной России // *Личность. Культура. Общество*. Т. VIII. Вып. 4 (32). 2006. С. 307—320. [Ryabova, T.B. (2006). Politicheskii diskurs kak resurs "sozdaniya gendera" v sovremennoi Rossii (Political Discourse as genre creation tool on modren Russia). *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. Т. VIII. Вып. 4 (32), 307—320. (In Russ.)]
- Садуов Р.Т. *Феномен политического дискурса Барака Х. Обамы: лингвокультурологический и семиотический анализ*: монография / Р.Т. Садуов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. [Saduov, R.T. (2012). *Fenomen politicheskogo diskursa Baraka H. Obamy: lingvokul'turologicheskii i semioticheskii analiz* (The phenomena of Barak H Obama's political discourse: cross-cultural and semiotic analysis). Ufa RITS BashGU. (In Russ.)]
- Чудинов А.П. 2001(а) *Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2001)*: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001. [Chudinov, A.P. (2001a). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991—2001)*: monografiya / Ural. gos. ped. un-t, Yekaterinburg. (In Russ.)]
- Чудинов А.П. 2001(б) Спортивная метафора в современном российском политическом дискурсе // *Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация»*. 2001, № 2. С. 26—31. [Chudinov, A.P. (2001b). Sportivnaya metafora v sovremennom rossiiskom politicheskom diskurse (Sport metaphor in Russian political discourse). *Vestnik VGU. Seriya "Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya"*, № 2, 26—31. (In Russ.)]
- Чудинов А.П. *Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации*. Екатеринбург, 2003. [Chudinov, A.P. (2003). *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoi politicheskoi kommunikatsii* (Metaphorical mosaic in modern political communication). Yekaterinburg. (In Russ.)]
- Шейгал Е.И. 2000(а) *Семиотика политического дискурса: монография*. Москва — Волгоград: Перемена, 2000. [Sheigal, Ye.I. (2000a). *Semiotika politicheskogo diskursa* (Semiotics of political discourse). Moskva—Volgograd: Peremena. (In Russ.)]

- Шейгал Е.И. 2000(б) Театральность политического дискурса // *Единицы языка и их функционирование: межвуз. сб. науч. тр.* Саратов: Изд-во СГАП, 2000. Вып. 6. [Sheigal, Ye.I. (2000b). Teatral'nost' politicheskogo diskursa (Theatricality of Political Discourse). *Yedinitiyazyka i ikh funktsionirovanie: mezhvuz. sb. nauch. tr.* Saratov, Izd-vo STAP, Vyp. 6. (In Russ.)]
- Шилихина К.М. Современные теории вербальной иронии: основные проблемы // *Язык, коммуникация и социальная среда.* Выпуск 6. Воронеж, ВГУ, 2008. С. 24—32 [Shilikhina, K.M. (2008). Sovremennye teorii verbal'noi ironii: osnovnye problem (Modern theories of verbal irony: key issues). *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda.* Vypusk 6. Voronezh, VGU, 24—32. (In Russ.)]
- Шилихина К.М. Ирония в политическом диалоге // *Политическая лингвистика.* 2011. № 4 (38). С. 177—182. [Shilikhina K.M. (2011). Ironiya v politicheskom dialoge (Irony in political dialogue). *Political linguistics*, 4(38), 177—182. (In Russ.)]
- Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. *Политический анекдот: типы коммуникативных неудач.* М.: Знание, 2002. [Shmeleva, Ye.Ya., Shmelev, A.D. (2002). *Politicheskii anekdot: tipy kommunikativnykh neudach* (Political anecdote: types of communicative failures). Moskva, Znaniye. (In Russ.)]
- Яковлева Е.М. *Ирония в политическом дискурсе.* [<http://bubook.net/book/223-politicheskaya-kommunikaciya-chudinov-a-p/52-ironiya-v-politicheskom-diskurse.html>] 2009. [Yakovleva, Ye.M. (2009). *Ironiya v politicheskom diskurse (Irony in political discourse)* URL: [<http://bubook.net/book/223-politicheskaya-kommunikaciya-chudinov-a-p/52-ironiya-v-politicheskom-diskurse.html>].
- Alba-Juez, L. (2014). Irony as inferred contradiction. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 139—152.
- Anikin, E.E., Budaev, E.V., Chudinov, A.P. (2015). Historical Dynamics of Metaphoric Systems in Russian Political Communication. *Вопросы когнитивной лингвистики [Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki]*, 3 (44), 26—32.
- Attardo S. (2007) *Irony as a Relevant Inappropriateness.*/S.Attardo. Irony in Language and Thought. A Cognitive Science Reader. Ed. by H.L. Colston and R.W. Gibbs. New York, London: Lawrence Erlbaum Associates, 135—172.
- Beard, A. (2001). *The language of politics.* Taylor & Francis e-Library.
- Billig, M. (2007). Critical Discourse Analysis and the Rhetoric of Critique. *Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity.* Palgrave Macmillan, 35—47.
- Charteris-Black, J. (2005). *Politicians and rhetoric: the persuasive power of metaphor* (1 ed.). Basingstoke and New York: Palgrave-MacMillan.
- Chudinov, A., Solopova, O. (2015). Linguistic political prognostics: models and scenarios of future. *Procedia — Social and Behavioral Sciences.* T. 200. 412—417.
- Critchley, S. (2002). Ethics, Politics and racial Democracy: a History of a Disagreement. *Culture Machine*, vol. 4.
- Fairclough, N. (1996). *Language and power.* Longman.
- Fialkova, L., Yelenevskaya, M. (2013). *In Search of the Self: Reconciling the Past and the present in Immigrants' Experience.* Tartu ELM Scholarly Press.
- Gibbs, R.W. (1994). *The Poetics of Mind.* Cambridge University Press, Cambridge.
- Giora, R. (2003). *On our mind: Salience, context, and figurative language.* New York: Oxford University Press.
- Gornostaeva, A. (2016). American Political Discourse: Irony in Pre-Election Campaign 2016. *Russian Journal of Linguistics*, 4(20), 179—196.
- El-Zawawy Amr M. (2017). Towards a New Linguistic Model for Detecting Political Lies. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (1), 183—202.
- Hall, K., Goldstein, D.M., & Ingram, M.B. (2016). The hands of Donald Trump: Entertainment, gesture, spectacle. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 6(2), 71—100.

- Hutcheon, L. (2005). *Irony's Edge. The Theory and Politics of Irony*. New York: Routledge.
- Lakoff, G. (2003). *Metaphor and War, Again*. www.alternet.org/story.html StoryID=15414.
- Lemke, J. (2007). Texts and Discourses in the Technologies of Social Organization. *Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity*. Palgrave Macmillan, 130—150.
- Lewis, P. (2006). *Cracking up. American humour in a time of conflict*. The University of Chicago Press.
- Mirzaei A, Eslami Z.R., Safari F. (2017). Exploring Rhetorical-Discursive Practices of Rouhani's Presidential Campaign and Victory of his Prudence-and-Hope Key: a Discourse of Persuasion. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (1), 161—182.
- Ponton, D. (2016) Movement and Meaning: Towards an Integrated Approach to Political Discourse Analysis. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 122—139.
- Ryshina-Pankova, M., Quam J. (2016). "Let Me Tell You...": Audience Engagement Strategies in the Campaign Speeches Of Trump, Clinton, and Sanders. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 140—160.
- Van Dijk, T.A. (2009). *Society and discourse: how social contexts influence text and talk*. Cambridge University Press.
- Wodak, R. (1997). Critical Discourse Analysis. *Discourse as Social Interaction*, Vol. 2. London: Sage Publications.
- Young, S. (2007). Political and Parliamentary Speech in Australia. *Parliamentary Affairs*, Vol. 60, No. 2, 234—252.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 29 июля 2017

Дата принятия к печати: 01 сентября 2017

Для цитирования:

Горностаева А.А. Иронические метафоры в политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. No 1. С. 108—125. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-108-125.

Сведения об авторе:

ГОРНОСТАЕВА АННА АЛЕКСАНДРОВНА — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего переводоведения факультета межкультурной коммуникации Московского государственного лингвистического университета. *Сфера научных интересов:* анализ дискурса, политический дискурс, прагматика, межкультурная коммуникация, перевод и переводоведение. *Контактная информация:* e-mail: annagornostaeva@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-108-125

IRONIC METAPHORS IN POLITICAL DISCOURSE

Anna A. Gornostaeva

Moscow State Linguistic University
38, Ostozhenka str., 119034, Moscow, Russia

Abstract

The article is aimed at revealing the current trends in the usage of ironic metaphors in Russian, British and American political discourse. Given the diversity of political genres, which makes it difficult to classify them, the article draws on the division into primary, secondary and folklore genres (Bazylev 2005,

Sheigal 2000). The study focuses on secondary and folklore genres, as, being informal, they presuppose the use of irony. The data was taken from the speeches of Russian, American and British political leaders (V. Putin, S. Lavrov, D. Trump, B. Obama, N. Farage, B. Johnson and others). Drawing on the works on political discourse (Beard 2001, Budaev 2010, Charteris-Black 2005, Chudinov 2001, Lakoff 2003, Ponton 2016, Van Dijk 2009) and developing a discursive approach to the study of irony which is often conveyed through metaphor (Shilikhina 2008, Alba-Juez 2014, Attardo 2007, Giora 2003, Hutcheon 2005), we have identified the conceptual spheres that are the most active sources of modern metaphors. We have traced the link between the new political trends and new metaphors, as well as existing metaphors which acquire a new ironic meaning. The results of the conducted analysis show the frequency of ironic metaphors, including aggressive ones, and the diversity of their functions in modern political discourse. The comparative analysis made it possible to reveal some peculiarities of the usage of ironic metaphors in Russian, English and American political discourse, which are presupposed by the speakers' individual characteristics as well as culture specific discursive features.

Keywords: *irony, political discourse, metaphor, functions, emotions*

Article history:

Received: 29 July 2017

Revised: 21 August 2017

Accepted: 01 September 2017

For citation:

Gornostaeva, Anna (2018). Ironic Metaphors in Political Discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 108—125. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-108-125.

Bionote:

ANNA GORNOSTAYEVA is PhD, Associate Professor in the General Translation Department, Faculty of Intercultural Communication at Moscow State Linguistic University. *Research Interests:* discourse analysis, political discourse, intercultural communication, pragmatics, translation and interpreting. *Contact information:* e-mail: annngornostaeva@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-126-143

THE EMOTIONAL PROSODY OF U.S. FATAL AIR-ACCIDENT DOCKETS ONLINE: RISKING RISK COMMUNICATION?

Carmen Sancho Guinda

Universidad Politécnica de Madrid
ETSI Aeronáutica y del Espacio
Plaza del Cardenal Cisneros 3
28040-Madrid, Spain

Abstract

Risk communication is grounded in both rationality and emotion (Fischhoff & Kadavy 2011, Boholm & Corvellec 2014). Recent investigations have proved that emotions do affect risk and danger perceptions by functioning as ‘mediators’ (Xie et al. 2011) and become important in decision-making. My study explores how emotion is induced by the National Transportation Safety Board of the United States of America (NTSB for short) to influence the mentalities and behaviours of its broad mixed audience and thus increase risk prevention. With that research purpose in mind, I examine an electronic corpus of over 500 online samples of fatal aviation dockets issued yearly online by the NTSB between the time span 2010—2015 and contained in its website databases. The emotional engagement deployed to mediate the perceptions of risk and danger by the general public constitutes a unique genre among all other world transportation agencies, since through informative vividness it pursues to activate the processes of memory, inference (i.e. judgement) and decision-making.

I take Stubbs’ (2001) concept of ‘discursive prosody’ as point of departure and resort to a blended theoretical framework that combines Narratology, Corpus Linguistics, Critical Discourse Analysis, and Proximitisation (Cap 2013) and Positioning (Harré & van Langenhove 1999) Theories. I will show that the NTSB’s emotional prosody is more rhetorical than lexical and that the narrative strategies of focalisation and speech representation play a salient role. To conclude I will reflect on some of the possible consequences of over-exploiting emotional engagement in risk communication.

Keywords: *Risk communication, emotional prosody, proximitisation, positioning, narrative focalisation, aircraft-accident dockets online, U.S. National Transportation Safety Board*

1. THE EMOTIONAL BACKGROUND OF RISK COMMUNICATION

Although the prevention of hazard is driven by emotion as much as by rationality (Fischhoff & Kadavy 2011, Boholm & Corvellec 2014) and recent research (Xie et al. 2011) has demonstrated that emotions function as ‘mediators’ influencing the perception of danger and the making of related decisions, emotional language is not expected in risk communication (henceforth RC), let alone if the text in question is a synopsis issued by a corporation or a governmental organism. Counter to these expectations, however, many of the dockets or synopses of aviation accidents disseminated online every year by the National Transportation Safety Board of the United States of America (NTSB for short) exhibit a distinctive ‘emotional tone’ that notably diverges from the sanitised technical style of other world transportation agencies. This study explores the motivation for such a stylistic singularity as well as the concrete strategies with which it is realised and confer the genre a unique quality hybrid between informative journalism, technical

report and entertainment storytelling. Elsewhere (Sancho Guinda 2015), I have termed this discursive blend ‘*catastropop*’, a popularisation of the technical reporting of catastrophe which currently borders upon ‘hybridisation’ (Fairclough 1993, 2006), ‘genre bending’ (Bhatia 2004), and ‘genre innovation’ (Tardy 2016). In a similar vein but from a multimodal perspective, this hazy discursive status has been detected and investigated by Zhang and O’Halloran (2014) in the science news disseminated in institutional and mass media websites¹. Posed more directly, my research question is the following: What discursive traits underlie the emotional tone of NTSB air-accident dockets?

By its very nature, RC carries a heavy emotional load. Maynard’s (2011) blunt and humorous definition of risk (“Risk = OMG x WTF!”) suggests that RC is aroused by a triad of emotion pairs at play: 1) *curiosity* and/or *surprise* about the causes of a certain mishap (actual or hypothetical), which calls for enough *anticipation* for prevention; 2) *anger* at its aftermath or at the negligence of the person(s) in charge, and/or *fear* of disaster recurrence; and 3) a need for *control* over the potential or consummated risk, and/or for *trust* in the experts and institutions exerting such control.

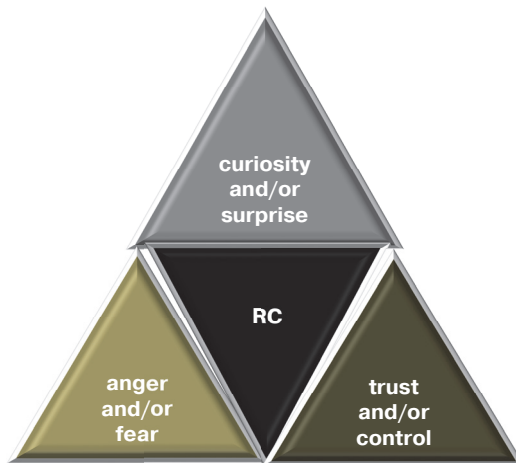

Fig. 1: Emotional components of RC as deduced from Maynard’s definition

The polar opposites surprise/anticipation, fear/anger and trust/distrust form part of Plutchik’s (1980) list of basic emotions, and anger, fear and surprise are also primary for Shaver et al. (2001). By contrast, Bednarek (2008a) does not consider trust and surprise basic emotions but separate areas of affect that constitute subcategories of (in)security, related to an ‘ecosocial well-being’ (Martin & White 2005: 49). Curiosity is for Bednarek an emotion concerned with ‘telos’ (Martin & White 2005: 49); that is to say, with the pursuit of a goal, an aspect stressed as well by other authors such as Watt Smith (2015: 65) in *The book of human emotions*: “Without curiosity, it’s hard to imagine creativity or invention at all”. This researcher reminds us that curiosity gave rise to the scien-

¹ To qualify the hybrid discourse of the genre object of their study, these scholars coined the designation ‘scifotainment’, a blend of scientific information and entertainment.

tific method, and that in the form of gossip it allows ideas to travel and enhances a sense of community. But, which community do we mean? Because, while for boards investigating accidents curiosity is supposed to be prompted mainly by the need and the duty to find out causes (technical failures, human factors and organisational deficiencies) and recommend appropriate safety measures for the future, the trigger may not be so straightforward for the general public, whose feelings could rather be labelled as ‘morbid curiosity’ (Watt Smith 2015: 180). This variant of curiosity may occur either due to the cathartic effect of knowing of other people’s misfortunes, to an inbuilt reflex for expressing empathy and strengthening social bonds, or to the desire to familiarise ourselves with catastrophe and become capable of coping with it. There is, in addition, another element that may impel us to feel (morbid) curiosity about aviation disasters: their extremely low frequency.

In effect, together with their unexpectedness, their dramatic intensity, and their meaningfulness (i.e. in our globalised world, massive tragedies transcend space, interrupt time, question ethical issues and create a sense of ‘transnational community’), what makes air accidents so reportable is that they are extraordinary one-off events, which makes them incontestably newsworthy. According to the International Civil Aviation Organization (2006), known as ICAO, out of six hundred aviation incidents (which may consist of just nuisances, operation limitations or the activation of emergency procedures), only one will turn out to be fatal (causing deaths and destroying equipment), whereas ten will be serious (involving injuries to people and material damages) and thirty only minor accidents (resulting in lesser injuries and reductions in safety margins due to work overload and inaccurate or incomplete operations). It is assumed that behind any instance of RC there is institutional trust on the part of the citizenship, who believes not only in the competence of the organism in question to handle the extraordinary, but also in its goodwill and trustworthiness and transparency as a source of information (Hawley 2012, Neeley 2014). In other words, the audience must take the institution’s credibility for granted regarding expertise, intention and reliability, and keep confident that through commitment and cooperation certain future events will occur as expected (Hawley, 2012, Besley & McComas 2014, Tuler & Kasperon 2014) and thus safety will prevail.

2. THE INSTITUTIONAL AND PROFESSIONAL CONTEXT OF NTSB AIR-ACCIDENT DOCKETS

It is precisely this principle of institutional trust and transparency that rules the NTSB’s online mission statement, published in its website (example 1, my italics):

- (1) Staff in the NTSB’s Freedom of Information Act (FOIA) office process hundreds of FOIA requests every year. Their work is their passion and they *take great pride in ensuring that the agency is open and transparent to the American public. Since July 1, 2009, the NTSB has been proactively posting public docket information on the accidents and incidents investigated by the Safety Board.* On average over 130 dockets are posted to the public website each month and in response to customer requests the NTSB has introduced upgrades to facilitate the searching of the docket database and to identify dockets that have been recently updated.

Thanks to the legal framework set by the FOIA, then, NTSB aviation-accident dockets are made accessible in a public website whose systems of storage and retrieval are periodically upgraded. The intended audience is broad and mixed since it joins experts and laypeople: it comprises other agencies investigating accidents worldwide, the ICAO and rest of national and international aviation authorities, national aviation associations, aviation professionals (crews and maintenance personnel), aircraft and engine manufacturers, insurance companies, law professionals, scholars and universities, victims and their families, and the press. A large sector of this ample readership requires popularisation strategies to be reached, a difficult premise because the text results from collaborative expert writing endeavour, as authorship is shared by the NTSB's field researchers and their teams of colleagues and proofreaders in successive rounds of revisions until it is finally issued. Hence the information provided necessarily becomes a blend of contents and their corresponding registers: on the one hand, purely technical information referred to expert analyses of the terrain and wreck remains, aerial photographs and cabin voice recordings. On the other, personal stories and accounts elicited from the crew (in interviews or obtained from cabin voice recordings) and the aviation staff involved, witnesses, and victims and their families. Sifting the narratives from both realms, a body of legal literature (e.g. protocols, procedures, standards and regulations) may be originated, and so a 'narrative network' (Bearman et al. 1999) arises across the technical, personal and legal fields.

As for the docket format, it is similar to that of any conventional scientific abstract, with a variable extension from 100 to 400 words. It is composed of two major parts (example 2, all emphases mine): a series of headings summarising the accident circumstances (e.g. identification code, date, place, filing data, aircraft type and model, aftermath) and the body of text, which fuses the traditional four-move IMRD structure (INTRODUCTION > METHOD > RESULTS > DISCUSSION) of scientific narratives (Swales 1990) and the Labovian sequence (ABSTRACT > ORIENTATION > COMPLICATING ACTION > RESOLUTION > CODA) of personal narratives (Labov & Waletzky 1967). Throughout either of these narrative stages, *attribution* (marked with italics in the docket sample below) becomes the backbone that holds the whole structure together, so that the information is sequenced in a growing degree of objectivity: WITNESSES' TESTIMONIES > EXPERT ANALYSIS > EVIDENCE > BOARD'S CONCLUSIVE VERDICT.

(2) **NTSB Identification: ERA10LA431**

14 CFR Part 91: General Aviation

Accident occurred: Wednesday, August 18, 2010 in Old Forge, NY

Probable Cause Approval Date: 11/17/2011

Aircraft: MAXAIR MU 582 DRIFTER, registration: N582RH

Injuries: 1 Fatal, 1 Minor.

NTSB investigators may not have traveled in support of this investigation and used data provided by various sources to prepare this aircraft accident report.

According to the passenger, the pilot had planned to fly the airplane to the opposite end of the lake. *He said that* the pilot taxied about $\frac{3}{4}$ of the way down the lake, turned around, and started the takeoff roll. The airplane began to climb within 300 feet, but the pilot noticed an approaching line of trees on the shore, so he banked the airplane steeply to avoid hitting the trees. *The passenger said that*, when the pilot banked the airplane, all

forward momentum was lost and they seemed to freefall. *The passenger estimated that the airplane fell to the ground from a height of about 100 feet and impacted a swamp in a nose-down attitude. He said that the engine continued to operate throughout the entire accident sequence. A postaccident examination of the engine revealed no evidence of any preimpact mechanical malfunctions or failures.*

The National Transportation Safety Board determines the probable cause(s) of this accident to be:

The pilot's failure to use the full length of the lake, which necessitated a steep turn to avoid obstacles during takeoff that resulted in an accelerated stall.

Full narrative available

Added to all these constituents, there may appear elements imported from drama and storytelling, such as dialogues, climactic build-ups, and *in medias res* narrative openings². Consequently, NTSB dockets are 'interdiscourses' or 'discursive hybridisations' (Fairclough 2006, Berkenkotter, Bhatia & Gotti 2012) that moreover merge different reporting styles (direct testimonies and indirect speech), features of oral (e.g. onomatopoeias, conversations) and written language (e.g. overall formality), objectivity and subjectivity, retrospection and propection, and informative, prescriptive and performative functions — the latter through formulaic language that carries out the speech act it enunciates (as in "The National Transportation Safety Board determines the probable cause(s) of this accident as follows:..."). In amalgam with the unusual emotional tone, this performativity makes NTSB dockets stand out in their genre from among the other world transportation agencies, which employ a less detailed and vivid style and non-performative verbs in the past simple to express final verdicts (e.g. the United Kingdom's AAIB³ formula "The investigation identified the following causal/contributory factors...").

Yet the inclusion of multivocality in dialogical form and of climactic non-linear narratives is not whimsical, as it purposely complies with the elementary FOIA principle of *communicative transparency*, which agglutinates the subprinciples of *accessibility* and *informativeness*. As said, the first is met by the proactive *online dissemination* monthly undertaken by the NTSB in its webpage and by the *explicitness* achieved by means of a wide array of devices: metadiscursive glosses and overt markers of inference often superfluous to expert readers, footnotes with additional explanations, hyperlinks leading to a constellation of complementary genres (e.g. the full technical report, associated legal documents, multimodal animations rendering the accident, slideshows on a particular aspect of the disaster, such as its environmental impact, etc.), and by the *memorability* of the storytelling format present in many synopses. In this way the message is made intelligible for lay audiences and easy to retain. The second subprinciple, informativeness, is fulfilled by fine-grained *detail disclosure* and *multivocality*, which, besides ensuring a more democratic reporting through co-constructed narratives, instills greater precision than a mono-focalised recount by a single omniscient narrator, and

² An *in medias res* opening is the absence, while reporting, of a narrative frame for actions, which are recounted as already in course in the middle of the plot.

³ The acronym AAIB stands for 'Air Accidents Investigation Branch'.

impinges on the institution's credibility by depicting it as a flexible authority. In such depiction, the multiple voices of the co-narrators allowed coalesce in the end to corroborate and reinforce the Board's final verdict. Put more simply, multivocality nurtures the citizenship's trust in the organism's expertise, power, and democratic spirit. For these reasons, it may be regarded as a tool for political branding.

Depending on the accident aftermath, the NTSB classifies its dockets into *fatal* (causing deaths), *non-fatal* (causing injuries) and *incidents* (with just technical repercussions), and, according to the investigation stage, into *preliminary* (reporting still at an early phase), *factual* (providing data but not speculating on causes, mostly because a foreign government is in charge of the investigation), and *of probable cause* (speculative as to the causes of the accident and the ethics of the actors involved, normally the crew and maintenance personnel). I have focused my study upon fatal probable cause samples, under the assumption that, owing to their completeness, speculative nature and the seriousness of the accident outcome, they should be more emotional in style than the other docket types.

3. METHODOLOGY

Although computerised search has been conducted, this study is essentially qualitative and draws on the manual scrutiny of an electronic corpus of 517 NTSB docket samples online covering the time span 2010—2015, all of them belonging to the fatal and probable cause types and retrievable from the website www.nts.gov/_layouts/ntsb.aviation/month.aspx. They total 182,708 tokens and 7,356 word types.

My theoretical framework is an eclectic one merging Narratology (Bal 1985, Czarniawska 2004, Elliott 2005, Andrews, Squire & Tamboukou 2008, Kohler Riessman 2008), Critical Discourse Analysis (Bloor & Bloor 2007, Chouliaraki 2008, Machin & Mayr 2012) and the Proximation (Cap 2013, Zwickle & Wilson 2014) and Positioning (Harré & van Langenhove 1999) Theories, the last two of vital importance for articulating the points I make in this article. Leaning on Proximation Theory, I contend that the three strategies examined here and that make up the emotional tone characteristic of NTSB dockets — namely narrative openings, detail disclosure and direct speech reporting to render dialogue between narrative actors—serve to reduce spatio-temporal and social psychological distance in order to approach the risk to the addressees of the RC. Following Positioning Theory, I argue that the NTSB adopts fluid roles to construct its stance towards the message and its audience: those of governmental authority, expert knowledge and emotion mediator, and fellow citizen. Furthermore, to pinpoint the emotional features in my samples, I have taken Stubbs' (2001) concept of *discursive prosody* as point of departure.

Like 'semantic prosody' (Xiao & McEnery 2006) or 'semantic preference' (Bednarek 2008b), 'discursive prosody' refers to recurrent attitudinal meanings, usually pragmatic and accomplished via collocational phenomena, but goes beyond single words to attend to the relationships between larger chunks of the message and their context. Bearing in mind Bednarek's (2008a: 132) caution that prosodies are partly intuitive and not always objectively derived from corpus evidence, I first operated on a semantic level

and skimmed through my corpus noting down those expressions that I deemed to convey or stir emotion. Subsequently I brainstormed a list of other reasonably expectable lexical items, sorted them out as to their likely effects on the reader, and proceeded to search for their most frequent collocations electronically (see data tables in the findings section) with the freeware concordancer *AntConc 3.1.w* (Anthony 2007). This electronic search of brainstormed expectable items was intended to cover more lexical ground and complement the previous examination with the naked eye, so as to get a bigger picture of the weight of emotional vocabulary in the samples' overall tone. At a last stage I tackled another manual inspection of the corpus, during which each sample underwent the following procedure:

- ◆ Examination of narrative opening (whether conventional framing of actions or *in medias res*)
- ◆ Detection of direct speech reporting and interpretation of functions
- ◆ Analysis of remarkable detail use

The fundamental reasons for scutinising these discursive features and not others have been these: first, their conspicuity (they meet the eye and distinguish NTSB dockets from those of any other transportation agency round the world); second, their structural nature (rather than being mere lexical choices they organise the message); third, their size (as all of them are larger than the sentence); and fourth, their variable frequencies (while *in medias res* openings are massive, the other two strategies seem to appear in a much more reduced number of samples). The size factor has been decisive to discard the application of the Appraisal System model, more fitting for categorising textual items as big as the sentence or smaller.

4. FINDINGS: THE SYNERGY OF DISCURSIVE PROXIMISATION STRATEGIES

Contrary to what might be thought, the incidence of 'potentially emotional' lexical items in the corpus is rather low. Their occurrences are shown in Tables 1, 2 and 3, in which the words searched are grouped according to their probable perlocutionary effects: Table 1 gathers terms that might be considered 'gruesome' or likely to cause fear and/or disgust, Table 2 displays words that transmit or arouse empathy, and Table 3 shows potentially biasing terms, likely to condition the reader's opinion on the actors' behaviours. It could be argued that some of the words classified under a category might also belong to another, as is the case of 'sickness' and 'illness', which might evoke repulsion besides arousing empathy with victims or exonerating crews from guilt, or of 'suicide', which in addition to blaming pilots might suggest repulsion too. These alternative semantic associations, though, have not been found in any of the corpus examinations, electronic or manual. The minimal impact of emotional lexis has made me dispense with n-gram searching and opt for not normalising individual items, as I consider raw counts more telling and immediate. I have just normalised (per 1,000 words) the totals under each category. Some of the counts correspond to items from the same lexical family (e.g. pain, painful, or death, died and die), and their electronic search results have been displayed together and not separately because of the low number of hits.

Table 1

Lexical items likely to cause repulsion

'GRUESOME' ITEMS	RAW FREQUENCIES	MAIN COLLOCATES
Blood	56	Test, sample, level, alcohol, pressure, sugar
Crash	41	Site, fire
Post(-)mortem	30	Toxicology/toxicological testing/analysis, sample(s), examination, production, produced, redistribution
Tissue	14	Specimen, samples
Pain(ful)	14	Back, spinal, severe, chronic, intermittent, spider bite
Risk	13	High, significant, serious, own
Burned	11	Not applied to people
Death/died/die	10	<i>Death</i> : after, cause of, cardiac, passengers <i>Died</i> : of, at, from, in
Crushed	8	Fuselage, pieces, parts
Fatally	6	Injured, injuring
Putrefaction	3	Specimen(s), postmortem, presence of
Catastrophe/catastrophic	2	Failure
Danger(ous)	1	Potential
Coma	1	Put (him) in
Drown(ed/ing)	1	Passenger
TOTAL	211	
NORMED TOTAL (per 1000 words)	1.15	
brainstormed items not found	0	Disaster, fatalit(y/ies), threat, corpse(s), hemorrhag(e/ic), wound(s), deceased, victim(s), suffocat(e/ion/ing)

Table 2

Lexical items likely to cause empathic responses

'EMPATHY-AROUSING' ITEMS	RAW FREQUENCIES	MAIN COLLOCATES
Disease	34	Heart, lung, artery, cardiac, coronary, cardiovascular
Child	13	Passenger(s), weight, foot
Wife	8	Reported, stated, was
Sick(ness)	2	Getting/got
Illness	2	Underlying, depressive
School	1	Yard
TOTAL	60	
NORMED TOTAL (per 1000 words)	0.32	
brainstormed items not found	0	Infant, baby, girl, boy, teenage(r), young, youth(s), juvenile, elderly

Table 3

Lexical items likely to influence the reader's judgements of actor behaviour

'BLAMING' ITEMS	RAW FREQUENCIES	MAIN COLLOCATES
Pilot('s/s') failure	109	To maintain (84), to abort, to use, to divert, to obtain, to apply, to preflight, to retrim, to monitor, to clear, to secure, to correct, to attain, to take, to see, to anticipate, to achieve
Alcohol	40	Level, consumption, ingestion, concentration
Ethanol	27	Found, identified, detected, use, positive for, presence of, metabolism
Drug(s)	18	<i>Singular</i> : prescription, use, screen results, dependence, assays, quantities <i>Plural</i> : evidence of, detected, redistribution, multiple, performance-impairing

End of the table 3

'BLAMING' ITEMS	RAW FREQUENCIES	MAIN COLLOCATES
Marijuana	17	Use, abuse, metabolite
Over-the-counter	13	Medication(s), antihistamine, cough suppressant
Narcotic(s)	13	Medication(s), painkiller(s)
Dependent(s)	6	Drug, nicotine, abuse or..., substance
Suicide	4	Note
Opioid(s)	3	Narcotic, use
Beer	3	Bottle, container, six-pack
Tetrahydrocannabinol	3	Presence of, positive for
Bourbon	2	Bottle
Barbiturate(s)	1	Prescription
Bottle	1	Bourbon
TOTAL	260	
NORMED TOTAL (per 1000 words)	1.42	
brainstormed items not found	0	Conceal(ment/ed), foolhard(y/iness), irresponsible, irresponsibility, neglect(ion), ignorant(ed/ing) disregard(ed), neglect(ion/ed), pills, boast, brag, show off

Results show that the category of ‘blame’ (predominantly applied to the pilot or other members of the crew) has yielded the highest number of hits: 1.42 every 1,000 words. This is expectable because, according to the ICAO (2006), a huge percentage of accidents (around 70%) is caused by human failures attributable to the pilot, and, in consequence, items referring to substances and habits forbidden or disapproved of by the ICAO are supposed to abound. Next, words describing the accident scene or events and that might be perceived as ‘gruesome’ by the audience, form the second most numerous category of emotional vocabulary: there are 1.15 every 1,000 words. This fact can be explained by the very nature of the document under study—the accident docket: it must include important data (from the accident scenario and the reconstruction of the accident) to speculate about possible causes and eventually issue a verdict. We may observe that the collocates of emotionally loaded words such as ‘blood’, ‘post-mortem’, ‘crushed’, ‘putrefaction’, ‘catastrophe’, etc., are neutral words from technical fields in the accident investigation, which connote efficiency and expertise rather than repulsion. Lastly, the least frequent category is the one comprising items potentially arousing empathy with any of the actors in the accident narrative (the pilot and the rest of the crew, witnesses, or victims). Their rate of occurrence is quite low: 0.32 per 1,000 words, and with the exception of items such as ‘disease’, ‘sickness’, or ‘illness’, often related to objective causes of the accident via toxicological and pathological tests (and therefore necessarily included in the docket), the rest of terms (e.g. ‘wife’, ‘child’, etc.) refer to more peripheral details that help reconstruct the course of the accident events with accuracy.

Let us now turn to the three discursive strategies most used in the corpus to raise emotion with a view to approaching the risk to the heterogeneous audience of the NTSB. Figure 2 evinces the overwhelming frequency of *in medias res* narrative openings, presumably because of their multi-functionality as attention getters that encourage to read on, ‘proximal resources’ that bring the risk closer to the addressee and vice versa, amusing suspense-builders that set the scenes prior to the accident denouement, and mne-

monic helpers that may make the content more memorable than any factual recount. These openings also communicate a greater deal of information, given that the introductory headers at the top of the document already contain the accident’s basic facts and fulfill the framing function of a linear narrative. *In medias res* beginnings may refer to events previous to the accident (past reference)—for instance to actions performed by the crew or the maintenance personnel in the previous hours, days, weeks or months, to the reporting by witnesses and experts some time after, as a sort of ‘flashback’, or to a span of time in which the mishap is about to happen. This last alternative is the most engaging one, due to its fictional ‘thriller-like’ climactic quality and its creation of a mysterious atmosphere that captures the addressees’ interest. Examples 3, 4 and 5 respectively offer a contrast between one of those ‘thriller-like’ *in medias res* openings, a more conventional *in medias res* start, and a simple linear framing.

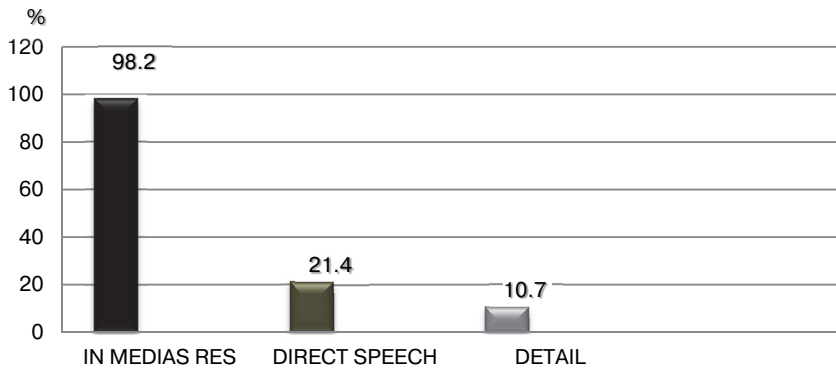

Figure 2. Discursive proximation strategies (percentage of docket samples)

- (3) The pilot and the two passengers departed on a cross country flight on a dark, moonless night over a rural area. Approximately 10 minutes after they departed, the airplane was observed in a descending spiral over a hay field. The last 50 seconds of recorded GPS data and the witness’s description of the maneuvers before the crash were consistent with the pilot experiencing a vestibular illusion, which resulted in a spiral from which he was unable to recover. (...) [NTSB Identification: CEN10FA392]
- (4) The pilot and passenger were on the final approach to their destination airport, after completing about a 550-nautical mile, cross-country flight in a kit-built airplane. During the approach, the left wing dropped and the airplane entered a steep descending bank before impacting the terrain. (...) [NTSB Identification: CEN10LA274]
- (5) On August 9, 2010, about 1442 Alaska daylight time, a single-engine, turbine powered, amphibious float-equipped de Havilland DHC-3T airplane, N455A, impacted mountainous, tree-covered terrain about 10 nautical miles (nm) northeast of Aleknagik, Alaska. The airline transport pilot and four passengers received fatal injuries, and four passengers received serious injuries. The airplane sustained substantial damage, including deformation and breaching of the fuselage. The flight was operated by GCI Communication Corp. (GCI), of Anchorage, Alaska, under the provisions of 14 Code of Federal Regulations Part 91. (...) [NTSB Identification: ANC10MA068]

The other two discursive strategies of proximation, direct speech multivocality and detail disclosure, go hand in hand and their impact is ostensibly minor than that of *in medias res* narrative openings, even though their mere presence in a technical document of this kind is remarkable in itself. Direct speech quotations perform the functions of *in medias res* openings (i.e. grab and sustain the readers' attention and immerse them in the accident context, aid memorization, and introduce more precise information) and several more, among which are the following:

a) Build rapport and intimacy through a conversational, occasionally even gossipy tone that may uncover private personal information (chiefly medical, penal and sentimental) to understand the behaviour of crew and aviation personnel members. Sometimes NTSB dockets include conversation snippets from cabin voice recordings, as in (6). In these cases, the recount takes on a dramatic tinge that may turn helpful to remember accident causes and necessary long-term routines.

(6) In the minute preceding the descent, a transmission from the airplane that included the words “mayday mayday mayday” and “[I] have a flight control malfunctions looks like I’m going down” was broadcast, and the airplane transmitted the emergency transponder beacon code. (...) [NTSB Identification: ERA10FA346]

b) Simplify technical concepts by creating didactic similes or supplying known schemata to categorise new phenomena. In this sense, the *sui generis* onomatopoeias and comparisons in witnesses' testimonies are crucial to facilitate expert diagnoses.

(7) A witness, located about 1 mile from the accident site, observed the airplane circle the airport from south to north. He then saw it maneuvering at a low altitude between two hangars and heard a loud “pop” followed by the sound of the engine sputtering. (...) [NTSB Identification: CEN10FA130]

c) Enhance the authority of verdicts through the *verbatim* transcription of normative literature (e.g. regulations, operation manuals, etc.).

(8) However, 14 Code of Federal Regulations (CFR) 91.111(a) states that “no person may operate an aircraft so close to another aircraft as to create a collision hazard”. In addition, 14 CFR 91.113 stipulates that the pilot of an overtaking airplane (in this case, the PA24) “shall alter course...to pass well clear” of the overtaken airplane. (...) [NTSB Identification: ERA11FA291A]

d) Hedge with scare quotes inaccuracies from lay witnesses and popularisations unnecessary in expert settings, thus segregating the lay audience from the community of experts (see also example 7).

(9) A witness working in a field observed the helicopter fly overhead and heard the rotor blades making “funny noises”. Shortly after, the witness lost sight of the helicopter and observed a plume of smoke. (...) [NTSB Identification: CEN10LA558]

e) Mitigate negative criticism of the crew's or aviation personnel's behaviours, frequently through implicature: the negative comment is not expressed by the NTSB but indirectly inferred from the speech of actors and witnesses.

(10) The pilot then transmitted to the controller that he had gotten himself “a little out of whack” and that he was “just trying to straighten it out.” Review of radar data revealed that, at the time the pilot transmitted this information to the controller, the airplane

had begun to turn right and continued turning right for about 150 degrees before radar contact was lost. The airplane then struck a tree, a travel trailer, and a pickup truck, fatally injuring the pilot and one occupant of the trailer and seriously injuring the other occupant of the trailer. (...) [NTSB Identification: ERA11FA118]

f) Mark specific terms from the technical jargon of the community of practice (Wenger 1998).

- (11) During the third and final aerobatic flight that day, after completing a loop maneuver called the “heart” maneuver, the pilot failed to recover from the nose-low descent before ground impact. (...) [NTSB Identification: ERA11FA214]

Institutional *ethos* is reinforced through detail disclosure because being able to provide narrative particulars is a sign of credibility and transparency, and at the same time backs up the final verdict by the Board just as any other of the pieces of evidence analysed in the course of the investigation (e.g. the wreck, the terrain, cabin voice recordings, the testimonies of crew, staff and witnesses, etc.). A high level of disclosure, nonetheless, may border on the flouting of Grice’s quantity and relation maxims and mystify RC, which by principle should be direct and non-digressive. Detail is a persuasive device (it may condition judgement) that can be phrased as direct speech reflecting confidential conversation snippets from cabin voice recordings (see again 6 and 10) or domestic scenarios (12), and may uncover medical (13), penal (14) and sentimental (15) information useful to explain certain behaviours, and thus determine accident causes. Emphasis is mine in all instances.

- (12) The pilot reported that 12 days prior to the accident flight, *he had suffered a loss of a close family member*. The pilot stated that after the accident, he realized that *coping with this loss affected his ability to focus his attention* and degraded the quality of his sleep in the days before the event. The pilot further stated that it had been more clear to him post accident, as *his “sleep deprivation had become very obvious”*. (...) [NTSB Identification: WPR11FA103]
- (13) The pilot had a *medical history* that included a *traumatic brain injury* following an accident that put him in a coma in 1993. This was accompanied with *persistent cognitive deficits* and *frequent intermittent episodes of amnesia*, severe chronic *lung disease* that required him to use supplemental oxygen to avoid hypoxia during periods of activity, and *depression* for which he had been receiving therapy. (...) [NTSB Identification: WPR11FA103]
- (14) A review of law enforcement records revealed that the pilot *had two alcohol and driving related convictions* in 1994 and 1996. After the second conviction, the Federal Aviation Administration (FAA) requested that this pilot undergo *psychiatric and neuropsychological evaluations*, which did not formally result in a diagnosis of substance abuse or dependence, but noted that having the convictions gives an indication that the pilot does have *problems with drinking* and that alcohol consumption is an area of potential danger for him. (...) [NTSB Identification: WPR11FA103]

Obviously, detail may as well immerse the reader in the risk context, act as a mnemonic and entertain and sustain attention just as *in medias res* openings and multivocal direct speech reporting can do, but, above all, it didactically exposes the fuzziness of the

public and private spheres, and the repercussions of private and apparently innocuous behaviours and decisions on the common safety and welfare.

- (15) a. The pilot departed on a visual flight rules flight on a dark night, and family members reported that *he had been drinking alcohol and was under emotional distress*. (...) [NTSB Identification: WPR10FA305]
- b. According to law enforcement personnel, during the 2 years preceding the accident, *the pilot had gone through a divorce, the closure of his business*, and most recently was anticipating *arrest on a felony charge*. Additionally, about 1 month before the accident, a detective received a telephone call from a family member of the pilot, who expressed concern that the pilot *was going to commit suicide* based on remarks that the pilot had made; however, the family member later stated that the pilot recanted. (...) [NTSB Identification: ERA12FA483]

While it might appear that the voice of the NTSB's verdicts (supposedly omniscient and distal) clashes with the intimacy and rapport generated by plural (and at times conversational) storytelling, detail disclosure and the amusement of *in medias res openings*, the global effect turns out to be the opposite: these strategies serve to depict the NTSB as a flexible authority that hosts a number of other co-narrating voices, convergent with its final decisions and instrumental to approaching the audience to the notion and contexts of risk.

5. CONCLUDING REFLECTION: IS RC AT RISK?

The emotional hue of NTSB dockets and the varied range of resources materialising it are indeed out of the ordinary in a society where abridged technical documents are supposed to be distal and extremely concise. We have seen that, more than a lexical repertoire, the emotional prosody of NTSB dockets is grounded in rhetorical organisation, narrative focalisation (i.e. a plural co-constructed narrative convergent with the Board's voice) and the representation of speech (direct reporting). While the scarce emotional lexis found pivots around blame, repulsion and empathy, the proximal discourse generated by rhetoric and narrative establishes a tacit emotional prosody of curiosity, surprise and fear. Of curiosity, thanks to the *in medias res* openings in the accident narrative, which grab the reader's interest. Of surprise by means of the possible twists in the narrative denouement, as the accident events and/or the results of expert analyses unfold, as well as by the postponed verdict. Of fear because the use of detail, direct speech and deictic nearness makes readers see the risk much closer and probable than they had imagined.

Still we may wonder, political branding aside, whether these proximal discursive strategies really improve RC: their efficacy in terms of risk prevention remains uncertain and can only be determined by means of reception, ethnographic, cross-disciplinary and cross-cultural studies, because the definition and perception of risk is context- and culture-bound (Fischhoff & Kadvaný 2011).

We still know little about optimal RC in general, as the technical specialists' knowledge of risk is limited to their areas of expertise. Fischhoff and Kadvaný (2011: 20)

observe: “No one is expert in all aspects of any risk decision, much less all risks”. Empiricism, though, does not seem to be the solution, as these authors also note (Fishhoff and Kadwany 2011: 94) that in their epistemic evaluations of risk, people ‘have trouble using numbers’ (i.e. statistics) and prefer words; the trouble is that appraisal terms such as ‘likely’ or ‘rare’ are too vague. What is clear is that NTSB dockets must confront two distinctive challenges that may endanger their RC nature: *pragmatic conflict* and the *activation of unintended constructs*. The former means avoiding flouting the Gricean maxims of quantity and relation, and preempting face-threatening acts derived from the trivialisation, owing to their videogame-like appearance, of the 3D accident animations accompanying many dockets and accessible with a hyperlink. They more often than not include cabin audio recordings with the voices of deceased crew members, which might be shocking, to say the least, for their families. The latter challenge stems from the ‘selective exposure and attention’ to some message components and their ‘peripheral processing’ (Sol Hart, 2014). If emotion does direct attention and individuals may understand a message differently or focus on different aspects of it, erroneous interpretations may arise and originate a ‘boomerang effect’—the opposite result of what was originally intended. Logically, the chances of producing boomerang effects augment with diverse audiences.

Certainly, this study launches more questions than proposals, and answering them would require conducting longitudinal reception studies on different populations of addressees. Some of these questions opening up new research avenues could be: Do *in medias res* openings, multivocal direct speech reporting, and detail disclosure work as distracting elements and therefore as boomerang factors? Is the processing of direct speech implicatures (e.g. the blaming of crews and aviation personnel in quoted first-hand testimonies and specific word collocations and rhetorical structures) too peripheral? What author-intended implicit information goes unnoticed? What take-home message is the lay audience left with? How much informative and entertaining should RC be? Should dockets follow a simpler telling scheme with a more linear rhetorical structure and be cruder and less euphemistic in their depiction of the catastrophe? What unquestionably matters is that the NTSB has taken a first step to bridging a long-standing gap in engineering RC: the tendency to neglect human behaviours (Fishhoff and Kadwany 2011) because of their difficult quantification and to distrust those social sciences that take the human factor into account. Only time and interdisciplinary collaboration will tell whether this NTSB’s attempt has been more perplexing than fruitful.

© Carmen Sancho Guinda, 2018

REFERENCES

- Andrews, M., Squire, C. & Tamboukou, M. (eds.) (2008). *Doing narrative research*. London: Sage.
- Anthony, L. (2007). *AntConc 3.2.1w*. Retrieved from <http://www.antlab.sci.waseda.ac.jp/software.html>.
- Bal, M. (1985). *Narratology: Introduction to the theory of narrative*. Toronto: University of Toronto Press.
- Bearman, P., Faris, R. & Moody, J. (1999). Blocking the future: New solutions for old problems in historical social science. *Social Science History* 23 (4), 501—533.

- Bednarek, M. (2008a). *Emotion talk across corpora*. London/New York: Palgrave Macmillan.
- Bednarek, M. (2008b). Semantic preference and semantic prosody re-examined. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory* 4 (2), 119—139.
- Berkenkotter, C., Bhatia V.K. & Gotti, M. (2012). Introduction. In Berkenkotter, C., V.K. Bhatia & M. Gotti (eds.) *Insights into academic genres*. Bern: Peter Lang, 9—28.
- Besley, J.C. & McComas, K.A. (2014). Fairness, public engagement and risk communication. In Árvai, J. & L. Rivers (eds.) *Effective risk communication*. London: Routledge, 108—123.
- Bhatia, V.K. (2014). *Worlds of written discourse: A genre-based view*. London: Continuum.
- Bloor, M. & Bloor, T. (2007). *The practice of Critical Discourse Analysis. An introduction*. London: Hodder Arnold.
- Boholm, Å. & Corvellec, H. (2014). A relational theory of risk: Lessons for risk communication. In Árvai, J. & L. Rivers (eds.) *Effective risk communication*. London: Routledge, 8—22.
- Cap, P. (2013). *Proximization: The pragmatics of symbolic distance crossing*. Amsterdam: John Benjamins.
- Chouliaraki, L. (2008). Mediation, text and action. In Bhatia, V.K., J. Flowerdew & R.H. Jones (eds.) *Advances in discourse studies*. London: Routledge, 211—227.
- Czarniawska, B. (2004). *Narratives in social science research*. London: Sage.
- Elliot, J. (2005). *Using narrative in social research. Qualitative and quantitative approaches*. London: Sage.
- Fairclough, N. (1993). Critical Discourse Analysis and the marketization of public discourse: The universities. *Discourse and Society* 4 (2), 133—168.
- Fairclough, N. (2006). *Language and globalisation*. London: Routledge.
- Fischhoff, B. & Kadvaný, J. (2011). *Risk. A very short introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Harré, R. & van Langenhove, L. (1999). *Positioning Theory: Moral contexts of intentional action*. Oxford: Blackwell.
- Hawley, K. (2012). *Trust. A very short introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- International Civil Aviation Organisation (ICAO) (2006). *Safety management manual (SMM)*. Doc. 9859 (1st ed.). Montreal: ICAO.
- Kohler Riessman, C. (2008). *Narrative methods for the human sciences*. London: Sage.
- Labov, W. & Waletzky, J. (1967). Narrative analysis: oral versions of personal experience. In Helm, J. (ed.) *Essays on the verbal and the visual arts*. Seattle: University of Washington Press, 12—44.
- Machin, D. & Mayr, A. (2012). *How to do Critical Discourse Analysis. A multimodal introduction*. London: Sage.
- Martin, J.R. & White, P.R.R. (2005). *The Language of evaluation: Appraisal in English*. London/New York: Palgrave/Macmillan.
- Maynard, A. (2011). Risk = OMG x WTF! *2020 Science*. Retrieved from <http://2020science.org/2011/10/18/risk-omg-x-wtf/>.
- Neeley, L. (2014). Risk communication in social media. In Árvai, J. & L. Rivers (eds.) *Effective risk communication*. London: Routledge, 143—164.
- NTSB website <http://www.nts.gov/>.
- NTSB Accident synopses by month. Retrieved from <http://www.nts.gov/aviationquery/month.aspx>.
- Plutchik, R. (1980). *Emotion — A psychoevolutionary synthesis*. London: Longman.
- Sancho Guinda, C. (2015). Digital vividness: Reporting aviation disasters online. In Bondi, M., S. Cacchiani & D. Mazzi (eds.) *Discourse in and through the media: Recontextualizing and reconceptualizing expert discourse*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars, 187—212.

- Shaver, P.R., Murdaya, U. & Fraley, R.C. (2001). Structure of the Indonesian emotion lexicon. *Asian Journal of Social Psychology* 4, 201—224.
- Sol Hart, P. (2014). Boomerang effects in risk communication. In Árvai, J. & L. Rivers (eds.) *Effective risk communication*. London: Routledge, 304—318.
- Stubbs, M. (2001). Texts, corpora, and problems of interpretation: A response to Widdowson. *Applied Linguistics* 22, 149—172.
- Swales, J.M. (1990). *Genre analysis: English in academic and research settings*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tardy, C.M. (2016). *Beyond convention: Genre innovation in academic writing*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Tuler, S.P. & Kasperson, R.E. (2014). Social distrust and its implications for risk communication. In Árvai, J. & L.Rivers (eds.) *Effective risk communication*. London: Routledge, 91—107.
- Watt Smith, T. (2015). *The book of human emotions*. London: Profile Books.
- Wenger, E. (1998). *Communities of practice: Learning, meaning and identity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Xiao, R. & McEnery, T. (2006). Collocation, semantic prosody and near synonymy: A crosslinguistic perspective. *Applied Linguistics* 27 (1), 103—129. doi: 10.1093/applin/ami045.
- Xie, X., Wang, M., Zhang, R., Li, J.&Yu, Q. (2011). The role of emotions in risk communication. *Risk Analysis*, 31 (3), 450—465.
- Zhang, Y. & K.L. O'Halloran (2014). From popularization to marketization: The hypermodal nucleus in institutional science news. In Djonov, E. & S. Zhao (eds.) *Critical multimodal studies of popular discourse*. New York, NY: Routledge, 160—177.
- Zwickle, A. & Wilson, R.S. (2014). Construing risk. In Árvai, J. & L. Rivers (eds.) *Effective risk communication*. London: Routledge, 143—164.

Article history:

Received: 08 August 2017

Revised: 10 September 2017

Accepted: 15 September 2017

For citation:

Guinda, Carmen Sancho (2018). The Emotional Prosody of U.S. Fatal Air-Accident Dockets Online: Risking Risk Communication? *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 126—143. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-126-143.

Bionote:

CARMEN SANCHO GUINDA is Senior Lecturer in the Department of Applied Linguistics at the Universidad Politécnica de Madrid, where she teaches English for Academic and Professional Communication at the school of Aerospace Engineering and in-service seminars for engineering teachers willing to undertake English-medium instruction. Her research focus is the interdisciplinary study of academic and professional discourses and genres and innovation in the learning of academic competencies. Her most recent publications are *Stance and Voice in Written Academic Genres* (Palgrave, 2012), co-edited with Ken Hyland, *Narratives in Academic and Professional Genres* (Peter Lang 2013), co-edited with Maurizio Gotti, *Interpersonality in Legal Genres* (Peter Lang 2014), co-edited with Ruth Breeze and Maurizio Gotti, and *Essential Competencies for English-medium University Teaching* (Springer 2017), co-edited with Ruth Breeze. She is co-editor of the online journal *Language Value* and member of the editorial boards of *Journal of English for Academic Purposes*, *Ibérica*, and *Revista de Lingüística y Lenguas Aplicadas*. Contact information: e-mail: carmen.sguinda@upm.es

FINANCE AND ACKNOWLEDGEMENTS:

This article has been written within the framework of the coordinate research project ‘Emo Fundett’ (FFI2013-47792-C2-1-P), funded by the Spanish Ministry of Economy and Competitiveness. My thanks to its principal investigator, Prof. Laura Alba Juez, and the rest of fellow researchers.

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-126-143

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ПРОСОДИЯ В ОН-ЛАЙН ИНСТРУКЦИЯХ В СИТУАЦИИ АВИАКАТАСТРОФ: КОММУНИКАЦИЯ В ОБСТАНОВКЕ РИСКА

Кармен Санчо Гинда

Мадридский политехнический университет
Calle Ramiro de Maeztu, 7, 28040 Madrid, Испания

Коммуникация в ситуации риска является и рациональной, и эмоциональной (Fischhoff & Kadvanu 2011, Boholm & Corvellec 2014). Современные исследования доказали, что эмоции действительно влияют на восприятие опасности и риска и выполняют функцию «медиаторов» (Xie et al. 2011) в принятии решений. Данная работа посвящена эмоциям в текстах обращений Национального транспортного комитета по безопасности США (NTSB), которые влияют на настроение и поведение широкой и разноплановой аудитории и таким образом повышают степень безопасности. С этой целью был проанализирован электронный корпус из 500 инструкций о смертельной опасности на авиационном транспорте (с 2010 по 2015 г.), ежегодно публикуемых на сайте NTSB. Тексты подобных инструкций, содержащих эмоциональный компонент восприятия риска и опасности, представляют собой уникальный жанр, поскольку информативная яркость и насыщенность активизируют процессы памяти, суждений и принятия решений. В качестве отправной точки берется понятие «дискурсивной просодии» (Stubbs 2001), а в качестве теоретической базы используются нарратология, корпусная лингвистика, критический дискурс-анализ, а также теории проксимизации (Car 2013) и позиционирования (Harré & van Langenhove 1999). В данной статье показано, что эмоциональная просодия в оповещении о рисках является более риторической, чем лексической, и важную роль играют нарративные стратегии акцентирования и речевой репрезентации. В заключении делаются предположения о возможных последствиях злоупотреблений эмоциональной составляющей в коммуникации в ситуации риска.

Ключевые слова: *коммуникация в ситуации риска, эмоциональная просодия, проксимизация, позиционирование, нарративное акцентирование, регистраторы авиакатастроф онлайн, Национальный Транспортный комитет США по Безопасности*

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 8 августа 2017

Дата принятия к печати: 15 сентября 2017

Для цитирования:

Guinda, Carmen Sancho (2018). The Emotional Prosody of U.S. Fatal Air-Accident Dockets Online: Risking Risk Communication? *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 126—143. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-126-143.

Сведения об авторе:

КАРМЕН САНЧО ГИНДА — доцент кафедры прикладной лингвистики Мадридского политехнического университета. Преполагает английский язык в сфере научной и профессиональной коммуникации в школе космической инженерии, проводит семинары для преподавателей технических наук. Сфера научных интересов — междисциплинарное исследование научного и профессионального дискурса, жанров и инноваций в формировании научной компетенции. Последние публикации: *Stance and Voice in Written Academic Genres* (Palgrave, 2012) (сопедатор — Maurizio Gotti), *Narratives in Academic and Professional Genres* (Peter Lang 2013), *Interpersonality in Legal Genres* (Peter Lang 2014) (сопедаторы — Ruth Breeze, Maurizio Gotti), *Essential Competencies for English-medium University Teaching* (Springer 2017) (сопедатор — Ruth Breeze). Она является также сопедатором электронного журнала *Language Value* и членом редколлегий журналов *Journal of English for Academic Purposes*, *Ibérica*, *Revista de Lingüística y Lenguas Aplicadas*. Контактная информация: e-mail: carmen.sguinda@upm.es

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ:

Статья является частью исследовательского проекта EMO-FUNDETT (Эмоции и язык в действии: эмотивная оценка функций разных текстов и рабочих контекстов) за номером FFI2013-47792-C2-1-P. Этот проект финансируется Министерством экономики и конкуренции Испании. Автор выражает благодарность руководителю исследовательской группы Профессору Лауре Альба-Хуэс и коллегам.

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-144-160

EMOTIONAL SELF-PRESENTATION ON WHATSAPP: ANALYSIS OF THE PROFILE STATUS

Carmen Maíz-Arévalo

Complutense University of Madrid
Av. Séneca, 2, 28040 Madrid, Испания

Abstract

Self-presentation can be defined as “the process through which individuals communicate an image of themselves to others” (Yang and Brown, 2015: 404) and it is an essential part of human communication. Self-presentation has been widely studied both in face-to-face communication and online. Most online research, however, has focused on social networking sites, blogs, chatrooms, etc. while less attention has been paid to other online means of communication such as WhatsApp despite the growing importance of WhatsApp as a means of communication. The present paper aims to redress this imbalance by analysing self-presentation on WhatsApp; more specifically, by paying attention to emotional self-presentation in profile status. To that purpose, a corpus of 206 WhatsApp statuses was gathered in Spanish. Results show the existence of recurrent patterns connected to variables such as sex¹ or age, which play a crucial role in determining the emotions users choose to display in their profile status.

Keywords: *self-presentation, emotions, WhatsApp, Spanish*

1. INTRODUCTION

Self-presentation can be defined as “the process through which individuals communicate an image of themselves to others” (Yang and Brown, 2015: 404). It is a dynamic process which develops along five major interconnected dimensions: intentionality, depth, positivity, authenticity and breadth (Kim and Dindia 2011, Yang and Brown 2015). Self-presentation can also trigger very emotional responses. For example, disclosing personal emotions can be positively valued by other members, who might reciprocally disclose their own emotions in return. However, disclosing too much can also have counter effects and lead to rejection by others both in face-to-face and online contexts (Altman and Taylor, 1973). Nowadays, with the increasing use of Internet to communicate, self-presentation takes place not only face-to-face but also digitally in the form of the *profile* or *user status*. As rightly argued by Attrill (2012), however, different settings will lead to different types of self-presentation. In the case of Facebook and WhatsApp, for example, the interface provides users with the possibility to offer semi-automatic self-disclosure by choosing from the available options. However, most users

¹ The term “gender” has been purposefully avoided (and hence the use of “sex”) given that its social components (e.g. the participants’ sexual orientation and identification with gender independently of the biological sex) have not been considered in this preliminary study. Future research intends to zero in on social gender, for instance by means of interviews with participants so as to ascertain their gender adscription.

prefer to edit their own status. This interface personalization is hence exploited by users to their own advantage so as to present themselves in a specific light (e.g. humorous, tender, sophisticated, wise, etc.) which makes them unique and different from the others. As Yus (2017: 78) points out:

An example is interface personalization, which in theory should generate an offset of positive effects in the way the user feels that he/she is treated as a unique individual whose specific preferences and usage patterns are attended to by the app. Users like to feel part of the group, network or community, but they also like to “stand out from the crowd,” to feel unique in how they experience the app.

Indeed, most WhatsApp users tend to carefully select both the picture and status that other users will see whenever they exchange phone numbers. As evidence of the importance of the status, we just need to recall what happened last 24th February 2017 when, coinciding with WhatsApp 8th anniversary, its creators launched a new version of its “status”. Rather than allowing users to include a short text next to their profile photo, the new version permitted to share a 24-hour status in a similar way to that of Snapchat. Users’ massively negative response, however, forced WhatsApp to restore the past statuses just one month afterwards (24th March 2017), after the web was flooded with complaints and queries about how to get back to the textual status². This demonstrates that, far from being a frivolous matter, most users dearly value the opportunity these statuses provide for them as a self-presentation strategy. The aim of this paper is to delve into the kind of self-presentation users provide for others in their WhatsApp profile statuses, more specifically, whether Spanish WhatsApp users tend to reveal their personal emotions as a self-presentation strategy.

It is important to mention that the speaker’s expression of emotions has been traditionally considered as an expressive speech act (Searle, 1969). However, given the heterogeneity of Searle’s category of expressives, I shall follow Weigand’s (2010: 166) more specific denomination of emotive acts, which she defines as statements “which focus on the speaker’s *emotional involvement* [... such as] emotional affect or being overwhelmed by emotions” (emphasis in the original). Within self-dimension and its five interconnected dimensions (i.e. depth, breadth, authenticity, positivity and intentionality), emotional statuses are related to the dimensions of depth (i.e. level of intimacy of the presented information), and can also be related to positivity (in the case of positive emotions) and authenticity (i.e. degree to which the disclosed information accurately reflects reality). As for intentionality (i.e. the fact that the user is intentionally using this information to present him/herself), the expression of emotion is clearly intentional. Hence, the only dimension which does not play a significant role in the expression of emotion in WhatsApp statuses is breadth, understood as the frequency with which users display personal information (Yang and Brown 2015). Breadth, however, is directly linked to the new WhatsApp status, where users can share new personal information every 24 hours. The study of the new WhatsApp status might also open new avenues for future research, but it is unfortunately beyond the scope of the present study.

² http://www.elconfidencial.com/tecnologia/2017-03-17/whatsapp-estados-texto-historias-snapchat_1350295/.

Taking the above into account, I intend to answer the following research questions:

- (i) Do WhatsApp users display emotional status (i.e. emotive speech acts) as a self-presentation strategy? If so, to what extent and in what frequency?
- (ii) What are the linguistic realizations to express emotive speech acts (emotives henceforth) as a self-presentation strategy?
- (iii) What kind of emotions are expressed by users when presenting themselves in WhatsApp?
- (iv) Do the sociological variables of sex and age play a role in the use of emotives as a type of self-presentation strategy?

The rest of the paper is structured as follows; section two below briefly revises the literature on the concept of self-presentation and its study in digital communication³, with a special interest in studies focusing on WhatsApp. Section three describes the methodology, more specifically the criteria followed in the compilation of the corpus and its description. The fourth section discusses the findings and results in relation to the research questions before offering the conclusions in section five together with some pointers to future research or research already in progress.

2. LITERATURE REVIEW

Self-presentation has been widely studied both in face-to-face communication and online. Most online research, however, has focused on social networking sites (especially Facebook), blogs, chatrooms, etc. (cf. Bronstein 2012, García-Gómez 2010, Papa-charissi 2011, van Dijck 2013, Zhao et al. 2008) while less attention has been paid to other online means of communication such as WhatsApp (Calero-Vaquera and Vigarà 2014, Sultan 2014, Sánchez-Moya and Cruz-Moya 2015a, 2015b) despite its ever increasing popularity as a means of communication, with 1.2 billion worldwide users in January 2017⁴. This is probably why WhatsApp is increasingly attracting researchers' attention. Most studies up to now, however, have often adopted a sociological perspective, focusing on the social effects of WhatsApp amongst its users (Church & Oliveira 2013, Soliman & Salem 2014, Devi & Tevera 2014, O'Hara et al. 2014, *inter alia*), with a special interest towards its effects on younger users, especially students (Bere 2012, Plana et al. 2013, Yeboah & Ewur 2014, Ahad et al. 2014, Bouhnik & Deshen 2014, Maniar and Modi 2014). This growing interest has also given rise to methodological concerns on data collection (e.g. Vela Delfa and Cantamutto 2016) and medical consequences related to the overuse of the app (cf. Montag et al. 2015).

³ Traditionally, the term computer-mediated communication (shortened as CMC) has been employed. However, this term no longer represents the kind of communication that may take place using other devices such as Smartphones or tablets. For this reason, digital discourse and digital communication are increasingly being used.

⁴ According to the web Statista (<https://www.statista.com/statistics/260819/number-of-monthly-active-whatsapp-users/>), WhatsApp had a thousand two hundred million active users in January 2017, which makes it the most widely used mobile messaging app worldwide (together with Facebook Messenger).

WhatsApp also offers undeniable breeding ground for linguistic research, even if still under researched. As Calero Vaquera (2015: 112) points out, “WhatsApp interests us as linguists since it has become one more witness of human ability to adapt and colonize communicative competence in any channel” (my translation). This interest has more recently been also emphasized by Yus (2017: 75), who states that “WA [...], immensely popular nowadays and exhibiting interesting interface evolutions *for a pragmatic analysis*” (my emphasis).

More recently, there have emerged some studies that adopt a linguistic perspective, either discursive or pragmatic (or a combination of both) with a special interest in the multimodal⁵ nature of WhatsApp (cf. da Fonte and Caiado 2014) or its use of typographical variation like *textese* (cf. Sánchez-Moya and Cruz-Moya, 2015a). Calero Vaquera (2015) provides a seminal study on the discursive similarities and differences between WhatsApp, Messenger and SMS, highlighting their hybrid and multimodal nature, especially given by the use of emoticons. Her study offers an interesting set of discursive features, which are subdivided into extra-textual, intra-textual and para-textual characteristics. However, in contrast to the current study, Calero Vaquera’s does not offer a corpus analysis of naturally produced data but it is more an overview of WhatsApp characteristics, useful as a departing point for more detailed research. More recently, Yus’ (2017) study focuses on the app from a relevance-theoretic approach, emphasizing the relevantly positive effects of its use to boost phatic talk. Most of these studies, however, have focused on WhatsApp either in general terms or on the “conversations” held by its users. Less attention has been paid to how users choose language to present themselves to others through the 139-character blank where “WhatsApp users are prompted to write any message in order to complete their profile information” (Sánchez-Moya and Cruz-Moya 2015b: 52), even if it highly contributes to the user’s self-presentation.

In line with the present study, Sánchez-Moya and Cruz-Moya (2015b) also focus on the discursive analysis of 420 profile statuses by Spanish users, focusing on the age variable and the preference users have when editing their profile. On the whole, the authors provide a useful categorization based on the linguistic realization of the profiles, which they initially divide into automatically-generated statuses and self-generated ones. Automatically-generated statuses are those where users simply choose one of the statuses provided by default. In the case of WhatsApp, the default status is “Hey there! I’m using WhatsApp” but users may choose from the following range of 12 other default statuses, mostly showing their degree of availability⁶ (Available, Busy, I can’t talk, only WhatsApp, Low bat, Only emergency calls, I’m sleeping) or places where they are located (At School, In the cinema, At work, At a meeting, In the gym). Self-generated statuses are those where users manually type a status of their own choice in the 139-blank

⁵ Multimodality is here understood as the combination of two or more modes (e.g. textual and visual) to communicate.

⁶ Translation of the Spanish original. There are users who directly choose to write in English.

character gap provided by the app. Within this macro-category, users may choose a purely verbal (or rather “textual”) status, leave it blank, choose just *emoji* or a hybrid status where both *emoji* and text are employed. However useful the taxonomy offered, the authors do not delve into the content of such statuses or the pragmatic functions status profiling may perform. In the present study, I intend to partially fill this gap by focusing on a specific type of status and self-presentation: self-generated statuses where users display their personal emotions to others as a way to present themselves. Furthermore, focusing on the expression of emotions can help us observe whether the linguistic⁷ realization of emotions in digital discourse varies with respect to face-to-face communication (Derks et al. 2008) as well as to find out more about self-presentation patterns.

3. METHODOLOGY

The data used in the present study were gathered during a month, with the aid of two other WhatsApp users⁸ who kindly allowed her to use their contacts. Data was not elicited but naturally produced, and collected randomly to avoid any bias. However, to ensure both the ethics and validity of the data, four main criteria were taken into consideration. First, users below the age of 18 were not considered given their vulnerability as minors, focusing on five age spans: 20 years-old, 30 years-old, 40 years-old, 50 years-old and 60 years-old and +60. Secondly, no personal data (proper names, photographs, etc.) that could identify the users in any sense were included to preserve their full privacy. All users were hence tagged according to their age (in their 20s, 30s, etc.), which was provided by themselves or by the data-collectors. Third, to guarantee the validity of the gathered sample, the same amount of female and male users was gathered for each age group (see Table 1). Finally, the amount of users per age group was determined by the ratio of Spanish users of WhatsApp; that is, following the results published by secondary sources such as the webpage Statista⁹ and infogr.am¹⁰. According to Statista, the number of Spanish users of WhatsApp in February 2016 was led by the age group of 40—55, with 39% of users, closely followed by the 16—30 age span (36%) and the 31—39 years-old (25%), as illustrated by Figure 1.

In Statista’s results, users of the last group (60s and +60s) still did not have any representation, although this trend seems to have changed more recently, as shown by the results provided on WhatsApp users in Spain in January 2017, where the age range already includes 60-years old and more (even if in the last position), as illustrated by Figure 2.

⁷ It is beyond the scope of this paper to focus on the profile photographs chosen by users. Future research is intended to contrast the kind of self-presentation strategy in the status with that of the chosen profile image.

⁸ The author would like to express her gratitude to her husband, Carlos Carvajal, and friend, Yelena Petrovic, for their inestimable help in collecting the data. Without them, this study would not have been possible. All errors, however, remain exclusively my own.

⁹ <https://es.statista.com/estadisticas/576109/porcentaje-de-los-usuarios-de-whatsapp-en-espana-en-por-edad/>.

¹⁰ https://infogr.am/uso_de_whatsapp_por_edades_en_espana_en_los_ultimos_seis_meses.

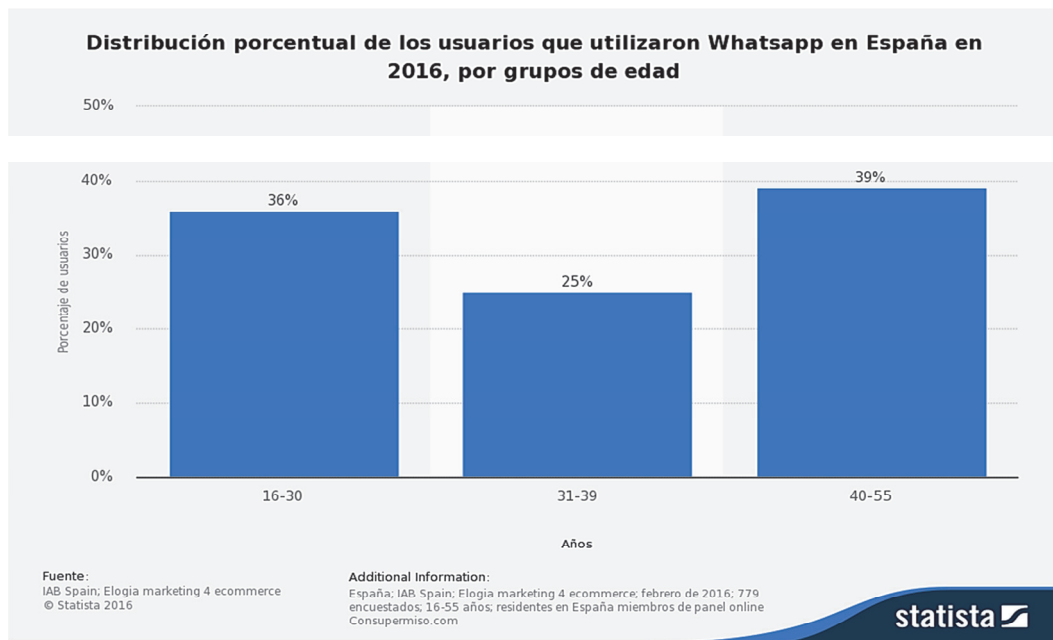

Figure 1. Distribution of users of WhatsApp in Spain according to age in 2016

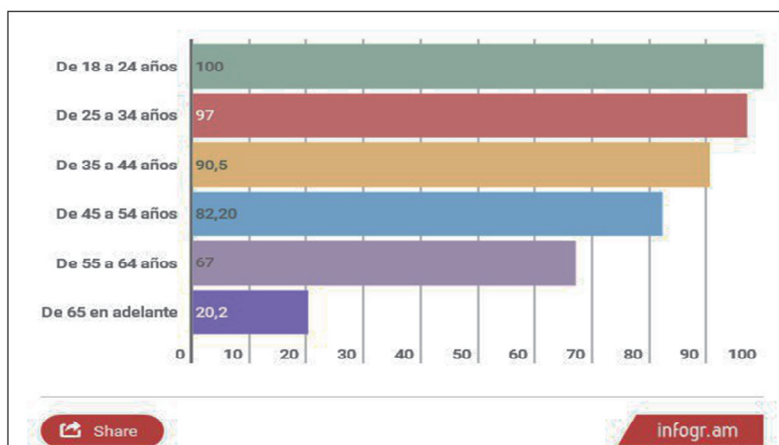

Figure 2. Distribution of users of WhatsApp in Spain according to age in January 2017

Thus, in the last months, the number of WhatsApp users belonging to the last population group (60s and over 60s) has slightly increased, entering the scene. Taking these secondary sources into consideration, the ratio of the present corpus was calculated per sex and age so as to ensure the calculated ratio represents that of the Spanish population using WhatsApp as closely as possible. The corpus thus gathered consist in 206 WhatsApp statuses produced by five age groups of both sexes in a proportion replicating the ratio of use provided by secondary sources (i.e. Statista and infogr.am). As in the secondary sources, the age groups leading the number of WhatsApp users are 40s and 50s, followed by 30s and 20s, with the group of 60s and +60s occupying the lowest percentage, as illustrated by table 1.

Table 1

Age and sex of the subjects				
Age	Sex		Total (n=)	Ratio
	Female	Male		
20s	12	12	24	11.65%
30s	16	16	32	15.53%
40s	37	37	74	35.92%
50s	26	26	52	25.24%
60s (+60S)	12	12	24	11.65%
TOTAL	103	103	206	100%

4. DATA ANALYSIS AND DISCUSSION

This section presents the findings together with their discussion regarding four aspects:

- (i) The frequency of the use of emotive speech acts as a self-presentation strategy in WhatsApp statuses in relation to other strategies,
- (ii) the linguistic realizations chosen by users to express their emotive speech acts,
- (iii) the “content” of such emotive speech acts (i.e. what kind of emotions are users expressing),
- (iv) and finally, the relationship between the variables of sex and age and the expression of emotive speech acts.

With respect to their frequency, a general overview at the statuses employed by users reveals that emotional statuses rank third (with 30 tokens out of 206, equivalent to a ratio of 14.56%), with automatically generated statuses (e.g. “Hey there! I’m using WhatsApp”) ranking first in the list (31.55%)¹¹. This low ranking (less than 15% of the total) coincides with the results obtained by Bronstein (2014) in her study of Hebrew Facebook users, where almost 70% of her participants admitted that the information they disclosed was rarely highly personal, as personal emotions indeed are.

Following Sánchez-Moya and Cruz-Moya (2015), WhatsApp profile statuses can be classified into different types according to their linguistic realization, as summed up by figure 3.

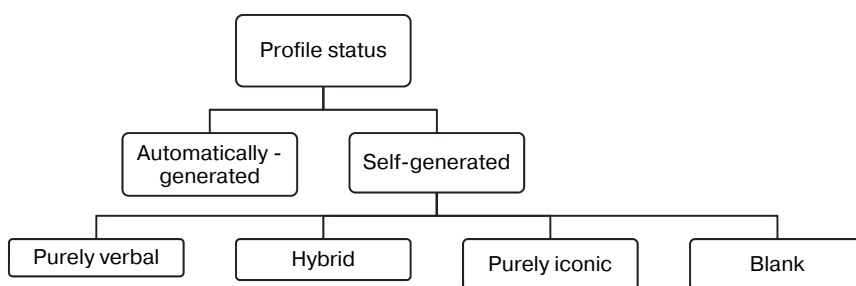

Figure 3. Types of profile status in WhatsApp according to linguistic realization (adapted from Sánchez-Moya and Cruz-Moya, 2015)

¹¹ It is beyond the scope of the current paper to analyse in detail the different self-presentation strategies performed by the participants. Future research intends to analyse these other types, which include the use of implicature (19.90%), quotes (8.74%), leaving the status blank (7.28%), humour (6.31%), inspirational messages (4.85%), expressing a personality trait (2.43%) and other realisations (4.37%).

According to these authors' classification, emotional statuses would belong to the category of self-generated statuses, since users edit the 139-character blank to display a personal emotion. Examples¹² (1) to (3) illustrate this kind of self-presentation strategy:

- (1) *Me encanta mi hijo* [I really like my son]
- (2) *Te quiero amor* 🧑❤️🧑 [I love you, my love]
- (3) ❤️

As can be observed, users can choose to employ purely verbal statuses (example 1), hybrid ones, where text is used in combination with an *emoji* (example 2) and purely iconic ones like in example 3. Hybrid realizations are slightly more frequent than the other two (see figure 4), which could be due to the fact that the *emoji* helps reinforce the verbal message in an iconic way, as illustrated by examples (4) and (5):

- (4) *La mala noticia es que el tiempo vuela, la buena es que tú eres el piloto* 🌪️ 🍀 🧑🚀
🚒 🌍 🧑🧑 🎵 [The bad news is that time flies, the good one is that you are the pilot]
- (5) True love ❤️

As for purely iconic statuses, where only *emoji* are employed, the repertoire is surprisingly limited despite the myriad of *emoji* available (one of the most popular affordances by WhatsApp). However, users seem to limit themselves to the rather basic ones and employ just smileys, hearts, kisses and an occasional unhappy face (see example 10):

- (6) 😊
- (7) ❤️❤️❤️
- (8) 💋💋💋

Smileys, however, still seem to be the most prevalent *emoji*, even used in its typographically created version –i.e. :-)– being employed in more than 50% of the cases in which the status is purely iconic. Users thus seem to express their emotions in the three possible ways available (leaving the 139-character status blank is not an option in this case), in practically the same frequency:

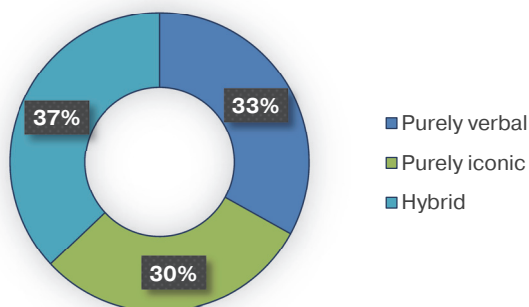

Fig. 4. Frequency of linguistic realizations of emotives

¹² Examples originally in Spanish are immediately accompanied by their translation in square brackets.

More interesting, however, is the content or kind of emotions users choose to express when presenting themselves in their WhatsApp status. According to Plutchik (1997), there are eight basic emotions: fear, anger, sadness, joy, disgust, surprise, trust and anticipation (understood as the sense of looking forward positively to something which is going to happen). These basic emotions give rise to a complex myriad of other emotions, which Plutchik (1997) represents in what he terms the wheel of emotions (see figure 5), with the inner circle representing the strong expression of the basic emotions (in the middle circle) and the outer circle expressing their corresponding weaker version. Hence, joy is a basic positive emotion that becomes ecstasy when strongly felt and serenity in its mitigated version. Complex emotions like love are represented outside the wheel itself and partake of different emotions simultaneously (e.g. joy and trust).

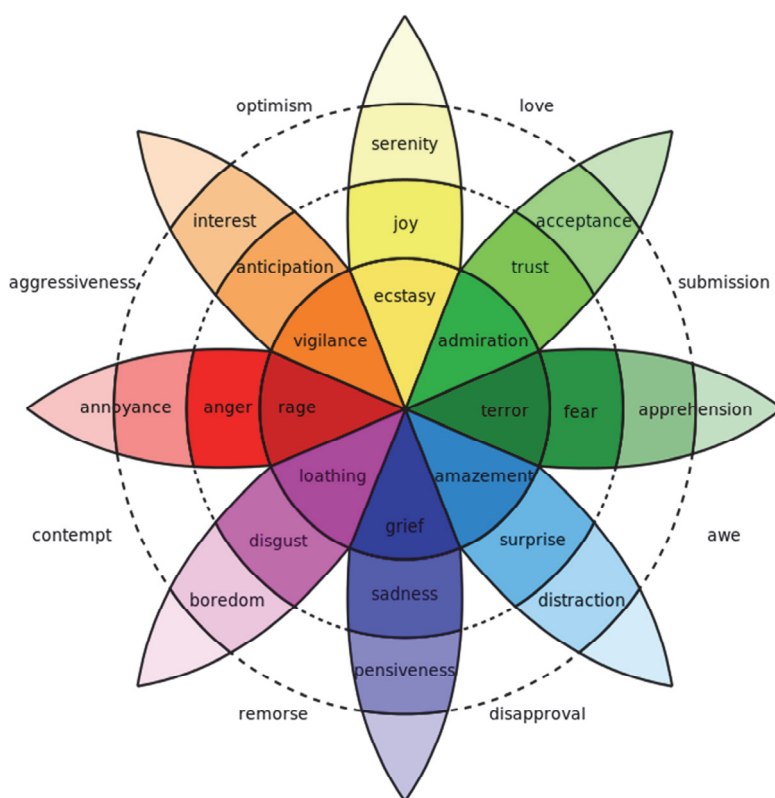

Figure 5. Plutchik's wheel of emotions

Plutchik's list of basic emotions roughly coincides with Ekman's (1992), although his taxonomy is much more complex than the latter's. Based on the recognition of facial expression, the latter argues in favour of six basic emotions: happiness, surprise, fear, sadness, anger and disgust (which can combine with contempt). In 1999, Ekman reconsidered his own list of basic emotions and expanded it to the following fifteen: amusement, anger, contempt, contentment, disgust, embarrassment, excitement, fear, guilt, pride, relief, sadness, satisfaction, sensory pleasure and shame. Ekman also considers love to be a complex compendium of different emotions, rather than an emotion per se.

The analysis of the statuses reveals that positive emotions (both basic and complex) prevail over negative ones as illustrated by examples (9) and (10) where users express both annoyance and sadness in a purely verbal or iconic way, respectively:

(9) No me da la vida

(10)

Positive emotions like joy or love pervade the statuses, which could be explained according to the Pollyanna hypothesis. According to the Pollyanna Hypothesis, “there is a universal human tendency to use evaluatively positive words (E+) more frequently and diversely than evaluatively negative words (E-) in communicating” (Boucher and Osgood 1969: 1). This also seems to apply to the dimension of positivity in self-presentation, which involves users presenting themselves in a positive light by enhancing their positive qualities, e.g. physical, social, psychological, etc. so as to project a likeable image of themselves rather than the opposite in the eyes of the others (Marwick 2011), as in examples (11) to (13) below:

(11) ✨ *Espíritu happy* ✨ [Happy spirit]

(12) Free

(13) I think I wanna stay alive and see if I can grow.

Positive emotives hence account for 87% of the sample (26 out of 30 tokens) with only two clearly negative emotives (examples 4 and 5 above) and other two which could be considered slightly ambivalent, since users seem to show an optimistic attitude against all odds (e.g. 14) or a fighting one which shows a mix of anger and vigilance (‘aggressiveness’ in Plutchik’s wheel, as in 15):

(14) *Enamorá de la vida aunque a veces duela* [In love with life even if it hurts sometimes]

(15) *En lucha por la tierra* [Fighting for Earth]

Interestingly enough, however, the emotion that prevails is love for another person (usually the couple but also a relative like a son or daughter), which amounts to practically half the occurrences (43% of the tokens). However, telling other people about their love for others is not only a way of “showing” a positive side of the self but also of users implicitly presenting themselves as a socially functional persona (Zhao et al. 2008). Examples (16) to (17) illustrate this case, with user in (17) referring to her newly born baby and user in (18) referring to her one-year old daughter (with whom she also appears in the profile picture):

(16) Utterly in love

(17) *te requete quiero mi muñeco* [I absolutely love you, my doll]

(18) *Siempre juntas* [Always together]

The last aspect of the analysis will focus on the variables of sex and age in the use of emotives as a self-presentation strategy. In this respect, it is interesting to point out that female users clearly outnumber their male counterparts in the expression of emotion to present themselves, with 83% of the tokens being produced by female par-

ticipants as opposed to 17% by the male ones. This tendency seems to reinforce the sociocultural stereotype that “women are more emotional than men”, based not on biological factors but rather on gender socialization (see note 2), as rightly argued by Lalama (2003). Hence, these female users may be expressing emotives so as to play the gender role expected from them. In a similar way, the male participants in the sample rarely express their love for others (except in the case of example (1)). Curiously enough, this participant has also asked for a paternity leave and is socially very conscious of gender equality, which might also have influenced why he chooses to present himself as a lovingly father. The other male participants, however, seem more prone to stick (maybe unconsciously) to the sociocultural gender stereotype, expressing aggression (example 15), pride as in (19) below, where the user refers to his abilities in a video game, or the user can also resort to a purely iconic status like in (20):

- (19) *Orgullo de tron* [Tron¹³'s pride]
 (20) :-)

The question that raises is whether age is as influential as sex in the use of emotive self-presentations in WhatsApp. Prior research has shown that age seems to play a core role in the amount and quality of personal information users may display, with younger users disclosing highly personal information more often on Facebook, blogs, etc. (Bronstein 2014, García-Gómez 2010). Age has also been shown to influence the kind of profile status chosen to be displayed in WhatsApp, with older users resorting to automatically-generated statuses much more often than younger users (Sánchez-Moya and Cruz-Moya 2015b).

As already pointed out (see fig. 1), the age group leading the use of WhatsApp in Spain is the 40-years-old (and those in their mid50s), followed by the groups in their 20s. The group in their 30s comes third and the group whose use of WhatsApp ranks lower is those in their 60s and over 60. This ratio has also been kept as closely as possible in the data-gathering (see table 1). Table 2 presents the different age groups and number of users employing emotives as a self-presentation strategy in the WhatsApp status ($n = 30$). The ratio of users is compared in the final column with the total ratio of the sample according to age group, to observe whether there are any differences with regard to age group in contrast with the total population under scrutiny ($n = 206$).

Table 2

Age and use of emotives in WhatsApp profile status

Age group	№ of users (employing emotives)	Ratio	TOTAL ratio ($n = 206$)
20s	5	16.7%	11.65%
30s	7	23.3%	15.53%
40s	11	36.7%	35.92%
50s	6	20%	25.24%
60s (and +60s)	1	3.3%	11.65%
TOTAL	30	100%	100%

¹³ Tron refers to the homonymous science fiction film of 1982 and has now evolved into a video game.

As shown in Table 2, younger users (especially those in their 20s and 30s) are more prone to perform an emotive speech act as a self-presentation strategy, with a difference of 5 and 7.7 points respectively between their total age group under analysis. This difference barely reaches 1 point (0.78) in the case of 40 year-old users, which shows that age seems to influence users when expressing more deep-seated emotions, with younger users opting to reveal them as a self-presentation strategy more often than older users. This also seems to be more noticeable in the case of the use of emoji, with adults normally being less keen on using them massively. The use of emoji by younger users is illustrated by examples (4) and (5) and (17) to (19) above and by examples (21) to (23) below, where users are all females below their 30s:

(21) ❤️ U 🐧

(22) 💋 💋 💋

Thus, the older the age group, the lower the degree of emotional self-presentation, with the 50-years-old showing a negative difference of more than 5 points in contrast to the total population of their age and the 60s and over 60s simply resorting to automatically-generated statuses rather than to showing their emotions (with a different of -8.35 points). Figure 6 visually summarises the differences between each respective age group and the frequency with which each of them performs an emotive speech act as a self-presentation strategy:

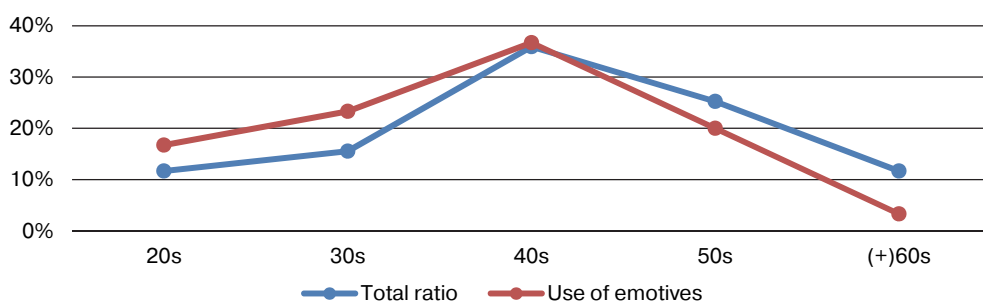

Figure 6. Use of emotive speech acts in relation to age

5. CONCLUSIONS

The present paper has attempted to provide an answer to four research questions, repeated here for the sake of clarity:

- (i) Do WhatsApp users display emotional status (i.e. use emotives) as a self-presentation strategy? If so, to what extent and in what frequency?
- (ii) What are the linguistic realizations to express emotives as a self-presentation strategy?
- (iii) What kind of emotions are expressed by users when presenting themselves in WhatsApp?
- (iv) Do the sociological variables of sex and age play a role in the use of emotives as a type of self-presentation strategy?

This concluding section will hence answer each of them in a summarised way, together with providing some pointers to future research. Thus, with respect to the first research question, the analysis of the results shows that the use of emotives in WhatsApp profile statuses is relatively limited in contrast to other self-presentation strategies like the use of implicature or the use of a default profile automatically generated by the app itself. However, it is still an option favoured on 14.56% of the occasions (30 out of the 206 analysed tokens).

Regarding the second question, emotives can be expressed by purely verbal statuses (e.g. utterly in love), purely iconic ones by means of *emoji* (e.g. 😊) or by hybrid ones combining both text and emoticons. The latter are slightly more frequent, probably due to the fact that they allow for an enhancing of the message by visual means. The use of multimodality also helps to counterbalance the lack of body language present in most digital discourse, also known as disembodiment.

More interesting, however, is the kind of emotions expressed by users when presenting themselves in WhatsApp. It is observed that positive emotions dramatically outnumber negative ones, most likely due to the effect of the Pollyanna hypothesis. Likewise, the emotion that prevails is love, which amounts to practically half the occurrences (43% of the tokens).

Finally, the fourth question focused upon the possible effect of the sociological variables of sex and age in the use of emotives as a type of self-presentation strategy. Results reveal that both variables seem to play a core role, with female users outnumbering male users in the use of emotive speech acts in their WhatsApp profile status, hence helping to strengthen the sociocultural gender stereotype that women are more emotional than men. Age also seems to have its say in the expression of emotions, with younger users (20s and 30s) employing emotives much more frequently than older generations (especially 50s and 60s). This results are in line with previous research, where youngsters were also shown to disclose more personal information than their elder counterparts (cf. Bronstein 2014).

This study has limited itself to the analysis of emotive speech acts as a self-presentation strategy but other strategies (e.g. the use of implicature, humour, etc.) also deserve scholarly attention, especially since they clearly outnumber the expression of personal emotions as self-presentation strategies. In fact, research in progress is tackling this aspect, also in relation to gender (see note 2) and age, as both seem to be crucial variables in how WhatsApp users choose to present themselves to the eyes of others. Furthermore, the study of profile photographs may help to shed some more light on self-presentation, as previous research on Facebook has already shown (e.g. Hum et al. 2011). WhatsApp is indeed “happening” and opens up a research niche in linguistic studies that should not be neglected.

© Carmen Maíz Arévalo, 2018

REFERENCES

- Ahad, Annie D. and Lim, Syamimi M. A. (2014). Convenience or nuisance? The ‘WhatsApp’ dilemma. *Procedia*, 155, 189—196.
- Aharony, Noa (2015). What's App: a social capital perspective. *Online Information Review*, 39 (1), 26—42.

- Anderson, K. E. (2016). Getting acquainted with social networks and apps: WhatsAppening with mobile instant messaging? *Library Hi Tech News*, 33(6), 11—15.
- Altman, I., & Taylor, D. (1973). *Social Penetration: The Development of Interpersonal Relationships*. New York: Holt, Rinehart, & Winston.
- Attrill, Alison (2012). Sharing only parts of me: Selective categorical self-disclosure across Internet arenas. *International Journal of Internet Science*, 7 (1), 55—77.
- Bere, A. (2012). A comparative study of student experiences of ubiquitous learning via mobile devices and learner management systems at a South African university. *Proceedings of the 14th Annual Conference on World Wide Web Applications*. Cape Peninsula University of Technology, <http://www.zaw3.co.za/index.php/ZA-WWW/2012/paper/viewFile/537/160>.
- Boucher, Jerry & Osgood, Charles E. (1969). The Pollyanna hypothesis. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 8(1), 1—8.
- Bouhnik, D., & Deshen, M. (2014). WhatsApp goes to school: Mobile instant messaging between teachers and students. *Journal of Information Technology Education: Research*, 13, 217—231.
- Bronstein, J. (2012). Blogging motivations for Latin American bloggers: a uses and gratifications approach. In T. Dumova (ed.) *Blogging in the global society*. Hershey, PA: Information Science Reference, 200—215.
- Bronstein, Jenny (2014). Creating possible selves: information disclosure behaviour on social networks. *Information Research* 19(1), 1—14.
- Calero-Vaquera, M. L. & Vígara Tauste, A. (2014). El discurso del WhatsApp: entre el Messenger y el SMS. *Oralia*, 17, 87—116.
- Church, K., & de Oliveira, R. (2013). What's up with WhatsApp?: comparing mobile instant messaging behaviors with traditional SMS. In *Proceedings of the 15th international conference on Human-computer interaction with mobile devices and services*, 352—361.
- da Fonte, R., & Caiado, R. (2014). Práticas discursivas multimodais no WhatsApp: uma análise verbo-visual. *Revista Desenredo* 10(2), 475—487.
- Derks, D., Fischer, A. H., & Bos, A. E. (2008). The role of emotion in computer-mediated communication: A review. *Computers in Human Behavior*, 24(3), 766—785.
- Devi, T. S., & Tevera, S. (2014). Use of social networking site in the University of Swaziland by the health science students: A Case study. *Journal of Information Management*, 1(1), 19—26.
- Ekman, Paul (1992). Are there basic emotions? *Psychological Review* 99 (3): 550—553.
- Ekman, Paul (1999). Basic emotions. In Dalglish, Tim & Mick Power (eds.) *Handbook of Cognition and Emotion*. New York: John Wiley & Sons, 45—60.
- García-Gómez, A. (2010). Disembodiment and cyberspace: Gendered discourses in female teenagers' personal information disclosure. *Discourse & Society* 21(2): 135—160.
- Hum, Noelle J., Perrin E. Chamberlin, Brittany L. Hambright, Anne C. Portwood, Amanda C. Schat and Jennifer L. Bevan (2011). A picture is worth a thousand words: A content analysis of Facebook profile photographs. *Computers in Human Behavior* 27(5), 1828—1833.
- Kim, Jinsuk and Kathryn Dindia (2011). Online self-disclosure: A review of research. In: Kevin B. Wright and Lynne M. Webb (eds.), *Computer-mediated Communication in Personal Relationships*. New York: Peter Lang, 156—180.
- Lalama, Christina (2004). Are women more emotional than men? *Making Waves* 2, 39—42.
- Maniar, A., & Modi, A. (2014). Educating WhatsApp generation through WhatsApp. *ZENITH International Journal of Multidisciplinary Research* 4(8), 23—38.
- Marwick, Alice E. (2011). I tweet honestly, I tweet passionately: Twitter users, context collapse, and the imagined audience. *New Media and Society* 13(1), 114—133.

- Montag, C., Błaszkiwicz, K., Sariyska, R., Lachmann, B., Andone, I., Trendafilov, B., & Markowetz, A. (2015). Smartphone usage in the 21st century: who is active on WhatsApp? *Biomed Central research notes*, 8(1), 331. [Available at <https://bmcrsnotes.biomedcentral.com/articles/10.1186/s13104-015-1280-z#Bib1>, accessed 7th May 2017].
- O'Hara, K., Massimi, M., Harper, R., Rubens, S., & Morris, J. (2014). Everyday dwelling with WhatsApp. *Proceedings of the 17th ACM conference on Computer supported cooperative work & social computing*. ACM, Baltimore, MD, USA, 1131—1142.
- Papacharissi, Z. (ed.) (2011). *A networked self: Identity, community, and culture on social network sites*. London: Routledge.
- Plana, M. G.-C., Escofet, M. G., Figueras, I. T., Gimeno, A., Appel, C., & Hopkins, J. (2013). Improving learners' reading skills through instant short messages: a sample study using WhatsApp. *Proceeding of WorldCall 2013-Call: Sustainability and Computer-Assisted Language Learning*. University of Ulster, Glasgow, 80—84.
- Plutchik, Robert (1997). The circumplex as a general model of the structure of emotions and personality. In Plutchik, Robert and H. R Conte (eds.) *Circumplex models of personality and emotions*. Washington, DC, US: American Psychological Association, 17—45.
- Sánchez-Moya, A. & Cruz-Moya, O. (2015a). “Hey there! I am using WhatsApp”: A Preliminary Study of Recurrent Discursive Realisations in a Corpus of WhatsApp Statuses. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 212: 52—60.
- Sánchez-Moya, A., & Cruz-Moya, O. (2015b). Whatsapp, textese, and moral panics: discourse features and habits across two generations. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 173, 300—306.
- Soliman, D. A., & Salem, M. S. (2014). Investigating intention to use mobile instant messenger: The influence of socialibility, self-expressiveness, and enjoyment. *The Journal of American Academy of Business*, 19 (2), 286—293.
- Sultan, A. J. (2014). Addiction to mobile text messaging applications is nothing to “lol” about. *The Social Science Journal*, 51(1): 57—69.
- Van Dijck, Teun (2013). ‘You have one identity’: performing the self on Facebook and LinkedIn. *Media, Culture & Society*, 35(2), 199—215.
- Vela Delfa, C. V., & Cantamutto, L. (2016). De participante a observador: el método etnográfico en el análisis de las interacciones digitales de WhatsApp. *Tonos Digital*, 31, 1—22.
- Yang, C. C., & Brown, B. B. (2015). Online self-presentation on Facebook and self-development during the college transition. *Journal of youth and adolescence*, 45(2), 402—416.
- Yeboah, J., & Ewur, G.D. (2014). The impact of whatsapp messenger usage on students' performance in Tertiary Institutions in Ghana. *Journal of Education and Practice*, 5(6), 157—164.
- Yus, Francisco (2017). Contextual constraints and non-propositional effects in WhatsApp communication. *Journal of Pragmatics*, 114, 66—86.
- Zhao, Shanyang, Sherri Grasmuck, and Jason Martin (2008). Identity construction on Facebook: Digital empowerment in anchored relationships. *Computers in Human Behavior*, 24(5), 1816—1836.

Article history:

Received: 17 August 2017

Revised: 12 September 2017

Accepted: 15 September 2017

For citation:

Maíz Arévalo, Carmen (2018). Emotional Self-presentation on WhatsApp: Analysis of the Profile Status. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 144—160. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-144-160.

Bionote:

CARMEN MAÍZ-ARÉVALO is a professor of Pragmatics and English at the Department of English Language and Linguistics of Complutense University of Madrid, having obtained her PhD in English Linguistics in 2001. Her fields of interest are mainly pragmatics and intercultural pragmatics; more specifically, speech act theory and verbal (im)politeness in computer-mediated communication. Her most recent publications include articles published in *Computer Assisted Language Learning* (2017); the *Journal of Politeness Research* (2015), or the *Journal of Pragmatics* (2013 and 2012). She also acts as a reviewer for different journals such as the *Journal of Pragmatics*, *GIST*, *Sage Open*, or *Modern Languages Journal*. Contact information: e-mail: cmaizare@filol.ucm.es

FINANCE AND ACKNOWLEDGEMENTS:

This paper is part of the research project EMO-FUNDETT (Emotion and language at work: The discursive emotive/evaluative FUNction in DiffereNt Texts and work conTexts), with reference FFI2013-47792-C2-1-P. This project is financed by the Spanish Ministry of Economy and Competition.

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-144-160

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ В WHATSAPP: АНАЛИЗ СТАТУСА ПРОФИЛЯ

Кармен Маис-Аревало

Мадридский университет Комплутенсе
Av. Séneca, 2, 28040 Madrid, Испания

Самопрезентацию можно определить как процесс передачи собственного имиджа другим (Yang and Brown, 2015: 404). Она составляет важную часть коммуникации и активно изучается исследователями как в сфере непосредственного межличностного, так и он-лайн общения. Однако основные исследования он-лайн самопрезентации базируются на материале социальных сетей, блогов, чатов и т.д., в то время как другим способам коммуникации, например WhatsApp, уделяется меньше внимания, несмотря на их возрастающее влияние. Цель данного исследования — восстановить баланс путем анализа самопрезентации на WhatsApp, в особенности ее эмоциональной составляющей в профиле статуса. Для достижения этой цели был проанализирован корпус из 206 статусов WhatsApp на испанском языке. Результаты показывают, что существуют определенные шаблоны, различающиеся в зависимости от пола и возраста и играющие важную роль в выборе эмоций, которые пользователи решают показать в профиле статуса.

Ключевые слова: *самопрезентация, эмоции, WhatsApp, испанский язык*

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 17 августа 2017

Дата принятия к печати: 15 сентября 2017

Для цитирования:

Maíz Arévalo, Carmen (2018). Emotional Self-presentation on WhatsApp: Analysis of the Profile Status. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 144—160. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-144-160.

Сведения об авторе:

КАРМЕН МАИС-АРЕВАЛО — профессор прагматики и английского языка кафедры английского языка и лингвистики Мадридского университета Комплутенсе. Защитила докторскую диссертацию по английской лингвистике (2001 г.). Сфера ее основных интересов — прагматика и межкультурная прагматика, в частности, теория речевых актов и вербальная (не)вежливость в компьютерной коммуникации. Последние публикации представлены статьями, опубликованными в журналах *Computer Assisted Language Learning* (2017); *The Journal of Politeness Research* (2015), *The Journal of Pragmatics* (2013, 2012). Она также является рецензентом таких журналов, как *GIST*, *The Journal of Pragmatics*, *Sage Open*, *Modern Languages Journal*. Контактная информация: e-mail: cmaizare@filol.ucm.es

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ:

Статья является частью исследовательского проекта ЕМО-FUNDETT (Эмоции и язык в действии: эмотивная оценка функций разных текстов и рабочих контекстов) за номером FFI2013-47792-C2-1-P. Этот проект финансируется Министерством экономики и конкуренции Испании.

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-161-174

FUSTIGATION IMPOLITENESS, EMOTIONS AND EXTIMACY IN ARGENTINE MEDIA CELEBRITIES

Silvia Kaul de Marlangeon

Universidad Nacional de Río Cuarto
X5804BYA Río Cuarto, Córdoba, Argentina

Abstract

The aim of this paper is to examine the connection among fustigation impoliteness — a type of impoliteness within Kaul de Marlangeon's (2005, 2008) and Kaul de Marlangeon & Alba-Juez (2012) taxonomy of impolite acts, emotions and extimacy, focusing on Argentine media celebrities of the Río de la Plata cultural context. This article highlights the phenomenon of speaker's or hearer's extimacy as a volitional form within an aggressive relationship, used for the promotion of the speaker's ego through media exhibitionism that enlarges one's own and others' intimacy and sharing with the public. Within a pragmatic sociocultural approach, this work intends, on the one hand, to investigate fustigation impoliteness as a usual practice of violent public interactions of media celebrities, and on the other hand to consider when such expressions are due to the extimacy of the speaker or to that attributed to or imposed on the hearer or on a third party by the speaker.

Keywords: *fustigation impoliteness, emotions, speaker's extimacy, extimacy imposed on the hearer*

1. INTRODUCTION

According to Lipovetsky (2002), at a global level, it can be argued that there is a shock of cultural traditions on the individual and society as a whole, in an era of mass consumption.

Postmodern society is characterized by a hedonistic individualism whose principal feature is an exacerbated narcissism.

This is a process of personalizing as a global strategy, that is to say, the individual searches and manages his or her identity and particular characteristics and interests. This attrition of social identities and the rapid destabilization of personalities pull people from conventional and traditional forms of social order. New social legitimacies of hedonist desires provide a distinctive meaning to the free development on individual's intimate personality.

Individuals feel the need to express publicly their intimate experiences. Whatever the nature of the message emitted, the act of communicating is imposed over of the content transmitted for the main purpose of enhancing the individual's public and social face.

With the fast-paced globalization of consumers found today (Bauman, 2007), broader areas of human conduct have been relieved from current social regulations. In this de-regulated and privatized setting, individuals establish the limits of their individual responsibility and assume the responsibility for choices and their consequences. Bauman remembers Bourdieu who pointed out that in the latter part of the twentieth century,

obligatory patterns of behaviors had been replaced by stimulation and seduction, and the arousal of new needs and desires.

Additionally, virtual communication makes interaction more superficial, more intense and often aggressive. Such mass aggressive behaviors reveal the desire of individuals to convey their own intimate experience, without any particular constraints and without the use of coercive controls over freedom of expression.

Furthermore, trivialization of swearing occurs with the consequent loss of the infringing intensity and the mitigation of the offenses that they previously presented. New codes of conduct are followed among social actors, different from those of modernity, during which private life was perceived as a safe space for the free and full development of one's personality and individual freedom. These new codes of behavior are frequently exhibited by a direct verbal violence through *fustigation impoliteness* — a type of impoliteness within Kaul de Marlangeon's (2005—2008) and Kaul de Marlangeon & Alba-Juez (2012a) taxonomy of impolite acts.

Social tolerance towards these new modes of communication is increasing, but, simultaneously and contradictorily, a lack of trust among individuals is promoted as well. This mistrust that becomes *mutual prevention*, that is to say, a mutually defensive suspicious attitude, is another ingredient of the impolite behavior (Kaul de Marlangeon, 2010).

The aim of this paper is to examine the connection among fustigation impoliteness, emotions and extimacy, focusing on Argentine media celebrities of the Río de la Plata context of culture. This article highlights the phenomenon of speaker's or hearer's extimacy as a volitional form inside of an aggressive relationship, used for the speaker's ego promotion through media exhibitionism that enlarges one's own and other's intimacy and sharing with the public.

In connection with the aim of this paper, on the one hand, it is important to analyze fustigation impoliteness, as habitual practice in violent public demonstrations of media celebrities and their impacts on commentators social networking in the cyber-society of the Río de la Plata cultural context. On the other hand, it has been considered necessary to analyze how such public demonstrations emerging from public and private conflicts and exhibiting negative emotions are due to the extimacy of the speaker or to that attributed or imposed by the speaker on the hearer.

This work necessarily adopts a pragmatic-socio-cultural framework (Bravo, 2009) to describe the situated use of communicative linguistic resources within their specific socio-cultural context, because this approach considers the socio-cultural variability of the communicative situation and enables the analyst to identify the shared knowledge within the speaking community itself. Furthermore, the emotions involved in the impolite acts are also associated with their respective socio-cultural and situational contexts.

The following sections 2, 3, 4 and 5 present the theoretical framework: a summary of fustigation impoliteness; the significant correlation between negative emotions and fustigation impoliteness; the extimacy of the speaker and, above all, the issue of the extimacy attributed to or imposed on the hearer or on a third party by the speaker. The remaining Sections contain the corpus and methodology, the textual materials, the analysis and conclusions.

2. FUSTIGATION IMPOLITENESS

From a socio-cultural point of view, I described what I call fustigation impoliteness, metaphorically speaking as whipping somebody (Kaul de Marlangeon, 2005—2008 and Kaul de Marlangeon & Alba-Juez, 2012a). This kind of impoliteness is shown as verbal aggression from speaker to hearer, consisting of voluntary and strategic behavior intended to damage the hearer’s face with the purpose of confronting a challenging situation, or of becoming involved with it. These acts of fustigation impoliteness tend to secure confrontation in discourse because they are intended for offending, lambasting, belittling, humiliating, exasperating, denigrating or even, cancelling the hearer. For this reason they tend to be on record.

Fustigation impoliteness as a type of impoliteness act recognizes two essential motivations: *refractoriness* and *exacerbated affiliation*.

Each one of these motivations can be seen from two perspectives: one defensive and the other, offensive.

— If the impolite speaker is a follower of the group, he attacks the hearer when he perceives in the hearer attitudes ranging from great autonomy with respect to the group to opposition to it. There is simultaneously, on the part of the speaker, defense of the values of the group and rejection of those that oppose the group.

— If the impolite speaker is refractory to the group, he attacks the hearer when he perceives in the hearer affiliation to the group. There is simultaneously, on the part of the speaker, a primary attack to the values of the group and an implicit defense of the values of his own group.

Refractoriness is defined as the exacerbated autonomy of considering oneself and being considered by the others as an opponent to the group; whereas, exacerbated affiliation involves seeing oneself and being seen by others as a part of the group, with the right to choose impoliteness in its defense.

Table 1 summarizes the definition of fustigation impoliteness.

Table 1

**Epitome of refractoriness and exacerbated affiliation,
the two categories of fustigation impoliteness**

Fustigation Impoliteness (determined by individual and variable socio-cultural factors)	
refractoriness	The individual perceives himself and is perceived by others as an opponent of the group.
exacerbated affiliation	The individual perceives himself and is perceived by others as a follower of the group.

3. EMOTIONS

From the very beginning, politeness study as well as impoliteness study were included in the emotional communication domain (Brown y Levinson, [1978]1987; Arndt y Janney, 1985; Kaul de Marlangeon, 1995, *inter alia*); it is natural that emotions have been closely associated to matters of (im)politeness behaviors. In the field of impoliteness, a number of negative emotions are directly interlinked as productive factors in introducing aggressiveness in social relations.

Negative emotions are characterized by producing an unpleasant experience. These individual patterns of expressive behavior are basically anger, fear, disgust and sadness (Piqueras *et al.* 2010). Negative emotions also include social emotions that acquire meaning in relation to other individuals, such as jealousy and envy (Chóliz y Gómez, 2002).

Fustigation impoliteness as a phenomenon experiences the greatest degree of emotional intensity. According to Andries (2011:30), emotion intensity refers to the force with which an emotional state is experienced.

In fustigation impoliteness there is a correlation between the high intensity of the degree of injury that the hearer receives and the higher emotional intensity of the speaker shown by certain indicators such as intonation and negative emotional expressions (Kaul de Marlangeon, 2017). Other non-verbal signs (facial expressions and body language) are beyond the scope of this paper. With regard to the hearer, his emotional expression will depend on his subjective evaluation of the speaker's act, on his self-control, and his individual emotional sensitivity.

Fustigation impoliteness can be presented as anger or rage on the part of the speaker, and for this reason, it channels emotions as discursive constructions according to a particular sociocultural context.

4. SPEAKER'S EXTIMACY

Extimacy is a term coined by Lacan and collected by Tisseron with its own specific meaning.

Tisseron (2011) claims that intimacy is essential to human life, but it is incessantly affected by the wish for extimacy or the process that repositions some elements of intimate human lives into the public domain so as to have a feedback of their value. In extimacy, private actions and behaviors are taken out of the protected space of intimacy and exposed openly to the audience quite naturally in a new type of society, called "confessional" by Bauman.

Ehrenberg (quoted by Bauman, 2012: 254), an analyst of the complex history of the modern individual, tried to locate the birth date of the late-modern cultural revolution that guided us in the liquid-modern world in which we live. Ehrenberg chose an autumnal Wednesday evening in the 1980's, on which Vivienne, an ordinary French woman, declared during a TV talk show that she had never experienced an orgasm during her marital life because her husband was afflicted with premature ejaculation.

Bauman makes clear what was revolutionary in Vivienne's declaration to justify Ehrenberg's choice: private acts being revealed and talked about in public and the use of the public arena to vent about a matter of scrupulously private significance. These two connected aspects legitimized the public use of the language developed for private conversations. According to Bauman, this is the beginning of the modern confessional society.

Tisseron (2011) argues that intimacy contributes at the same time to the development of self-esteem, to the establishment of a richer intimacy, and to the creation of additional social ties, but it differs from both exhibitionism and conformism. For his part, Bauman claims that the advent of the confessional society signals the pyrrhic triumph of privacy and its fall. Privacy has invaded and colonized the public realm, but at the expense of losing its right to confidentiality.

In this paper, I address the *extimacy of the speaker* understood as the process by which an individual exposes fragments of his / her inner being to others (interlocutor and network commentators), in order to be validated by them.

I would like to make clear that in this paper I only deal with the issue of the extimacy of the speaker to promote his/her ego or self-praise as a global personalization strategy looking for a hedonistic individualism and for a need of self-image. Conversely for Tisseron, extimacy of the speaker, the concept here developed, should not be understood as a capacity for empathy, it is a need for exhibitionism; this need emerges because of the nature of the antagonistic tenor of relationships in which the protagonists are engaged.

5. EXTIMACY ATTRIBUTED TO OR IMPOSED ON THE HEARER OR ON A THIRD PARTY BY THE SPEAKER

In my definition, *extimacy attributed to or imposed on the hearer or on a third party by the speaker*, is a phenomenon understood as a process by which the speaker reveals to others, that is to say, the large audience of the general public, or the audience of the cyber public, fragments of his/ her interlocutor’s personal life or fragments of a third party’s personal life that the speaker attributes to the interlocutor or to a third party or imposes on them for the purpose of causing damage and discrediting them. In this way the speaker confronts the interlocutor facing an unwanted exposure in the area of private or family life and the reduction of his/ her personal public self image or personality.

A detailed review of the data allows me to apply this concept to impoliteness theory within fustigation impoliteness through refractoriness or exacerbated affiliation, as shown in the following Table 2.

Table 2

Ways in which extimacy can be attributed or imposed

Extimacy attributed to or imposed on the hearer or a third party by the speaker			
attributed to an interlocutor	when the speaker treats publicly and without offering any proof, private matters regarding his / her interlocutor, and as a consequence, the speaker hurts the interlocutor and falls this one into disrepute	imposed on an interlocutor	when the speaker reveals to the public personal information concerning his / her interlocutor, who perceives that fact, on one hand, as an unwanted intrusion into his / her private life, and on the other, as a will of the speaker of hurting him/ her and of falling them into disrepute
attributed to a third party	when the speaker treats publicly and without offering any proof, private matters regarding the third party involved, and as a consequence, the speaker hurts and falls that third party into disrepute	imposed on a third party	when the speaker reveals to the public personal information concerning the third party involved, and this one perceives that fact, on one hand, as an unwanted intrusion into his / her private life, and on the other, as a will of the speaker of hurting him/ her and of falling him/ her into disrepute

6. CORPUS AND METHODOLOGY

The textual materials selected for this monolingual study were collected within a *diatopic* variety (Coseriú, 1981) of Spanish language, the Río de la Plata variety, spoken in Argentina, and within the same particular sociocultural group, Argentine media celebrities.

The corpus has been picked up *verbatim* from intense public interactions of media celebrities and from the subsequent public comments of social networking sites, from 2014 until now. These data are used for the purpose of addressing the relationship between impoliteness and the emotions present in these comments.

The methodological frame of sociocultural pragmatics enables the study to proceed inductively, and can be used to examine social interactions through the use of language as intentional behavior. I analyze and describe human conduct developed linguistically into the texts, as a product of discursive activity; it is known that the text is inseparable from the total context of situation and culture, especially the nature of the relationships involved.

I assume an *emic* description which enables considering individual behaviors not as external events, but as their personal perspective of social actors.

From a methodological point of view, the assessments of network commentators provide the necessary data for the apprehension of the speaker's spontaneous reality in their social context and the apprehension of *cultural premises* (Bravo, 1999), that is to say, the shared and consensual information about interpersonal relationships available in the communicative situation. Such data guide the analyst in a *spontaneous consultation process* (Kaul de Marlangeon, 2012b) that confirms or rectifies the *introspective analysis* (Fraser, 1994; Bravo, 2009) previously done.

7. TEXTUAL MATERIALS

- (1) El 21 de octubre de 2016, Moria Casán, actriz y ex vedette de 70 años y su hija, Sofía Gala, actriz, de 29 años, asisten al programa televisivo *Intrusos* para ser entrevistadas. En el curso del programa Moria espeta a Sofía:
— “Te gustan las minas, me dijiste: ‘¿dónde están las brasileñas que me las quiero agarrar?’. Estás *re homo flair*, nena, ¡besándote en la boca con tus chicas!” Moria enfatiza: “Ésta se besa en la boca con las amigas delante del marido”.
Frente a la incomodidad de la situación, ruborizada y entre risas, responde Sofía:
— “¡No tengo nada para decir!” y aclara: “Siempre me han gustado mujeres, pero jamás me enamoré de una. Me gusta besar a las mujeres”.
Luego de lo cual las dos mujeres entablan una tensa discusión.
Fuente: Teleshow

On 21 October 2016, Moria Casan, an 70-year old, actress and former showgirl, and her daughter, Sofía Gala, 29-year old actress, attend the television program Intrusos to be interviewed.

During the live program Moria asked Sofía:

— “*You like women, you told me. Where are the Brazilian women because I want to trap them.*”

“*You are very Lesbian, babe, kissing your girls on the mouth.*” Moria emphasizes: “*She kisses on the mouth with her girlfriends in front of her husband.*”

Faced with the uncomfortable situation and flushed look of the face with laughter, Sofia replies:

— “I have nothing to say” and she clarifies: “I have always liked women, but never I fell in love with someone. I like to kiss women.”

Then the two women start a tense discussion.

Source: Teleshov.

Some network comments:

que duo estas jaja quiero ser amiga de sofia así nos enfiestamos todas
what a pair (laugher) I want to be Sofia's friend, so can all have fun

la vieja reputa, falopera, ladrona
the old whore addict shoplifter

PARA SER TAN REPUTAS Y RELAJADAS NO TUBIERON QUE ESTUDIAR LAS
COGIERON TANTOS MILES DE MACHOS QUE YA PUDEN HABLAR DE PUTA
A PUTA* SIN ACORDARSE QUE SON MADRE E HIJA*

To be so whored and relaxed that they didn't have to study, they fucked so many thousands of guys that they presently can now speak whore to whore without remembering that they are mother and daughter

- (2) En una sucesión de confesiones mediáticas a corazón abierto, Fabián Cubero, futbolista, confirmó su separación de Nicole Neumann, modelo. El futbolista habló de la difícil situación que atraviesa y cómo está lidiando con la crisis para resguardar a las tres hijas.

Con la modelo de viaje por Europa (y envuelta en un escandaloso rumor sobre un tercero en discordia instalado en Italia), Cubero reveló que hace tiempo que no tiene sexo con Nicole.

“Yo le decía, tengo ganas de acariciarte, de darte un beso... y eso me fue desgastando”, confesó en el programa televisivo *Los Ángeles de la Mañana*. “Tema de intimidad, hace rato que no tenemos porque ella tiene la cabeza en otra cosa. Yo quería y ella no”, aseveró.

Fuente: Rating Cero.com 09/05/2017

In a series of media openhearted confessions, Fabian Cubero, professional footballer, confirmed his separation from Nicole Neumann, fashion model. The footballer spoke on the current difficult situation and how he is dealing with the crisis to protect his three daughters.

With his ex-wife travelling through Europe and involved in a scandalous rumor of another man that lives in Italy, Cubero revealed that for some time he had not had sex with Nicole.

“I told her, I want to caress you and give you a kiss... and that deteriorates the relation” he confessed in the television programme “Los ángeles de la mañana”. “It has been a while since we have been intimate because she has other things in mind. I wanted to have sex and she did not”, he said.

Source: Rating Cero.com 09/05/2017

Some network comments:

Y PENSAR QUE ESTA RUBIA LA NINGUNEABA A PAMPITA!!! MIRANDO LA PAJA EN EL OJO AJENO Y HACIENDO CASO OMISO A LA VIGA EN SU OJO. CUBERO SOS DIVINO...TODO PASA Y ESTO PASARA TAMBIENJ

And to think that this blond underestimated Pampita !!! (another fashion model with matrimonial problems). It's the pot calling the kettle black! Cubero, you are divine... anything goes and this too will pass!

Que sincero, toda la suerte, en poco tiempo etapa superada sos un grande como persona,
NO TE MERECE

How sincere he is, all the best!, in a short period of time, this stage will be overcome; you are a great person, she does not deserve you.

Nunca me gusto esta tipilla fria! y el tampoco un cornu.. todo vuelve
I have never liked this cold girl nor him, a cuckold ...it all starts again

Pobre Cubero, re cornudo! Alta yegua resultó ser @nikitaneumann
Poor Cubero, super cuckold. She proved to be a great mare.

- (3) El ex candidato presidencial, Daniel Scioli, dijo esta noche en televisión que Gisela Berger “está embarazada” y que será “papá a los 60 años”. Pero un rato después la propia modelo, completamente indignada, afirmó que el ex gobernador le había pedido que se hiciera “un aborto”.

“Ahora quiere formar la familia perfecta ... pero quería que me haga un aborto. A-BOR-TO”, afirmó Gisela Berger y agregó: “Cuando me entero de que estoy embarazada y se lo digo, su reacción fue, ‘No. Esto es una cagada, esto es una cagada. ¿No hay algo para hacer?’”.

“No puedo creer esto. Desde que pasó lo que pasó con Sofía Clérici, él no me llamó más. Apenas me pidió perdón y obviamente trató de componer la situación y no tirar todo lo que habíamos construido hasta el momento”, afirmó la modelo.

Aseguró que Scioli dijo específicamente la palabra “aborto”: “En tres meses hablando del tema se nombró todos los sinónimos que te puedas imaginar, incluida esa. El primero es, ‘¿y no hay algo para tomar para hacer que esto baje? Así arranca”.

Fuente: Clarín espectáculos 10/05/17

The former governor and a presidential candidate, Daniel Scioli, said on television tonight that “she, (Gisela Berger, his girlfriend, a fashion model of 27 years of age) was pregnant” and “he will be a father at age 60”. But, minutes later, showing her indignation, the fashion model said that the former governor had asked her “to have an abortion”.

“Now he wants to start a perfect family... but before he wanted me to have an abortion. A-BOR-TION”, alleged Gisela Berger. She adds: “when I found out that I was pregnant I told him, but his reaction was ‘No, this is shit, this is shit, is there something to do?’”

“I don’t believe this. After everything that happened with Sofía Clérici (a recent lover of the former governor), he doesn’t call me. He barely apologized. Obviously, he tried to repair the situation and not undermine all we had built together up until now”, the model said.

She reaffirmed Scioli specifically said the word “abortion”: “This has been a topic of discussion for three months and he searched for all the synonyms that one can imagine, including that. The first was ‘Isn’t there something to drink to end this? And so on”.

Source: Clarín espectáculos 10/05/17

Some network comments:

Sinvergüenzas cinicos y muy mentirosos. Mientras esta srta viajaba con plata del pueblo no se quejaba. Estar al lado de ese sujeto ya dice mucho de ella. Yo no apoyo el aborto.

Conmen, cynics and liars. While this young lady traveled with the people's money, she did not complain. To be on that man's side, it says a lot about her. I don't support the abortion.

ESTE ES MALTRATADOR, SE PUEDE VER EN KARINA CUANDO HACÍA UNA NOTA, SIEMPRE MUY MESURADA AL RESPONDER, CON MIEDO.

This is a violent abuser, this can be clearly seen in Karina (his ex-wife) when she replied to a request, she replied in a measured way, with fear.

UN COBARDE!!! DEBERIA DENUNCIARLO ESTA CHICA POR PEDIRLE ABORTAR, ES UN DELITO!!!

He is a coward!!! That girl should denounce him for asking her to abort.

Esta basura de persona estuvo cerca de ser presidente, con que satisfacción puedo decir que jamas le puse un solo voto.

This person is trash and he came close to being the President; how it pleased me to say that I have never voted for him.

- (4) Barby Franco (26), modelo y bailarina en un espectáculo teatral, reveló el motivo de la separación de Fernando Burlando (52), abogado mediático, con quien estuvo en pareja durante cinco años. La modelo contó que parte de la crisis fue porque el abogado quería mantener relaciones sexuales todos los días.

“En cinco años de relación, lo normal para nosotros era cinco veces a la semana. ¡Un montón!”, explicó Barby este lunes en *Intrusos*. “En el verano estaba muy cansada, me dolía todo el cuerpo, a veces teníamos tres funciones. Él quería seguir ese ritmo y hacerlo todos los días, lo hacíamos tres veces por semana, y a veces discutíamos por eso”.

Fuente: *Ratingcero.com* 19/06/16

Barby Franco, (26) a fashion model and a dancer in a theatre show, revealed the reasons for the separation from her partner, Fernando Burlando (52), a media lawyer, with whom she was in union for five years. The fashion model said that much of the crisis was because the lawyer wanted to have sexual relations every day.

“For five years of relations, it was normal for us five times a week. A lot!!! She explained this Monday in Intrusos (a television programme). In the summer I was really tired, my whole body afflicted me, every so often we (the cast of dancers) had three functions. But he wanted to keep that pace and to do so every day. We had sexual activities three times a week, and sometimes we fight about it”.

Source: *Ratingcero.com* 19/06/16

Some network comments:

Me pregunto si volverá a la villa 31 de donde vino?

I wonder whether she will return to “Villa 31” (a slum), the place where she came from.

Se le acabo el lujo a buscar otro porque trabajo no.

Luxury run out, she should look for a new one, because she does not want to work.

Que lastima me gustaba la pareja

What a pity! I liked this couple...

(5) Fragmento de la pelea radial entre Beto Casella y Luis Ventura:

C: Vas a terminar en cana. No podés caminar por la calle. Sos un alcahuete.

V: Te voy a volar esa peluca. Vos no me hacés ni cosquillas.

C: Me cago en vos Ventura. Vení a tirarme del pelo. ¿Qué tiene que ver la peluca? ¿Tan pobre de argumentos sos? A mí me chupás un huevo.

V: Guarda, a ver si te salta el stent...

C: Vos sos una porquería. Alguien te tiene que poner freno. Vos apretás a todo el mundo. Hacele un favor al periodismo, retirate!

Fuente: Ciudad.com 05/05/14

Fragment of radio fight between Beto Casella and Luis Ventura (both well known television and radio journalists):

C: You will go to jail. You cannot even walk the street. You are a gossip.

V: I will remove your wig. Don't make me laugh.

C: Screw you, Ventura. Come pull my hair. What does a wig have to do with it? Is your argument really so weak. Suck an egg.

V: Be careful! Check your stent...

C: You are a mess. Someone need to stop you. You press everybody's buttons. Please, do favor journalism a favor: Step down!

Source: Ciudad.com 05/05/14

Luis Antonio Ventura@LuisVenturaSoy

AHH, ME OLVIDABA.... A VOS TAMBIEN PELADO CASELLA... VOS HACES HUMOR CONLOS DEMAS? HOY EMPIEZAN LOS CHISTES DE TU PELUCA...

Oh, I forgot to say ...you too, bald Casella... you joke with the others, today begin the jokes about your wig...

Retweets:

@LuisVenturaSoy hace falta tanta mierda?? Te hace feliz todo eso??? grasadas al por mayor *Is this shit necessary? Does it make you happy? Such vulgarity*

@LuisVenturaSoy vos hablas de todo el mundo...cuando alguien habla de vos, es una basura? *You criticise everyone...when someone speaks about you, is he trash?*

8. ANALYSIS

The texts display a common denominator: they address private matters of media celebrities.

All of the texts show the free development of their personality. In other words, the extimacy of the protagonists and the extimacy attributed to or imposed on the hearer or on a third party by the speaker. Those texts present the following cases: Text (1) and (5), extimacy imposed on the hearer by the speaker; Text (2), Text (3) and Text (4), speaker's extimacy and extimacy attributed to the third party.

This development pursues the pleasure of exhibitionism and indicates the ways of living in postmodern times, that is to say, the dissolution of the limits of privacy. Each text expresses publicly what in the modern society was considered in bad taste: personal and trivial experiences without avoiding any subject.

Also the texts communicate fustigation impoliteness, on *bilateral interactions*, that is to say, interactions characterized by reciprocity in the impolite attitude as is shown

by texts 1 and 5, and on *unilateral actions*, that is to say, the impolite attitude appears as an individual manifestation, as shown by texts 2, 3 and 4.

By means of a language charged with violence, the first two texts exhibit fustigation impoliteness by refractoriness. In text (1), Moria Casan, in a face to face interaction, starts the conflict provocatively by censuring her daughter because Sofia loves women. Casan's refractoriness can be explained as follows: Moria represents a set of values of a certain antagonist group (the modern generation), therefore, she perceives in her daughter (the postmodern generation) affiliation to a group of persons having same sex relationships. On the part of Moria, there is a primary attack to the values of the group represented by Sofia, and, simultaneously, there is an implicit defense of the values of Moria's generational group, probably the biggest group in society. However, above all there is Moria's impulse towards extimacy and an imposed and unwanted extimacy on her daughter. With respect to emotions, Moria displays a high degree of intensity in her negative emotions and exhibits her innermost character without inhibition.

In addition, there is a general social rejection among network comments, expressing emotions such as anger and disgust, through sarcasm, as an offensive weapon to carry out fustigation impoliteness. In fact, commentators react with swearing words towards the inappropriate topic of conversation between mother and daughter, and the premeditated and imposed extimacy over Sofia.

In text (5), each one of the contenders, Ventura and Casella, develops his wish for increasing their own dominance over the other, to achieve higher ratings among their fans. Both contenders appeal directly to fustigation impoliteness by refractoriness and also, each one inflicts on the other an attributed and imposed extimacy, which presents an unwanted intrusion into each one's private life.

The radio fight ends on Twitter, and that introduces the negative comments of the fans. Those comments enable the researcher to reconfirm the retrospective view of the analyst (Kaul de Marlangeon, 2012).

Texts (2), (3) and (4) set out confessions performed by their protagonists with respect to matters affecting their privacy. In those texts, the speaker's extimacy and the extimacy imposed on the hearer or third parties concerned or attributed to them, involve all the protagonists.

Regarding the difference between the preceding texts (1) and (5), on one hand, and texts (2), (3) and (4), on the other, the speaker's extimacy is a self-face work to save his/her own face with the purpose of promoting their personal ego through publicizing his/her intimate relationships. The protagonists expose their problems with their fans in mind. It is quite clear that their comments are intended for exhibiting and promoting segments of their lives and thinking about themselves according to their fans' viewpoints. They realize that they have gained social prominence and a fairly high public profile.

Among commentators of Twitter, there is either an acceptance or a rejection of such expressions. This situation provides the analyst with a spontaneous consultation process to corroborate the nature of those behaviors, which are shocking for a part of society and funny for the other.

In most cases, the commentators employ fustigation impoliteness imbued with negative emotions. As a result, certain celebrities involved end up being injured and others victimized, as one can see in network comments.

In the comments of text (2), Fabian Cubero presents himself as a victim, because many people exhibit positive emotions, such as sympathy or empathy towards him, while some other people show, at most, disgust when Cubero is called *cuckold*. Nicole Neumann, conversely, is criticized, scorned and insulted.

In the comments of text (3), Scioli takes the brunt of the damage and people insult him: *conman*, *cynic*, *liar*, *abuser*, *coward*. So far, he was a politician with Presidential ambitions but, at the present time, his hypocrisy was disclosed to the people who, therefore, do not forgive him for the abortion issue. In his former electoral campaign, Scioli had held an opposite opinion to legalizing abortion.

In text (4) commentators give a negative opinion about Barby Franco, whom they consider a gold digger.

What imposed and attributed extimacy have in common with social media comments is that both are criticisms aimed at discrediting the subject to which they refer. However, they differ in that social media comments make use of preconceived general notions among the audience and for that reason they are effective in achieving their goal. Conversely, imposed and attributed extimacy plant a new concept or communicate a new idea the public had not previously thought of by means of which they gain knowledge of the subject matter in question.

9. CONCLUSIONS

Nowadays, media exhibitionism for ego promotion has a broad spectrum of realization, especially when a big name turns on his/her extimacy or when some celebrity inflicts an imposed and/or attributed extimacy to his/her antagonist.

These two kinds of extimacy activity have different effects on the commentators, especially negative ones that confirm the trend that negative practices and negative emotions are being spread to society as a whole, mainly through fustigation impoliteness.

The dilution phenomenon of the difference between public and private lives is principally due to the fact that celebrities become more and more conscious of the importance attributed to them by network commentators, a new natural environment in the current society. This has transformed their actions, up to the smallest detail, into actions they perform for their fans.

© Silvia Kaul de Marlangeon, 2018

REFERENCES

- Andrieș, A. M. (2011). Positive and Negative Emotions within the Organizational Context. *Global Journal of Human Social Science*, 11 (9) Version 1.0.
- Arndt, H. y Janney, R. (1985). Politeness revisited: cross-modal supportive strategies. *IRAL*. XXIII (4), 281—300.
- Bauman, Z. (2007). *Vida de consumo*. Buenos Aires: Fondo de Cultura Económica.
- Bauman, Z. (2012). *Esto no es un diario*. Buenos Aires: Paidós.
- Bravo, D. (1999). ¿Imagen ‘positiva’ vs. imagen ‘negativa’? Pragmática socio-cultural y componentes de face. *Oralia* 2, 155—184.

- Bravo, D. (2009). Pragmática, sociopragmática y pragmática sociocultural del discurso de la cortesía. Una introducción. Bravo, D., Hernández Flores, N. y Cordisco, A. (Eds.), *Aportes pragmáticos, sociopragmáticos y socioculturales a los estudios de la cortesía en español*. (Vol. 2, pp. 31—68). Buenos Aires: Programa EDICE-Dunken.
- Brown, P. y Levinson, S. C. ([1978] 1987) *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Coseriu, E. (1981) *Lecciones de lingüística general*. Madrid: Gredos.
- Chóliz, M. y Gómez, C. (2002). Emociones sociales: enamoramiento, celos, envidia y empatía. F. Palmero, E.G. Fernández-Abascal, F. Martínez y M. Chóliz (Eds.), *Psicología de la Motivación y Emoción* (pp. 395—418). Madrid: McGrawHill.
- Fraser, B. (1994). Pragmatic Research: Methodological Issues. R.E. Asher y J.M.Y. Simpson (Eds.), *The encyclopedia of language and linguistics. Multilingua*, 18—4, 391—433.
- Kaul de Marlangeon, S. (1995). La Fuerza de Cortesía — Descortesía y sus Estrategias en el Discurso Tanguero de la década del '20. *RASAL*. Año III N° 3, 7—38. www.edice.org/Documentos/SKaul.pdf.
- Kaul de Marlangeon, S. (2005). Descortesía de fustigación por afiliación exacerbada o refractariedad (cap. 11). D. Bravo (Ed.), *Estudios de la (des) cortesía en español. Categorías conceptuales y aplicaciones a corpora orales y escritos*. (Vol. I, pp. 299—318). Buenos Aires: Programa EDICE-Dunken.
- Kaul de Marlangeon, S. (2010). Perspectiva topológica de la descortesía verbal. Comparación entre algunas comunidades de práctica de descortesía del mundo hispanohablante. F. Orletti y L. Mariottini (Eds.), *(Des)cortesía en español. Espacios teóricos y metodológicos para su estudio* (pp. 71—86). Roma: Universidad Roma Tre — Programa EDICE.
- Kaul de Marlangeon, S. and Alba-Juez, L. (2012a). A typology of verbal impoliteness behaviour for the English and Spanish Cultures. *Revista Española de Lingüística Aplicada (RESLA)*, 25, 69—92.
- Kaul de Marlangeon, S. (2012b). Encuadre de aspectos teórico-metodológicos de la descortesía verbal en español. Escamilla Morales, J. y Vega, G.H. (Eds.), *Miradas multidisciplinares a los fenómenos de cortesía y descortesía en el mundo hispánico* (pp. 76—106). Barranquilla-Estocolmo: Universidad del Atlántico — Programa EDICE.
- Kaul de Marlangeon, S. (2017) Tipos de descortesía verbal y emociones en contextos de cultura hispanohablante. *SOPRAG (Pragmática Sociocultural. Revista Internacional sobre Lingüística del Español) DE GRUYTER*, 5(1), 1—23.
- Lipovetsky, G. (2002). *La era del vacío*. Barcelona: Anagrama.
- Piqueras, et al. (2010). Emociones negativas y salud. *Avances en psicología latinoamericana*, (18)1, 33—57.
- Tisseron, S. (2002). *L'intimité surexposée*. Paris: Flammarion.
- Tisseron, S. (2011). Intimité et extimité. *Le Seuil Communications* 88, 83—91.

Article history:

Received: 09 August 2017

Revised: 21 August 2017

Accepted: 28 August 2017

For citation:

Kaul de Marlangeon, Silvia (2018). Fustigation Impoliteness, Emotions and Extimacy in Argentine Media Celebrities. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 161—174. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-161-174.

Bionote:

SILVIA KAUL de MARLANGEON is a Doctor of Linguistics and a full professor at the National University of Río Cuarto, Argentina. Her current research focuses on the analysis of linguistic politeness and impoliteness from a discursive-socio-cultural point of view. Within this field, she has published numerous papers and she has lectured in several countries. In 1995 she provided her particular theoretical approach to (im)politeness. The pioneer character of this work was acknowledged by *Research on Politeness in the Spanish-Speaking World*, Laurence Erlbaum Associates (2007) and *Pragmatics. Cognition, Context & Culture*, Mc Graw Hill (2016). *Contact information: e-mail: SKaul@arnet.com.ar*

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-161-174

НАРОЧИТАЯ НЕВЕЖЛИВОСТЬ, ЭМОЦИИ И ЭКСТИМНОСТЬ В РЕЧИ МЕДИЙНЫХ ЗНАМЕНОСТЕЙ АРГЕНТИНЫ

Сильвия Каул де Марланьон

Национальный университет Рио Куарто
X5804BYA Río Cuarto, Córdoba, Argentina

Целью исследования явилось установление связи между нарочитой невежливостью (тип невежливости, вошедший в классифицицию невежливых речевых актов в работах [Kaul de Marlangeon, 2005, 2008; Kaul de Marlangeon & Alba-Juez, 2012a]), эмоциями и экстимностью на материале дискурса медийных знаменитостей аргентинского региона Рио-де-ла-Плата. Экстимность говорящего или слушающего рассматривается в статье как нарушение норм в условиях агрессивных взаимоотношений. Она используется говорящим для самопродвижения посредством СМИ, что увеличивает степень интимности с собеседником, демонстрируемой на публике. В рамках социокультурного подхода это исследование, с одной стороны, изучает нарочитую невежливость как характерную черту поведения медийных знаменитостей на публике, с другой, ставит задачу рассмотреть, какими типами экстимности оно обусловлено.

Ключевые слова: *нарочитая невежливость; эмоции; медийная личность; экстимность говорящего; экстимность, обращенная на слушающего*

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 09 августа 2017

Дата принятия к печати: 8 августа октября 2017

Для цитирования:

Kaul de Marlangeon, Silvia (2018). Fustigation Impoliteness, Emotions and Extimacy in Argentine Media Celebrities. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 161—174. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-161-174.

Сведения об авторе:

СИЛЬВИЯ КАУЛ ДЕ МАРЛАНЬОН — доктор, профессор Национального университета Рио Куарто, Аргентина. В настоящее время изучает выражение вежливости и невежливости в языке с дискурсивно-социокультурной точки зрения. По данной теме ею опубликовано значительное количество статей и прочитано большое количество лекций в разных странах. В 1995 году автор предложила свой теоретический подход к (не)вежливости. Оригинальность и новизна этого подхода отражены в статьях, которые вошли в тематические сборники *Research on Politeness in the Spanish-Speaking World* (Laurence Erlbaum Associates, 2007) и *Pragmatics. Cognition, Context & Culture* (Mc Graw Hill, 2016). *Контактная информация: e-mail: SKaul@arnet.com.ar*

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-175-194

ДИСКУРСИВНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ КОНЦЕПТОВ ДЕСТРУКТИВНЫХ ЭМОЦИЙ

Я.А. Волкова¹, Н.Н. Панченко²

¹Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, 7

²Волгоградский государственный социально-педагогический университет
400066, Волгоград, Россия, пр. им. В.И. Ленина, 27

Целью данной статьи является выявление изменений в концептуализации деструктивных эмоций, что обусловлено изменениями в их понимании и оценке социумом. В статье рассмотрены такие эмоциональные концепты, как *гнев, ревность, презрение*; выделенные инвариантные значения номинирующих их лексем сопоставлены с их актуализацией в контекстах художественной и публицистической литературы в синхроническом и диахроническом срезах. Исследование вербализации эмоциональных деструктивных концептов позволило авторам выявить их различную вариативность, обусловленную, во-первых, пересечением и взаимопроникновением ассоциативных смыслов в периферийной семантике концептов, и, во-вторых, дискурсивной реализацией их номинантов, отражающей трансформации коннотативных значений. Делается вывод, что модификации коннотативных значений анализируемых лексем обусловлены динамикой и инверсией эмоциональных ценностей, связанных с отношением в социуме к определенным эмоциям, в частности деструктивным, и отражающих сдвиг в ценностных установках языковой личности. Материалом исследования послужили данные толковых и этимологических словарей русского языка, а также Национального корпуса русского языка. Методы исследования включают контекстуальный анализ употребления обозначенных лексем в Национальном корпусе русского языка, сравнительный анализ для выявления изменений в их актуальной семантике и динамики коннотативного значения, не зафиксированной в современных словарях. Исследование развивает положения эмотивной лингвистики, базируется на семантико-когнитивном и дискурсивном подходах к исследованию эмоций, представленных в работах А. Wierzbicka (1999), Н. Tissari (2017), В. Volek (1987), С. Gevaert (2007), Z. Kövecses (1990; 2005), G. Lakoff (1987), З.Д. Поповой и И.А. Стернина (2007), В.И. Шаховского (2006; 2008), Н.А. Красавского (2008), С.Г. Воркачева (2006) и др.

Ключевые слова: эмоция, эмоциональный концепт, деструктивность, номинант эмоции, коннотативное значение, трансформация, ценность

1. ВВЕДЕНИЕ

Изучение эмоций сегодня охватывает множество разнообразных вопросов, затрагивающих системы средств номинации, дескрипции и выражения эмоций, ориентированных на выявление эмотивных смыслов в процессе коммуникации, акцентирующих внимание на сложном характере содержания неоднородных чувств и психо-эмоциональных состояний и т.д. Деструктивные эмоции представляют особый интерес для изучения — исследование их языковой репрезентации и, соответственно, концептуализации является важнейшим этапом развития теории деструктивной коммуникации. Мы относим к деструктивным эмоции ком-

плекса враждебности (*гнев, отвращение, презрение*) (Изард 2000), и их концептуальные квазиэквиваленты (*раздражение, злоба, гнев, ярость, ненависть* и т.п.), а также сложные эмоционально-когнитивные комплексы (например, *месть, зависть, ревность*), стимулирующие и поддерживающие деструктивное поведение в коммуникации.

Цель данной статьи — проанализировать концептуализацию таких деструктивных эмоций, как *гнев, ревность, презрение* и их концептуальных квазиэквивалентов, и проследить изменения и модификации в их понимании и оценке социумом. По сути, в статье ставится задача определить, насколько выделенные инвариантные значения номинирующих данные концепты лексем совпадают с их актуализацией в дискурсивной практике, в контекстах художественной и публицистической литературы в синхроническом и диахроническом срезах.

Исследование семантики номинантов деструктивных эмоций в настоящей работе проводится в два основных этапа. Первый шаг предполагает формирование семантического прототипа эмоционального концепта, определение содержательного минимума его понятийного ядра, а также обращение к предыстории концепта, которая помогает обнаружить трансформации внутренней формы имени концепта и эволюцию его концептуальной семантики. На следующем этапе на основе анализа дискурсивных реализаций имени эмоционального концепта и/или представлений, отраженных в современном обыденном сознании носителей языка, выявляются изменения/вариативность коннотативного шлейфа рассматриваемого концепта эмоции.

В исследовании используются данные толковых и этимологических словарей русского языка, примеры из Национального корпуса русского языка, привлекается эмпирический материал, полученный в ходе опроса респондентов.

Исследование базируется на семантико-когнитивном и дискурсивном подходах к исследованию эмоций, развивает положения одного из актуальных направлений лингвистики — эмотиологии (эмотивной лингвистики), опирается на научные исследования зарубежных и отечественных лингвистов (С. Gevaert, Z. Kövecses, G. Lakoff, Н. Tissari, В. Volek, А. Wierzbicka, К. Изард, С.Г. Воркачев, Н.А. Красавский, Т.В. Ларина, З.Д. Попова и И.А. Стернин, В.И. Шаховский и др.).

2. ДИНАМИКА ДЕСТРУКТИВНЫХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ

2.1. Специфика изучения эмоциональных концептов

Не секрет, что термин «концепт» чрезвычайно популярен в современной когнитивной лингвистике. Вероятно, дефиниция концепта и подходы к его трактовке являются одними из наиболее обсуждаемых вопросов в когнитологии, что свидетельствует о неугасающем интересе в науке к процессу концептуализации человеческого сознанием явлений внешнего и внутреннего мира.

Основные положения теории концептов детально описаны в многочисленных исследованиях (Антология концептов 2007; Воркачев 2016; Карасик 2002; Красавский 2001; Степанов 2001; Попова, Стернин 2007; Телия 1996; Wierzbicka 1999 и т.д.), где под концептом в самом общем смысле принято понимать сложное

ментальное образование, в структуре которого выделяются взаимосвязанные между собой когнитивная, образная и ценностная части. Однако когда речь идет о концептуализации эмоций, принятая в лингвоконцептологии трехступенчатая модель концепта (Карасик 2002) представляется нам недостаточно объемной в силу нескольких причин. В первую очередь, сложность представляет сам объект концептуализации — эмоции. В отличие от большинства реалий окружающего мира «состояния души» характеризуются кластерностью и не имеют семантического эталона — всегда ли можно отличить мимическое выражение гнева, например, от злобы, крайней степени раздражения или ненависти? Очевидно, что мы можем ощутить некоторые физиологические проявления эмоций — например, повышение температуры тела, учащение пульса, повышение кровяного давления у человека в гнев/ярости. Но также очевидно, что этот список далеко не полный, и физиологи могут сказать о физиологии гнева гораздо больше. Наивно-обыденное сознание не может, да и не должно располагать точными физиологическими данными каждого из возможных эмоциональных состояний. Объективные физиологические показатели эмоций составляют лишь вершину айсберга — небольшую часть той общей картины, с которой каждый отдельный кластер эмоций связан в человеческом сознании.

Во-вторых, эмоции и чувства еще не так давно рассматривались как явления, не обладающие концептуальным содержанием и структурой. Основы лингвистического изучения эмоций были заложены проф. В.И. Шаховским и его школой в конце 80-х гг. прошлого века (Шаховский 1987).

В настоящее время при рассмотрении концептов эмоций в целом соблюдается процедура трехступенчатого анализа концепта, однако структурирование эмоциональных концептов имеет свою специфику. Понятийный компонент концепта эмоции традиционно включает анализ словарных дефиниций и этимологическую справку. Дефиниции, предлагаемые в толковых словарях, как правило, определяют одно состояние через другое, что мало дает для понимания того, как исследуемая эмоция концептуализируется в языке. Поэтому при детальном анализе понятийного компонента концепта эмоции необходимо принимать во внимание систему концептуальных метонимий, относящихся к внутренним физиологическим реакциям (физиологические проявления эмоции отображают саму эмоцию) и относящихся к произвольным поведенческим реакциям (произвольное невербальное поведение человека в гнев метонимически обозначает гнев). Образный компонент эмоционального концепта моделируется по следующей схеме: устойчивые выражения, используемые для описания изучаемой эмоции в конкретном языке, систематизируются в классы концептуальных метафор и родственных концептов, т.е. в так называемые концептуальные категории (термин З. Кёвечеса); затем концептуальные категории систематизируются в когнитивные модели, или сценарии, среди которых одна (один), как правило, является прототипом, а остальные — отступлениями от прототипа (Волкова 2014).

При анализе ценностного компонента эмоционального концепта следует учитывать его двойственную природу. С одной стороны, можно говорить об оценке социумом соответствующих эмоциональных проявлений. Применительно к де-

структивным эмоциям можно вести речь о системе отрицательных оценок и отношений к субъекту деструктивного поведения.

С другой стороны, эмоциональные переживания сами по себе являются ценностями: «Ценность эмоций может быть как опосредованной убеждениями человека моральной ценностью, так и непосредственной ценностью, уходящей своими корнями в природную потребность организма в эмоциональном насыщении» (Додонов). Лингвокультурная ценность эмоций опосредована моральными ценностями социума, религиозными воззрениями, культурными традициями. Она проявляется в отношении к эмоциям, что находит выражение в закреплённых социумом правилах проявления конкретных эмоций. Как и другие лингвокультурные ценности, ценность эмоций также подвержена изменениям, которые можно отследить посредством анализа дискурсивного поведения номинантов эмоциональных концептов.

2.2. Гнев

Гнев входит в число универсальных человеческих эмоций. Во многих отношениях гнев представляет собой прототип отрицательной эмоции, он включен в качестве базовой эмоциональной составляющей в структуру таких эмоциональных комплексов, как ненависть, зависть, ревность и др.

Этимология слова *гнев* неясна. В этимологических словарях Н.М. Шанского и М. Фасмера гнев связывается с *гниль*, *гнить*, *гной* (Фасмер 1996; Шанский), что, в целом, отражает связь с неприятным телесным опытом.

Отрицательные характеристики гнева отражены в словарных дефинициях:

- гнев* — чувство сильного возмущения, негодования (Ожегов 1992);
- гнев* — чувство сильного негодования или возмущения, состояние крайнего раздражения или недовольства кем-л., чем-л. (обычно бурно проявляющееся) (НТСС 2000);
- гнев* — чувство сильного возмущения, негодования; состояние раздражения, озлобления (БАС 1954).

Таким образом, мы видим, что в современных толковых словарях содержательный минимум понятия «гнев» включает в себя такие семантические признаки, как ‘возмущение’, ‘негодование’, ‘раздражение’, ‘озлобление’, причем все это маркировано высокой степенью интенсивности. Гнев концептуально и физически связан с понятиями враждебности и агрессии, психологи констатируют, что многие агрессивные действия совершаются в контексте гнева (Изард 2000; Лоренц 1994, 1998).

Традиционная оценка гнева представлена в широко известных афористических высказываниях:

- Гнев* — начало безумия (Цицерон);
- Нет ничего ужаснее гнева* (Менандр);
- Ни одна страсть не помрачает в такой мере ясность суждения, как гнев* (Мишель Монтень) и др.

В них акцентируется разрушительное влияние гнева на сознание человека — гнев делает из людей чудовищ.

В русской лингвокультуре гнев также оценивается как отрицательная эмоция, оказывающая негативное воздействие на поведение субъекта эмоции и его душевное состояние. Ниже приведены примеры контекстов рефлексии, демонстрирующие традиционное отношение к гневу в русской лингвокультуре, включая оценку гнева в православии.

- (1) *С этим явлением ставили в связь развитие психических эпидемий, быстрое возникновение аффективных движений, паники, вспышек гнева, иногда доводящего до убийства* (В. Гиляровский. Психиатрия. 1935).
- (2) *Гнев — маска сумасшествия, пляска бесов, добровольная одержимость, зверские отношения людей друг с другом, драка дикарей* (Арх. Рафаил (Карелин). 2009).
- (3) *Святые Отцы, многими подвигами достигшие безгневия удивительной силы, единодушно свидетельствуют, что ничто так не отгоняет благодать Духа Святого от нашего сердца, как гнев* (Протоиерей Георгий Нейфах. http://www.pravmir.ru/kak-pobedit-gnev/#_ednref1).
- (4) *Гнев — сильный, все пожирющий огонь; он и телу вредит, и душу растлевает, и делает человека неприятным на вид и постыдным* (Св. Иоанн Златоуст).

Устойчивые словосочетания, используемые для описания состояний, связанных с гневом, традиционно группируются в систему концептуальных метафор гнева, которая раскрывает инвариантные признаки и ценность рассматриваемой эмоции в языковом сознании носителей русского языка: *взбелиться, рвать и метать, бесноваться, обезуметь, белены объесться* (поведение человека в гневе сравнивается с поведением безумца), *довести до белого каления, (за)кипеть, накипеть, кипятиться, взрывать(ся), бурлить, вспылить, выпускать пар, вспыхнуть* (гнев приводит к потере контроля, что опасно для окружающих), *показывать зубы/когти, оцетиниться, оскалиться, рычать, шипеть* (поведение человека в гневе сравнивается с поведением зверя, что опасно для окружающих) и т.п.

- (5) *Елизавету Петровну, ее брата Дмитрия Бутурлина и фрейлину Эльмут уличили в сочинении анонимно ходившей по рукам сатиры на придворных Екатерины II, задевавшей и саму императрицу. Екатерина кипела гневом. Дивовых выслали в Москву, а фрейлину, по слухам, и вовсе тайно высекли розгами, удалив затем от двора* (И. Грачева. Диво в Дивове // «Наука и жизнь», 2007).
- (6) *В случае сопротивления чувства гнева и страха нарастают и на пике этих эмоций происходит убийство* (И. Зайчиков. Хулиганское нападение. 2004).
- (7) *Она находилась прямо в фокусе моего накаленного добела гнева* (В. Набоков. Лолита. 1967).

Таким образом, очевидно, что в русской лингвокультуре гнев рассматривается, в первую очередь, как антиценность; открытое выражение гнева осуждается, равно как и агрессивное коммуникативное поведение.

Анализ контекстов употребления лексемы «гнев» позволяет также выделить семантический компонент значения гнева как «оправданного возмущения»: *праведный гнев*.

- (8) *Но Темучин под влиянием чувств, в том числе и таких благородных, как праведный гнев, политических решений не принимал* (Е. Парнов. Третий глаз Шивы. 1985).

Однако уже в древних источниках прослеживается и несколько иное отношение к гневу, а именно к гневу как положительной эмоции. В «Никомаховой этике» Аристотель пишет не только о порочности и вредности гнева, но и о том, что гнев может быть знаком силы и стремления к справедливости.

- (9) *Недостаток, будь то некая «безгневно́сть» или что бы там ни было, осуждают, ибо те, у кого не вызывает гнева то, что следует, считаются глупцами, а также те, кого гнев охватывает не так, как следует, не тогда и не на тех, на кого следует. Кажется ведь, что такой человек не чувствует и не страдает, а недоступный гневу, [он, видимо], не способен защищаться, между тем сносить унижения самому и допускать, чтобы унижали близких, низко* (Аристотель).

Православная этика, несмотря на осуждение и порицание гнева, признает его двойкость, отмечая, что гнев может быть греховен и безгрешен, смотря по побуждению и своей цели:

- (10) *Гнев — это сила раздражительной части души. Он изначально дан был человеку Богом для сопротивления злу, для противодействия порокам. Но вследствие грехопадения гнев превратился в людях из благой силы в греховную страсть, которая никогда «не творит правды Божией»* (Иак. 1, 20).

Эта двойкая природа гнева, подмеченная еще древними, дала возможность современным исследователям рассматривать гнев как амбивалентную эмоцию. Согласно некоторым данным, гнев вызывается нарушением морального кода автономии (прав личности). Гнев тесно связан с понятиями справедливости, свободы, индивидуализма и личного выбора (Rozin et al. 1999). В статье У. Хесс делается вывод о том, что в большинстве ситуаций гнев является положительной эмоцией, однако это утверждение справедливо для субъекта эмоции, но далеко не всегда для ее объекта (Hess 2014).

Таким образом, в научном сознании отношение к гневу давно перестало быть однозначным. Христианская религия признает опасность гнева, в первую очередь для окружающих, поэтому его отрицательная оценка однозначно превалирует в религиозном дискурсе. Данное понимание переносится на обыденное сознание именно потому, что общество осознает опасность гнева и пытается предотвратить его проявление. Однако, очевидно, что амбивалентность гнева не могла не найти отражение в обыденном сознании.

Популяризация идей о том, что сдерживание гнева приводит к нежелательным физиологическим и психологическим последствиям, привела к тому, что ценность гнева для социума подверглась изменениям в последние десятилетия. Обоснованный гнев оправдывает вызываемые им агрессивные действия, и эта мысль всячески культивируется в художественной литературе и на кино- и телеэкранах. Например, опрос 100 респондентов (возраст 16—35 лет) выявил абсолютную положительную оценку действий человека, испытывающего так называемый «праведный» или «благородный» гнев: 82% опрошенных ответили, что праведный гнев помогает бороться с несправедливостью и наказывать обидчиков.

Положительная оценка гнева как инструмента борьбы за справедливость и мести «нехорошим людям» представлена в многочисленных контекстах рефлексии:

- (11) *Поэтому когда девочку украдут у него на глазах, и Кризи пойдет убивать, его жестокость будет как никогда оправдана — это не вызывает никаких сомнений* (Из отзыва на х/ф «Гнев» (2004) (<http://www.kinopoisk.ru/film/6889/>)).
- (12) *Москвичи начали звереть: получающих удовольствие от гнева становится все больше* (В. Ковалев) (<http://www.ridus.ru/news/194754/>);
- (13) *Благородный гнев так же прекрасен, как открытая улыбка* (<http://znay-vse.livejournal.com/664026.html?thread=1897178>).

Нужно отметить появление целых сайтов в Интернете, рекламирующих пользу гнева и вред от его сдерживания: <https://lifehacker.ru/2017/04/03/10-reasons-its-good-to-get-angry/>; <http://novosti-n.org/ukraine/read/106752.html>; <http://www.factroom.ru/facts/60956> и т.п.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что традиционные ценностные установки в социуме в отношении эмоции гнева претерпевают изменения в последние десятилетия, что находит отражение в языковых контекстах употребления лексемы «гнев». Предпосылки этому заложены в самой природе эмоции гнева, однако повышение толерантности общества к агрессии и возрастающая тенденция к оправданию зла делают эти изменения социально и психологически опасными.

2.3. Презрение

Слово *презирать*, согласно этимологическим источникам, заимствовано из старославянского языка, образовано префиксальным способом от глагола *зира-ти* (*зърѣти*) ‘смотреть’ и буквально означало ‘смотреть сверху вниз’ (Шанский). Примечательно, что этимологическая близость *презрения* с *высокомерием*, *превосходством* не эксплицируется современной лексикографией.

В толковых словарях русского языка XX века содержательный минимум понятия *презрение* традиционно включает в себя семантические признаки ‘неуважение’, ‘пренебрежение’, ‘безразличие’:

Такое отношение к кому-чему-нибудь, которое вызывается признанием кого-чего-нибудь недостойным, не заслуживающим уважения, подлым, морально-низким, ничтожным (Ушаков 2000);

1) глубоко *пренебрежительное отношение* к кому-чему-н.; 2) *подчеркнутое безразличие* к чему-н., *пренебрежение* чем-н. (Ожегов, Шведова 1992).

При этом характерно, что указанные признаки зачастую не дифференцируются, выступая синонимами и демонстрируя связь эмоций презрения и пренебрежения, с одной стороны, и презрения и безразличия, с другой:

1) *чувство полного пренебрежения, крайнего неуважения* к кому-л, чему-л. 2) *безразличное, пренебрежительное отношение* к чему-л. (НТСС 2000).

Пренебрежение, в свою очередь, нередко дефинируется через презрение, но эксплицируя при этом признак высокомерия, превосходства:

Высокомерное, лишенное уважения и внимания отношение к кому-чему-н. (Ожегов, Шведова 1992);

1) *высокомерно-презрительное* отношение, недостаток уважения к кому-л., чему-л., 2) *отсутствие должного внимания, полное безразличие к чему-л.* (НТСС 2000; Ушаков 2000).

Думается, что презрение и пренебрежение, благодаря близости значений, взаимосвязи и взаимопроникновению ассоциативных смыслов, отсылающих к идее превосходства, отрицания ценности Другого, могут считаться парой концептуальных квазиэквивалентов, в которой прослеживается градация по степени проявляемой неприязни и враждебности:

(14) *Я промолчала и начала сосредоточенно разрывать обертки денежных «кирпичиков», кожей чувствуя, как пренебрежение Хитрика перерастает в глубокое презрение* (И. Павская. «Джоконда» Мценского уезда. 2006).

По свидетельству В.В. Виноградова, такой оттенок значения, как безразличие (выказывать презрение к чему-нибудь отсутствием страха, боязни — *презирать опасности, смерть*) «был чужд глаголу *презирать* в XVIII веке (см. словарь Акад. Росс. 1792, III, 147; ср. сл. АР 1822, V, с. 207—208). Лишь в словаре П. Соколова (1834) разделяются два значения: 1) ненавидеть, почитать недостойным уважения, почтения; 2) пренебрегать, не обращать внимания, не страшиться, презирать опасности, смерть (II, с. 776). При этом любопытно, что слово *пренебрегать*, связывая оба эти значения, относится то ко второму, как у Соколова, то, как в Акад. словаре 1847 г., к первому значению» (Виноградов 1935: 264).

Безразличие как оттенок значения презрения, перелившийся, по словам В.В. Виноградова, в русское слово из французского (Там же), обнаруживает связь с презрением и в родственном французскому испанском языке, где «в большинстве толковых и энциклопедических словарей презрение (*desdén*) объясняется через безразличие (*indiferencia*), а в тематических (понятийных) и синонимических словарях эти понятия попадают в одну словарную статью» (Воркачев 2006: 98). Неслучайно, что в русском языке обнаруживается целый ряд лексико-фразеологических средств, выражающих и презрение, и безразличие: *плевать (с высокого дерева / с высокой колокольни / с высокой горы), не принимать во внимание, оставлять без внимания, не желать знать, плевать хотеть, не придавать значения, в упор не видеть, не обращать внимания, проходить мимо, игнорировать, сбрасывать со счетов, чихать, ни в грош не ставить; ноль внимания, фунт презрения* и др.

Обзор современных русскоязычных словарей демонстрирует прежнюю тенденцию выделения двух основных значений: 1) *чувство крайнего неуважения к кому-либо или чему-либо*; 2) *пренебрежительное отношение* (Дмитриев 2003).

Далее попытаемся ответить на вопросы, совпадает ли семантическое толкование с наивно-языковым представлением современных носителей русского языка о данной эмоции, но при этом ограничимся областью межличностных отношений и сосредоточим свое внимание на том значении лексемы *презрение*, которое манифестирует его как эмоцию враждебности (Изард 2000) и соотносит данное эмоциональное состояние с деструктивной коммуникацией:

(15) *...и она просто третировала меня своим презрением. Кто эту маленькую, крошечную, можно сказать, особу научил так презирать?* (Э. Лимонов. Книга воды. 2002).

Используем для ответа на поставленный вопрос сочетаемостный анализ лексем *презрение* и предиката *презирать*, анализ контекстов рефлексии, учитывая при этом материал, накопленный в психологии и лингвистике эмоций.

Так, вполне обоснованным и доказанным сегодня является тезис о том, что презрение носит осознанный, рассудочный характер, из всех эмоций триады враждебности выступает наиболее холодной эмоцией (Воркачев 2006: 99; Изард 2000), поскольку по сравнению с гневом и отвращением характеризуется самым низким уровнем физиологического возбуждения и сопровождается крайне незначительными изменениями вегетатики (Ильин 2001). Закономерно появление соответствующей температурной метафоры в атрибутивных характеристиках *хладнокровное, ледяное презрение* или *презрительно-холодный (взгляд)*.

О деструктивном характере данной эмоции, ее интенциональности и опознаваемости на фоне «собратьев» по эмоциям враждебности свидетельствует следующий пример:

- (16) *А теперь пожилкой дядя, окруженный аурой могущества, дал мне понять, что все не так. **Не злоба** читалась в его глазах — тогда бы они сверкнули. И **не отвращение** — тогда бы его лицо исказила гримаса. Нет, я ощутил **презрение в чистом виде**. Откровенное, как порнофильм. Здесь и началась моя торьма, состоялся мгновенный переход из одной жизни в другую. Генерал посадил меня за решетку одним взглядом (А. Рубанов. Сажайте, и вырастет. 2005).*

Будучи направленным на отрицательную оценку действий, принижение значимости адресата, его ценностных установок, в межличностном взаимодействии презрение служит иллюстрацией деструктивной интенции говорящего, поскольку граничит с реализацией отвращения, брезгливости, высокомерия, ненависти, с одной стороны, и стимулирует обиду, чувство униженности адресата, с другой:

- (17) *Друзья перестают общаться, начинают **презирать** друг друга. У меня есть два приятеля — они давно дружат между собой. Один в Киеве, в нацгвардии, другой в Славянске. И если раньше они говорили: «Нет, ну это исключено, мы никогда не будем стрелять друг в друга», то сейчас: «**Увижу — убью**» (С. Скарлош. Заложник навсегда // «Русский репортер», 2014);*
- (18) *За ту секунду или две, что смотрела на меня, она успела выразить все, что чувствовала по отношению ко мне: **ненависть, презрение, брезгливость** (Судьба-злодейка // «Истории из жизни», 2004);*
- (19) *О вражде Шамиля и Салмана знала вся Чечня. Мало того, если Радуев Басаева ненавидел из-за тщеславия и зависти, то Басаев Радуева — просто презирал, что еще хуже. **Ненависть** — сильное и в каком-то смысле **высокое чувство, возвышает людей**. А **презрение** — **унижает** (Г. Трошев. Моя война. 2000—2001).*

Несмотря на то, что последний пример демонстрирует индивидуально-авторское противопоставление эмоций ненависти и презрения с точки зрения ориентационной метафорической модели ВЕРХ—НИЗ, данные эмоции достаточно часто располагаются в близком синтагматическом окружении (более 200 примеров нашей выборки), демонстрируя некий прием удвоения смысла уточняющим словом или удвоение близкозначных слов (Колесов 2002). Представляется, это

может служить свидетельством их близкого происхождения и одновременной реализации в рамках одной эмоционально маркированной ситуации:

- (20) *Фраза, брошенная мне в лицо, была давно придумана, и в ней были **ненависть и презрение**, накопленные месяцами и, может быть, даже годами* (Ю. Трифонов. Предварительные итоги. 1970);
- (21) *Но ее глаза встретились с его глазами, и он прочел в них **и презрение, и ненависть, и отвращение*** (Г. Чулков. Омут. 1916).

Анализ контекстов также позволяет выделить семантический компонент значения презрения, связанный с осознанием говорящим собственного превосходства, который, как мы наблюдали, благодаря этимологической памяти «просвечивает» во внутренней форме лексемы, но не фиксируется словарями (*презирала слесаря, проигравших презирал, испытывать презрение к предателям* и т.д.):

- (22) *В класс другой преподавательницы, которую Вета **презирала и считала недалекой** ...* (М. Трауб. Ласточ...ка 2012);
- (23) *Вы **презираете** людей, которых презирать не имеете никакого права, **кичитесь и чванитесь сами собою*** (И. Зайцев. «Урус», «Москов», «Казак»... // «Родина», 2008);
- (24) *Он выучился презирать почти всех, с кем разошелся, всех, кого **считал ниже себя по таланту или значению**...* (Д. Быков. Орфография. 2002).

Представляется, что в сфере межличностных отношений презрение является в большинстве случаев антиподом безразличия, это отнюдь не равнодушие или отсутствие интереса, а контролируемое проявление негативного отношения к субъекту, которое манифестируется в ряде отрицательно маркированных невербальных средств (взгляд сверху вниз, усмешка, сжатие уголков губ):

- (25) ***Презирать** — тоже знак внимания, тоже реверанс, только с вызовом* (С. Гандлевский. НРЗБ // «Знамя», 2002).

Подтверждением служат результаты проведенного нами опроса 100 респондентов (возраст: 18—40 лет), в ответах которых можно выделить следующие основные признаки: 1) ненависть, крайняя степень неприязни (*проявление ненависти; ненавидеть; испытывать отвращение, относиться к кому-то как к чему-то мерзкому и противоположному* и др.) — 56%, 2) неуважение (*сильнее неуважения; чувство крайнего неуважения, неуважительное отношение*) — 24%, 3) высокомерие (*высокомерное отношение; ставить кого-то ниже других, относится свысока* и др.) — 21%, 4) осуждение, неодобрение (*отрицательная оценка поступков; неодобрение действий и поступков; негативное чувство, связанное с недостойным поведением, которое не вписывается в адекватный социум* и др.) — 17%. Обращает на себя внимание факт полного отсутствия в трактовках респондентов признака безразличия, напротив, большинство участников опроса подчеркивали, что презрение является резко негативным чувством/отношением, а 12% респондентов в числе прочих признаков назвали безразличность.

Таким образом, при дискурсивной реализации лексема *презрение*, номинирующая соответствующий концепт, приобретает семантические признаки, не зафиксированные в современной лексикографии, но осознаваемые носителями русского языка. Модификация инвариантного значения в сознании носителей русского языка.

ка и при актуализации в контексте обусловлена, во-первых, пересечением и взаимопроникновением ассоциативных смыслов в периферийной семантике концепта (презрение — ненависть; презрение — брезгливость/отвращение; презрение — враждебность), во-вторых, этимологической памятью имени, ретранслирующей и сохраняющей в концептуальной семантике признак ‘высокомерие’, ‘осознание собственного превосходства’. Рискнем предположить, что выделяемое в отечественной лексикографии значение безразличия (приобретенное в XVIII в. русским языком благодаря влиянию французского языка) на современном этапе переживает процесс утраты общих признаков с инвариантным значением презрения, по крайней мере, применительно к сфере межличностного коммуникативного взаимодействия, думается, мы можем наблюдать процесс омонимизации, распада полисемии.

2.4. Ревность

Одним из ярких примеров дискурсивной вариативности сложных эмоциональных концептов является эмоциональный концепт «ревность». В отличие от рассмотренных выше концептов эмоций гнева и презрения, которые представляют собой в некотором роде «чистые» эмоции, ревность является сложным эмоционально-когнитивным комплексом, когнитивный компонент которого составляет постоянный процесс сравнения и нежелание оказаться хуже другого, а эмоциональным компонентом могут выступать любые эмоции комплекса враждебности.

Этимологически лексема *ревность* в русском языке восходит к праславянской форме, от которой в числе прочего произошли: русск.-церк.-слав. *рѣвнь* ж. (ζῆλος; Григ. Наз.), ст.-слав. *рѣвнѣвь* (ζηλωτής; Супр.), сербск.-церк.-слав. *рѣвение* (ѣриѣ), *рѣвновати* (ζηλοῦν), русск. *рѣвность*, *рѣвновать*, укр. *ревни́вий*, болг. *ревни́в*, чешск. *ševnivost* ‘ревность’, *ševnovat* ‘ревновать’, польск. *rzewniwy* ‘растроганный, взволнованный’, *rzewnić* ‘растрогать’, *-sik* ‘растрогаться’, в.-луж. *rjewniž* ‘стремиться, становиться на чью-либо сторону, соревноваться’, *rjut* ‘сильный год’. Возм., связано с *реветь*, *реву́* (Фасмер 1996).

В отличие от гнева и презрения концепт «ревность» демонстрирует смещение базовых характеристик уже на уровне понятийного ядра в диахронии. В словаре В.И. Даля *ревновать* имеет следующее основное значение: «(от рвать и рвение) чего, поревновать, потщиться всеми силами, со рвением стремиться к чему. *Ревную знаний. Ревнуйте же дарований больших, Корне. Ревную небеснаго царства // — кому, чем*» (Даль 1999). Соответственно, ревность — ‘горячее усердие, старание, стремление к добру’.

Именно данное значение превалирует в контекстах, относящихся к XVIII — началу XIX в.

- (26) *Поверьте, римляне, старцу, познавшему осьмьдесят лет существо добродетели и ревновавшему исполнить ее делом* (Д. Фонвизин. Слово похвальное Марку Аврелию. 1777);
- (27) *3 давнаго б времени вы могли от нас воспрять по суровости вашей награждения, однако, как господь, терпя, отдаем человеком грехи, чему и мы ревнуем и ожидаем от усердия обращения вашего* (Указы Пугачева и документы его ставки. 1773–1774).

Ревность рассматривается как исключительно положительное качество, помогающее человеку преодолевать трудности, бороться с пороками, стремиться к духовному совершенству:

(28) *Будемъ желать нашимъ Авторамъ успѣховъ въ соревнованіи съ иностранными Геніями, но будемъ и безъ надменнаго самолюбія признаваться, что мы еще не дошли до совершенства, но только стремимся къ нему, будемъ надѣяться и увѣрять себя, что мы и въ этомъ недолго останемся назади другихъ народовъ, потому что съ пламеннымъ желаніемъ, ревностію и доброю волею можно до всего достигнуть, если гордость, самонадѣянность и эгоизмъ насъ не ослѣпляютъ* (Р. Зотов. Замечания на замечания. 1820).

В религиозных контекстах *ревность* имеет возвышенный духовный смысл, означая усердие угодить Богу:

(29) *Святое писание в пример истинной ревности между многими представляет нам Апостола Павла, который к Коринфяном пишет такими словами: ревную по вас Божіею ревностію: ибо я обручил вас единому мужу, чтоб вы предстали Христу, яко дева чистая* (архиепископ Платон (Левшин). Слово в день рождения Его Императорскаго Высочества Благовернаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича. 1768).

Вторым по порядку значением слова *ревность* у В.И. Даля выступает 'зависть, досада на больший успех другого' (Даль 1999), что переводит ревность в разряд отрицательно-маркированных состояний:

(30) *Изверг даже не спросил, где печатается мой роман, но я ему прощал вперед, потому что, очевидно, Пепко **ревновал** меня к моему первому успеху* (Д. Мамин-Сибиряк. Черты из жизни Пепко. 1894);

(31) *Еще до войны молодого, чрезвычайно талантливого Юрия Эрнестовича отравили в лагеря, причем посадил его кто-то из своих же «художественников», **ревнуя** к его успехам в театре* (М. Козаков. Актерская книга. 1978—1995).

И, наконец, последним выступает значение ревности как 'слепой и страстной недоверчивости, мучительного сомнения в чьей любви или верности', отрицательная оценка которого заложена уже в предлагаемой В.И. Далем дефиниции.

В современных толковых словарях русского языка значения слова «ревность» представлены в обратном порядке. Например, Большой толковый словарь русского языка предлагает следующее толкование интересующей нас лексемы:

РЕВНОСТЬ, -и; ж. 1. Мучительное сомнение в чьей-л. верности, любви. *Мучить ревностью жену. Сгорать от ревности.* 2. Боязнь чужого успеха; соперничество. *Испытывать ревность к успеху сослуживца.* 3. Устар. Усердие, рвение в работе. *Ревность к делу* (Кузнецов 2008).

Многие толковые словари предлагают похожие определения ревности (Ожегов, Шведова 1992; Ушаков 2000).

Таким образом, очевидно, что положительное значение ревности как усердия, рвения в работе в сознании носителей русского языка переместилось на второстепенные позиции и трактуется как устаревшее, а значение ревности как мучительного сомнения в верности и любви является в настоящее время основным и доми-

нирующим. Говоря о понятийной составляющей ревности, уместно вспомнить рассуждения У. Дэвидсона о зависти и соперничестве в «Энциклопедии религии и этики» (Davidson 1912). Сопоставляя зависть и ревность, У. Дэвидсон утверждает, что между данными эмоциями много общего: они обе эгоистичны и злонамеренны, обе направлены на людей, обе подразумевают ненависть к своему объекту и желание навредить ему. Однако ревность содержит больше злобы; в ее основе лежит мнение субъекта, что некий объект должен принадлежать ему по праву. У. Дэвидсон прямо указывает на деструктивный характер ревности, подчеркивая, что она уродует природу того, кто ее испытывает, лишая возможности видеть вещи в их истинном свете и вынуждает совершать жестокие поступки (Davidson 1912: 10).

Результаты свободного ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 100 информантов в возрасте от 17 до 75 лет, большинство из которых женского пола (72%), также показывают, что ревность ассоциируется, в первую очередь, с любовью и сопряженными с ней понятиями измены, предательства, недоверия (67%), а также с глупостью (5%), неуверенностью в себе (6%), слабостью (1,5%), собственничеством (21%). В Русском ассоциативном словаре зафиксированы следующие основные реакции на стимул «ревность»: любовь (18,6%), чувство (6,9%), злость (3,9%), глупость (2,9%), муж, страсть, плохо, супружеская, убийство — по 2% соответственно (РАС 2002). Ассоциаций ревности с работой, делом, что указывало бы на значение ревности как старания, рвения, зафиксировано не было.

Дискурсивная реализация лексемы *ревность*, номинирующей соответствующий концепт, представлена в современном русском языке реализацией всех трех ее значений. Для анализа было отобрано 300 контекстов рефлексии, отражающих употребление данной лексемы в художественных и публицистических контекстах во временном промежутке между 1990 и 2016 гг.

В абсолютном большинстве контекстов реализуется значение ревности как мучительного сомнения в верности и любви (71%), ряд примеров демонстрирует осознание носителями языка деструктивного характера этой эмоции:

- (32) *Хромая тетка Лукерья сбросила мужа в подполье, и Петька долго потом мучился по ночам, пытаясь понять, что за штука такая — ревность, из-за которой можно запросто отрубить кому-то бабку, и представляя себе, как этот летчик лежал там рядом с картошкой — без головы, без фуражки, без неба, без эскадрильи, без своего самолета, как будто тетка Лукерья отрубила и это все тоже вместе с красивой стриженной «под бокс» головой (А. Геласимов. Степные боги. 2008).*

23% проанализированных контекстов иллюстрируют значение ревности как соперничества, в том числе и профессионального, зависти. В целом, в современном употреблении лексемы «ревность» в данном значении прослеживается две тенденции:

1) употребление ревности как синонима положительно оцениваемому «соперничеству»:

- (33) *Но продавщица вовсе не ревновала к такой изящной работе отдела напротив, а списывала все на национальную принадлежность рыбных дел мастера, мол, татарин, какие у него другие заботы, кроме как рыбу мучить, да и детей*

к тому же у него нет, хотя по возрасту и внуки должны иметься, а у нее, правда, детей тоже нет, но вполне еще могут быть, к тому же колбаса неживая, ее не нужно убивать по башке молотком... (Д. Липскеров. Последний сон разума. 1999);

2) ревности как синонима зависти. В первом случае ревность не маркирована деструктивностью, во втором — это крайне деструктивная эмоция, которая может подтолкнуть к действиям, направленным на уничтожение конкурента:

- (34) *Дело даже не в том, что сам Максимов, как мне известно, люто ревновал Солженицына именно в качестве обладателя возжеленной премии, переходя от неприязни к беспрекословному почитанию и обратно, а кончив ненавистью; вдруг Нобелевский комитет в определенный период действительно мог бы наградить редактора «Континента»? (С. Рассадин. Книга прощаний. Воспоминания о друзьях и не только о них. 2004—2008).*

В 5% контекстов отражено значение как положительного качества — рвення, усердия, стремления. Однако все они так или иначе связаны с религиозным дискурсом и/или представляют собой рефлексии исторических событий:

- (35) *И не могли они понять, что в том, что земля их хуже, чем другие земли, есть не проклятие, а благословение, и если бог не дает им строить и завоевывать, то лишь потому, что ревнует он народ свой, желая, чтобы думали они не о царствах земных, не о делах человеческих (а все дела человеческие были делами дьявола, ибо дьявол, потешившись с народами, сиротил их и оставлял одних на земле), а о делах божьих, о царстве его (Д. Шляпентох. Конец Истории: благословенный Иов // «Сибирские огни», 2013);*
- (36) *На первый взгляд подобное увлечение порядком кажется «ревностью не по разуму», то есть пусть формальным, поверхностным, но стремлением угодить Богу (Е. Волкова. Магия порядка // «Эксперт», 2013).*

Концептуальные метафоры ревности также отражают инвариантные признаки и ценность рассматриваемой эмоции в языковом сознании носителей русского языка: ревность как противник в борьбе (с ревностью можно бороться, ее можно побороть, подавить, победить, преодолеть и пр.); ревность как болезнь (испытывать приступы/припадки ревности, заболеть ревностью, страдать/мучиться от ревности и т.п.); ревность как безумие (сходить с ума / обезуметь от ревности, бесноваться, и т.п.); ревность как жар (разжигать огонь ревности, ревность жгла и т.п.); ревность как тяжелая ноша (тяжкая ревность, тяжесть ревности); ревность как живое существо (ревность зарождается, давать пищу для ревности, ревность пожирает и др.). Все вышеизложенное говорит о том, что в сознании носителей русского языка ревность представляет собой, в первую очередь, антиценность, эмоцию, не одобряемую и не поощряемую социумом.

Однако ценностный аспект ревности не столь очевиден, как может показаться на первый взгляд, что проистекает из амбивалентной природы этой эмоции. В паремическом фонде русского языка, например, встречаются паремии, положительно оценивающие ревность или оправдывающие ее: *Кто любит, тот ревнует. Без ревности нет любви. Ревнует, значит, любит.* Ряд афористических высказываний

также акцентирует положительную сторону ревности: *Не ревнует тот, у кого нет хоть бы капли надежды* (И. Тургенев); *Ревность — яд — в малых дозах стимулирует любовь, в больших — убивает* (И. Шевелев).

Любопытно, что особенно много афористических высказываний о ревности дали миру французские писатели и мыслители, что наводит на мысль о национальной популярности некоторых эмоций.

В ряде контекстов рефлексии также четко просматривается положительная оценка ревности, связанная с разумным дозированием ревности в сфере семейно-любовных отношений:

(37) *Это как раз одно из проявлений той самой «охранительной ревности», которая, как мы уже с вами выяснили, существование традиционной семьи и сохраняет* (А. Гусев. Простые ответы на непростые вопросы // «Психология на каждый день», 2010) — определенное количество ревности необходимо для поддержания здоровой атмосферы в семье.

(38) *Но и полное отсутствие ревности — тоже недостаток любви* (Ю. Нагибин. Тьма в конце туннеля. 1994)

— настоящая любовь предполагает наличие определенного количества ревности.

Таким образом, можно утверждать, что дискурсивное употребление эмоционального концепта ревности претерпело существенные изменения в диахронии. Однако эти изменения связаны, в первую очередь, с изменением понятийных признаков концепта «ревность», что, в свою очередь, повлекло за собой смещение его ценностных характеристик.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изменения в концептуализации деструктивных эмоций *гнева, презрения (презрения), ревности (зависти)*, обнаруженных в результате сопоставления инвариантных значений номинантов данных эмоций с их синхронной и диахронной актуализацией в контексте, обусловлены изменениями в их понимании и оценке социумом.

Проследить динамику семантики данных лексем, включая их коннотативные значения, становится возможным благодаря хронологическому расположению контекстов употребления анализируемых единиц в Национальном корпусе русских текстов. Полученные результаты дополнены данными опросов респондентов, направленных на установление современного наивно-языкового представления о значении интересующих нас единиц, что в итоге позволило зафиксировать не отмеченные в дефинициях современных словарей семантические трансформации проанализированных имен деструктивных эмоциональных концептов.

Их вариативность, обнаруженная при исследовании вербализации данных концептов, обусловлена взаимопроникновением ассоциативных смыслов в периферийной семантике концептов, с одной стороны, и дискурсивной реализацией их номинантов, отражающей трансформации коннотативных значений — с другой. Семантические изменения, в том числе модификации коннотативных значений, проанализированных лексем непосредственно связаны с инверсией эмоциональ-

ных ценностей, обусловленной отношением социума к деструктивным эмоциям. Подчеркнем, что преждевременными пока нам видятся выводы о кардинальных изменениях в концептуализации наивным русскоязычным сознанием деструктивных эмоций, однако очевидны тенденции, демонстрирующие определенные сдвиги в социуме, в ценностных установках языковой личности: процесс «негативизации» межличностных отношений в целом, не осуждение/оправдание проявления деструктивных эмоций в частности. Впрочем, данная гипотеза требует верификации на примере других деструктивных эмоций и с привлечением более обширного эмпирического материала.

© Я.А. Волкова, Н.Н. Панченко, 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. [*Antologiya konceptov*. In V.I. Karasik, I.A. Sternin (Eds). Moscow: Gnozis, 2007 (In Russ.)]
- Аристотель. Никомахова этика. [Электронный ресурс]. URL: http://www.philosophy.ru/library/aristotle/nic_ethic.html (дата обращения: 15.03.2017). [*Aristotel'. Nikomakhova etika*. (Nicomachean Ethics) Retrieved from: http://www.philosophy.ru/library/aristotle/nic_ethic.html. Accessed on 15.03.2017. (In Russ.)]
- Виноградов В.В. Язык Пушкина. Москва—Ленинград: «Academia», 1935. 490 с. [Vinogradov, V.V. (1935) *Yazyk Pushkina* [The Language of Pushkin]. Moscow—Leningrad: Academia. (In Russ.)]
- Волкова Я.А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: монография. Волгоград: Перемена, 2014. 324 с. [Volkova, YA.A. (2014). *Destruktivnoe obshhenie v kognitivno-diskursivnom aspekte*. Volgograd: Peremena. (In Russ.)]
- Воркачев С.Г. Оценка и ценность в языке. HISPANICA SELECTA. Избранные работы по испанистике: монография. Волгоград: Парадигма, 2006. 186 с. [Vorkachev, S.G. (2006) *Otsenka i tsennost' v yazyke. HISPANICA SELECTA*. Izbrannyye raboty po ispanistike. (Evaluation and Value in Language). Volgograd: Paradigma. (In Russ.)]
- Воркачев С.Г. Ex Pluribus Unum: лингвокультурный концепт как синтезное образование // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 2. С. 17—30. [Vorkachev, S.G. (2016) Ex Pluribus Unum: Linguocultural Concept as a Synthesis Formation. *Russian Journal of Linguistics. Vestnik RUDN*, 2, 17—30 (In Russ.)]
- Дмитриева Н.А. Сопоставительный анализ семантической структуры лексических единиц, вербализующих концепт «эмоция» в лингвокультурах русского, английского, французского и итальянского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 81—93. [Dmitrieva, N.A. (2015) A Comparative Analysis of the Semantic Structure of Lexical Units Verbalizing the Concept of “Emotion” in Russian, English, French and Italian Linguocultures. *Russian Journal of Linguistics. Vestnik RUDN*, 1, 81—93. (In Russ.)]
- Додонов Б.И. В мире эмоций. Киев: Политиздат Украины, 1987. 140 с. [Dodonov, B.I. (1987) *V mire emotsii*. Kiev: Politizdat Ukrainy. (In Russ.)]
- Изард К. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2000. 464 с. [Izard, K. (2000) *The Psychology of Emotions*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)]
- Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. 752 с. [Il'in, E.P. (2001) *Emotsii i chuvstva*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)]

- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с. [Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs*. Volgograd: Peremena. (In Russ.)]
- Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М.: Гнозис, 2008. 374 с. [Krasavskij, N.A. (2008). *Ehmotsional'nye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh*. Moscow: Gnozis. (In Russ.)]
- Колесов В.В. Философия русского слова. СПб, 2002. 448 с. [Kolesov, V.V. (2002) *Filosofiya russkogo slova*. Saint Petersburg. (In Russ.)]
- Ларина Т.В. Прагматика эмоций в межкультурном контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 144—163. [Larina, T.V. (2015) *Pragmatics of Emotions in Intercultural Context*. *Russian Journal of Linguistics. Vestnik RUDN*, 1, 144—163. (In Russ.)]
- Лоренц К. Агрессия (так называемое зло) / пер. с нем. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. 272 с. [Lorents, K. (1994) *Agressiya (tak nazyvaemoe zlo)*. Moscow: Izdatel'skaya grupa «Progress», «Univers». (In Russ.)]
- Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М.: Республика, 1998. 497 с. [Lorents, K. (1998) *Oborotnaya storona zerkala*. Moscow: Respublika. (In Russ.)]
- Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Изд. 2. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с. [Popova, Z.D., Sternin, I.A. (2007). *Semantiko-kognitivnyj analiz yazyka*. Voronezh: Istoki. (In Russ.)]
- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001. [Stepanov, Y.S. (2001) *Konstanty: Slovar Russkoj kultury*. Moscow: Akademicheskii Proekt. (In Russ.)]
- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа: «Языки русской культуры», 1996. [Telija, V.N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii, i lingvokul'turologicheskii aspekty*. Moscow: Shkola: «Jazyki russkoj kul'tury». (In Russ.)]
- Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1987. [Shakhovskiy, V.I. (1987) *Kategorizaciya emocij v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka*. Voronezh, Voronezhskii gosudarstvennyi universitet. (In Russ.)]
- Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с. [Shakhovskij, V.I. (2008). *Lingvisticheskaya teoriya ehmotsij*. Moscow: Gnozis. (In Russ.)]
- Davidson, W.L. (1912) *Envy and Emulation*. In J. Hastings (Ed.), *Encyclopedia of Religion and Ethics*, Vol. 5. New York and Edinburgh: Scribner/Clark. Retrieved from: <http://www.archive.org/details/encyclopaediaofr05hastuoft>.
- Gevaert, C. (2007). *The history of anger: The lexical field of anger from Old to Early Modern English* (Unpublished doctoral dissertation). University of Leuven, Belgium. Retrieved from: <https://lirias.kuleuven.be/bitstream/1979/893/2/thesisgedrukt>.
- Hess, U. (2014) *Anger is a positive emotion*. In W. G. Parrott (Ed.), *The Positive Side of Negative Emotions*. Guilford Press, New York, London, 55—75.
- Kövecses, Z. (1990). *Emotion Concepts*. NY: Springer-Verlag. 230 p.
- Kövecses, Z. (2005). *Metaphor in Culture: Universality and Variation*. Cambridge University Press. 314 p.
- Lakoff, G. (1987). *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind*. Chicago—London: The Univ. of Chicago Press.
- Rozin, P., Lowery, L., Imada, S. & Haidt, J (1999) The CAD triad hypothesis: A mapping between three moral emotions (contempt, anger, disgust) and three moral codes (community, autonomy, divinity). *Journal of Personality and Social Psychology*, 76, 574—586.

- Shakhovskiy, V.I. (2006). Emotions in Communication: Dominants of Semantics through Language Expression. In I.N. Rozina (Ed.), *Communication Theory and Practice: The Collected articles: Bulletin of the Russian Communication Association*. Vol. 4. Rostov-na-Donu: Institute of Management.
- Tissari, H. (2007). Current Emotion Research in English Linguistics: Words for Emotions in the History of English. *Emotion Review*, 86—94. Vol. 9 (1).
- Volek, B. (1987). *Emotive Signs in Language and Semantic Functioning of Derived Nouns in Russian*. Amsterdam—Philadelphia.
- Wierzbicka, A. (1999). *Emotions across languages and cultures: Diversity and Universals*. Cambridge: Cambridge University Press.

Словари и интернет-ресурсы / Dictionaries and Internet Recourses

- БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 3. М.; Л.: Наука, АН СССР, 1954. [BAS — *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. Т. 3. М.; Л.: Nauka, AN SSSR, 1954.]
- Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2008. [Kuznetsov, S.A. (2008) *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. SPb.: Norint.]
- Даль В.И. Толковый словарь русского языка в 4 т. Т. 1—4. М.: Наука, 1999. [Dal', V.I. (1999) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka v 4 t. T. 1—4*. М.: Nauka.]
- Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 25.02.2017) [Nacional'ny'j korpus russkogo yazyka. Retrieved from: www.ruscorpora.ru. Accessed on 25.02.2017.]
- НТСС — Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой: в 2 т. М.: Дрофа, Русский язык, 2000. [NTSS — *Novyi tolkovo-slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka / pod red. T.F. Efremovoi: v 2 t*. М.: Drofa, Russkii yazyk, 2000.]
- РАС — Русский ассоциативный словарь: от стимула к реакции (около 7000 стимулов): В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева. М.: ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2002. [RAS — *Russkii assotsiativnyi slovar': ot stimula k reaksii (okolo 7000 stimulo- lov): V 2 t. / Yu.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimtseva*. М.: ООО «Izd-vo Astrel'»; ООО «Izd-vo AST», 2002.]
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Изд-во «Азъ», 1992. [Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu. (1992) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. М.: Izd-vo «Az'».]
- Дмитриев Д.В. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.В. Дмитриева. М.: Астрель: АСТ, 2003. [Dmitriev, D.V. (2003) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka / pod red. D.V. Dmitrieva*. М.: Astrel': AST.]
- Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: ООО «Изд-во Астрель», «Изд-во АСТ», 2000. [Ushakov, D.N. (2000) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / pod red. prof. D.N. Ushakova*. М.: ООО «Izd-vo Astrel'», «Izd-vo AST».]
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. СПб.: Terra-Азбука, 1996. [Fasmer, M. (1996) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4-kh t. / per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva*. SPb.: Terra-Azbuka.]
- Шанский Н.М. Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского Н.М. [Электронный ресурс]. URL: <https://shansky.lexicography.online/> (дата обращения: 05.03.2017). [Shanskii, N.M. *Etimologicheskii onlain-slovar' russkogo yazyka Shanskogo N.M.* [Elektronnyi resurs]. Retrieved from: <https://shansky.lexicography.online/> Accessed on: 05.03.2017.]

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 июля 2017

Дата принятия к печати: 21 августа 2017

Для цитирования:

Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Дискурсивная вариативность концептов деструктивных эмоций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 1. С. 175—194. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-175-194.

Сведения об авторах:

ВОЛКОВА ЯНА АЛЕКСАНДРОВНА — доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики иностранных языков Российского университета дружбы народов, Москва, Россия. *Научные интересы:* теория коммуникации, коммуникативные категории, деструктивное общение, дискурс-анализ, эмотивность в языке, лингвоэкология. *Контактная информация:* e-mail: yana.a.volkova@gmail.com

ПАНЧЕНКО НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград, Россия. *Научные интересы* — дискурс-анализ, массмедийный дискурс, достоверность в коммуникации, коммуникативные категории, коммуникативные типы, лингвоэкология, речевые жанры. *Контактная информация:* e-mail: panchnn@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-175-194

DISCOURSE VARIATION OF THE CONCEPTS OF DESTRUCTIVE EMOTIONS

Y. Volkova¹, N. Panchenko²

¹RUDN University

Miklukho-Maklaya str., 7, Moscow, Russia, 117198

²Volgograd State Social-Pedagogical University

Lenin Prospekt 27, Volgograd, Russia, 400066

Abstract. The aim of this article is to give a general idea of how emotion concepts and meanings of Russian emotion words denoting destructive emotional states change in discourse, reflecting changes in people's understanding and evaluation of destructive emotions. The article focuses on changes in the terms for the specific emotions of *gnyev* 'anger', *revnost* 'jealousy', *prezreniye* 'contempt'. The identified invariant meanings of these lexemes are compared to their actualization in imaginative literature and publicistic contexts both synchronically and diachronically. The study of verbalization of emotional destructive concepts allowed the authors to identify their variability due to, firstly, overlapping and interpenetration of associative meanings in the peripheral semantics of the concepts, and, secondly, the discursive realization of their names, reflecting the transformation of connotative meanings. The article concludes that the modification of the connotative meanings of emotion words results from the dynamics and inversion of linguo-cultural values associated with the attitude in a society to certain emotions, namely destructive ones, which reflect the shift in value orientation of the language personality. The data in the present study on emotion words came from dictionaries (explanatory and etymological ones) and from the Russian National Corpus. The methodological approaches employed in the study include the contextual analysis of particular words in the Russian National Corpus, as well as comparative analysis to reveal changes in the actual semantics and dynamics of the connotative meanings not fixed in modern dictionaries. The study

expands on emotive linguistics and is based on the semantic-cognitive and discourse approaches towards emotion research of A. Wierzbicka (1999), H. Tissari (2017), B. Volek (1987), C. Gevaert (2007), Z. Kövecses (1990; 2005), G. Lakoff (1987), Z.D. Popova and J.A. Sternin (2007), V.I. Shakhovsky (2006; 2008), N.A. Krasavskiy (2008), S.G. Vorkachyov (2006) et al.

Keywords: *emotion, emotion concept, destructiveness, emotion word, connotative meaning, transformation, value*

Article history:

Received: 10 July 2017

Revised: 15 August 2017

Accepted: 21 August 2017

For citation:

Volkova, Yana and Panchenko, Nadezhda (2018). Discourse Variation of the Concepts of Destructive Emotions. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 175—194. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-175-194.

Bionotes:

YANA A. VOLKOVA is a Doctor of Philology, professor at the Department of Foreign Languages Theory and Practice at the RUDN University (Moscow, Russia). Her research interests cover the theory of communication, communicative categories, destructive communication, discourse analysis, emotiveness in language, linguoecology. *Contact information:* e-mail: yana.a.volkova@gmail.com

NADEZHDA N. PANCHENKO is a Doctor of Philology, professor, Head of the Department of Linguistics at Volgograd State Social-Pedagogical University (Volgograd, Russia). Her research interests embrace discourse analysis, discourse of mass media, authenticity of communication, communicative categories, communicative types, linguoecology, speech genres. *Contact information:* e-mail: panchnn@yandex.ru

ХРОНИКА CHRONICLE

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-195-199

**REVIEW of Laura Alba-Juez and J. Lachlan Mackenzie. 2016.
Pragmatics: Cognition, Context & Culture.
Madrid: McGraw Hill, 307p.**

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Laura Alba-Juez
and J. Lachlan Mackenzie. 2016.
Pragmatics: Cognition, Context & Culture.
Madrid: McGraw Hill, 307p.**

Among the many courses in Linguistics that I have taught over the past 40 years, an introduction to pragmatics has been a regular fixture. In fact, the first pragmatics textbook I read and used was published exactly 40 years ago, written in Dutch by Teun van Dijk (see van Dijk 1978). Since then, dozens of textbooks have appeared, from Levinson's (1983) and Leech's (1983), via Grundy's (1995) and Verschueren's (1999), to Huang's (2014) and Senft's (2014), to mention only a few of the ones written in English. The newest title in this genre is already different from its predecessors in that it has two authors instead of one, Laura Alba-Juez and J. Lachlan Mackenzie, a Professor of English Linguistics and a retired Professor of Functional Linguistics, from Madrid and Amsterdam respectively. Before asking what else distinguishes this textbook from older ones, I will give a short summary of its structure and content.

The first of the six chapters (pp. 1–33) provides a general overview of the field of pragmatics. The distinction is introduced between micro- and macropragmatics (better seen as poles on a continuum), and the three C's in the subtitle of the book, *Cognition*, *Context* and *Culture* are motivated. In pragmatics, context has always been a central notion, since the discipline is about how to do things with words *in different contexts*. Culture and cognition are, however, standardly given less attention in pragmatics textbooks, so the explicit mention of these two dimensions raises certain expectations regarding the profile of the book.

The second chapter (pp. 35–72) deals with speech acts. Austin's insight (1962) that using language always implies doing something (asking, informing, requesting, etc.) can be seen as the historical starting point of pragmatics. Chapter 3 (pp. 73–127) discusses a second classic ingredient of pragmatic theorizing: Grice's implicatures. Presupposition, inference, and (deictic) reference are also treated here. (Im)politeness theories are the focus of Chapter 4 (pp. 129–180), followed by Chapter 5 on Relevance Theory (pp. 181–214).

After these five chapters, each dealing with one of the fundamentals of pragmatic theorizing, the concluding Chapter 6 (pp. 215—258) explores “Other topics of interest in pragmatics”: Pragmatically relevant linguistic features of prosody, syntax and the lexicon, evaluative and expressive language use, historical pragmatics, and the use of language in the new media on the internet (‘Cyberpragmatics’, as the authors call it, following Yus 2011). The book concludes with a list of references (pp. 259—281), keys to the self-evaluation questions and exercises (pp. 283—299), and a subject index (pp. 300—307).

Pragmatics is a vast interdisciplinary field, which makes it practically impossible to cover the complete field in an introductory textbook. Depending on the personal expertise of the authors, their view of the field, and the topics that are ‘in’ at the time of writing, certain subfields will be focused on and others will remain somewhat in the background. For example, Gunter Senft’s textbook *Understanding Pragmatics* (2014) has no special chapters on Politeness or Relevance Theory; instead, it contains a chapter on Conversation Analysis, as Levinson’s (1983) introduction had already done. How about the choices made in the book under review? There is no separate chapter on Conversation Analysis or Narration Analysis. In the view of the authors, pragmatics “provides important tools and basic concepts” and is a crucial source for Discourse Analysis, but it is not the same thing. They have therefore not included those “broader, more empirically-oriented discipline[s]”, believing them to be better included within the general field of Discourse Analysis (p. 15).

The decision to focus on the immediate context of language use and leave the wider context (the complete text or conversation) in the background can be related to the distinction made between micro- and macropragmatics (pp. 14—15). Micropragmatics tends to pay more attention to aspects like presuppositions, intentions, implicatures, directly related to the here and now of the speech act, whereas macropragmatics pays more attention to the wider context like the overall structure of a text or the genre-specific properties of a text or conversation. For an introductory course, this decision might be justified, although some authors (cf. Enfield and Sidnell 2017) are critical of such a restriction.

The previous comment had to do with Context, the second of the three C’s in the subtitle of the book. What about the other two, Culture and Cognition? Let us start with culture. The last section of the first chapter is devoted to ‘Pragmatics and culture’ (pp. 23—27). The authors discuss the problems involved in defining what a culture is. They warn against speaking in too generalizing a way about ‘Spanish culture’ vs. ‘Anglo-Saxon culture’, or whichever other culture. This justified scepticism towards making simplified statements about cultural differences may have played a role in their decision to pay only restricted attention to cultural aspects in the rest of the book. The relevance of cultural variation for the study of language use is acknowledged but, for example, culture-specific communicative styles (cf. Larina 2015) are not discussed in detail. In a similar vein, the subfield of Intercultural Pragmatics (cf. for this the textbook by István Kecskés, 2014, reviewed in issue 19:4, 2015, of this journal) is mentioned but not elaborated upon. However, in the last chapter Alba-Juez & Mackenzie devote a section (6.8) to language

use in the new media, a context of increasing cultural importance. The fact that in 2018 the publisher John Benjamins is starting up a new journal called *Internet Pragmatics*, testifies to the relevance of this field of study.

The first C in the subtitle is Cognition. The cognitive process of interpretation in context is an important aspect of pragmatic theorizing. Presupposition, inference, implicature, joint attention etc., all relevant aspects of such cognitive processes, receive due attention. But what profiles this book in a special way is the fact that it has incorporated the ‘emotional turn’ in cognitive sciences (cf. Damasio 1994). In everyday life, cognition is not neutral to ‘the world’; it is constantly evaluating referents, interactional participants, and action alternatives. This emotional turn should have consequences for the cognitive dimension of pragmatic research, as the authors rightly argue in sections 6.3 and 6.4. They draw their inspiration for elaborating on this dimension from Appraisal Theory, as developed against the background of Halliday’s Functional Grammar (cf. Martin & White 2005, and Thompson & Alba-Juez eds. 2014, reviewed in this journal, issue 19: 4, 2015). Important subsystems in Appraisal theory are Attitude, Engagement and Graduation. Attitude has to do with evaluating objects and other people’s behavior, Graduation with the intensity of the evaluation and Engagement with viewpoint and stance, involving the question whether knowledge and evaluation are attributed to one’s own perspective, to that of another person or to ‘everybody’ (for a recent study on engagement from a primarily grammatical perspective, see Evans et al. 2017). An important component of appraisal is emotion, and more generally, it can be said that emotion drives and determines language use to a considerable extent (for a grammatical-semantic perspective on emotion, see Foolen 2016). Alba-Juez & Mackenzie’s plea for more attention to be paid to evaluation and emotion in future pragmatic research can only be wholeheartedly supported (see also the research papers in the present special issue of this journal).

A feature of the book that will strike every reader who is familiar with other pragmatic textbooks is its clear structure. Each chapter starts by succinctly stating its main objective and topics and ends with a summary in the form of a numbered list of items and insights that the student should have learned from the chapter. Via (multiple choice) self-evaluation questions and exercises at the end of each chapter, students can test their knowledge and apply this to new pragmatic problems. The chapters are full of examples, tables, figures and pictures, which all contribute to the didactic quality of this textbook. The fact that the first author is a professor at the Spanish National University of Distance Education (UNED) will certainly have played a role here. Distance learning students have to study independently of the weekly motivation of classroom meetings, and so the teacher’s role as a provider of structure and motivation has to be partly taken over by the textbook. But these didactic properties of the book will certainly do no harm if used in a regular (presential) course.

Another positive feature is a good balance of references to classic work in pragmatics and to more recent publications and developments. About half of the more than 300 references are dated from 2000 onwards. Besides following up on these references, teachers and students can turn to (chapters of) other recent textbooks. As this review

may have made clear, Cognition is more strongly developed in the present book than Culture. Courses that want to expand on the latter aspect could turn to (chapters of) Senft (2014), who focuses more on social-cultural-anthropological approaches to pragmatics. On a more advanced level, there are the Handbooks of Pragmatics, with contributions by specialists on specific subfields (cf. Bublitz et al. eds., starting in 2011, Huang ed. 2017, and Barron et al. eds. 2017, to mention only the most recent ones).

Over the past 40 years, the 174 pages of van Dijk's (1978) introduction have grown into a whole shelf of textbooks and handbooks. For students with only a general background knowledge of Linguistics, the choice of Alba-Juez & Mackenzie's book is certainly a good one. The chance that they will want more or even choose to write a thesis from a pragmatic perspective will be higher than average if they start with this stimulating textbook.

© Ad Foolen, 2018

REFERENCES

- Austin, John L. (1962). *How to do things with words*. Oxford: Clarendon Press.
- Barron, Anne, Gu, Yuego, and Steen, Gerard (Eds.) (2017). *The Routledge handbook of pragmatics*. London and New York: Routledge.
- Bublitz, Wolfram, Jucker, Andreas H., and Schneider, Klaus P. (Eds.) (2011). *Handbook of pragmatics* [13 volumes]. Berlin: de Gruyter Mouton.
- Damasio, Antonio (1994). *Descartes' error. Emotion, reason, and the human brain*. New York: G.P. Putnam's Sons.
- Enfield, Nick and Sidnell, Jack (2017). On the concept of action in the study of interaction. *Discourse Studies*, 19(5), 515—535.
- Evans, Nicholas, Bergqvist, Henrik, and San Roque, Lila (2017). The grammar of engagement I: Framework and initial exemplification. *Language and Cognition*, online first, 1—31.
- Foolen, Ad (2016). Expressives. In Nick Riemer (ed.), *The Routledge handbook of semantics*. London and New York: Routledge, 473—490.
- Grundy, Peter (1995). *Doing pragmatics*. London: Arnold.
- Huang, Yan (2014). *Pragmatics*. Second edition. Oxford: Oxford University Press.
- Huang, Yan (Ed.) (2017). *The Oxford handbook of pragmatics*. Oxford: Oxford University Press.
- Kecskés, István (2014). *Intercultural pragmatics*. Oxford: Oxford University Press.
- Larina, Tatiana (2015). Culture-specific communication styles as a framework for interpreting linguistic and cultural idiosyncracies. *International Review of Pragmatics*, 7 195—215.
- Leech, Geoffrey N. (1983). *Principles of pragmatics*. London and New York: Longman.
- Levinson, Stephen C. (1983). *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Martin, James R. and White, Peter R.R. (2005). *The language of evaluation. Appraisal in English*. New York: Palgrave Macmillan.
- Senft, Gunter (2014). *Understanding pragmatics*. London and New York: Routledge.
- Thompson, Geoff and Alba-Juez, Laura (Eds.) (2014). *Evaluation in context*. Amsterdam: Benjamins.
- van Dijk, Teun A. (1978). *Taal en handelen. Een interdisciplinaire inleiding in de pragmatiek*. [Language and action. An interdisciplinary introduction to pragmatics]. Muiderberg: Coutinho.

Verschueren, Jef (1999). *Understanding pragmatics*. London: Arnold.

Yus, Francisco (2011). *Cyberpragmatics. Internet-mediated communication in context*. Amsterdam: Benjamins.

For citation:

Foolen, Ad (2018). Review of Laura Alba-Juez and J. Lachlan Mackenzie, 2016. *Pragmatics: Cognition, Context & Culture*. Madrid: McGraw Hill, 307pp. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 195—199. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-195-199.

Bionote:

AD FOOLEN has been teaching courses in all subfields of Linguistics at Radboud University Nijmegen from 1975 till 2015. His earlier research focused on modal particles in Dutch and German, in recent years he expanded his research field to the relation between language and emotion. From 2005 till 2017, he was secretary/treasurer of ICLA, the International Cognitive Linguistics Association. He is a member of the Editorial Board of several journals, among them *Linguistics*, *Cognitive Linguistics*, *Cognitive Linguistic Studies*, and *Journal of Pragmatics*. For his publications, see: http://www.ru.nl/grammarandcognition/people/vm/people/ad_foolen/publications/

Для цитирования:

Foolen, Ad (2018). Review of Laura Alba-Juez and J. Lachlan Mackenzie, 2016. *Pragmatics: Cognition, Context & Culture*. Madrid: McGraw Hill, 307pp. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 195—199. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-195-199.

Сведения об авторе:

AD FOOLEN преподавал различные лингвистические дисциплины в Университете Неймегена (Нидерланды) с 1975 по 2015 год. Его ранние исследования были посвящены модальным частицам в голландском и немецком языках. В последние годы он расширил сферу своих исследований, посвятив их выражению эмоций в языке. С 2005 по 2017 год он был секретарем Международной ассоциации по когнитивной лингвистике (ICLA). В настоящее время является членом редакционных коллегий нескольких журналов, среди которых *Linguistics*, *Cognitive Linguistics*, *Cognitive Linguistic Studies*, *Journal of Pragmatics*. С его научными публикациями можно ознакомиться на сайте: http://www.ru.nl/grammarandcognition/people/vm/people/ad_foolen/publications/

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-200-209

**РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ
И.А. Бубновой, И.В. Зыковой, В.В. Красных, Н.В. Уфимцевой
«(Нео) психолингвистика и (психо)лингвокультурология:
новые науки о человеке говорящем» /
под ред. В.В. Красных. — М.: Гнозис, 2017. — 390 с.**

**REVIEW of I. A. Bubnova, V. I. Zyкова, V. V. Krasnykh,
N. V. Ufimtseva (2017). (Neo)psycholinguistics
and (psycho)linguoculturology: new sciences
about Homo loquens, Moscow: Gnosis, 390 pp. (In Russ.)**

Рецензируемая коллективная монография, написанная известными российскими учеными, вышла в издательстве «Гнозис» в рамках проекта «Новые науки о человеке говорящем». В сознании сразу возникает ассоциация с книгой французского лингвиста Клода Ажежа «Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки», с которой русский читатель имел возможность познакомиться 15 лет назад (в 2003 году). Тогда этот ученый писал: «Если мы и вправе называть человека *Homo sapiens*, то прежде всего потому, что он есть *Homo loquens*, человек говорящий» (Ажеж 2003: 12). Много изменилось в нашей отечественной лингвистике за прошедшие полтора десятилетия. И сегодня слова французского ученого могут быть предпосланы в качестве эпиграфа к исследованиям российских лингвистов, в том числе и к рассматриваемой коллективной монографии.

Авторы рецензируемого научного труда представляют в разных аспектах феномен человека говорящего. Структура монографии подчинена логике раскрытия глубинных характеристик формирования и функционирования языковой способности, языкового сознания, национально-культурного и индивидуального образов мира, разработке новых принципов анализа когнитивных механизмов смыслообразования, словаря и грамматики лингвокультуры, обсуждению актуальных проблем лингвокультурной идентичности и этнической самоидентификации личности.

Вступительная статья к монографии написана ее редактором и автором одной из глав («Психолингвокультурология») доктором филологических наук, профессором Викторией Владимировной Красных и имеет характерное название — «Новые науки о человеке говорящем: ответ на вызов нашего времени». Из этого названия следует, что декларированная еще во второй половине XX века «антропоцентрическая парадигма» подразумевает смещение акцентов в науке на человека во всех его проявлениях. И сегодня, почти двадцатилетие спустя после начала нового века и нового тысячелетия, эта установка находит все больший отклик не только у ученых-гуманитариев, но и у всего научного мира. Применительно

к циклу лингвистических наук стало ясным, что невозможно изучать язык в отрыве от его носителя и того социально-культурного контекста, в котором он формируется (в онтогенезе) или сформировался как личность. Такой подход требует от исследователей серьезной «перезагрузки», т.е. необходимости изменить ракурс рассмотрения объекта изучения и пересмотреть методологию науки о языке, в центре которой оказывается «человек говорящий». Необходимость, оправданность, целесообразность появления новых наук зиждется не на произволе отдельных ученых, а на логике всего предыдущего развития науки в целом и ее философских оснований. Проследив основные этапы развития философии науки (и, прежде всего, позитивизма, неопозитивизма, постпозитивизма и, наконец, неопостпозитивизма), В.В. Красных утверждает, что современный этап научного познания базируется на последнем из названных направлений — неопостпозитивизме, который провозглашает, что «объект современных научных исследований не может быть „атомарным“, т.е. он не может быть оторван от широкого историко-социо-культурного контекста и должен рассматриваться не сам по себе, но только с учетом данного контекста и на его фоне» (Красных 2017: 13—14).

Помещенные в коллективную монографию разделы последовательно представляют эти новые науки: этнопсихолингвистика, неопсихолингвистика, или психолингвистика личности, психолингвокультурология и когнитивная лингвокультурология.

Рассмотрим основные проблемы, которые решаются в рамках каждой из названных областей гуманитарного знания, ставящих в центр своих изысканий *Homo loquens*.

Первая глава части I — «Этнопсихолингвистика как раздел теории речевой деятельности» — написана Натальей Владимировной Уфимцевой, возглавляющей сегодня сектор этнопсихолингвистики в Институте языкознания РАН. Зарождение нового направления в отечественной психолингвистике автор рассматривает на фоне истории этой науки, прослеживая основные этапы ее становления и те важнейшие постулаты, которые были выдвинуты такими учеными, как Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Н.И. Жинкин, А.А. Леонтьев, А.Р. Лурия, Т.В. Ушакова и др. Их представления о языке-объекте Н.В. Уфимцева суммирует в конце своего обзора: «Язык, рассматриваемый как деятельностьная структура, занимает центральное место в человеческой психике, ибо обеспечивает доступ к культуре (образу мира как основной образующей культуры), обеспечивает возможность превратить внутреннюю смысловую структуру мысли во внешнюю структуру формального языка и, тем самым, сделать ее доступной для самонаблюдения и внешнего наблюдателя, и, наконец, обеспечивает возможность взаимопонимания с другими носителями данной культуры» (Уфимцева 2017: 27).

Появление и становление этнопсихолингвистики как особого научного направления обусловлено особым «запросом» нашего времени, когда взаимодействие культур, этносов и языков стало повседневной практикой человека. Межкультурная коммуникация как специальная дисциплина и как способ деятельности в качестве надежной содержательной опоры требует выработки и систематизации знаний о сходствах и различиях в образах мира многочисленных народов, населя-

ющих нашу планету. Этнопсихолингвистика, выработавшая свой особый аппарат и особую методологию исследования этнического языкового сознания, способна дать ответ на вопрос: чем обуславливается неповторимость, непохожесть этнических культур? Прослеживая основные этапы развития этнопсихолингвистики, Н.В. Уфимцева обращается к важнейшим положениям, высказанным такими ведущими учеными, как А.А. Леонтьев, А.А. Залевская, Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина. Особым направлением в этнопсихолингвистике с самого начала ее возникновения стало исследование текстов художественной литературы. При этом предметом исследования выступала не национально-культурная специфика реального поведения носителей той или иной культуры, а ее отражение в тексте, транслируемом из одной культуры в другую (Уфимцева 2017: 30—31) и разработанная на основе их исследования теория лакун.

Центральным понятием современной этнопсихолингвистики является понятие «языковое сознание», введенное в научный обиход Е.Ф. Тарасовым и Т.В. Ушаковой (Тарасов 2000: 26; Ушакова 2000: 22) и развиваемое сегодня многими исследователями (Н.В. Уфимцева, В.В. Красных, О.В. Балясникова, Г.А. Черкасова, Н.Л. Чулкина и др.). Языковое сознание определяется Е.Ф. Тарасовым как «образы сознания, овнешняемые языковыми знаками» (Тарасов 2000: 26). Е.Ф. Тарасов видит в использовании психолингвистами понятия «образ сознания» вместо привычного лингвистам понятия «значение» то преимущество, что оно позволяет описывать не только осознаваемые, но и неосознаваемые самим носителем языка знания» (Тарасов 1996: 20).

Важным достижением как общей психолингвистики, так и этнопсихолингвистики является разработка и активное применение специальной методики, позволяющей открыть доступ к языковому сознанию носителя той или иной лингвокультуры, методики свободного ассоциативного эксперимента. Материальным воплощением этой методики стали ассоциативные словари, признанные коррелятом языкового сознания. К настоящему времени в распоряжении исследователей языкового сознания представителей разных этносов имеется несколько таких словарей (Русский ассоциативный словарь, 2002; Славянский ассоциативный словарь, 2004 и др.) и обширная компьютерная база данных, оснащенная специальными программами, которые обеспечивают простой способ извлечения необходимых параметров единиц для дальнейшей работы с ними. Значимой особенностью ассоциативных словарей и баз данных является то, что, в отличие от традиционных словарей (толковых, синонимов и др.), которые «в значительной мере представляют собой описание „индивидуального лингвистического“ языкового сознания, ассоциативные словари — это один из возможных способов описания „коллективного обыденного“ языкового сознания реальных носителей языка. Ассоциативный словарь, следовательно, более адекватно отображает реальное языковое сознание в его усредненном состоянии» (Уфимцева 2017: 40).

Во второй части раздела, посвященного этнопсихолингвистике, Н.В. Уфимцева обращается к представлению и анализу конкретных материалов, полученных с помощью метода свободного ассоциативного эксперимента. Ограниченные жан-

ровые рамки рецензии не позволяют подробно остановиться на результатах всех исследований, проведенных и проводимых в настоящее время сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН и описанных в специальных разделах коллективной монографии. Предлагаем заинтересованным специалистам обратиться к ознакомлению с этими уникальными данными непосредственно (Там же: 47—96). Приведем здесь лишь резюмирующие слова Н.В. Уфимцевой: «...принятое в Московской психолингвистической школе вслед за А.А. Леонтьевым представление о единице сознания как о предметном значении и о значении как отражении социокультурной реальности позволяет строить на материале массовых ассоциативных экспериментов реальную модель обыденного языкового сознания носителя языка/культуры, т. е. модель образа мира как целого и прогнозировать вектор его развития, а этнопсихолингвистика является естественной частью отечественной психолингвистики (теории речевой деятельности) и решает общие с ней задачи, хотя и делает это в специфической сфере — сфере межкультурного общения» (Там же: 92).

Вторая глава первой части рецензируемой коллективной монографии — «Неопсихолингвистика, или психолингвистика личности: новое направление психолингвистических исследований». Следует сказать, что ее автор И.А. Бубнова представляет в высказываемых теоретических положениях и практических примерах не только новую научную область, но и свою ясную гражданскую позицию. Отрадно, что такой подход характерен для многих современных гуманитарных исследований вообще и для работ в области лингвистики (особенно ее новых направлений) в частности. Невольно в сознании возникает параллель с высказанной еще в 1987 году Юрием Николаевичем Карауловым в его ставшей теперь хрестоматийной монографии «Русский язык и языковая личность» мысль о том, что «нельзя познать человека, не познав его языка. Такая постановка, безусловно, повышает статус лингвистики в ряду гуманитарных наук, служит поднятию престижа лингвиста и оправданием его существования, подчеркивает вклад языкознания в науки о человеке» (Караулов 1987: 7). Потребовалось 30 лет, чтобы лингвисты (неопсихолингвисты, этнопсихолингвисты, лингвокультурологи и психолингвокультурологи) сегодня свободно могли бы заявить о своих научных взглядах, не боясь навлечь на себя непримиримую критику «чистых» лингвистов, слишком прямолинейно принявших высказывание Ф. де Соссюра о необходимости изучать «язык в самом себе и для себя». Рассматриваемый раздел И.А. Бубновой, как и вся рецензируемая коллективная монография, — тому подтверждение.

Обратимся к разделу «Семантические исследования в психолингвистике постнеклассического периода: проблема понимания человека», в котором автор представляет свое понимание процесса формирования личности в современном глобализованном и техногенном мире. Кому-то высказывание В.С. Степина, приведенное И.А. Бубновой, может показаться слишком жестким: «современная массовая культура создала такие условия для манипуляции сознанием, которые блокируют способность человека рационально воспринимать окружающий мир, превращая и манипуляторов, и манипулируемых „в персонажи гигантского куколь-

ного театра, спектакли которого разыгрывают с человеком им же порожденные фантомы“» (Степин 2006:101). Выход из высказанного положения его автор видит в необходимости «сместить фокус исследования на категорию *человек*, что даст возможность детально проанализировать направление изменений содержания как индивидуального, так и национального образов мира» (Там же: 105, 106). Далее, опираясь на концепцию Ананьева, подчеркивающего, что «центральная область индивидуальности — это Я человека, его внутренний образ мира, который является психологическим барьером, определяющим избирательное отношение человека к различным внешним воздействиям (Ананьев 1968: 329), И.А. Бубнова намечает перспективы психолингвистических исследований формирования человека говорящего как личности, способной «противостоять манипуляциям и вести себя в соответствии с собственной системой смысложизненных ориентаций в различных ситуациях» (Бубнова, Неопсихолингвистика, или психолингвистика личности: новое направление психолингвистических исследований 2017: 108). Такой подход и именуется автором раздела *неопсихолингвистикой*, или *психологией личности*.

В третьем разделе И.А. Бубнова рассматривает также важное положение о связи неопсихолингвистики с психолингвокультурологией. Отмеченная взаимосвязь двух направлений предполагает возможность совместного изучения, с одной стороны, культурных смыслов, заключенных в знаках культуры, с другой — реальной интерпретации культурного знака, рассматриваемого как «закодированный» текст. Предлагаемый подход представляется актуальным, прежде всего, в связи с тем положением, что сегодня многими отмечается, что подавляющее большинство молодых людей плохо владеют своим родным русским языком, но при этом, хотя и на довольно примитивном уровне, знают английский. Безусловного одобрения заслуживает то, что в монографии представлена не только эта жесткая позиция, но и методы противостояния сложившейся в нашей стране языковой и социально-культурной ситуации. Решение с помощью психолингвистических методов таких конкретных научных задач, как: изучение структуры и содержания субъективного значения; комплексный подход к исследованию психологической структуры значения в русле психолингвистики; анализ неразрывной связи субъективного значения слова и интеллекта носителя языка; определение роль социума и культуры в формировании индивидуального образа мира; выявление факторов, влияющих на формирование личностного смысла, и, в конечном счете, определение соотношения индивидуального, национального и универсального в образе мира, весь этот комплекс сложных научных задач намечает перспективу исследований в русле неопсихолингвистики и дает надежду на то, что «происходящие сегодня изменения в содержании русской языковой личности не являются необратимыми, что они не затронули глубинное чувство национального самосознания, не являются свидетельством ослабления связей внутри нации как отдельной социальной группы, не приведут к изменению национального, обусловленного тысячелетней культурой, миропонимания, полной потере чувства национальной идентичности, и, как следствие, потере национального суверенитета страны» (Бубнова 2017: 179).

Отмеченная взаимосвязь неопсихолингвистики и лингвокультурологии позволяет органично перейти к рассмотрению Части 2 рецензируемой коллективной монографии, озаглавленной «Психолингвокультурология и когнитивная лингвокультурология». Как видно из названия, эта часть включает в себя две больших главы.

Глава 1 «Психолингвокультурология как наука о человеке говорящем сквозь призму лингвокультуры» написана В.В. Красных и, как отмечает сам автор, в фокусе внимания в ней «находится психолингвокультурология (ПЛК) как новое направление исследований, основной объект данной дисциплины — лингвокультура, предмет — словарь и грамматика лингвокультуры, базовая категория как лингвокультуры, так и ПЛК — человек говорящий» (Красных 2017: 183).

Первый раздел главы и посвящен определению этого центрального понятия как всей монографии, так и ее второй части. Представив последовательно все составляющие понятия человек-личность, В.В. Красных приходит к выводам, позволяющим составить ясное представление о единстве самостоятельных, но взаимосвязанных и взаимодействующих феноменов, которое обуславливает многомерность и формирует сложный многогранник бытия человека говорящего:

Итак, «человек говорящий с точки зрения ПЛК — это:

- 1) личность — носитель языка, сознания / языкового сознания / индивидуального образа мира;
- 2) член сообщества / сообществ, носитель общественного сознания / этнического (национально-культурного) образа мира;
- 3) представитель культуры и лингвокультуры;
- 4) субъект праобраза мира;
- 5) участник коммуникации; человек говорящий — осуществляющий речевую деятельность и вступающий в коммуникацию носитель языка и сознания, культуры и лингвокультуры, представитель разных сообществ» (Красных 2017: 202).

Хотелось бы отметить особую скрупулезность, которая свойственна научному стилю В.В. Красных в целом и в данной работе в частности. Все названные составляющие понятия «человек говорящий» подробно анализируются в рассматриваемой части монографии. Простое перечисление направлений этого анализа заняло бы добрую половину текста самой рецензии. Думаю, что правильнее было бы отослать читателей непосредственно к соответствующему разделу монографии. Здесь же, вероятно, следует выделить базовые постулаты психолингвокультурологии как новой науки о человеке говорящем. Они приводятся автором в одноименном разделе монографии. Их в авторском представлении — шестнадцать, и каждый из них не только назван, но и тщательно проанализирован. Приведем лишь некоторые, наиболее существенные, из базовых постулатов психолингвокультурологии. Так, под номером один В.В. Красных называет «Изоморфизм признаков языка, культуры, лингвокультуры. Данный постулат утверждает наличие общих признаков у культуры, лингвокультуры и (естественного) языка как самостоятельных семиотических систем, каждая из которых обладает своим собственным „языком“» (Красных 2017: 248). Следующий базовый постулат ПЛК гласит: «Существует соотнесенность языковых единиц с кодами культуры» (Там же: 250).

Назовем также еще один из основных базовых постулатов ПЛК: «Базовая категория лингвокультуры — человек говорящий, который рассматривается как центральная фигура/ядро неслиянного единства „человек — сознание — язык — культура — лингвокультура — коммуникация — сообщество“» (Там же: 256).

Из всего сказанного следует, что психолингвокультурология — это совершенно новое направление в науке о человеке говорящем, у которого — большое будущее. В этом убеждает высокий уровень компетентности автора — Виктории Владимировны Красных, так ярко и подробно рассказавшей о нем в рецензируемой коллективной монографии.

Завершает вторую часть монографии глава «Перцепция и фразеологический знак в свете (психо)лингвокультурологического подхода», написанная И.В. Зыковой. Автор данного раздела обозначает свою общность с соавторами коллективной монографии, подчеркивая, что исследование такого сложного научного объекта, как человек говорящий, «делает фактически неизбежными выход за пределы его сугубо лингвистического изучения и интеграцию лингвистики с другими, прежде всего, смежными с ней научными дисциплинами, среди которых антропология, этнография, культурология, психология, философия, социология и др.» (Зыкова 2017: 263).

Однако при этом И.В. Зыкова подчеркивает и специфику своего научного направления, которая заключается в том, что принадлежащие к нему языковеды обращаются к изучению *Homo Loquens* как человека ощущающего (*Homo Sentiens*) и одновременно человека творящего (*Homo Creans*). Эти ученые пытаются показать, что «человек говорящий становится или является таковым в силу функционирования присущей ему сложнейшей перцептивной системы, благодаря которой он обретает особые способности к языкотворчеству, к созданию, в частности, специфических знаков культурно-языковой природы — фразеологизмов» (Там же: 263). Для дальнейших рассуждений автор прослеживает историю развития понятия «перцепция», называя имена известных исследователей данного феномена (М. Мерло-Понти, Д. Бом, Д. Хауз и К. Классен и др). Каждый из названных специалистов предлагает свое понимание перцепции, а в энциклопедических словарях приводится до шести дефиниций этого сложного явления. В специальном разделе И.В. Зыкова приводит список сопредельных понятий: *стимул* (раздражение), *рецепторы* (с их классификацией), *анализаторы*. Важным для построения теории фразеологизма представляется положение о том, что в основе разграничения различных анализаторов лежит классификация органов чувств (зрения, слуха, осязания, обоняния, вкуса, равновесия).

Центральным в теории смыслообразования фразеологизмов является положение о креативном характере перцепции, которая «служит стимулом или источником продуцирования некоего содержания, обладает смыслопорождающим потенциалом. Перцепция представляет собой, в сущности, специфический „креативный механизм“ продуцирования содержания (смыслов, информации), „овнешнего“ в телах языковых знаков и составляющего глубинный базис их значения» (Зыкова 2017: 282—283).

Наибольший интерес представляет та часть главы, в которой автор приводит конкретные примеры фразеологизмов и анализирует различные перцептивные источники их формирования. Для объяснения данного процесса вводится понятие *макрометафорической концептуальной модели*. По словам И.В. Зыковой, эта модель становится источником образования конкретного фразеологического образа, на базе которого в свою очередь создается определенная фразеологическая семантика и, соответственно, фразеологический знак, получающий особый статус — статус культурно-языкового знака (Зыкова 2017: 293). Необходимо отметить, что в работе приводится большое количество конкретных примеров фразеологизмов и их тщательный анализ, что, безусловно, облегчает восприятие сложного теоретического материала.

Заключает главу важный вывод автора о том, что фразеологический знак, с точки зрения его перцептивного рассмотрения, возникает в «недрах» сознания Homo loquens как ответ на тот «чувственный смысл», который рожден его восприятием мира (Зыкова 2017: 342).

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что рецензируемая коллективная монография «(Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем» открывает перед современной гуманитарной наукой в целом и перед названными в заглавии новыми лингвистическими науками широкие перспективы для дальнейшего увлекательного поиска, а колоссальный труд авторов монографии вызывает заслуженное уважение.

© Н.Л.Чулкина, 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ажеж К. *Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки*. Пер. с фр. М.: Эдиториал УРСС, 2003. [Ajež, K. *Chelovek govoriashchij: Vklad lingvistiki v gumanitarnye nauki*. Moscow: Editorial URSS, 2003. (In Russ.)]
- Ананьев Б.Г. *Человек как предмет познания*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. [Ananiev, B.G. (1968). *Chlovek kak predmet poznaniya*. Leningrad: LGU. (In Russ.)]
- Арутюнова Н.Д. *Язык и мир человека*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. [Arutjunova, N.D. (1998). *Jazyk i mir cheloveka*. Moscow: Jazyki russkoi kultury (In Russ.)]
- Бубнова И.А. Язык как оружие денационализации массового сознания // *Язык: мультидисциплинарность научного знания: научный альманах* / под ред. О.В. Труновой. Вып. 5. Барнаул, 2014. С. 8—15. [Bubnova, I.A. (2014). *Jazyk kak orujie denatsionalizatsii massovogo soznaniya*. In: O.V.Trunova (Ed). *Jazyk: multidistsiplinarnost nauchnogo znaniya: nauchnyi almanah*, 5. Barnaul, 8—15. (In Russ.)]
- Бубнова И.А. Неопсихолингвистика, или психолингвистика личности: новое направление психолингвистических исследований // *(Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем* / под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017. С. 97—173. [Bubnova, I.A. (2017). *Neopsiholingvistika, ili psiholingvistika lichnosti: novoe napravlenie psiholingvisticheskikh issledovanij*. In: Krasnyh V.V. (Ed.) (2017) *(Neo)psiholingvistika i (psih)lingvokulturologija: novye nauki o cheloveke govorjashsem*. Moscow: Gnozis, 97—173. (In Russ.)]
- Залевская А.А. *Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды*. М.: Гнозис, 2005. [Zalevskaja, A.A. (2005). *Psiholingvisticheskiye issledovanija. Slovo. Tekst: Izbrannyje Trudy*. Moscow: Gnozis. (In Russ.)]

- Зыкова И.В. Перцепция и фразеологический знак в свете (психо)лингвокультурологического подхода // «(Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем» / коллективная монография / Под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017. С. 262—334. [Zykova, I.V. Pertseptcija i frazeologičeskij znak v svete (psiho) lingvokulturologičeskogo podhoda. In: Krasnyh V.V. (Ed.) (2017) *(Neo)psiholinvistika I (psiho)lingvokulturologija: novye nauki o cheloveke govorjashsem*. Moscow: Gnozis, 262—336. (In Russ.)]
- Караулов Ю.Н. *Русский язык и языковая личность*. М.: Наука, 1987. [Karaulov, U.N. (1987). *Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'*. Moscow: Nauka (In Russ.)]
- Красных В.В. Новые науки о человеке говорящем: ответ на вызов нашего времени. Вступительная статья // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017. С. 6—20. [Krasnyh, V.V. (2017). *Novye nauki o cheloveke govorjashsem: otvet na vyzov našego vremeni: Vstupitel'naja statja*. In Krasnyh V.V. (Ed.) *(Neo)psiholinvistika I (psiho)lingvokulturologija: novye nauki o cheloveke govorjashsem*. Moscow: Gnozis, 6—20. (In Russ.)]
- Красных В.В. Психолингвокультурология и когнитивная лингвокультурология // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017. С. 183—261. [Krasnyh, V.V. (2017). *(Psiho)lingvokulturologija i kognitivnaja lingvokulturologija*. In: Krasnyh V.V. (Ed.) (2017) *(Neo)psiholinvistika i (psiho)lingvokulturologija: novye nauki o cheloveke govorjashsem*. Moscow: Gnozis, 183—261. (In Russ.)]
- Степин В.С. *Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук*. М.: Гардарики, 2006. [Stepin, V.S. (2006). *Filosofija nauki. Obshie problemy: uchebnik dla aspirantov i soiskatelej uchenoj stepeni kandidata nauk*. Moscow: Gardariki (In Russ.)]
- Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение — новая онтология языкового знания // *Этнокультурная специфика языкового сознания*. М., 1996. [Tarasov, E.F. (1996). *Mezkulturnoje obshenie — novaja ontologija jazykovogo soznanija*. In: *Etnokulturnaja spetsifika jazykovogo soznanija*. Moscow. (In Russ.)]
- Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // *Языковое сознание и образ мира: Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева*. М., 2000. С. 24—38. [Tarasov, E.F. (2000). *Aktualnye problemy analiza jazykovogo soznanija*. In: Ufimtseva N.V. (2000). *Jazykovoe soznanie i obraz mira*. Moscow, 24—38. (In Russ.)]
- Уфимцева Н.В. Этнопсихолингвистика как раздел теории речевой деятельности // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017. С. 21—96. [Ufimtseva, N.V. (2017). *Etnopsiholinvistika kak razdel teorii rechevoj dejatel'nosti*. In: Krasnyh V.V. (Ed.) (2017) *(Neo)psiholinvistika i (psiho)lingvokulturologija: novye nauki o cheloveke govorjashsem*. Moscow: Gnozis, 21—96. (In Russ.)]

Словари / Dictionaries

- Русский ассоциативный словарь*: в 2-х т. / Составители: Ю.Н. Караулов (отв. ред.), Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: Астрель; АСТ, 2002. [Karaulov, U.N. (Ed.) (2002). *Russkij assotsiativnyj slovar*, 1—2 vol. Moscow: Astrel; AST.]
- Славянский ассоциативный словарь: Русский, белорусский, болгарский, украинский* / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. М., 2004. [Ufimtseva, N.V., Cherkasova G.A., Karaulov U.N., Tarasov E.F. (2004). *Slavjanskij assotsiativnij slovar: Russkij, belorusskij, bolgarskij, ukrainskij*. Moscow.]

Для цитирования:

Чулкина Н.Л. Рецензия на коллективную монографию **И.А. Бубновой, И.В. Зыковой, В.В. Красных, Н.В. Уфимцевой «(Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем»** / под ред. **В.В. Красных**. М.: Гнозис, 2017. — 390 с. // **Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика**. 2018. Т. 22. № 1. С. 200—209. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-200-209.

Сведения об авторе:

ЧУЛКИНА НИНА ЛЕОНИДОВНА — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания, филологический факультет, Российский университет дружбы народов. *Сфера научных интересов:* психолингвистика, этнопсихолингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, семиотика, межкультурная коммуникация. *Контактная информация:* e-mail: nina.chulkina@yandex.ru

For citation:

Chulkina, Nina (2018). Review of **I.A. Bubnova, V.I. Zyкова, V.V. Krasnykh, N.V. Ufimtseva (2017).** (Neo)psycholinguistics and (psycho)linguoculturology: new sciences about Homo loquens, Moscow: Gnosis, 390 p. (In Russ.) *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 200—209. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-200-209.

Bionote:

NINA CHULKINA is full professor at the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Her research interests cover psycholinguistics, ethnopsycholinguistics, linguoculturology, cognitive linguistics, semiotics, intercultural communication. *Contact information:* e-mail: nina.chulkina@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-210-214

**CONFERENCE ON EUROLINGUISTICS
“EUROPEAN PHILOLOGY AND SOCIETAL ISSUES”
at VHS Donauwörth, Germany,
29 september — 1 october 2017**

**КОНФЕРЕНЦИЯ «ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ», Донауверт, Германия,
29 сентября — 1 октября 2017 г.**

Eurolinguistics, as Norbert Reiter (who coined the term (Reiter 1991) defines it, is the search for the commonalities among European languages, which will in part also require a discipline-specific methodology. The author of this report has felt the call to pursue this search for over ten years now (cf., e.g. Grzega 2012a, 2012b & 2013), and so has the Eurolinguistic project “Innovative Europäische Sprachlehre (InES)” (‘Innovative European Language Teaching’). The InES project is located at Volkshochschule Donauwörth (VHS Donauwörth). A German *Volkshochschule* is an institution for adult further training. The InES project falls within applied linguistics and it intends to address the general public. It rests on two main pillars:

- (1) The first pillar consists in developing, testing, and offering more efficient ways toward foreign language competence, especially as a beginner, such as: (a) *Basic Global English* (cf. www.basicglobalenglish.com), which provides 20 to 25 hours (in total) from 0 to at least the A2 level of the CEFRL (Common European Framework Reference for Languages); (b) the Language Workout method in the form of *SprachFitnessStudios* ‘LanguageGyms’, providing important communicative bricks on European languages for homogeneous learner groups in just one day (cf. Grzega/Hanusch/Sand 2014); (c) the *Sprach-Not-Arzt* model ‘Language Emergency Doctor’ for heterogeneous learner groups from all over the world so that they can acquire basic knowledge of a European language in just three days (here, German) (cf. www.sprach-not-arzt.de); (d) the *Alphabet-Not-Arzt* ‘Alphabet Emergency Doctor’ for those learners of German who are not familiar with the Latin alphabet yet (cf. www.sprach-not-arzt.de); (e) new ways of training communicative competence at the intermediate level.
- (2) The second pillar consists in developing, testing and offering more efficient ways toward native language competence, especially regarding a better understanding of the interconnection between language, thought and action, such as: (a) *Ort-und-Wort-Wanderung* ‘Town and Tongue Tour’, intended to learn European languages, which guides a group through the center of a European town, stopping at various spots, discussing the landmarks, and illustrating what the designations tell us about

Europe's cultural history; (b) “edutaining” European quizzes which do not ask for detailed knowledge, but focus on larger lines, rules of thumb, or certain periods of European history, including additional audio and video material as well as questions; (c) interactive and “edutaining” lectures on the interconnection of language, thought and action in European languages, related to topics such as music, food, celebrations, the use of numbers, freedom, peace, ecology and economy; the lectures are spiced up with musical performances related to the topics; (d) interactive poster collections (with two posters for each aspect of a collection, one poster with questions and another poster with the corresponding keys/answers and further explanations, e.g. “Language and Peace” and “Language and Ecology”); (e) cultural training and political reflection by using poems that are intelligible all over Europe and by using musical renditions of some of these poems.

In addition to on-site offers in Donauwörth and other parts of Germany, a few videos with examples have been put on YouTube (they are in German and can be found by inserting “Innovative Europäische Sprachlehre” into the search line).

As part of the InES project, VHS project head Joachim Grzega, VHS Director Gudrun Reißer and VHS President Paul Soldner organized an international Eurolinguistics conference from 29 September to 1 October 2017 with the frame topic “European Philology and Societal Issues”. Most contributions were more or less directly linked to aspects of promoting peace. Participants came from Europe's west (Germany, Austria), the east (Hungary, Poland), the north (Sweden), and the south (Italy, Spain).

Prof. Dr. Joachim Grzega (VHS Donauwörth & U Eichstätt-Ingolstadt) gave a talk entitled “*Qualitative and Quantitative Comments on Peace and War from a Eurolinguistic Perspective*”. An quantitative analysis of newspaper magazines from Germany, France, the UK and Spain revealed the high frequency of violence-shaped headlines. Other analyses showed that military expenditure is lower in countries in which ‘peaceful’ is also a regular word for ‘calm’, higher in countries where the words for ‘loud’ and ‘strong, powerful’ are the same, and positively correlated with the prominence of violence in the national anthems.

Prof. Wolfgang Dietrich (U Innsbruck, UNESCO Chair of Peace Studies) presented “*Interpretations of the Many Peaces in History and Culture*”. He demonstrated how differently peace can be seen and how this can be included in peace trainings, capturing the various types of view under the categories *energetic peaces*, *moral peaces*, *modern peaces*, *postmodern peaces* and *transrational peaces* [sic!] (cf. also Dietrich 2012).

Dr. Bea Klüsener (VHS Wuppertal & U Eichstätt-Ingolstadt) illustrated the cultural and lexemic heritage of “*120 Years of Dracula — Vampires and Other Blood-Suckers in European Literary and Non-Literary Discourse*”. She gave examples of how societies have often been comparing certain social groups to animals in a negative way, down to the present day.

Marlene Herrschaft-Iden M.A. (U Passau) analyzed “The Notion of Europe in British Parliamentary Discourse” and gave evidence that *Europe* has, on the one hand, been associated with democracy, freedom and open markets as positive aspects, but at the same time has been receiving negative criticism with respect to actual policies (especially on the side of the conservative party).

Prof. Dr. Magdalena Szulc (U Lublin) introduced “*EUROJOS: A Project for Developing Cognitive Definitions of Selected Notions Across Europe* (Ein Projekt zur Erschaffung von kognitiver Definition bestimmter Begriffe im europäischen Vergleich)”. Resorting to the notions of FREEDOM and DEMOCRACY, she showed how an international team of researchers has been able to detect connotative differences by means of a survey and the use of lexicographical sources and text corpora.

Prof. Dr. Bernhard Pöll (U Salzburg) gave a talk entitled “*Some Comments on Pluricentric Languages in Europe*”. Pluricentrism can be understood as a purely descriptive concept, or as a political concept supporting measures that make a speech community distributed over more than one country (such as the case of France, England, Germany and Spain) accept the co-existence of several standard norms.

Prof. Dr. Rosa Maria Calafat Vila (U Palma) talked about “*European Minority Languages: Text and Context — Attitudes of Speakers* (Lenguas minorizadas europeas: texto y contexto — actitudes lingüísticas del hablante)”. Based on earlier research (Calafat 2010), she showed how today some minority languages are in a position to overcome the depreciation of some legal contexts to which they have been submitted, such as the Catalan language community, which has proven how planning new cultural and linguistic habits, fomented by governmental resources, modifies speakers’ behaviours using tools that provide them with linguistic security.

Assis.Prof. Dr. Andrea Reményi (U Budapest-Piliscsaba) presented her ideas on “*EU Integration Through a Possible New (Language) Teacher Exchange Programme*”. She reported on how and why programs that have been offered by the EU so far have been only scarcely used, and gave some ideas on how this can be changed, particularly through a more structured support to make stays fruitful for teachers, school and students of the host and base school alike.

Prof. Dr. Manuela Cipri (U Rome-La Sapienza) illustrated “*Gender Stereotypes in European Culture* (Stereotipi di genere nella cultura europea)”; she brought together observations from linguistics, everyday semiotics, and arts.

Finally, Joachim Grzega and Bea Klüsener presented “*New Ideas for Testing and Training Communicative Competence*”, such as creating sentences according to a given structure with the core words -all starting with the same letter-, having learners complete texts where the second half of certain words has been deleted (similar to C-tests) and preparing for role-plays with a combination of model conversation bricks and pictures for variants of certain slots.

As the transfer of academic results to general society is important in the InES project, these participants also presented short versions of their findings in a 2-hour event for a general public. These presentations triggered a number of interesting questions from, and discussion with, the lay audience.

In addition, two participants joined the academic part via Skype. Prof. Dr. Laura Ferrarotti (U Rome-La Sapienza) talked about “*English in the Linguistic Landscape and Its Implications for Teaching*”, showing how shop signs in Europe can be used as material for academic sociolinguistic research training courses, as well as for language competence courses in native-speaker English and English as a lingua franca. Dr. Beyza Björkman (U Stockholm) summarized research on “*English as a European Business*

Lingua Franca”. In particular, she pointed out the high degree of interactional and pragmatic competence of non-native speakers of English in comparison to that of native speakers.

Conference entertainment (or rather “edutainment”) included a language-related European tour through Donauwörth and the presentation of the following new Euro-linguistic publications:

- ◆ *European Quiz Book* and the German version *Europa-Quiz-Buch* (Grzega 2017a, Grzega 2017b) (in which the questions include recurring principles in European history)
- ◆ *Europoesia* (Grzega 2017c) (a collection of poems in which Grzega put together morphemes, lexemes and collections that are intelligible to all or a large part of Europeans; some poems are just for fun, some were created for social criticism)
- ◆ *Wohlstand durch Wortschatz? Wie Wörter die Leistung europäischer Länder prägen und uns Chancen zu Besserem bieten* (Grzega 2017d) (‘Wealth Through Words? How Words Coin the Performance of European Countries and Offer Chances for Something Better’)

All four books are available directly via the publisher www.epubli.de or through bookstores.

Some of the conference contributions have been published in vol. 14 of the *Journal for EuroLinguistiX* (www.eurolinguistix.com).

Photo: Presenting the results of their European studies at a well-received event for a general audience (from left to right): Rosa Calafat, Wolfgang Dietrich, Manuela Cipri, Bernhard Pöll, Andrea Reményi, Magdalena Szulc, Marlene Herrschaft-Iden, Bea Klüsener, Joachim Grzega

REFERENCES

- Calafat, Rosa (2010). *Per a un ús ètic del llenguatge*, Barcelona: Angle editorial.
- Dietrich, Wolfgang (2012). *Interpretations of Peace in History and Culture*, London: Palgrave Macmillan.
- Grzega, Joachim (2012a). Developing Europragmatics — Food for a Eurolinguistic Stepchild, *Journal for EuroLinguistiX*, 9: 11—50.
- Grzega, Joachim (2012b). *Europas Sprachen und Kulturen im Wandel der Zeit: Eine Entdeckungsreise*, Tübingen: Stauffenburg.
- Grzega, Joachim (2013). *Studies in Europragmatics: Some Theoretical Foundations and Practical Implications*, [Eurolinguistische Arbeiten 7], Wiesbaden: Harrassowitz.
- Grzega, Joachim (2017a). *Europa-Quiz-Buch: Kulturgeschichtliche Fragen und Faustregeln für mehr Europa-Verständnis*, [ASEcoLi Publications by the Academy for SocioEconomic Linguistics 9], Berlin: epubli.
- Grzega, Joachim (2017b). *European Quiz Book: Q's and Cues for a Better Understanding of Europe*, [ASEcoLi Publications by the Academy for SocioEconomic Linguistics 11], Berlin: epubli.
- Grzega, Joachim (2017c). *Europoesia*, Berlin: epubli.
- Grzega, Joachim (2017d). *Wohlstand durch Wortschatz? Wie Wörter die Leistung europäischer Länder prägen und uns Chancen zu Besserem bieten*, [ASEcoLi Publications by the Academy for Socio-Economic Linguistics 10], Berlin: epubli.
- Grzega, Joachim, Hanusch, Nora, Sand, Claudia (2014). “Quantitative Ergebnisse zur Sprachworkout-Methode”. *Journal for EuroLinguistiX* 11 (2014): 90—164.
- Reiter, Norbert (1991). Ist Eurolinguistik Gotteslästerung?, in: Feldbusch, Elisabeth et al. (eds.), *Neue Fragen der Linguistik: Akten des 25. Linguistischen Kolloquiums Paderborn 1990*, 109—113, [Linguistische Arbeiten 270], Tübingen: Niemeyer.

For citation:

Grzega, Joachim (2018). Conference on Eurolinguistics “European Philology and Societal Issues” at VHS Donauwörth, Germany, 29 September — 1 October 2017. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 210—214. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-210-214.

Bionote:

Dr. JOACHIM GRZEGA, born in 1971, is Associate Professor at the University of Eichstätt-Ingolstadt (Germany) and currently head of the project “Innovative Europäische Sprachlehre (InES) ‘Innovative European Language Teaching’” at Volkshochschule (VHS) Donauwörth. He held interim and guest professorships at the universities of Münster, Bayreuth, Erfurt, Freiburg and Budapest. Among his research interests are Eurolinguistics (that is the search for the commonalities between European languages), the interplay of language/thought/action (particularly concerning economic aspects), expert-layperson communication, intercultural communication, the model Lernen durch Lehren (‘Learning by Teaching’), and teaching European languages to beginners. He wrote numerous books and articles. His website: www.grzega.de

Для цитирования:

Grzega, Joachim (2018). Conference on Eurolinguistics “European Philology and Societal Issues” at VHS Donauwörth, Germany, 29 September — 1 October 2017. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 210—214. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-210-214.

Сведения об авторе:

ЙОАХИМ ГЖЕГА — профессор Католического университета Айхштетт-Ингольштадт, Германия, в настоящее время является руководителем проекта «Инновационное обучение европейским языкам» в народном университете Донауверта. В качестве приглашенного профессора читал лекции в университетах в Мюнстере, Байройте, Эрфурте, Фрайбурге и Будапеште. Среди его исследовательских интересов — евролингвистика (то есть поиск общности между европейскими языками), межкультурная коммуникация, преподавание европейских языков для начинающих. Он является автором многих книг и статей, которые можно найти на его сайте: www.grzega.de

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-215-222

**ЛИНГВИСТИКА СЕГОДНЯ:
ОТ ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНОСТИ
К ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ
(III Фирсовские чтения.
Москва, 14—15 ноября 2017 г.)**

**LINGUISTICS TODAY:
FROM INTERDISCIPLINARINESS
TO TRANSDISCIPLINARINESS
(The 3d Annual Firsova Readings.
Moscow, Russia, 14—15 November 2017)**

Развитие науки является ярким свидетельством того, что на различных стадиях научного познания можно наблюдать как центрированные, так и центробежные тенденции. Научное познание идет не только по пути жесткой дифференциации, но и демонстрирует возможности тесной интеграции, которая граничит с синтезом. Плодотворность обоих этапов неоспорима, ибо каждый из них в той или иной мере продвигает научное познание на пути дальнейшего освоения законов окружающей действительности. Нынешний этап развития лингвистического знания и теории характеризуется во внешнем плане высокой интеграцией с самыми различными отраслями науки, а во внутреннем — тесным взаимодействием лингвистических парадигм и направлений. Соответственно, речь в данном случае идет о междисциплинарности как подходе к решению научно-исследовательских задач.

Междисциплинарность — явление, которое вызывает противоречивую реакцию в современном научном сообществе. Критические замечания, связанные с междисциплинарностью, сводятся к использованию дрейфующих из одной области научного знания в другую и вследствие этого нечетко дефинируемых понятий. Тем не менее, доказательством того, что данный подход имеет все права на существование и, более того, продуктивен и эвристичен, является тот факт, что все большее число современных исследований проводится именно в статусе междисциплинарных. Плодотворность данного подхода, который позволяет генерировать новое знание на стыке наук, направлений и методологий, находит закономерное объяснение в рамках гносеологии. В этом отношении как нельзя современно и своевременно звучат слова В.И. Вернадского о том, что «наука одна, и едина, ибо, хотя количество наук постоянно растет, создаются новые, — они все связаны в единое научное построение и не могут логически противоречить одна другой»

(Вернадский 2008: 71). Соответственно, объединение ученых для решения научных задач должно происходить исходя из исследуемой ими проблематики вне зависимости от области специализации.

Современное научное познание — яркий пример того, как идея междисциплинарности при обретении научного знания претворяется на практике. Востребованность междисциплинарных исследований приводит к тому, что углубляется само понимание междисциплинарности, становится возможной его множественная интерпретация. Наблюдения над практикой проведения научных исследований дают все основания говорить о различных подходах к толкованию рассматриваемого термина. Так, междисциплинарность предполагает достижение нового научного знания об объекте (1) на основе интеграции нескольких научных областей и, как следствие, формирование новой интегративной отрасли знания (трансдисциплинарность); (2) на стыке дисциплин (интердисциплинарность); (3) как следствие синтеза разноплановых исследований, которые направлены на комплексное и системное изучение объекта, воссоздающее его целостность (мультидисциплинарность), а также (4) в результате взаимодействия нескольких парадигм внутри одной научной дисциплины (полипарадигматизм). Соответственно, курс на междисциплинарность, которым уверенно идет современная лингвистика, приводит к тому, что в результате своего развития междисциплинарные исследования получают статус транс-, интер-, мультидисциплинарных или полипарадигмальных (см. например, Иванова 2016, Ионова, Ларина 2016, Карасик 2013, Красных 2017, Шаховский 2016, Фещенко 2016, Kecskes 2014, Muth 2017, Ponton, Larina 2016, 2017, Snell, Show and Copland 2015 и многие другие).

Множественность направлений современной лингвистики, междисциплинарность исследований нашли свое отражение в работе Международной научно-практической конференции «III ФИРСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ. ЛИНГВИСТИКА В XXI ВЕКЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПАРАДИГМЫ», которая проходила под эгидой Российского университета дружбы народов 14—15 ноября 2017 года и была посвящена памяти известного отечественного филолога-испаниста, педагога — Наталии Михайловны Фирсовой. Целью конференции стало обсуждение различных аспектов изучения взаимосвязи языка, культуры, перевода и коммуникации в рамках современной междисциплинарной парадигмы исследований. В своих докладах отечественные и зарубежные ученые представили решение актуальных проблем, касающихся сопоставительных исследований языков и культур, этнокультурной идентичности, языковых контактов и межкультурной коммуникации, языковой неоднородности и конфликтов, в эпоху глобализации и мультикультурализма.

Как отметили участники конференции, развитие лингвистики, начиная со второй половины XX века, стало ярким свидетельством продуктивности идеи междисциплинарности. Весьма показательным примером в этом отношении является лингвистическая прагматика — направление, изначально создававшееся как интердисциплинарное, но выросшее в трансдисциплину, которая сводит воедино и одновременно взаимодействует с широким кругом гуманитарных дисциплин. Так,

прагматика, которая имеет дело с языком в действии или, иными словами, с употреблением языка, привлекает знание философии, психологии, этологии, этнологии/антропологии, социологии, расширяя горизонты лингвистики, и, тем самым, возможности обретения научного знания (Senft 2014). Особенности прагматики как трансдисциплины было посвящено выступление Гюнтера Сенфта (Институт психолингвистики Макса Планка, Неймеген, Нидерланды), в основу доклада которого легла написанная им и изданная в 2014 году книга “Understanding Pragmatics” (Senft 2014). Функционирование языка, по словам Г. Сенфта, не ограничивается рамками знания лексики и/или грамматики, но требует осведомленности о культуре, ситуативном и межличностном контексте и о сложившихся в обществе конвенциях, обуславливающих коммуникацию. Совокупность всех этих факторов способствует созданию значения как со-значения и понимания как взаимопонимания. Именно на изучение данных процессов направлена прагматика, ставшая реакцией на структуралистскую и хомскианскую лингвистику. Гюнтер Сенфт подчеркивает, что понимание необходимости переключения с языковой структуры на реального носителя языка и его коммуникативное поведение заставило исследователей обратиться к употреблению языка вкупе с окружающим его контекстом. Это и обусловило поворот к прагматике, которая направлена на изучение языковых и культурноспецифических форм языка применительно к коммуникативному поведению человека. Более того, вслед за коллегами Г. Сенфт констатирует развитие традиционной прагматики в сторону прагматики освобождающей, “*emancipatory pragmatics*” (Hanks et al. 2009), которая черпает свои данные и выводы, не ограничиваясь изучением традиционных языков Европы и Северной Америки.

Междисциплинарность позволяет исследователю более глубоко осмыслить широкие области исследования, какой, к примеру, является коммуникация, и проинвестировать экспансию методов из других наук, которые способствовали бы получению более точного знания (Mustajoki 2012). Этой комплексной проблематике посвятил свое выступление Арто Мустайоки (Хельсинский университет, Хельсинки, Финляндия). Он подчеркнул, что феноменологический подход, который зиждется на холистическом понимании языка (Kecskes 2010, Wiegand 2011), способствует тому, что лингвистика освобождается от редукционистской интерпретации коммуникации. Коммуникация, отмечает А. Мустайоки, не может быть сведена лишь к лингвистическим категориям — она шире, и потому требует более широкого — мультидисциплинарного — подхода и методов. Если исследователь ставит перед собой цель установить движущие силы, которые определяют протекание коммуникативных процессов, он должен учитывать целый комплекс факторов самой разной природы: лингвистической, социологической, культурологической, ментальной, когнитивной. Эти факторы обуславливают поведение обоих участников коммуникации (Mustajoki 2013, Mustajoki 2017), что многократно увеличивает шансы коммуникативных неудач. Соответственно, подчеркивает А. Мустайоки, перед исследователем коммуникативных и языковых процессов неизбежно возникает необходимость пересечь границы традиционных дисциплин и вооружиться методами, которые способствовали бы представлению изучаемого объекта во всех возможных измерениях.

Весьма созвучными мыслями поделился в своем докладе И.Г. Милославский (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия). Он также поставил вопрос о необходимости осмысленного выбора адекватного метода для проведения анализа в области коммуникативистики. Прорывной характер междисциплинарных и мультидисциплинарных исследований, по словам И.Г. Милославского, должен поддерживаться соответствующей методологией исследования и валидной постановкой исследовательских задач. Коммуникативистика требует деятельностного подхода к анализу языковой реальности, дифференциации коммуникативных интересов продуцента и реципиента речи при проведении лингвистического анализа. Анализ коммуникации, по словам И.Г. Милославского, позволяет внести коррективы в определение базовой единицы языка, перенеся акцент со слова на словосочетание (Милославский 2017: 27). Вывод такой степени значимости, безусловно, требует «перенастройки» в описании языковой действительности и в характере постановки исследовательских задач, то есть требует парадигмальных изменений.

Другим проявлением междисциплинарности может служить интердисциплинарность, которая предполагает порождение нового лингвистического знания на территории, сопредельной для нескольких научных областей. Ярким примером такого рода является лингвокультурология, которая направлена на «изучение и описание корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии» (Телия 1998: 217). Соответственно, интердисциплинарность составляет уже сам предмет лингвокультурологических исследований, поскольку он находится на стыке двух дисциплин — лингвистики и культурологии. Выявлению функциональных признаков интердисциплинарности в практике лингвокультурологического анализа было посвящено выступление С.В. Ивановой (ЛГУ им. А.С. Пушкина, С.-Петербург, Россия). Интердисциплинарность лингвокультурологических исследований обуславливает направление двух векторов, которые определяют статус лингвокультурологического исследования. Согласно одному из этих векторов, лингвокультурологическое исследование выстраивается по направлению «от культуры к языку», другой вектор предполагает более глубокий анализ, который начинается на уровне языкового семиотического пространства и выходит к пространству культурному (Иванова 2004: 63—64). Такого рода исследования требуют полипарадигмальных методов, которые подкрепляют интердисциплинарный статус работ, выполненных в рамках лингвокультурологии (Иванова 2016: 9—10).

К иному проявлению интердисциплинарности обращено выступление О.А. Леонтович (ВГСПА, Волгоград, Россия), раскрывающее позитивные и негативные последствия трансформаций в процессе интерсемиотического перевода русской классики на «язык» отечественной и зарубежной кинематографии и сценических произведений. Представленный доклад продолжает серию публикаций автора по проблеме множественности используемых знаковых систем, диалогичности текста литературы и «кинотекста», взаимодействия их эстетики (Леонтович 2008, 2015). И в данном случае интердисциплинарность связана с целостным объектом изучения, представляющим собой область интеграции языка кино и языка текста произведения, которые образуют общее интерсемиотическое пространство. В результате изучения системы интерсемиотических трансформаций исследователь

выстраивает соответствия между сферами смыслов и выражающими их знаковыми пространствами разной природы. Сопоставление сценического и литературного текстов позволяет автору выявить положительные последствия осуществляемых в процессе интерсемиотического перевода трансформаций. Все они связаны с принятием инокультурного текста, поскольку способствуют визуализации и осмыслению чужого культурного пространства за счет учета фоновых знаний адресной аудитории, выражения позитивного отношения к культуре-источнику и адаптации реалий и ценностей ксенокультуры к целевой культуре. Вместе с тем проведенный автором анализ позволяет выявить и негативные последствия трансформаций, которые включают различного рода (целенаправленные или спонтанные) деформации инокультурной действительности в результате идеологических соображений, недостаточной культурной грамотности, ошибочной интерпретации глубинных смыслов языка оригинального текста.

Свидетельством актуальности художественно-семиотической проблематики, является то, что она стала объектом анализа Е.Ю. Куликовой (Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия), обратившейся к творчеству Н. Гумилева. Исследователь находит определенное образно-смысловое соответствие между полотнами известных авангардистов — Н.С. Гончаровой и М.Ф. Ларионова — и стихами Н. Гумилева, посвященными им. Анализ творчества поэта позволяет выявить как следы семиотической унификации сделанных им текстов переводов, так и расхождения, продиктованные его художественной и ценностной картинами мира.

Межкультурная коммуникация бесценно привлекает внимание исследователей, работающих в русле идеи междисциплинарности. Важность вопросов межкультурного взаимодействия вряд ли можно переоценить (Ларина, Леонтович 2015), поскольку современный мир, стремясь к глобализации, испытывает и прямо противоположную тенденцию — повышение значимости собственной национальной идентичности. Исследователи пытаются найти точки взаимодействия, которые бы помогли избежать новых культурных конфликтов и войн. И в этом отношении обращение к языку как к средству самоидентификации, языковому и культурному пространствам как к пространству единого лингвокультурного семиозиса чрезвычайно востребовано. Вопросы межкультурного, а также культурно-языкового взаимодействия в их практическом воплощении нашли отражение в целой серии пленарных докладов. Так, Нгуэн Кань Тоан (Вьетнамская академия общественных наук, Вьетнам) остановился на вопросах влияния русской культуры и русской литературы на вьетнамцев. Рюичи Асаяма (Университет Сока, Токио, Япония) раскрыл особенности практики межкультурного общения при изучении литературы в университете Сока. Ален Вио (Национальный центр научных исследований, Бордо, Франция) представил возможности диглоссии как инструмента описания языковых контактов. О.С. Чеснокова (РУДН, Москва, Россия) остановилась на проблематике, которая касается одного из вопросов коммуникативного взаимодействия, — изучению форм обращения в испанском языке.

Эти и другие важные для современного научного знания вопросы получили освещение в докладах участников пленарных и секционных заседаний третьих

Фирсовских чтений. Конференция объединила исследователей различных научных направлений современной лингвистической мысли: теоретиков общего языкознания, социо- и психолингвистов, когнитологов, лингвокультурологов, переводоведов, специалистов в области прагматики, дискурс-анализа, межкультурной и межэтнической коммуникации. В работе конференции приняли участие 150 ученых из ведущих вузов и исследовательских центров России, Вьетнама, Испании, Нидерландов, Финляндии, Франции, Японии. На конференции были подняты вопросы, связанные с осознанием интегративного статуса современного языковедения, который реализуется не только в тесных взаимосвязях внутри теории языка, но и в результате взаимодействия различных областей гуманитарного и естественнонаучного знания. Участники конференции были единодушны во мнении, что именно эти процессы, отражают современный этап развития научного познания.

© С.В. Иванова, А.С. Борисова, 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Вернадский В.И. «Биосфера и ноосфера». Сборник цитат / В.И. Вернадский; [сост. К.А. Степанов]. М.: Фонд имени В.И. Вернадского, 2008. 324 с. [Vernadskii, V.I. (2008). «Biosfera i noosfera» ('Biosphere and nousphere'). Sbornik tsitat / V.I. Vernadskii; ed. by K.A. Stepanov. M.: Fond imeni V.I. Vernadskogo. (In Russ.)]
- Иванова С.В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм. Уфа: РИО БашГУ, 2004. 152 с. [Ivanova, Svetlana (2004). Lingvokul'turologiya i lingvokognitologiya: sopryazhenie paradigm (Cultural linguistics and Cognitive Linguistics: alignment of paradigms). Ufa: RIO BashGU (In Russ.)]
- Иванова С.В. Лингвокультурология: изучая лингвокультурный универсум. *Вестник Российской государственной дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Том 20. № 2. С. 9—16. [Ivanova, Svetlana (2016). Cultural Linguistics: Studying Linguocultural Universum. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (2), 9—16. (In Russ.)]
- Ионова С.В., Ларина Т.В. Лингвистика эмоций: от теории к практике. *Вестник Российской государственной дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015. № 1. С. 7—10. [Ionova Svetlana, Larina Tatiana (2015). Linguistics of Emotions: from Theory to Practice. *Russian Journal of Linguistics*, 1, 7—10. (In Russ.)]
- Карасик В.И. *Языковая матрица культуры*. М.: Гнозис, 2013. [Karasik, Vladimir (2013). *Yazykova matritsa kul'tury* (Language Matrix of Culture). M.: Gnozis. (In Russ.)]
- Ларина Т.В., Леонтович О.А. Преграды и мосты: значимость исследований в сфере межкультурной коммуникации // *Вестник Российской государственной дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015. Т. 19. № 4. С. 9—16. [Larina, Tatiana, Leontovich, Olga (2015). Too Many Walls and not Enough Bridges: the Importance of Intercultural Communication Studies. *Russian Journal of Linguistics*, 1, 9—16. (In Russ.)]
- Леонтович О.А. Интерсемиотический перевод как форма интерпретации культурных смыслов // *Проблемы лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации*: Сб. науч. трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып. 10. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. С. 56—61. [Leontovich, Olga (2008). Intersemioticheskii perevod kak forma interpretatsii kul'turnykh smyslov (Intersemiotic translation in the cultural aspect). *Problemy lingvistiki, perevoda i mezhkul'turnoi kommunikatsii*: Sb. nauch. trudov. Seriya «Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya». Novgorod: NGLU im. N.A. Dobrolyubova, 10, 56—61. (In Russ.)]

- Милославский И.Г. Наука о русском языке от классификационной парадигмы к деятельностной // Фирсовские чтения. Лингвистика XXI века: Междисциплинарные парадигмы: материалы докладов и сообщений международной научно-практической конференции «III Фирсовские чтения. Лингвистика XXI века: Междисциплинарные парадигмы» (Москва, 14—15 ноября 2017 года). Москва: РУДН, 2017. С. 24—29. [Miloslavskii, Igor (2017). *Nauka o russkom yazyke ot klassifikatsionnoi paradigmy k deyatel'nostnoi* (The Russian Language Study from Classification to Action). *Firsovskie chteniya. Lingvistika XXI veka: Mezhdistsiplinarnye paradigmy: materialy dokladov i soobshchenii mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «III Firsovskie chteniya. Lingvistika XXI veka: Mezhdistsiplinarnye paradigmy»* (Moskva, 14—15 November 2017). Moskow: RUDN, 24—29. (In Russ.)]
- Красных В.В. (ред.). (Нео) психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. М.: Гнозис, 2017 [In Krasnykh, Viktoria (ed.), (2017). *(Neo) psikholingvistika i (psikho)lingvokulturologiya: novye nauki o cheloveke govoryashchem* (Neo)psycholinguistics and (psycho)linguoculturology: new sciences about Homo loquens). М.: Gnozis. (In Russ.)]
- Фещенко В.В. (ред.) Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. М.: Культурная революция, 2016. [In Feshchenko, Vladimir (ed.), (2016). *Lingvistika i semiotika kul'turnykh transferov: metody, printsipy, tekhnologii* (Linguistics and Semiotics of cultural transfers: methods, principles, technologies). М.: Kul'turnaya revolyutsiya. (In Russ.)]
- Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: Либроком, 2016. [Shakhovskii, Victor (2016). *Emotsii: Dolingvistika, lingvistika, lingvokulturologiya* (Emotions: Pre-Linguistics, Linguistics and Cultural Linguistics). М.: Librokom. (In Russ.)]
- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. [Teliya, Veronica (1998). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokulturologicheskii aspekty* (Russian Phraseology: semantic, pragmatic and cross-cultural aspects). М.: Shkola 'Yazyki russkoi kul'tury'. (In Russ.)]
- Hanks, William F., Ide, S., and Katagiri, Y. Toward an emancipatory pragmatics. Introduction to the Special issue // *Journal of Pragmatics*. 2009. 41. P. 1—9.
- Kecskes, Istvan (2010). The paradox of communication: Socio-cognitive approach to pragmatics. *Pragmatics and Society*. 2010. № 1. P. 50—73.
- Kecskes, Istvan (2014). *Intercultural Pragmatics*. Oxford: Oxford University Press.
- Leontovich, Olga (2015). Word and Image in Search of Each Other: Intersemiotic Translation of Narratives from an Intercultural Perspective // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. Issue 200C, 2015. P. 295. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042815047151> (Date of Access: 11 September 2017).
- Mustajoki, Arto (2012). A speaker-oriented multidimensional approach to risks and causes of miscommunication. *Language and Dialogue*. 2012. T. 2. P. 216—243.
- Mustajoki, Arto (2013). Risks of miscommunication in various speech genres // *Understanding by Communication*, ed. by E. Borisova, O. Souleimanova. Cambridge: Cambridge Scholar Publ. P. 33—53.
- Mustajoki, Arto (2017). Why is miscommunication more common in everyday life than in lingua franca conversation? In: *Current Issues in Intercultural pragmatics* (Pragmatics and Beyond New Series), ed. by I. Kecskes, S. Assimakopoulos. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2017. P. 55—74.
- Muth, Sebastian (2017). Russian Language Abroad: Viewing Language through the Lens of Commodification. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (3), 463—492. doi 10.22363/2312-9182-2017-21-2-463-492.

- Ponton, Douglas, Larina, Tatiana (2016). Discourse Analysis in the 21-th Century: Theory and Practice (I). *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 7—25.
- Ponton, Douglas, Larina, Tatiana (2017). Discourse Analysis in the 21-th Century: Theory and Practice (II) *Russian Journal of Linguistics*, 21 (1), 7—21.
- Senft, Gunter (2014). *Understanding Pragmatics*. London: Routledge, 2014.
- Wiegand, Edda. Paradigm changes in linguistics: from reductionism to holism // *Language Sciences*. 2011. Т. 33. С. 544—549.
- Snell, Julia, Sara Show and Fiona Copland (Eds.) (2015). *Linguistic Ethnography: Interdisciplinary Explorations* (Palgrave Advances in Language and Linguistics) Palgrave Macmillan.

Для цитирования:

Иванова С.В., Борисова А.С. Лингвистика сегодня: от интердисциплинарности к трансдисциплинарности («III Фирсовские чтения. Лингвистика в XXI веке: междисциплинарные парадигмы», Москва, 14—15 ноября 2017 г.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 1. С. 215—222. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-215-222.

Сведения об авторах:

ИВАНОВА СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА — доктор филол. наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, член редколлегии журнала *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика / Russian Journal of Linguistics*. Сфера научных интересов: лингвокогнитология, лингвокультурология, дискурс-анализ текстов СМИ, политическая лингвистика, гендерная лингвистика, теория текста. *Контактная информация:* e-mail: svet_victoria@mail.ru

БОРИСОВА АННА СТЕПАНОВНА — кандидат филол. наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН, ответственный секретарь журнала *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика / Russian Journal of Linguistics*. Сфера научных интересов: язык и культура, межкультурная и межэтническая коммуникация, лингвокультурология, дискурс-анализ, гендерная лингвистика. *Контактная информация:* e-mail: borissovaa_anna@mail.ru

For citation:

Ivanova, Svetlana and Borissova, Anna (2018). Linguistics today: from interdisciplinarity to transdisciplinarity (The 3^d Annual Firsova Readings. Moscow, Russia, 14—15 November 2017). *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 215—222. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-215-222.

Bionotes

SVETLANA V. IVANOVA is Full Professor at Pushkin Leningrad State University, member of the Editorial Board of the *Russian Journal of Linguistics*. *Research Interests:* Cognitive Linguistics, Cultural Linguistics, Discourse Analysis of Mass Media, Gender Studies, Political Linguistics. *Contact information:* e-mail: svet_victoria@mail.ru

ANNA S. BORISSOVA is Associate Professor at RUDN University, the Executive Secretary of the *Russian Journal of Linguistics*. *Research Interests:* Language and Culture, Intercultural Communication, Cultural Linguistics, Discourse Analysis, Gender Studies. *Contact information:* e-mail: borissovaa_anna@mail.ru